КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

1902 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. БОРЬБА ШКОЛЬНЫХЪ ВЛІЯНІЙ ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ. *К. Харламповича.* . . . . 1—76

II. ПИСЬМА Н. В. ЗАКРЕВСКАГО КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. Съ пред. свящ. *І. Гордіевскаго* . . . 77—94

III. КЪ ИСТОРІИ ТЕКСТА „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“. *В. Шенрока* . . . . . 95—110

IV. ПОЛТАВА ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. (Очерки по архивнымъ даннымъ съ рисунками). *И. Ф. Павловскаго.* 111—164

V. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ . . . . . 165—192

VI. ЖЕРТВЫ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ. (Анатоль Свыдницькый. „Любораньки“. Семейна хроника). *Ф. Матушевскаго* . . . . . 193—226

VII. СЫЛА И КРАСА. Оповиданнѣ. *В. Винниченка.* . . . 227—281

VIII. ПАМЯТИ В. В. ТАРНОВСКАГО, А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО И Н. В. ШУГУРОВА (Къ рисунку). . . . . 282—292

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ вводилось оспопрививаніе въ Уманскомъ уѣздѣ сто лѣтъ назадъ. *В. Іоманицкаго;* б) Священникъ, преданный суду за возмущеніе крестьянъ гр. Разумовскаго. Сообщ. *П. Китицынъ;* в) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. *И. Ф. Павловскій;* г) Прошеніе нѣжинскихъ купцовъ и мѣщанъ о воспрещеніи польскимъ и австрійскимъ евреямъ розничной торговли на ярмаркахъ въ Малороссіи, 1797 г. въ іюлѣ; д) Посѣщеніе Кіева императрицею Александрою Ѳеодоровною въ сентябрѣ 1828 г. Сообщ. *А. Мёрдеръ;* е) Описаніе встрѣчи Ея И. В. Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ея Имп. Высоч. великія княжны Маріи Николаевны. Сообщ. *А. Мёрдеръ;* ж) По поводу „Новаго народнаго обычая“. *Г. Ков.-Кол.;* з) „Изъ харьковскаго прошлаго“. . . . .

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 25—35

КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ ХАРЬКОВѢ. 36—43

II БИБЛІОГРАФІЯ: а) Александръ Яблоновскій. Очеркъ исторіи Кіево-могилянской академіи въ связи съ общимъ развитіемъ западной цивилизаціи на Руси. *К. Харламповича;* б) Статистическое Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Статистическій ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго Земства. *Л. С. Л.;* в) Статистическое Бюро Полт. Губ. Земства Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1900 г. (по сообщеніямъ корреспондентовъ). *Л. С. Л.;* г) В. Т. Лясковскій. Гильомъ Левассеръ-де-Боплань и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи. *В. К. Б;* Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 44—92

9-го іюля скончался въ Кіевѣ одинъ изъ нашихъ ближайшихъ сотрудниковъ

Алексѣй Александровичъ

Андріевскій,

много поработавшій для изученія прошлаго нашего края.

Въ виду того, что настоящая книжка ко времени смерти покойнаго была уже набрана, мы помѣстимъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. А. Андріевскаго въ слѣдующей книжкѣ журнала.

Борьба школьныхъ вліяній въ до-петровской Руси.

Въ исторіи до-петровской школы особенно выдвигаются два момента, когда столкнулись между собой греческое и латинское или латино-польское педагогическія вліянія (такъ какъ о нихъ, главнымъ образомъ, идетъ здѣсь рѣчь),—въ концѣ XVI—началѣ XVII в. въ западной Россіи и въ концѣ XVII ст.—въ московской. Въ этихъ двухъ столкновеніяхъ нельзя не замѣтить аналогичныхъ чертъ. Какъ въ западной, такъ и въ восточной Руси борьба школьныхъ вліяній была только одной изъ сторонъ борьбы двухъ культуръ—византійской и латинской, пытавшихся подчинить себѣ Русь. Какъ тамъ, такъ и здѣсь школьный вопросъ получилъ особое значеніе потому, что былъ вызванъ и связанъ съ религіозными мотивами. Религіозная именно пропаганда протестантовъ и католиковъ произвела въ западной Россіи въ 80-хъ годахъ XVI ст. такое умственное оживленіе, что догматическими вопросами заинтересовались даже женщины, которымъ, по выраженію Гер. Смотрицкаго, приличнѣе заниматься пряжей и веретеномъ, чѣмъ—что написано перомъ. Ровно черезъ сто лѣтъ на Москвѣ вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ вызвалъ въ обществѣ такой живой интересъ, что имъ, по словамъ патр. Іоакима (Остенъ, Казань—1865 г., 115. 116), занялись не только мужи, но и жены съ дѣтьми; онъ породилъ даже особую хлѣбопоклонную ересь, вслѣдствіе того, между прочимъ, что за одной изъ спорившихъ сторонъ виднѣлись поселившіеся въ Москвѣ іезуиты, да и

протестанты, казалось, были не совсѣмъ безучастны къ нему. Съ 80-хъ годовъ XVI ст. въ западной Руси устраивается рядъ школъ съ греческимъ характеромъ, но не чуждымъ латинской наукѣ и польской образованности; то и другое направленіе, то мирно уживаясь, то борясь другъ съ другомъ и съ русской національной педагогіей, чрезъ полстолѣтіе совмѣщаются въ кіево-могилевской коллегіи такимъ образомъ, что преобладаніе получила латино-польская школьная система съ отведеніемъ для греческаго языка и науки незначительнаго сравнительно мѣста. И въ московской Руси, послѣ того, какъ протесты представителей стариннаго русскаго воспитанія и образованія показали его несостоятельность, споръ о преимуществахъ латинской и греческой образовательной системы сопровождался устройствомъ—въ 80-хъ годахъ XVII ст.—латинской школы Сильвестра Медвѣдева и типографскаго греческаго училища, слившихся въ славяно-греко-латинской академіи, которая превратилась въ 1701 г. въ «латинскія школы». На западѣ восточное вліяніе поддерживалось греками, западное же проводилось самими русскими; такое же равновѣсіе силъ было и въ Москвѣ: на одной изъ боровшихся сторонъ стояли тѣ же восточные греки, на другой—преимущественно малороссы и бѣлоруссы.

I.

Какъ на западной, такъ и на восточной аренѣ борьба возникла не вдругъ,—она подготовлялась въ теченіе длиннаго періода исторической жизни русскаго народа, въ развитіи которой сыграла значительную роль Византія. Въ частности, школьное греческое вліяніе можно слѣдить, хотя въ слабой степени и съ большими перерывами, со времени св. князя Владиміра, съ котораго ведетъ начало исторія нашего школьнаго просвѣщенія.

Эта исторія открывается слѣдующимъ извѣстіемъ Лаврентьевской лѣтописи подъ 988 годомъ: «и нача (кн. Владиміръ) ставити по градамъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитое

чади дѣти (т. е. дѣтей изъ высшихъ классовъ общества) и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но яко по мертвеци плахахуся». Какъ ни понимать это свидѣтельство—видѣть ли тутъ раздачу дѣтей частнымъ учителямъ, учрежденіе училищъ, и самыя училища признавать ли чисто духовными, или общеобразовательными,—несомнѣнно, что первыми нашими учителями были греки, такъ какъ это свидѣтельство стоитъ въ связи съ сообщеніемъ о переводѣ Владиміромъ поповъ изъ Корсуня. Самый походъ Владиміра подъ Корсунь, обставленный въ первоначальной лѣтописи не совсѣмъ естественно, очень правдоподобно можетъ быть объясненъ желаніемъ князя пересадить къ намъ греческое просвѣщеніе и греческую культуру.

Историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій не сомнѣвается, что попытка кн. Владиміра дѣйствительно водворила у насъ просвѣщеніе, хотя и ненадолго. Доказательства существованія его у насъ г. Голубинскій видитъ прежде всего въ свидѣтельствѣ лѣтописи (Лаврентьевской подъ 1037 г.): «Ярославъ же... любимъ сѣ книгамъ... книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне, и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на словѣньское писмо и списаша книгы многы»,—которому авторъ придаетъ тотъ смыслъ, что «переводомъ съ греческаго Ярославъ занимался самъ». Но самъ ли Ярославъ переводилъ греческія книги, или чрезъ другихъ—близость его къ греческимъ источникамъ науки и просвѣщенія несомнѣнна. Еще яснѣе мысль проф. Голубинскаго подтверждаетъ сынъ Ярослава Всеволодъ, знавшій, по свидѣтельству сына его, Владиміра Мономаха, пять языковъ, которые онъ изучилъ «сидя дома». Историкъ, предполагая, что изъ этихъ пяти языковъ два—варяжскій и половецкій—изучены Всеволодомъ практически и для практическихъ цѣлей, замѣчаетъ, что не было ему нужды изучать остальные три иностранные языка (одинъ изъ нихъ—греческій) и что, слѣдовательно, князь изучилъ ихъ по чувству любознательности [1]). Затѣмъ, безъ допущенія существованія у насъ просвѣ-

[1]) Подъ этими пятью языками иные разумѣютъ греческій, латинскій, нѣмецкій, венгерскій и половецкій; другіе—греческій, скандинав-

щенія, хотя и кратковременнаго, не могли бы быть объяснены такіе факты, какъ слово о законѣ и благодати м. Иларіона и риторическія слова еп. Кирилла Туровскаго. Слово митроп. Иларіона, родомъ русскаго, «есть самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, съ которою изъ новыхъ рѣчей идутъ въ сравненіе только рѣчи Карамзина... Съ совершеннымъ ораторскимъ умѣніемъ и искусствомъ сдѣлано общее расположеніе слова; о совершенномъ знаніи ораторства, какъ школьной науки, свидѣтельствуетъ отдѣлка всѣхъ частностей, гдѣ все отдѣлано отлично, гдѣ нѣтъ ничего лишняго и гдѣ съ совершеннымъ ученымъ умѣніемъ употреблены въ дѣло всѣ внѣшніе ораторскіе ресурсы». Точно также представляется несомнѣннымъ, что Кириллъ Туровскій «былъ человѣкъ, получившій настоящее образованіе, и что онъ есть писатель и ораторъ не самоучка, лишенный всякаго школьнаго подготовленія, какъ всѣ другіе наши писатели (за исключеніемъ Иларіона), но писатель и ораторъ въ собственномъ смыслѣ образованный и изучавшій науку ораторства, представляющій изъ себя то же, что современные ему образованные писатели и ораторы греческіе»... [1])

Программу школьнаго и домашняго образованія въ Греціи X—XII в. в. составляли: богословіе, философія, риторика, правовѣдѣніе, ариѳметика, геометрія, грамматика, и эти предметы всего болѣе разрабатывались греками того времени. Но, за исключеніемъ названныхъ примѣровъ, мы не знаемъ случаевъ, когда бы греческая наука сдѣлалась достояніемъ русскихъ въ цѣломъ ли своемъ объемѣ, или въ той или въ другой части. Это и понятно, если обратить вниманіе на упадокъ знаній и научнаго духа въ это время въ самой Греціи. Вотъ какъ характеризуетъ одинъ

скій, половецкій, венгерскій и русскій; иные—болгарскій, казарскій, ясскій, касожскій, обезскій; польскій, литовскій, корельскій, финскій (М. Сухомлиновъ, Объ языкознаніи въ древней Россіи. Ученыя Записки 2-го отдѣленія Императ. Акад. Наукъ, кн. I (1854), 200, 201).

[1]) Голубинскій, Исторія русской церкви. т. I, 1-я половина, изд. 2 (М., 1901), 701—709, 795—803.

ученый состояніе греческой науки этого періода: «облеченная въ сухія отвлеченныя формы, она существовала отдѣльно отъ жизни, почти не касаясь живыхъ современныхъ интересовъ общества. Утонченная діалектика въ области богословія, искусственныя и пустыя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго краснорѣчія,—вотъ что болѣе всего составляло ученыя занятія византійскихъ грековъ» [1]). Съ другой стороны, попытка Владиміра пересадить къ намъ греческую науку и потому не удалась, что для послѣдней у насъ не было готовой почвы, какъ это было на западѣ въ вѣкъ Карла великаго и затѣмъ въ періодъ возрожденія. «На западѣ просвѣщеніе и его духъ, строго говоря, не умирали, а только значительно падали; живая традиція просвѣщенія тамъ совершенно никогда не прерывалась, но какъ ни близко доходило до опасности совершенно прерваться и угаснуть, все таки продолжала сохраняться» [2]). Потому то тамъ въ концѣ среднихъ вѣковъ случилось, что философскія и классичесмія византійскія воздѣйствія, давъ толчокъ къ возбужденію самодѣятельности, послужили только матеріаломъ для усиленнаго научнаго движенія, которое раздвинулось гораздо шире этихъ воздѣйствій [3]). Мы же по отношенію къ грекамъ были народъ совершенно новый и чужой, у насъ не было ни малѣйшей тѣни подобныхъ вліяній византійской учености. При отсутствіи у насъ интереса къ греческой наукѣ и доброй воли усваивать ее, въ неудачѣ попытки Владиміра имѣли, наконецъ, значеніе форма обученія, заимствованная у грековъ, и недостатокъ правительственнаго контроля. «Послѣ похода корсунскаго Владиміръ,—объясняетъ Е. Е. Голубинскій,—привелъ съ собою изъ Греціи ученыхъ людей и учителей, но онъ не соединилъ ихъ въ одно училище и не образовалъ изъ нихъ такового, а оставилъ каждаго изъ нихъ

---

[1]) Н. Лавровскій, О древне-русскихъ училищахъ (Харьковъ, 1854), 72—73.

[2]) Е. Голубинскій, о. с., 717.

[3]) А. Пыпинъ, Исторія русской литературы, I (Спб., 1898), 47, 48.

отдѣльнымъ и свободнымъ или, такъ сказать, вольно-практикующимъ профессоромъ и роздалъ имъ на ученье, какъ именно это прямо и буквально говоритъ и лѣтопись, набранныхъ имъ дѣтей боярскихъ. Эта то форма не казенныхъ училищъ, а частнаго обученія и была, какъ необходимо думать, причиной того, что просвѣщеніе, такъ сказать, только прошло чрезъ насъ, какъ вода чрезъ рѣшето» (ibid., 711).

Впрочемъ, недостатка въ частныхъ учителяхъ въ первые 2—2½ вѣка христіанства на Руси не было. Въ свитѣ митрополитовъ и епископовъ—грековъ всегда могли найтись люди образованные, имѣвшіе желаніе преподавать охотникамъ изъ русскихъ греческую грамоту и тѣ или другіе предметы греческой школьной системы (даже въ отдѣльныхъ краяхъ Россіи, какъ Новгородъ и Псковъ, встрѣчаются греки, не чуждые образованія [1]). Такой частный наставникъ нашелся въ Туровѣ или Кіевѣ для св. Кирилла и обучилъ его греческому языку [2]) и риторическому искусству. Такимъ же, вѣроятно, учителемъ былъ въ половинѣ XII в. въ Смоленскѣ нѣкто Григорій, у котораго «изучилъ всю словесъ грамоту» греческую смоленскій пресвитеръ Ѳома [3]). Но «ни по чему нельзя предполагать, говоритъ А. Н. Пыпинъ, чтобы это ученье было пріобрѣтаемо въ какой-либо правильной школѣ; это было единоличное ученіе у отдѣльныхъ учителей и потому было случайно. Что были люди, изучавшіе подобнымъ образомъ греческій языкъ и церковно-греческую литературу,

---

[1]) Изъ нихъ два выступаютъ, какъ кандидаты въ новгородскіе архіепископы, одинъ—какъ георгіевскій игуменъ; четвертаго псковичи посылаютъ посломъ къ новгородскому князю (1 новгород. лѣтопись подъ 1192, 1226, 1228 и 1229 годами).

[2]) Нѣкоторые отрицаютъ знакомство Кирилла съ греческимъ языкомъ, напр. Н. К. Никольскій (Журналы Совѣта Спб. дух. академіи за 1901 уч. годъ, 214.—Хр. чт. 1901, окт.).

[3]) Посланіе м. Климента Смолятича къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ (въ сочиненіи Н. Никольскаго: «о литературныхъ трудахъ м. Климента Смолятича», Спб., 1892).

можно видѣть изъ состава древнѣ-русской литературы, въ которой обширное мѣсто занимаютъ именно разнообразные переводы съ греческаго» (ibid., 79).

Такимъ образомъ въ древней, до-монгольской Руси въ области педагогической проявлялось вліяніе греческое, благодаря тѣмъ церковнымъ, политическимъ и литературнымъ отношеніямъ, которыя связывали насъ съ Византіей, но при отсутствіи правильно поставленныхъ школъ оно не укрѣпилось и имѣло приложеніе только въ немногихъ, сравнительно, случаяхъ частнаго, домашняго обученія. Никакимъ другимъ школьнымъ вліяніямъ мѣста тогда не было.

Предметомъ такого же случайнаго, а не систематическаго воздѣйствія греческой образованности служила Русь и въ монгольской періодъ. И послѣ приходится только удостовѣрять отдѣльные случаи знакомства русскихъ съ греческимъ языкомъ. Къ XIV в. относится чудовская рукопись Новаго Завѣта—новой славянской редакціи, совершенной, по преданію XVII в., свят. Алексіемъ-митрополитомъ [1]). Русскому же принадлежитъ исправленный по греческому оригиналу текстъ Евангелія, дошедшій до насъ въ константинопольскимъ спискѣ 1383 г.

Новое доказательство знакомства русскихъ въ XIII—XIV в.в. съ греческимъ языкомъ заключается въ житіяхъ царевича ордынскаго Петра и св. Стефана пермскаго. Первое разсказываетъ, что царевичъ Петръ, придя съ еп. ростовскимъ Кирилломъ († 1262) въ Ростовъ, слышалъ здѣсь, въ церкви пресв. Богородицы, «пѣнія доброгласная, якоже (аки) ангельская: (бѣ бо) тогда (въ церкви пресв. Богородицы) лѣвый крылосъ грѣчески(і)й пояху, а пра-

---

[1]) Редакція перевода сдѣлана по греческой рукописи, съ буквальной къ ней близостью. Показаніе объ авторѣ перевода, оспариваемое акад. Соболевскимъ (Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в.в.), подтверждается спеціальной статьей проф. Муретова (богосл. вѣстн.. 1898, I). Ср. Голубинскаго, т. II, пол. I, стр. 218—221.

вый рускый(скій)» [1]). И Буслаевъ (Историческіе очерки русской словесности и искусства), и Ключевскій (Древне-русскія житія святыхъ) объяснили происхожденіе легенды о царевичѣ Петрѣ, но ни тотъ, ни другой не усомнились въ вѣроятности сообщенія о греческомъ пѣніи. Но Голубинскій старое пониманіе этого извѣстія въ томъ смыслѣ, что пѣніе на лѣвомъ клиросѣ было греческимъ по тексту, признаетъ «до крайней степени смѣшнымъ». «Неужели думаютъ, спрашиваетъ онъ, что въ пономари ростовскаго собора были ставимы люди, знающіе греческій языкъ, и что въ рукахъ у нихъ былъ кругъ греческихъ богослужебныхъ книгъ?» Самъ онъ предлагаетъ «понимать свидѣтельство житія иначе, нежели какъ оно обыкновенно понимается, именно—разумѣть его не объ языкѣ, а о напѣвѣ». Но, кажется, еще не доказано, чтобы въ XIII вѣкѣ существовало особое русское пѣніе, которое противополагалось бы греческому. Тогда употреблялось два распѣва—греческій, такъ называемое кондакарное пѣніе, вышедшее изъ употребленія въ XV в., и знаменный или греко-славянскій (греко-болгарскій); послѣдній только къ XVII вѣку обособился въ національный распѣвъ, въ «русское пѣніе», а его нотные знаки стали называться «россійскимъ крюковымъ знаменемъ» [2]). Слѣдовательно, въ житіи царевича Петра рѣчь идетъ не о напѣвѣ греческомъ (по гречески пѣли и на правомъ клиросѣ), а о текстѣ. Г. Голубинскій допускаетъ, что «самъ еп. Кириллъ или кто-нибудь изъ его предшественниковъ завелъ, чтобы въ ростовскомъ соборѣ въ дни архіерейскихъ служеній или вообще въ

---

[1]) Правосл. собесѣдникъ, 1859, I, 362; ср. выдержки изъ житія у м. Макарія, IV, 339, 340 и текстъ по рукописи сборника ростовскаго собора въ книжкѣ «Ярославская іерархія въ описаніи протоіер. Троицкаго», съ предисловіемъ А. Титова, вып. I (Ярославль, 1901), стр. 29. Интересно, однако, что цитуемаго мѣста нѣтъ въ напечатанной тутъ же редакціи житія по рукописи толгскаго монастыря. Жаль, что издатель не обозначилъ времени написанія житій и не описалъ сборниковъ, откуда они извлечены.—Житіе извѣстной доселѣ редакціи появилось въ XIV вѣкѣ.

[2]) Дим. Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи (1867, Москва), 111, 153, 155.

дни праздничные, для большей торжественности, пѣты были на лѣвомъ клиросѣ: «Господи, помилуй» и «Подай, Господи», или же только одно первое, не по-славянски, а по-гречески: вотъ то единственное, что можетъ быть предполагаемо (не выходя изъ границъ здраваго разума) о знаменномъ пѣніи въ ростовскомъ соборѣ (т. II, первая половина тома (1900, М.), 268, прим.). Но въ виду сказаннаго о напѣвахъ не только можно, но и нужно допустить большее, чѣмъ допускаетъ проф. Голубинскій, иначе авторъ житія не противополагалъ бы греческаго пѣнія русскому. Одно «Господи, помилуй» по-гречески умѣли пѣть не только дьяки, но и народъ, какъ это видно изъ разсказа ипатской лѣтописи о звенигородцахъ, взывавшихъ «Куріи елисонъ» при освобожденіи отъ враговъ въ 1146 г., и о войскахъ кіевскаго князя Изяслава, восклицавшихъ «Кирелѣисонъ», когда князь былъ найденъ на полѣ битвы живымъ (1151 г. П. С. Р. Л., II, 22, 64).

Изъ житія св. Стефана Пермскаго узнаемъ, что онъ въ половинѣ XIV в. въ Ростовѣ, въ монастырѣ Григорія Богослова, научился греческой грамотѣ, говорить по-гречески, читать греческія книги и переводить ихъ [1]).

Что въ Ростовѣ XIII—XIV вѣковъ могло существовать греческое пѣніе и ученіе, это подверждается и отношеніями Ростова къ Царьграду. Въ мѣстныхъ сказаніяхъ о святыхъ ростовскихъ просвѣтителяхъ-епископахъ Леонтіи, Исаіи и преп. Аврааміи изслѣдователи нашли желаніе связать церковную святыню Ростова не только съ Кіевомъ, но съ самимъ Царьградомъ. «По легендѣ, Ростовъ просвѣщается христіанствомъ непосредственно изъ Царьграда: самъ патріархъ «много печаль имѣетъ» о далекомъ упрямомъ Ростовѣ и долго ищетъ для него «твердаго пастуха»,—таковой нашелся въ Леонтіи, который ѣдетъ изъ Царьграда прямо въ Ростовъ, не вступая въ сношенія съ Кіевомъ и его митрополитомъ. Подобная черта—указаніе на прямую связь Ростова съ Царьградомъ—замѣтна и въ житіи Авраамія, и это сопоставляютъ

---

[1]) Памятники старинной русской литературы, IV. О времени написанія житія св. Стефана—у Ключевскаго, 92.

съ исторически извѣстной тенденціей Ростова къ независимости отъ кіевской митрополіи». Ѳеодоръ, ростовскій епископъ, съ помощью котораго Андрей Боголюбскій хлопоталъ объ отдѣленіи ростовской каѳедры отъ Кіева, очень гордился тѣмъ, что получилъ хиротонію въ Константинополѣ; онъ не принялъ благословенія отъ кіевскаго митрополита и, по словамъ лѣтописи, говорилъ: «не митрополитъ меня поставилъ, но патріархъ въ Царьградѣ; такъ отъ кого еще другого искать мнѣ наставленія и благословенія?» [1]). Быть можетъ, эти именно отношенія Ростова къ Константинополю и притязанія на непосредственную зависимость отъ него помогутъ объяснить преимущественное сохраненіе въ Ростовѣ греческихъ учителей и книгъ въ XIII и XIV вѣкахъ. Не даромъ одна изъ редакцій житія св. Леонтія заявляетъ, что онъ «россійскій и *греческій* языкъ добрѣ разумѣяше, книгамъ же россійскимъ и греческимъ вельми хитрословесенъ и сказатель отъ юности бывъ» [2]).

Если исключить Ростовъ, то оскудѣніе греческаго ученія на Руси падаетъ преимущественно на XIV и XV в. Кромѣ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ Россіи и ослабленія церковныхъ связей между ею и Византіей, это обусловливалось и тѣмъ, что оно оскудѣло и въ самой Греціи. Уже нѣсколько вѣковъ греки жили только процентами съ научнаго наслѣдія предковъ. Долго же продолжавшійся упадокъ умственной и литературной производительности грековъ, въ связи съ политическими невзгодами, кончившимися паденіемъ Константинополя, подорвали и умственные интересы грековъ и возможность ихъ удовлетворенія, такъ какъ и ученые люди, и манускрипты мало по-малу переходили изъ Византіи на западъ. Оттуда—писалъ въ XV в. Эней Сильвій—намъ переданы многія рукописи древнихъ мудрецовъ,—надѣемся, что и въ будущемъ многія перейдутъ къ намъ». Такъ и случилось, и на умственномъ именно банкротствѣ грековъ рас-

---

[1]) Ключевскій, о. с., 18—21. Пыпинъ, I, 327, 328. Выясненіе этой исторіи—у Голубинскаго, I, изд, II, 439—443.

[2]) М. Макарій, т. II, (2 изд.), 331.

цвѣло пышнымъ цвѣтомъ западное возрожденіе наукъ и искусствъ,—«музы оставили Грецію и переселились въ Германію», какъ писалъ въ 1576 г. Ѳеодосій Зигомала. Но этотъ расцвѣтъ въ XVI в. произвелъ умственное оживленіе въ самой Греціи, которая стала наполняться учениками западно-европейскихъ, преимущественно итальянскихъ (Венеція, Падуя, Римъ) школъ. «Чистый классическій языкъ,—писалъ въ 1575 г. Давидъ Хитрей, ростокскій профессоръ богословія, своему тюбингенскому коллегѣ Мартину Крузію,—нѣкоторые греки изучаютъ въ Италіи и, воротившись домой, сами учатъ ему. Другіе принимаютъ его отъ родителей, какъ бы чрезъ нѣкоторую передачу руками, иные, напоенные грамматическими правилами Кон. Ласкариса, постояннымъ чтеніемъ научаются понимать весьма многое у отцовъ, каковы митрополиты и нѣкоторые монахи». Изъ письма же къ Крузію его константинопольскаго корреспондента Зигомалы узнаемъ, что послѣдній насчитывалъ въ Греціи въ свое время больше семидесяти «дидаскаловъ мудрыхъ». Въ Греціи искалъ учителей для основываемой въ Римѣ аоанасіевской коллегіи папа Григорій XIII (что, прочемъ, объясняется отчасти его стремленіемъ снискать у грековъ довѣріе къ этой уніатской семинаріи). Въ константинопольской патріаршей школѣ XVI вѣка, какъ и въ другихъ греческихъ училищахъ, главными предметами занятій были: грамматика, риторика съ піитикой, діалектика и философія Аристотеля (а также его астрономія и нѣкоторыя свѣдѣнія по физикѣ), ѳика. Читались и объяснялись древніе поэты и риторы: Гезіодъ, Гермогенъ, Аммоній. Изучалось и богословіе и св. отцы [1]).

Чрезъ Грецію возрожденіе наукъ отразилось и въ Россіи, на которую съ другой стороны—съ запада—стало дѣйствовать и непосредственно. Такимъ образомъ, только съ этого времени от-

---

[1]) Факты, характеризующіе постановку школьнаго дѣла въ Греціи, а также въ западной Россіи до Петра Могилы, собраны въ нашей книгѣ: «Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка» (Казань, 1898 г.). Туда отсылаемъ читателя и за цитатами.

крывается дверь двумъ вліяніямъ на нашу школу—греческому и латинскому. Бѣдна была тогда Русь своими собственными, русскими школами и не широка была ихъ программа: славянское чтеніе, пѣніе, письмо—составляли всю образовательную силу ея, начетчество же было высшимъ выраженіемъ тогдашней учености. И вотъ на этой то основѣ, съ пробужденіемъ умственныхъ интересовъ въ русскомъ обществѣ, и произошло столкновеніе двухъ просвѣтительныхъ теченій—византійскаго и западно-европейскаго.

II.

Столкновеніе это произошло раньше въ западной Россіи, которая стояла ближе и къ Греціи, и къ Европѣ географически и въ другихъ отношеніяхъ. Политическая связь съ Польшей давала западнорусcамъ возможность знакомиться съ европейскимъ просвѣщеніемъ. И уже въ XV в. мы встрѣчаемъ среди баккалавровъ и студентовъ краковскаго университета (въ то время одного изъ лучшихъ въ Европѣ) немало русскихъ уроженцевъ не только ближайшихъ къ Кракову городовъ—Перемышля, Люблина, Бреста, но и болѣе отдаленныхъ—Пинска, Вильны и вообще Литвы. Извѣстнѣе всѣхъ ихъ былъ Францискъ Скорина изъ Полоцка, докторъ свободныхъ наукъ и медицины, получившій первую степень въ Краковѣ, а вторую въ Падуѣ въ 1512 г. Затѣмъ въ половинѣ XVI ст. научные и педагогическія успѣхи протестантовъ въ Германіи и въ самомъ польско-литовскомъ государствѣ двинули въ преобразованныя и новооткрытыя протестантскія школы цѣлые кадры русскихъ юношей и еще ближе познакомили ихъ съ западно-европейской наукой. [1]) Наконецъ, въ 1565 г. въ поль-

[1]) Изъ нѣмецкихъ протестантскихъ школъ особенно извѣстны были въ зап. Россіи университеты Виттенберга, Лейпцига, Женевы, Кролевца (Кенигсберга), гимназіи страсбургская, гольберская, торнская, данцигская, эльбинская. Изъ польско-литовскихъ наиболѣе посѣщались виленскія гимназіи (лютеранская и кальвинская), дубецкая, любартовская, хмѣльницкая, раковская.

ско-литовскомъ государствѣ открываются одна за другой іезуитскія коллегіи, [1]) послужившія для русскихъ новымъ источникомъ знакомства съ европейской наукой. И въ протестантскихъ, и въ католическихъ школахъ наука эта была одинакова: латинская и греческая грамматика, риторика и піитика, сопровождавшіяся чтеніемъ, разборомъ, заучиваніемъ классическихъ авторовъ, направленнымъ къ умѣнію говорить и писать по-латыни и по-гречески, не только прозой, но и стихами; діалектика, а въ нѣкоторыхъ училищахъ и другія части философіи; немного математики, еще меньше естествовѣдѣнія и, само собой разумѣется, вѣроученіе съ правоученіемъ.

Послѣднее, въ связи со всѣмъ школьнымъ строемъ, дѣлало иновѣрное образованіе настолько опаснымъ для православныхъ западнорусовъ, что они очень скоро пришли къ сознанію необходимости устроить собственныя училища съ программой, нѣсколько соотвѣтствующей иновѣрнымъ, но съ другимъ духомъ, съ другими источниками свѣдѣній, съ другими учителями и руководствами. Сознаніе это въ 70—80-хъ годахъ выразилось прежде всего въ усиленіи образовательныхъ сношеній съ Греціей. Сношенія западнорускої церкви съ греческой въ XV—XVI в. были вообще оживленнѣе и правильнѣе, чѣмъ восточнорусской, и знаніе греческаго языка держалось прочнѣе, чѣмъ въ московской Руси. Кн. Курбскому на Волыни не такъ трудно было найти знатоковъ греческаго языка. Не безъ вліянія тутъ было, конечно, пребываніе множества грековъ въ Острогѣ и Львовѣ, гдѣ они заселяли цѣлыя улицы. Курбскій расширилъ путь греческому вліянію, завязавши ученыя сношенія съ Аѳономъ и, очевидно, съ Константинополемъ. По этому же пути пошелъ кн. К. К. Острожскій, искавшій въ греческихъ монастыряхъ и у константинопольскаго патріарха исправныхъ редакцій библій и людей, знающихъ греческій (и славянскій) языкъ. На востокѣ же онъ искалъ и учителей для открытой въ Острогѣ предъ 1580 г. школы. Таковъ,

---

[1]) Въ Браунсбергѣ и Пултускѣ, потомъ въ Вильнѣ, Ярославлѣ, Замостьѣ, Полоцкѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Люблинѣ, Несвижѣ.

напр., былъ Никифоръ, впослѣдствіи предсѣдатель брестскаго православнаго собора 1596 г. [1]). Питомецъ падуанскаго университета, онъ предъ 1575 г. около 10-ти лѣтъ состоялъ тамъ профессоромъ и даже «ректоромъ наукъ Еллинскихъ и Грецкихъ», при чемъ у него учились нѣкоторые польскіе паны («съ Польшы панята слухали наукъ его»). Затѣмъ онъ былъ семь лѣтъ (до 1582 г.) проповѣдникомъ въ церкви св. Марка въ Венеціи и потомъ, по пріѣздѣ въ Константинополь, получилъ званіе протосингела и экзарха п. Іереміи и въ этомъ званіи направился въ 1583 г. въ Зап. Россію для улаженія безпорядковъ и утишенія волненій, возбужденныхъ иновѣрцами. Впослѣдствіи, въ 1597 г., Никифоръ заявилъ, что незадолго до того (лѣтъ за 10—15) онъ былъ приглашенъ кн. Острожскимъ въ основанную имъ въ Острогѣ школу и изъявилъ согласіе быть здѣсь дидаскаломъ. Не вѣрить этому нѣтъ основаній: князь могъ знать объ ученой и учебной правоспособности Никифора отъ его бывшихъ слушателей въ Падуѣ. [2]) Но въ этотъ разъ Никифору не удалось попасть въ Зап. Россію и его путешествіе закончилось Яссами. Интересно, что съ нимъ направлялся въ Россію въ качествѣ переводчика западноруссъ Ѳеодоръ спудей (σπουδαῖος—студентъ, учащійся), обучавшійся въ Константинополѣ греческому языку, богословію и «внѣшнимъ» (свѣтскимъ) наукамъ, съ цѣлью педагогической подготовки. П. Іеремія II предполагалъ послать на Русь съ этимъ Ѳеодоромъ, послѣ того какъ онъ усовершенствуется въ наукахъ, «и ина мужа упремудрена», чтобы юноши русскіе «причастились богословскимъ ученіямъ и могли противостать кознямъ еретическимъ». И это участіе восточныхъ святителей, и прямая цѣль устройства острожскаго училища—одинаковая съ учрежденіемъ типографіи, именно борьба съ «лютыми волками» невѣрія (что подтверждается

---

[1]) О немъ всего больше можно читать у П. Н. Жуковича въ «Сеймовой борьбѣ православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной уніей» (Спб., 1901. Страницы см. по указателю).

[2]) Можетъ быть, въ числѣ ихъ былъ двоюродный братъ Курбскаго кн. Михаилъ Оболенскій, учившійся два года въ Италіи.

и свидѣтельствомъ Поссевина), заставляютъ думать, что въ Острогѣ дѣйствительно учили греки и что греческій языкъ и греческая наука стояли тутъ очень высоко или, по крайней мѣрѣ, на первомъ мѣстѣ. И когда въ 1588 г. владимірскій епископъ Ѳеодосій Лазовскій съ капитулой рѣшили, по внушенію кн. Острожскаго, завести при соборѣ греко-славянскую школу съ двумя «бакалярами»,—острожская школа, очевидно, могла уже дать для послѣдней греческаго учителя. Послѣ кратковременнаго оскудѣнія острожской школы учеными силами, она опять поднимается, когда въ 1594 г. руководство ею перешло въ руки Кирилла Лукариса, а чрезъ два года въ ней принялъ непосредственное участіе протосингелъ Никифоръ. Хотя они оба учились въ итальянскихъ школахъ и Лукарисъ, повидимому, знакомилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ острожскихъ учениковъ съ Ѳомой Аквинатомъ, тѣмъ не менѣе усиленіе въ это время греческаго вліянія несомнѣнно. Тотъ же Кириллъ занимался съ двумя учениками Исагогикой Порфирія, Органомъ Аристотеля, исторіей Кедрина. Въ 1598—9 г.г. Острожская школа названа въ двухъ сочиненіяхъ «кгрецкой». И въ самомъ началѣ XVII в., когда кн. Константинъ рѣшился преобразовать свое училище, не безъ внушенія со стороны п. Мелетія Пигаса, онъ опять обратился въ Грецію за учителями. Проектъ князя былъ такъ широкъ, что, по одному современному свидѣтельству, въ будущую академію стали стремиться юноши даже изъ римской аоанасіевской коллегіи, «въ которой была сосредоточена вся греческая наука»... Совершенный же въ 1611 г. переводъ съ греческаго на славянскій языкъ полемической книги греческаго писателя, еп. Ѳеодора Авукара (IX в.)—«единымъ отъ спудеевъ училища острозскаго греко-славянскаго» — показываетъ, что Острожская школа до конца своихъ дней была выразительницей греческаго образовательнаго направленія.

Впрочемъ, острожское училище въ теченіе своего полувѣкового существованія отражало не разъ и западныя вліянія. Сношенія кн. Острожскаго съ папой, вызванныя желаніемъ получить и изъ «римскихъ предѣловъ» точные тексты библіи, закончились тѣмъ, что въ 1583 г. князь въ благодарственномъ

письмѣ Григорію XIII просилъ его прислать для острожской коллегіи ученыхъ и испытанныхъ людей—грековъ и греческой вѣры для перевода греческихъ книгъ на славянскій языкъ, или, если это окажется невозможнымъ, на латинскій. Хотя папа и не исполнилъ этой просьбы, не смотря на то, что «весьма охотно» обѣщалъ князю прислать для коллегіи ученыхъ грековъ (очевидно, питомцевъ аѳанасіевской коллегіи) и все, что покажется необходимымъ,—изъ письма Острожскаго видно, что у него все же были люди, знакомые съ латинскимъ языкомъ: вѣдь они, конечно, должны были переводить съ латинскаго на славянскій то, что ученые римскіе греки перевели бы съ греческаго на латинскій. Таковъ былъ Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, руководитель ученыхъ работъ по изданію библіи и, быть можетъ, первый ректоръ школы, знавшій славянскій и оба классическіе языка. Тогда же жили при дворѣ князя греки Москопулъ, учившійся въ Римѣ, и Палеологъ, внушившій Острожскому мысль о вызовѣ іезуитовъ въ его школу. Затѣмъ латинское—не вѣроисповѣдное, а ученое—вліяніе могли оказывать на острожскую школу тѣ греки и русскіе, которые учились въ учебныхъ заведеніяхъ Венеціи и Падуи и имѣли къ ней какое-либо отношеніе. Имѣемъ тутъ въ виду изъ грековъ Кирилла Лукариса и Никифора; изъ русскихъ іером. Кипріана. Можетъ быть, и краковскій профессоръ, докторъ медицины и философіи Іоаннъ Латосъ, одно время пользовавшійся пріютомъ въ Острогѣ, тоже привнесъ свою долю вліянія въ образовательную и воспитательную систему острожскаго училища.

Съ другой стороны, для насъ внѣ сомнѣнія, что послѣднее не стояло въ сторонѣ и отъ протестантской педагогіи. Извѣстно, съ какимъ одобреніемъ относился кн. Острожскій къ просвѣтительной дѣятельности протестантовъ, даже крайнихъ толковъ (социніанъ). О послѣднихъ онъ писалъ въ 1595 г. брестскому епископу Ипатію Потѣю: «Что касается съѣздовъ, то—чтобы были у насъ такіе же, какъ у тѣхъ, кого мы называемъ некрещенными людьми, аріанами, новокрещенцами, еретиками. Они, когда съѣдутся, дѣлаютъ постановленія и соблюдаютъ ихъ; очевидно, съѣзжаются они не для банкетовъ или пировъ, не для ин-

тригъ и козней, но для совершенія святыхъ и благочестивыхъ дѣлъ. Потому у нихъ повсюду школы, типографіи, госпитали, и безконечное множество проповѣдниковъ». Симпатіи кн. Острожскаго къ протестантамъ и высокое мнѣніе объ ихъ учености доходили до того, что онъ прибѣгалъ къ ихъ услугамъ въ литературной борьбѣ съ католиками. Такъ, по его порученію нѣкій Мотовилло, соцініанинъ, написалъ сочиненіе противъ латинянъ, которое не было напечатано только вслѣдствіе протеста А. М. Курбскаго. Впослѣдствіи такое же порученіе князь далъ другому протестанту Хр. Бронскому, издавшему подъ псеудонимомъ Хр. Филалета извѣстный Апокрисисъ. Поэтому вполнѣ допустимо увѣреніе латино-уніатскихъ писателей, что въ острожской школѣ преподавали протестанты, приглашенные княземъ изъ нѣмецкихъ еретическихъ коллегій. — Вліяніе католическихъ и протестантскихъ педагоговъ могло имѣть тотъ результатъ, что въ острожскую школу было введено преподаваніе латинскаго языка съ нѣкоторыми другими предметами. За это говоритъ уже поэма Пенкальскаго 1600 г. (опускаемъ болѣе раннія и позднѣйшія свидѣтельства), въ которой острожская школа названа «треязычной гимназіей, треязычнымъ лицеемъ». Эти названія, какъ и «коллегія» и «школа свободныхъ наукъ», довольно рѣшительно указываютъ не только на то, что въ Острогѣ преподавался латинскій языкъ, но и на то, что здѣсь осуществлялась та программа, какая была принята тогда во всѣхъ польскихъ и европейскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это грамматика, риторика и діалектика, составлявшія trivium или основную часть системы семи свободныхъ наукъ; ариѳметика, геометрія, музыка (пѣніе) и астрономія (пасхалія), составлявшія quadrivium, вторую часть, менѣе обязательную. Впрочемъ, по недостатку историческихъ данныхъ нельзя опредѣлить, какія изъ этихъ наукъ преподавались въ острожской школѣ, въ какіе моменты ея существованія, по какимъ учебникамъ и въ какомъ отношеніи стояли онѣ къ первоначальной греко-славянской программѣ школы.

Подобно острожской братскія школы конца XVI и начала XVII в. представляли въ своихъ программахъ и своемъ

устройствѣ сочетаніе греческихъ и западно-европейскихъ педагогическихъ элементовъ съ преобладаніемъ то тѣхъ, то другихъ. Сначала, правда, царило греческое вліяніе. Вызванная необходимостью противодѣйствовать вреднымъ результатамъ учебной дѣятельности иновѣрцевъ, потребность образованія русскаго юношества въ духѣ греческаго православія встрѣтила сильное сочувствіе со стороны восточныхъ святителей. Въ январѣ 1586 г. антіохійскій патріархъ Іоакимъ поддержалъ намѣреніе львовьянъ основать общественную школу греческаго и славянскаго языковъ. Константинопольскій патріархъ Іеремія не разъ утверждалъ порядки и уставы послѣдней и вообще очень участливо относился къ ней, особенно въ виду вражды мѣстнаго епископа къ львовскому братству и его просвѣтительнымъ начинаніямъ. Онъ же утвердилъ въ 1588 г. виленское братство со школой. Въ 1597 г. Мелетій Пигасъ въ трехъ посланіяхъ въ зап. Россію точно также выразилъ заботливость объ ея просвѣщеніи: онъ «повелѣвалъ о св. Духѣ учреждать академіи, т. е. училища, въ каждой епархіи и особенно во Львовѣ, не щадя никакихъ издержекъ». П. Кириллъ Лукарисъ, бывшій одно время ректоромъ острожской и виленской школъ, и по оставленіи предѣловъ западной Россіи не забывалъ объ ея училищахъ и нравственно поддерживалъ ихъ. Въ 1614 г. онъ содѣйствовалъ подъему упавшей было львовской школы; въ 1620 г. онъ послалъ въ Литву и на всю Бѣлую Русь іеромонаха Іосифа «для науки и утвержденія вѣры христіанскіе». Въ 1624 г. Лукарисъ утвердилъ уставъ луцкаго братства и его школы. Такую же заботливость о западно-русскомъ просвѣщеніи обнаруживали и другіе восточные святители, охотно утверждавшіе братскія школы и убѣждавшіе русскихъ учиться, между прочимъ, греческому языку. «Чада ваши и отрока, писалъ въ 1620 г. іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ западно-руссамъ, юность свою да упражняютъ въ училищехъ, языка греческаго и словенскаго учащеся». Въ частности, онъ благословилъ греческое училище.

Мысль о томъ, что именно патріархамъ Русь обязана школами, была и у современниковъ. Въ «Перестрогѣ» помѣщенъ такой отвѣтъ на заявленіе Потѣя, что «епископы русскіе ушли

отъ патріарховъ, потому что не могли имѣть отъ нихъ никакой утѣхи, науки и порядка»: «О, безстыдный языкъ!.. Не можете говорить добраго, будучи злыми... Развѣ не присылали къ вамъ патріархи учителей, во всѣ времена уча васъ?.. Школу греческую кто заложилъ, если не самъ патріархъ и греки? И не Арсеній ли, митрополитъ еласонскій и димонитскій, пріѣхавши отъ патріарха, два года обучалъ во Львовѣ греческой и славянской грамматикѣ? И когда онъ съ помощью учениковъ напечаталъ грамматику—размножилось число греческихъ и славянскихъ сочиненій, чего никогда въ русскомъ народѣ не было».

Арсеній еласонскій, случайно попавшій въ 1596 г. во Львовъ и послѣ получившій отъ п. Іереміи благословеніе остаться здѣсь для педагогическихъ трудовъ, былъ воспитанникъ трикской въ Ѳессаліи школы, основной п. Іереміей; тамъ онъ изучилъ грамматику, риторику и піитику подъ руководствомъ учителей повидимому, въ западной Европѣ не учившихся. Знакомство сверхъ того съ славянскимъ языкомъ дѣлало его въ глазахъ львовянъ самымъ подходящимъ кандидатомъ для учительства въ основной или греко-славянской школѣ, и онъ, дѣйствительно, въ два года такъ хорошо поставилъ дѣло, что приступилъ съ помощью учениковъ къ изданію составленной имъ по Константину Лакарису и другимъ грамматистамъ греческой грамматики на славянскомъ языкѣ. (Эта грамматика—Ἀδελφότης—вышла въ свѣтъ только въ 1591 г.). По уставу школы, греческій языкъ былъ языкомъ преподаванія и отчасти разговорнымъ. Арсеній положилъ, такое прочное основаніе греческой постановкѣ львовской школы, что знаніе греческаго языка долго не оскудѣвало въ ней и послѣ него. Ученики не только переводятъ съ греческаго патріаршія грамоты и сочиненія (Мелетія Пигаса—«Ко іудеямъ отвѣтъ», 1593 г.), но и сами пишутъ по-гречески—прозой и стихами («Просфонима»—Привѣтъ м. Михаилу Рагозѣ, 1591 г.).

Не менѣе хорошо поставлено греческое ученіе и въ виленской школѣ («академіи») въ преподавательство Кирилла Транквилліона, умѣвшаго говорить по гречески (1592), и въ ректорство Кирилла Лукариса (1594—5): и тамъ студенты издали одну

книгу—Διάλογος Ὀρθόδοξος Мелетія Пигаса, снабдивъ его написаннымъ по-гречески посвященіемъ нѣкоему Іоанну. И не въ языкѣ только было дѣло. Программа львовской школы, начертанная въ 1587 г. п. Іереміей, очень напоминаетъ программу его собственной школы въ Константинополѣ: изученіе божественнаго и священнаго писанія еллинскаго и славянскаго, грамматика, риторика съ піитикой, діалектика и философія... Конечно, греческими же были руководства и изданія отцовъ и классиковъ, методы преподаванія учебныхъ предметовъ и нѣкоторыя подробности воспитательнаго плана,—все это шло къ намъ съ востока и складывалось подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ его, конечно, на основѣ старинной русской педагогіи. Не даромъ патр. Мелетію показалось, что упавшее въ самой Греціи греческое просвѣщеніе загорается яркимъ свѣтомъ въ западной Россіи, на пользу всего православія. О львовской именно школѣ онъ выразился въ письмѣ къ царю Ѳеодору (1593): «Не маловажная возжена тамъ промысломъ Божіимъ искра, для возстановленія находящагося въ опасности по всему востоку благочестія, для подпоры православія, для оживленія греческаго обученія, въ здѣшнихъ (греческихъ) странахъ совершенно истребленнаго».

При такихъ то условіяхъ создались въ XVI в. наши «греческія» школы съ «дидаскалами», «педагогами»: кромѣ указанныхъ (острожской, владимирской, львовской, виленской), рогатинская, перемышльская, брестская, минская, могилевская, а въ началѣ XVII в.—стратинская, кіевская, луцкая, пинская, кутеинская.

Но чисто греческій, безпримѣсный типъ наши школы сохраняли очень недолго: съ самаго же начала нѣкоторыя изъ нихъ отразили на себѣ другое—польско-латинское вліяніе, прежде въ отношеніи къ внѣшнему устройству и порядкамъ училищной жизни, а послѣ и въ области дидактической, и вліяніе это, все сильнѣе и сильнѣе охватывая весь строй ихъ, отразилось и на учебной программѣ. Началось съ обученія латинскому языку. Языкъ этотъ, съ легкой руки гуманистовъ, а за ними первыхъ нѣмецкихъ педагоговъ, сдѣлался главнымъ учебнымъ предметомъ во всѣхъ протестантскихъ школахъ, иногда ставившихъ своею задачей воз-

становленіе той его чистоты и того его значенія, какія онъ имѣлъ въ золотой вѣкъ римской литературы. Іезуиты, случайно или намѣренно подражавшіе имъ, отвели латинскому языку не меньшее мѣсто, тѣмъ болѣе, что онъ былъ языкомъ церкви. Такимъ образомъ, предъ глазами учителей братскихъ школъ было два типа училищъ съ латинскимъ преподавательскимъ языкомъ. Научное же его значеніе, извѣстное западноруссамъ по знакомству съ краковскимъ и заграничными университетами, усердно защищалось въ полемическихъ трактатахъ іезуитовъ (Скарги). Кромѣ того, въ Польшѣ латинскій языкъ былъ языкомъ администраціи и суда. Вотъ потому то онъ очень скоро вошелъ въ программы острожскаго и братскихъ училищъ—въ иныхъ сразу [1]), въ другихъ нѣсколько позже открытія [2]). Но латинскій языкъ былъ важенъ не самъ по себѣ,—онъ былъ ключомъ, открывавшимъ западноруссамъ дверь къ богатой западно-европейской литературѣ и наукѣ. Введеніе его въ братскія школы, сначала какъ учебнаго предмета, а послѣ какъ языка преподаванія, повело къ измѣненію какъ программы ихъ, такъ и всего ихъ строя и состава библіотекъ. Вмѣсто довольно неопредѣленной программы греко-славянской школы съ преимущественно духовнымъ и церковнымъ направленіемъ, наши школы принимаютъ установившуюся въ латино-протестант-

---

[1]) Виленская съ 1584-6 г., быть можетъ перемышльская съ 1592 г., могилевская съ 1597 г., кутеинская съ 1670 г., кіевская лаврская съ 1631, пинская предъ 1631 годомъ.

[2]) Брестская, основанная въ 1590 г., съ 1592 г. Львовская, хотя уже въ 1592 г. получила королевскій привилей на званіе латинской школы свободныхъ наукъ, продолжала нѣкоторое время оставаться греко-славянскимъ училищемъ. Въ изготовленномъ около 1593 г. ходатайствѣ королю братчики просятъ, чтобы только въ ихъ школѣ можно было учить по гречески и по славянски и въ ихъ типографіи печатать книги на этихъ языкахъ, не упоминая о латинскомъ. И послѣ, когда латинскій языкъ былъ введенъ въ преподаваніе (предъ 1600 г.), львовская школа продолжала называться греко-славянскою. Минская, основанная въ 1592 г., съ 1612 г., Луцкая, основанная въ 1620 г., съ 1624 г., Кіевская братская, открытая ок. 1615 г., предъ 1620 г.

скихъ гимназіяхъ программу такъ называемыхъ семи свободныхъ наукъ съ характеромъ преимущественно гуманитарно-филологическимъ, и въ нихъ всѣ науки, начиная съ грамматики и кончая богословіемъ, начинаютъ мало-по-малу отражать особенности латинопольской образованности, особенно благодаря учителямъ иновѣрцамъ, которыхъ братства по нуждѣ приглашали въ свои школы.

Наибольшее вниманіе посвящается латинской грамматикѣ: изучается она по средневѣковому руководству Доната, по учебнику Альвара [1]) и др. Въ изученіи греческой грамматики не ограничиваются львовскимъ «Адельфотесомъ», а пользуются и латинскими учебниками (напр., Кленарда). Въ области діалектики наши педагоги перестаютъ руководствоваться древнимъ и новымъ переводомъ философіи Іоанна Дамаскина, а знакомятся съ европейскими учебниками ея, начало чему положено уже было кн. Курбскимъ, переведшимъ отрывокъ о силлогизмахъ [2]). Послѣ европейскіе учебники діалектики вошли въ нашу школу и цѣликомъ и въ подлинникахъ, равно какъ и другія части философіи стали изучаться по латинскимъ изданіямъ древнихъ философовъ. Въ области краснорѣчія свѣтскаго и духовнаго латинское вліяніе выразилось прежде въ случайномъ заимствованіи нашими школьными, церковными и полемическими ораторами чуждыхъ греческой риторикѣ фигуръ и въ привнесеніи польскихъ и латинскихъ словъ и выраженій, а затѣмъ, подъ вліяніемъ латинскихъ учеб-

---

[1]) Элій Донатъ, учитель блаж. Іеронима, авторъ грамматики, состоящей изъ двухъ частей: а) Ars sive editio prima de litteris sillabisque, pedibus et tonis и б) Editio secunda de octo partibus orationis. Въ Польшѣ было множество изданій Доната, начиная съ 1503 г. (и кончая 1795 г.). Эммануилъ Альваръ, испанецъ іезуитъ, авторъ грамматики, канонизованной въ качествѣ учебника іезуитскихъ коллегій— De instituione grammatica libri tres.

[2]) См. нашу брошюру: «Новая библіографическая находка. Переводная статья кн. А. М. Курбскаго». (Оттискъ изъ Кіев. Старины за 1900 г.).

никовъ риторики и сборниковъ иновѣрныхъ проповѣдей, перешло въ полное подражаніе всѣмъ пріемамъ той въ высшей степени искусственной и изысканной рѣчи, которая даже въ тѣ времена вызывала неодобреніе со стороны представителей греческаго направленія въ краснорѣчіи. Въ проповѣди библія и творенія св. отецъ стали дѣлить свой авторитетъ съ авторитетомъ философовъ и свѣтскихъ ученыхъ, рядомъ съ библейскими сказаніями начинаютъ фигурировать историческія и даже миѳологическія, и святыя и священныя лица ставятся рядомъ съ древними богами и героями. Интересъ содержанія смѣняется интересомъ формы и свѣтской учености, направленной къ тому, чтобы поразить слушателя: поучительность уступаетъ мѣсто занимательности. Связанная съ риторикой піитика потерпѣла такое же измѣненіе. Уже первыя поэтическія произведенія нашихъ школъ сложились по тѣмъ образчикамъ, какія дала польская литература, взявъ у нихъ форму (посвященія въ книгахъ и панегирики) и силлабическій стихъ. На первыхъ порахъ наши стихотворные опыты все же сильно отличались отъ своихъ образцовъ по языку, близкому къ церковно-славянскому, по внѣшнему построенію, по содержанію и изложенію, чуждому слишкомъ утонченныхъ метафоръ и миѳологическихъ прикрасъ, по простотѣ и естественности тона. Но мало-по-малу всѣ эти достоинства уступили мѣсто тѣмъ невысокимъ качествамъ латино-польской панегирической поэзіи, которыя такъ поражаютъ нашъ вкусъ. Самый языкъ ихъ изъ славянскаго перешелъ въ западно-русскій съ примѣсью польскихъ словъ, а потомъ превратился въ польскій съ значительнымъ процентомъ латинизмовъ.

Включеніе польскаго языка въ школьную программу было такой же уступкой требованіямъ времени, какъ и введеніе латинскаго. Проникновеніе его, какъ и вообще польской культуры, въ обиходъ русской жизни началось уже давно, а золотой періодъ польской литературы (XVI в.) подчинилъ ему различные слои русской интеллигенціи. Даже духовенство наше уступило вліянію польскаго языка и польской литературы. Уже въ 1570 г.

соцініанинъ Василій Тяпинскій [1]), странствующій типографъ, въ предисловіи къ переведенному имъ на русскій языкъ евангелію замѣтилъ, что попы, не имѣя школъ для изученія русскаго языка, обучали своихъ дѣтей по-польски. Литературное и государственное значеніе польскаго языка обусловило и то, что православные, вслѣдъ за протестантами, избрали его орудіемъ полемики съ католиками и потомъ съ уніатами. Все это и создавало необходимость изучать его въ школахъ православныхъ. И, дѣйствительно, мы видимъ его въ школахъ виленской (съ 1589 г.,— въ 1588 г. п. Іеремія еще не говоритъ о польскомъ языкѣ), брестской (съ 1592 г. [2]), могилевской (съ 1597), львовской (предъ 1600 г.), кіевской братской (1620), луцкой (предъ 1627 г.), кутеинской (1630), кіевской лаврской 1631), пинской (1633).

Математическія науки (ариѳметика, геометрія, отчасти астрономія съ пасхаліей) не подверглись замѣтному латинскому вліянію—и по самому существу своему, и по меньшему значенію въ системѣ братскаго образованія, хотя и здѣсь не обошлось безъ польско-латинскихъ учебниковъ. Но за то церковное пѣніе, которое еще въ срединѣ XVI ст. подражало сербской и греческой музыкѣ, очень скоро подпало латинскому вліянію. Уже въ концѣ XVI ст. братства запрашиваютъ восточныхъ патріарховъ, можно ли ввести въ церковный, а слѣдовательно, и въ школьный обиходъ партесное пѣніе и инструментальную музыку. На послѣднее не было дано согласія, первое же восточные святители благословили подъ тѣмъ условіемъ, чтобы оно было прилично и благопристойно. Въ результатѣ—появленіе въ нашихъ братскихъ школахъ латинопольскихъ учебниковъ пѣнія и нотныхъ тетрадей на 5, 6 и 8 голосовъ.

---

[1]) О соцініанствѣ его см. Довнаръ-Запольскаго въ Извѣстіяхъ отдѣленія рускаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ, т. IV (1899), и отдѣльно: «В. Н. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе» (Спб., 1899).

[2]) Въ возстановленной привилеемъ Владислава IV 1641 г., согласно наданію 1633 г., брестской школѣ рѣчь идетъ только о русскомъ и польскомъ языкахъ.

Параллельно съ этимъ шло сближеніе нашей школы съ латино-польской образованностью въ богословіи и въ литературѣ,—центръ тяжести видимо переносился съ греческихъ святоотеческихъ твореній на схоластическія, съ церковной науки и богослужебныхъ книгъ, представлявшихъ первоначальный матеріалъ для чтенія, на свѣтскую ученость и языческихъ авторовъ, съ изученія живой дѣйствительности на схоластическую игру понятій и на мертвыя формы.

Однимъ изъ показателей усиленія въ школѣ того или другого братства латино-польскаго учебно-литературнаго направленія служатъ каталоги библіотекъ. Сохранилось два каталога львовской братской библіотеки: 1600—1 г. и 1637—8 г. [1]) По первому, латинскихъ книгъ вчетверо больше, чѣмъ греческихъ; по-второму—это отношеніе уравновѣшивается. Изъ латинскихъ книгъ братство въ 1600—1 г. владѣло руководствами по грамматикѣ, риторикѣ и діалектикѣ, музыкѣ, латинскимъ словаремъ, изданіями (вѣроятно, школьными) Овидія, Цицерона, Виргилія, Горація, Валерія Максима; кромѣ того, у него были на латинскомъ языкѣ: «Сабеликусъ о войнѣ венецкой», Никифоръ, Плутархъ, «Кроничка руская малая», «Хронографія», «Псалтыръ латинская съ польскимъ». Большинство польскихъ книгъ—назидательнаго содержанія: «Животъ Езусовъ», «Чистецъ людскій», «Рай духовный», «Студница живота»; но есть и такія, на которыя можно смотрѣть какъ на учебныя. Таковы: «Молитвы православныхъ христіанъ», «Катехизисъ для дѣтей» (впрочемъ онъ, какъ и «Катехизисъ польскій», могъ попасть сюда случайно), «Исторія о потопѣ», «О збуреню (разрушеніи) Іерусалиму», «Аврелиушъ», «Кроника всего свѣта на шесть вѣковъ». Въ теченіе слѣдующихъ 35 лѣтъ латинскихъ книгъ поступило очень немного: Аристотель,

---

[1]) Первый напечатанъ проф. С. Т. Голубевымъ въ приложеніи № 21 къ I тому «Митр. Петра Могилы». Второй—имъ-же: въ Чтеніяхъ Общества Нестора Лѣтописца, V, въ Матеріалахъ, и А. С. Крыловскимъ въ невышущенномъ еще въ свѣтъ томѣ Актовъ Львовскаго братства, № 76.

Аполлоній александрійскій, Овидій (2 экз.), 3 экз. греко-латинской грамматики, грамматика Корнелія. Изъ польскихъ—блаж. Августинъ, Конституціи (2), Венгерская исторія, Сборникъ проповѣдей, «Артыкулы братства св. Ганны».

Интересенъ также каталогъ Луцкаго братства, составленный въ 1627 г. [1]) Здѣсь, кромѣ славянскихъ книгъ, мы находимъ семь потныхъ тетрадей (партесовъ), латинскій словарь, грамматику Доната, псалтырь, Новый Завѣтъ, польско-латинскій катехизисъ, Vita honesta—тоже на обоихъ языкахъ. (Изъ документа 1627 г. видно, что у учащихся на рукахъ было много польскихъ книгъ). Послѣ 1627 г. братство купило Баронія и проповѣди Петра Бессія (Сорбоннскаго доктора) въ латинскомъ переводѣ (2 тома).

Еще сильнѣе и выразительнѣе о поступательномъ ходѣ польско-ламинскаго вліянія свидѣтельствуетъ наша литература, преимущественно полемическая, но этотъ предметъ мы обходимъ по огромности его и потому, что онъ не разъ уже подвергался обслѣдованію [2]).

Такое взаимное положеніе заняли различные элементы латино-польской и греко-славянской образовательной системъ въ братскихъ школахъ въ первыя 50 лѣтъ ихъ существованія. Въ этотъ періодъ западно-русскія братскія школы не носили одного опредѣленнаго характера,—онѣ не были ни исключительно греческими, ни исключительно латинскими. Нельзя отвергать, подобно г. Пыпину, всякое сходство ихъ съ греческими училищами [3]), но невозможно также рѣшительно противополагать ихъ школамъ слѣдующаго періода, школамъ типа могилянской коллегіи, какъ

---

[1]) Памятники кіевской комиссіи, изд. 2, I, № 42.

[2]) См. между прочимъ у проф. А. С. Архангельскаго перечень западно-русскихъ литературныхъ произведеній въ концѣ XVI—нач. XVII в. (Чт. въ Моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I).

[3]) А. Н. Пыпинъ готовъ совершенно отрицать греческое школьное вліяніе на нашу образовательность и братскія училища, для которыхъ, по его мнѣнію, былъ только одинъ образецъ предъ глазами—латинскія, католическія школы (Послѣднія времена московской Россіи. Вѣстникъ Европы 1894, V, 764—6. Ср. Ист. рус. литер., II, 341—3).

это обыкновенно дѣлаютъ. Каждая почти изъ болѣе видныхъ братскихъ школъ уже въ нашъ періодъ прошла двѣ стадіи въ своемъ развитіи: сначала она существовала, какъ школа грекославянская, потомъ постепенно сближалась съ латино-польскою, причемъ это сближеніе заходило подчасъ очень далеко. Случалось также, что въ нѣкоторыхъ школахъ вновь оживало греческое вліяніе и онѣ становились опять ближе къ типу грекославянскихъ училищъ, чѣмъ латино-польскихъ (такъ было во Львовѣ, насколько можно судить объ этомъ по каталогамъ братской библіотеки). А иногда латинскій и польскій языки сразу вводились въ программу, оттѣсняя даже греческій, какъ это было въ Вильнѣ, гдѣ на первыхъ порахъ не нашлось преподавателя послѣдняго и гдѣ впослѣдствіи (съ 1617 г.) изъ пяти классовъ только въ двухъ изучались славянскій и греческій языки, а въ остальныхъ трехъ читалась «латинская наука». Еще больше мѣста занимала послѣдняя въ кіевской братской школѣ (предъ 1630 г.), гдѣ она преподавалась въ трехъ классахъ изъ четырехъ. Отсюда не труденъ и естественъ былъ тотъ шагъ, какой сдѣлалъ Петръ Могила, устроившій училище съ преподаваніемъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, и какой пыталось было сдѣлать пинское братство.

Но прежде, чѣмъ перейти къ новому періоду западно-русской образованности, скажемъ о той оппозиціи, какую встрѣтило стремленіе православныхъ придать своимъ школамъ сходство съ латино-польскими училищами. Оппозиція эта шла съ двухъ сторонъ—со стороны нашего духовенства, чуждаго научнаго образованія и руководившаго еще менѣе знакомыми съ наукой мірянами, и со стороны латино-уніатскаго общества.

Въ борьбѣ первыхъ противъ «латинскихъ наукъ» сказалось давнее христіанское противоположеніе языческой мудрости—христіанской, духовной. Отправными точками тутъ были тексты свящ. писанія въ родѣ слѣдующихъ: «мудрость міра сего буйство есть отъ (у) Бога», или «не въ словеси царство Божіе, но въ силѣ добрыхъ дѣлъ»,—тѣ самые, которыми и въ московской Руси защитники стараго начетчества въ XVI—XVII вв. оборонялись

отъ всякаго, даже слабаго свѣта науки, въ родѣ грамматическихъ правилъ. Вотъ что писалъ въ XVII в. одинъ изъ московскихъ книжниковъ: «Братие не высокомудрьствуйте но во смерении пребывайте по сему же і прочая разумѣвайте. Аще кто ти речет вѣси ли всю филосооію и ты ему рцы. Еллинских борзостеі не текохъ ни риторских астономъ (!) не читах ни смудрыми Θилосооы в бесѣде не бывах. учюся книгамъ благодатнаго закона аще бы мощно моя грѣшная душа очистити от грѣх». (Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 463 [1]). Наши книжники развивали отрицательное отношеніе къ свѣтской мудрости въ приложеніи къ наукѣ иновѣрцевъ—католиковъ и протестантовъ. Такъ, инокъ Артемій, опровергая въ полемикѣ съ Симономъ Буднымъ его положеніе: «хорошо учителямъ знать многіе языки», выразился: «при правомъ сердцѣ истинное слово и безъ грамматики и риторики можетъ просвѣтить и умудрить во благое» (Р. И. Б., IV, 1324. 1325). Такое же отрицаніе грамматики съ риторикой и многихъ языковъ высказалъ авторъ «Списанія противъ люторовъ» (Р. И. Б., XIX 173. 174). Но если оба эти лица свое отношеніе къ западноевропейской наукѣ мотивировали извѣстными имъ случаями отпаденій въ ереси «многихъ наученыхъ во всѣхъ языцехъ», то позднѣйшіе писатели даютъ ему и теоретическое обоснованіе. Такъ, острожскій писатель Василій въ своемъ сочиненіи «О единой вѣрѣ» (1588) настаиваетъ на мысли о неприложимости къ догматамъ человѣческихъ соображеній,—того, что онъ называетъ «діалектическими усилованми и соѳисматами, сирѣчь злохитрьствами». Его возмущаютъ и удивляютъ тѣ, которые, «отступивши

---

[1]) Этотъ отвѣтъ взятъ изъ посланія старца Филоѳея къ дьяку Михаилу Мисюрю (Прав. соб., 1861 II, 84). А. И. Соболевскій по поводу выраженія: «Еллинскихъ борзостей не текохъ» выясняетъ, что Филоѳеей неправильно понялъ и употребилъ его: въ древнѣйшихъ записяхъ (напр. рукоп. Тр. лавры 1414 г., № 165) находится выраженіе: «аще еленьскыя борзости претечеши», въ которомъ прилагательное еленьскъ произведено отъ елень, а не отъ Еллины (Ж. М. Н. Пр. 1901, дек.,—рецензія на соч. проф. Малинина: Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія (Кіевъ, 1901).

отъ духовнаго разума и прельстившись геометрическими фигурами и прочими къ землѣ влекущими бреднями человѣческихъ вымысловъ, утверждаютъ, что можно постигнуть все божеское существо», и которые тайну троичности пытаются «изобразить геометрическимъ треугольникомъ и прочими суемудрыми діалектическими вымыслами», и обучая этому—прочихъ соблазняютъ (Р. И. Б., VII, 664. 673. 699). Подобнымъ образомъ отзывается о свѣтской наукѣ и философіи, принудительно вліяющей на само богословіе (какъ въ иновѣрныхъ школахъ и трактатахъ), авторъ «Вопросовъ и отвѣтовъ православному съ папежникомъ» (1603). Онъ, вслѣдъ за Василіемъ. возстаетъ противъ увлеченія въ западныхъ школахъ Аристотелемъ, Платономъ, Цицерономъ и «тѣми, что вокругъ нихъ», простирающагося до того, что безъ нихъ никакая наука, ни человѣческая, ни божеская, не кажется твердой. (Ср. Максима Грека—Сочиненія, I, 247. Казань, 1859). Соглашаясь, что свѣтскія науки важны для развитія и упражненія разсудка, авторъ противъ примѣненія ихъ въ сферѣ божественныхъ догматовъ, такъ какъ послѣдніе выше всякаго пониманія и уразумѣнія и могутъ быть постигнуты только вѣрою, безъ пособія какихъ-либо логическихъ ухищреній и вымысловъ. Утверждая фактъ розобщенности польско-латинской науки съ «вышней діалектикой» и съ «внутренней Богомъ данной церковной философіей», «Православный» вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ и на основаніи опытовъ всю гибельность для вѣры и нравственности западно-европейскаго образованія (ibid., 106—110).

Но особенно сильно вооружился противъ западной науки Іоаннъ Вышенскій[1]). Вышенскій, какъ и другіе противники ея, исходилъ изъ противоположенія ея мудрости «ректора надъ ректорами—І. Христа», причемъ судилъ о гибельности ея по нравственнымъ свойствамъ нѣкоторыхъ ея представителей. Обращаясь въ «Зачапкѣ» къ Петру Скаргѣ, онъ говоритъ: «а что ты хва-

[1]) Большинство сочиненій, характеризующихъ его взгляды по этому вопросу, напечатаны въ Прилож. къ I т. «Петра Могилы» С. Т. Голубева и въ Арх. Юго-зап. Россіи, I, VII.

лишься школами и науками, то разсуди, для спасенія онѣ учреждены или для погибели. Если для спасенія, то почему изъ латинской школы не выходятъ ученики, носящіе образъ и подобіе того перваго дидаскала, который сказалъ: научитеся отъ Меня, яко кротокъ и смиренъ сердцемъ?... Отчего оттуда выходятъ не смиренные, а гордые духомъ фарисеи? Зачѣмъ хвалить свои школы, когда въ нихъ нѣтъ учителя Христа, ни Павла и Петра, а есть соблазнители, поганцы, Аристотели, волхвы, еретики, Оригены. Покажи мнѣ изъ латинской школы такого ученика, который и самъ бы исполнилъ заповѣдь небеснаго ректора и другихъ научилъ,—всю бы философію небесной мудрости въ смиреніи изобразилъ и научилъ... Въ вашихъ школахъ научаютъ сопротивляться волѣ Христа... Недаромъ и ап. Павелъ предостерегалъ, напоминалъ и училъ, чтобы благовѣрные не впали въ языческія науки діалектики, въ силлогизмы, въ препирательскіе изворотьі и самовольное велерѣчіе». Въ сочиненіи «Порада о очищеню церкви» Вышенскій вопрошаетъ: «Не лучше ли тебѣ изучить часословъ, псалтиръ, октоихъ, апостолъ и евангеліе съ иными церкви принадлежащими (книгами) и быть простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, чѣмъ изучить Аристотеля и Платона, зваться философомъ мудрымъ и попасть въ геенну? Разсуди!» Въ противоположность ядовитой и гибельной наукѣ латинской онъ предлагаетъ свою программу образованія и рекомендуетъ свой идеалъ правовѣрной школы: «Во первыхъ, пусть изучаютъ ключъ, т. е. греческую или славянскую грамматику. Потомъ вмѣсто лживой діалектики, учащей дѣлать изъ бѣлаго черное и изъ чернаго бѣлое,—пусть изучаютъ богомолебный и праведнословный часословецъ; вмѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмовъ и велерѣчивой риторики—молитвенную псалтырь; вмѣсто философіи, располагающей мысль разумную скитаться по воздуху, пусть изучаютъ склоняющій къ плачу и смиренномудрію октоихъ или осмогласникъ, содержащій догматы церковнаго нашего благочестія, а также нравственное богословіе [1]), послѣ того пусть изучаютъ апо-

[1]) Вышенскій самъ сдѣлалъ попытку дать руководство по философіи,—но «не поганскаго (языческаго) учителя Аристотеля, а пра-

стольскія и евангельскія писанія съ толкованіемъ простымъ, а не искусственнымъ, не слухъ чешущимъ, а влагающимъ въ сердца слушающихъ силу св. Духа. Тогда и всякое другое боговдохновенное писаніе можно проходить».

Вышенскій не скрывалъ, что онъ не изучалъ мелочей грамматическихъ, не видалъ игрушекъ риторическихъ, не слышалъ философіи высокомечтательной, и, предупреждая упрекъ во враждѣ къ научному образованію, объяснялъ, что «незнаніе онъ хулитъ, а то, что наши новые русскіе философы не умѣютъ ничего въ церкви читать,—ни псалтири, ни часослова. А если кто немного и умѣетъ, то, изучивши какой-нибудь стишокъ басней аристотельскихъ, уже стыдится читать псалтирь и прочее церковное правило ни во что не вмѣняетъ и считаетъ грубымъ и дурнымъ». Такъ какъ подобныя явленія онъ замѣтилъ во Львовѣ, въ свой пріѣздъ съ Аѳона, то онъ совѣтовалъ заправиламъ братства утверждать прежде дѣтей въ благочестіи, въ любви къ церковности и и къ православной вѣрѣ, и уже послѣ того знакомить и съ свѣтскими науками. Впрочемъ, эта уступка Вышенскаго свѣтской, внѣшней наукѣ была временной...

Неизвѣстно точно, когда львовскому братству былъ данъ Вышенскимъ этотъ совѣтъ и какъ оно отнеслось къ нему. Во всякомъ случаѣ, замѣчанія такого авторитетнаго лица должны были произвесть сильное впечатлѣніе во Львовѣ и поощрить существовавшую тамъ партію, враждебно относившуюся къ братской школѣ и всякому образованію. Во главѣ этой партіи стоялъ еп. Гедеонъ Балабанъ, игравшій очень двусмысленную роль. Самъ человѣкъ образованный, Балабанъ былъ на первыхъ порахъ если не иниціаторомъ просвѣтительныхъ начинаній братства, то горячимъ пособникомъ. Но когда привилегіи, утвержденныя восточными патріархами за братствомъ, задѣли его права, какъ епархіальнаго

вославныхъ Петра и Павла».—Подобно Вышенскому, неодобрительно относился къ изученію «разума Аристотеля, Цицерона, Платона и прочихъ языческихъ любомудрцевъ» Исаія Копинскій, послѣ кіевскій митрополитъ (Голубевъ, «Петръ Могила», т. II (1898), 9, 10).

архіерея, онъ измѣнилъ свои отношенія и къ братству, и къ его школѣ. Онъ сталъ преслѣдовать всѣ проявленія умственной, книжной дѣятельности братства: гналъ братскаго типографа, проповѣдника, даже мальчика, переписывавшаго святоотеческія творенія двумъ братчикамъ; запрещалъ читать книги и даже оспаривалъ права мѣщанъ и крестьянъ на ученіе. «А о наукѣ, говорилъ онъ однажды гологурскимъ мѣщанамъ, не годится вамъ, простымъ людямъ, спрашивать». Когда-же нѣкто возразилъ, что ап. Павелъ повелѣваетъ учиться, разгнѣванный владыка воскликнулъ: «стану я учить тебя, хлопа, только что вылѣзшаго изъ навоза! что тебѣ до Писанія!»—и приказалъ бить его. Также относится онъ и къ братской школѣ. На нее онъ послалъ однажды своихъ родственниковъ и слугъ, которые бранили дидаскаловъ, грозили изсѣчь ихъ саблями, а у одного чуть было не вырвали всю бороду. Хуже всего было то, что епископъ возбудилъ противъ братства часть львовскихъ горожанъ и низшаго духовенства, непріятно задѣтаго даннымъ братству правомъ обличать его пороки. Какія формы приняла оппозиція, видно изъ посланія братства къ цареградскому патріарху Ѳеолипту отъ 25 мая 1586 г. объ утвержденіи братскихъ привилегій и благословеніи школъ и типографіи, «да заградятся всяка уста противящіяся душеполезному сему хотящему быти строенію». Въ немъ братчики, имѣя въ виду своихъ противниковъ, спрашивали патріарха, подобаетъ ли мірянамъ—ремесленникамъ сходиться послѣ обѣдни въ праздничные дни для чтенія отеческихъ твореній, и какъ имъ думать объ іереяхъ и епископахъ, если они, безчинно живя, «ненавидятъ, хулятъ и возбраняютъ ученія и проклинаютъ учащихся, говоря, яко «благословенна всяка душа проста, многіе же книги въ неистовство влагаютъ» [1]).

---

[1]) Ср. свидѣтельство Курбскаго: «Сія ересь въ московской земли носится между нѣкоторыми безумными,—блядословятъ бо, не потреба, рече, книгамъ много учитися, понеже въ книгамъ заходятся человѣци, сирѣчь безумѣютъ, або въ ересь упадаютъ» (Ученыя Записки Казан. Унив., 1901, янв., 16).

На сторону братства стали и патріархъ (Іеремія), и м. Михаилъ Рагоза. Первый выяснялъ значеніе школы и типографіи, какъ двухъ спасительныхъ путей, и необходимость тщательнаго изученія свящ. писаній, какъ такихъ, которыя «могутъ умудрить и спасти человѣка». Второй на соборѣ въ Брестѣ въ 1590 г. отлучилъ отъ церкви нѣсколькихъ львовскихъ мѣщанъ за оппозицію просвѣтительной дѣятельности братства, —за пороченіе братскаго ученія, какъ будто несовершеннаго, пустого, растлѣннаго и малопотребнаго, за запрещеніе ходить въ братскую школу, слушать грамматическое, діалектическое и риторическое ученіе, за противодѣйствіе распространенію свящ. книгъ и проповѣди слова Божія [1]). Но и послѣ того братству приходилось жаловаться на то, что «школьное ученіе уничижается», такъ какъ окончательное примиреніе съ еп. Гедеономъ послѣдовало только въ 1602 г.

Смущенные усиленіемъ въ братскихъ школахъ и православной литературѣ латинскаго вліянія, еллинофилы опять подняли свои голоса, когда увидѣли, что польза отъ сближенія съ западной наукой довольно призрачна, а вредъ—ощутителенъ. И вотъ нѣкоторые ревнители православія вспомнили о Вышенскомъ и рѣшили обратиться за духовной помощью на востокъ. Уже въ 1619 г. виленское братство проектировало вызвать на родину нѣсколькихъ западнороссовъ, подвизавшихся на Аѳонѣ (Кирилла, Пафнутія, Елисея). Спустя 2—3 года эту же мѣру предлагала осуществить группа людей, составившихъ документъ подъ названіемъ: «Совѣтованіе о благочестіи: Рада и способъ, яко въ народѣ Россійскомъ вѣру и догмата церкве всходнеи заховати и ростити и абы

---

[1]) Какъ много выше понимали пользу ученія тѣ «шевцы» и «кравцы», которые составляли, быть можетъ, ядро Львовскаго братства! Вотъ ихъ исповѣданіе по этому пункту въ посланіи къ п. Іереміи 1588 г.: «Таковы плоды училища: отсюда выходятъ здравомысленные учители, попечительные пастыри, преподобные іереи, хорошіе врачи, благородные правители, истинные строители, искусные граждане, полезные ремесленники. Ибо въ училищѣ произрастаетъ корень мудрости» (ср. Exegesis Сильвестра Коссова.—«Петръ Могила», II, 267).

митрополитове и епископове не уставали». Именно они находили нужнымъ послать на св. гору аѳонскую за преподобными—мужами россами Кипріаномъ, Іоанномъ Вышенскимъ и прочими цвѣтущими въ житіи и богословіи, и отправлять туда русскихъ, какъ въ духовную школу. Вмѣстѣ съ тѣмъ внушалось православнымъ въ своей школьной и литературной дѣятельности основываться не на латинскихъ силлогизмахъ и извращающихъ истину сочиненіяхъ (каковыми считались католическія и протестантскія), но на догматахъ и твореніяхъ св. отцовъ.

Но ни авторитетность аскетовъ Іоанна Вышенскаго, Исаіи Копинскаго и др., ни непріятности отъ людей, подобныхъ львовскимъ обскурантамъ, ни убѣжденія авторовъ «Совѣтованія о благочестіи», ничто не могло повернуть назадъ того историческаго теченія, въ которое попали наши школы. Вѣдь латино-польское направленіе послѣднихъ было плодомъ не безотчетнаго подражанія братствъ модному и пріятному образованію, но сознательнаго его предпочтенія старымъ, узкимъ школьнымъ программамъ и методамъ. Наши братства въ то время были слишкомъ живой силой и слишкомъ чутко относились къ потребностямъ времени, чтобы отказаться отъ удовлетворенія ихъ въ угоду отдѣльнымъ личностямъ, хотя бы и очень уважаемымъ. Вѣдь и польскій и латинскій языкъ, и риторика съ діалектикой въ польско-латинской постановкѣ ихъ, и даже партесное пѣніе—все это было для православныхъ предметомъ самой первой необходимости, по условіямъ ихъ политической и религіозной жизни. Взять хотя бы церковное пѣніе. Въ юго-западной Россіи въ XVI и даже въ XVII в. существовало, какъ и въ московской Россіи, пѣніе хомовое, съ растяженіемъ гласныхъ: «согрѣши*хомо*, беззаконнова*хомо*», «Христосо, Бого наше», «о рекошеихо мони» (вм. «о рекшихъ мнѣ»). Пѣли также въ одну ноту «Господи, помилуй», не слушая прошеній ектеніи (многогласіе). По сравненію съ искусственнымъ пѣніемъ и инструментальной музыкой въ костелахъ, наше монотонное пѣніе, сопровождавшееся извращеніемъ текста, теряло очень многое и, быть можетъ, это было причиной совращенія въ католичество изъ православія не одного любителя церковной кра-

соты. Братства это понимали, какъ понимали и латино-уніаты, и не даромъ у нихъ происходили столкновенія изъ-за хорошихъ пѣвчихъ (такъ, въ Вильнѣ православное и уніатское братства сманивали пѣвчихъ другъ у друга, а въ Луцкѣ желаніе іезуитовъ и ихъ сторонниковъ перетянуть къ себѣ братскаго дисканта Ивана и другихъ «выборнѣйшихъ спеваковъ» выразилось въ цѣломъ разгромѣ братскихъ учрежденій и въ избіеніи одного пѣвчаго—для устрашенія другихъ (1627 г.). И хотя Вышенскій называлъ партесное пѣніе «вавилонскими страстями музыки» и сурово внушалъ православнымъ: «Латинскій смрадъ пѣсней изъ церкви изжденѣте, простою же нашею пѣснію русскою поюще, Бога благодарите»,—прямая польза не позволяла братствамъ послушать его.

Насколько сильно прояснилось въ теченіе 20—30 лѣтъ существованія братскихъ училищъ сознаніе необходимости науки вообще и съ латино-польскимъ оттѣнкомъ, въ частности,—показываетъ участіе въ ней даже запорожскихъ козаковъ. Вписавшись in corpore въ кіевское братство вмѣстѣ съ своимъ гетманомъ Сагайдачнымъ и затѣмъ узнавши изъ прочитанныхъ на его похоронахъ «Виршей», что его предсмертнымъ желаніемъ было поддержаніе въ братской школѣ науки, они на сеймѣ 1623 г. хлопотали о привилеѣ для нея, разрѣшающемъ многіе языки. И если послѣ, въ 1631 г., они негодовали на печерскаго архимандрита Петра Могилу и на учителей заведеннаго имъ въ лаврѣ латинскаго и польскаго училища, «чего до того не бывало и спасались», называли ихъ уніатами и неправославными и чуть было не убили ихъ,—то тутъ они дѣйствовали по подстрекательству со стороны кіевскаго братства и, быть можетъ, самого м. Исаіи Копинскаго и дѣйствовали въ интересахъ того же братства. Добившись же перенесенія лаврской школы въ ограду братскаго монастыря, они успокоились и затѣмъ много разъ защищали ее, хотя ученіе въ ней шло на тѣхъ же латинскомъ и польскомъ языкахъ. Мало того, что латино-польская наука была допущена въ наши школы,—къ концу домогилянскаго періода выработано было принципіальное оправданіе пользованія ею. «Если лати-

няне, писалъ ок. 1621 г. Захарія Копыстенскій, хвалятся свѣтской наукой—они чужими перьями хвалятся, въ чужомъ плащѣ щеголяютъ! Ибо мудрость Платонова, Аристотелева и иныхъ греческихъ философовъ—греческая, а имъ только отчасти была удѣлена... И мы, русскіе, если для образованія отправляемся въ нѣмецкіе края, то ради греческой, а не латинской науки, и ею мы пользуемся, какъ собственностью, только на короткое время довѣренною западнымъ, причемъ однако, искусно отбрасывая соръ, пользуемся чистымъ зерномъ, оставляя уголь, беремъ золото. И что касается даже истиннаго богословія, то и оно съ востока,—восточнымъ богословіемъ дышатъ западные!»...

Православные западнорусcы могли проникнуться убѣжденіемъ въ пользѣ и важности научнаго образованія и именно по примѣру латино-польскаго тѣмъ скорѣе, что враги ихъ—латиняне и уніаты—сильно противились ему. Львовскіе православные горожане уже ок. 1570 г. почувствовали стѣсненіе въ своемъ стремленіи къ образованію со стороны львовскаго магистрата, состоявшаго на половину изъ католиковъ и не допускавшаго дѣтей православныхъ въ городскую школу (что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ школа эта была отчасти каоедральной). На это они жаловались королю, и Сигизмундъ-Августъ позволилъ львовянамъ отдавать своихъ сыновей въ школы и гимназіи какъ Львова, такъ и другихъ городовъ королевства, для изученія свободныхъ наукъ, причемъ на ослушниковъ налагалъ огромный штрафъ (1572). Несмотря на подтвержденіе этой грамоты королями Генрихомъ (1574) и Стефаномъ (1577), львовскія городскія власти попрежнему продолжали препятствовать православнымъ обывателямъ изучать свободныя науки въ школѣ, какъ это видно изъ новой грамоты Баторія (1578). Нерасположеніе католическаго львовскаго общества къ научному образованію своихъ православныхъ сограждан обнаружилось вновь и со всей силой въ 90-хъ годахъ, послѣ основанія братствомъ собственной школы и дарованія ей права преподавать свободныя науки и послѣ поселенія во Львовѣ іезуитовъ. Въ декабрѣ 1592 г. ректоръ польскаго училища Крыштофъ дважды насылалъ своихъ учениковъ на братскихъ воспитан-

никовъ, собиравшихъ позднимъ вечеромъ милостыню. Послѣдняя было отнята и славельщики были избиты. Хотя братство получило удовлетвореніе, но и послѣ того его школѣ приходилось терпѣть немало. Въ своихъ «Требованіямъ къ королю» (ок. 1593 г.) братство, ходатайствуя о гарантированіи своихъ правъ на школьные и на другіе свои дома и грунты, просило вмѣстѣ съ тѣмъ позволенія для своихъ бѣдныхъ учениковъ искать продовольствія повсюду безъ препятствій съ чьей бы то ни было стороны, чтобы учителя не подвергались оскорбленіямъ, а ученики насиліямъ отъ какихъ бы то ни было властей и отъ другихъ школъ. Не лучше было и послѣ, несмотря на ходатайство предъ королемъ за братство и школу князей Острожскихъ. По заключенію Юрія Рогатинца въ посланіи къ виленскому братству (1599), дѣло сводилось къ желанію католиковъ совсѣмъ запретить братству «учить русскихъ учениковъ». Тутъ не могли помочь никакія ходатайства, такъ какъ и само правительство польское, руководимое нунціями и посланіями изъ Рима и вдохновляемое римско-католическимъ духовенствомъ, держалось той же политики гнета православныхъ. Какъ разъ передъ этимъ король отнялъ у православныхъ и передалъ уніатскому епископу Потѣю брестскую братскую школу (1597 г.,—а въ 1598 г. самъ Потѣй завладѣлъ владимірской соборной школой), а виленская школа потерпѣла разгромъ со стороны католической черни, предводительствуемой іезуитскими студентами (въ пасху 1598 г.), причемъ виновные, повидимому, не понесли никакого наказанія. Польское правительство не только съ трудомъ давало новые привилеи на открытіе новыхъ православныхъ школъ, но и лишало своего покровительства существующія, несмотря на присягу короля соблюдать вѣротерпимость и вырванную рокошемъ Зебржидовскаго сеймовую конституцію «о греческой религіи» 1607 г. Отсюда нападенія латино-уніатовъ на школы въ Вильнѣ, Минскѣ, Луцкѣ, отнятіе могилевскаго, бѣльскаго, пинскаго и др. училищъ.

Съ воцареніемъ Владислава легче вздохнулось западнорусскимъ школамъ, и у православныхъ блеснула надежда на возможность свободнаго развитія учебнаго дѣла въ томъ направленіи,

какое руководители его считали самымъ подходящимъ въ интересахъ церкви и русскаго народа. Но надежда скоро померкла: оказалось, что благожелательность и здравомыслiе короля мало значатъ при фанатизмѣ римско-католическаго духовенства и близорукости пановъ... Послѣ того, какъ «Статьями для успокоенiя народа русскаго греческой религiи», подписанными Владиславомъ IV въ ноябрѣ 1632 г., и дипломомъ его отъ 14 марта 1633 г. была гарантирована диссидентамъ, вообще, и православнымъ, въ частности, свобода религiозныхъ отправленiй и просвѣтительныхъ начинанiй, а сепаратными грамотами—права отдѣльныхъ братствъ и ихъ школъ,—Альбертомъ Радивилломъ была основана въ Пинскѣ iезуитская коллегiя и закрыта только что утвержденная королемъ пинская школа, потому именно, что она могла повредить iезуитамъ, такъ какъ «фотиніане» намѣрены были вести ученiе на латинскомъ языкѣ. Петръ Могила испросилъ у короля на коронацiонномъ сеймѣ титулъ и привилегiи академiи для кiевской братской школы, но утвердить ихъ своими подписями не пожелали ни канцлеръ (Холмскiй бискупъ Задзикъ), ни подканцлеръ (Ѳома Замойскiй). Мало того, въ томъ же году кiевское католическое духовенство возбудило протестъ противъ латинскаго характера основаннаго Могилой училища. Протестовавшiе сообщали, что Петръ Могила «сотворилъ школы и академiю якуюсь», въ которой юношеству преподаются на польскомъ и латинскомъ языкахъ почти всѣ тѣ науки, какiя читаются въ коронныхъ коллегiяхъ, получившихъ привилегiю, почему искали съ него 50 тысячъ копъ грошей литовскихъ убытку [1]).

Такъ какъ Петръ Могила неуклонно шелъ къ своей цѣли и, открывъ въ 1634 г. новую латинскую коллегiю въ Винницѣ (вѣрнѣе, преобразовавъ существовавшее тамъ братское училище), намѣтилъ еще нѣсколько пунктовъ для учрежденiя школъ по типу

---

[1]) Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. Синодѣ, № 631. Копа грошей въ это время равнялась рублю слишкомъ (въ 1629 г.—1 р. 18,90 коп., въ 1640—1 р. 8,45 коп.—Горбачевскiй, словарь древняго актоваго языка сѣв.-зап. края... 1874, 332 стр.).

кіевской, то латино-уніатская партія пустила въ ходъ другія средства борьбы. На винницкую православную школу напали католическіе ученики (повидимому, ученики винницкой іезуитской коллегіи),—и вотъ латино-уніаты обвиняютъ православныхъ въ своевольномъ поведеніи и нарушеніи спокойствія. Въ результатѣ этого въ концѣ 1634 г. послѣдовало королевское распоряженіе о низведеніи кіевской коллегіи на уровень низшаго учебнаго заведенія и о закрытіи винницкой и др. школъ; вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было уничтожить кіевскую типографію съ латинскимъ шрифтомъ. Вмѣсто этого Петръ Могила поручилъ бывшему префекту кіевской коллегіи Сильвестру Коссову литературную защиту ея и другихъ православныхъ школъ. Послѣднее представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что какъ разъ въ это время какой то анонимъ-католикъ выпустилъ сочиненіе, направленное противъ тѣхъ школъ. Въ сочиненіи этомъ, до насъ не дошедшемъ, проводились двѣ мысли: первая, что въ школахъ, открытыхъ Петромъ Могилой, преподается ученіе еретическое (лютеранское, кальвинское и соцініанское), что́ доказывалось заграничнымъ, протестантскимъ образованіемъ ихъ наставниковъ и кальвинскимъ образомъ мыслей главы православной церкви п. Кирилла Лукариса; вторая—что православные въ своихъ школахъ могутъ производить обученіе только на русскомъ и на греческомъ языкахъ, ибо польскіе короли будто бы никогда не дозволяли имъ заводить училища съ расширенной программой и съ латинскимъ языкомъ, почему латинскія школы въ Кіевѣ и Винницѣ существуютъ незаконно. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ отвѣтѣ (Exegesis, to-jest: Danie sprawy o szkołach kiowskich y winickich. 1635), опровергши обвиненіе въ еретичествѣ православныхъ учителей и сославшись мимоходомъ на то, что они получили образованіе въ католическихъ академіяхъ [1]) Польши, Литвы и Германіи (страны цезарской), доказываетъ необходимость для православныхъ знанія ла-

[1]) Впослѣдствіи и авторъ Лиѳоса увѣрялъ, что никто изъ наставниковъ коллегіи не учился въ протестанскихъ (еретическихъ) школахъ (Арх. юго-зап. Россіи I, ч. IX, 377).

тинскаго языка. «Но какая же надобность въ латинскихъ школахъ нашему народу?» спрашиваетъ онъ. «Та, прежде всего, чтобы бѣдную нашу Русь не звали глупою Русью. «Учитесь, говоритъ клеветникъ, по-гречески, а не по-латыни». По правдѣ, хорошій совѣтъ, но онъ болѣе полезенъ въ Греціи, чѣмъ въ Польшѣ, гдѣ латинскій языкъ наиболѣе успѣваетъ. Поѣдетъ бѣдняга русинъ на трибуналъ, на сеймъ, на сеймикъ, въ городской или земскій судъ,—безъ латины платитъ вины, безъ нея ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла; а только присматривается то къ тому, то къ другому, вытаращивъ глаза, какъ коршунъ. Не нужно насъ побуждать къ изученію греческаго языка: стараемся и о немъ при латинѣ, такъ что, дастъ Богъ, онъ будетъ у насъ для церковнаго употребленія, а латина—для судебныхъ нуждъ (Graeca ad chorum, a łacina-ad forum). Не вспоминаемъ о диспутахъ: немного надиспутировалъ бы въ Польшѣ по-гречески. «Зачѣмъ, говоритъ клеветникъ, Руси учиться (у себя) латыни? пусть учатся ей у римлянъ». Красивый для меня дятелокъ, да еще съ носикомъ (piękny ś mi dzięciołek, a ieszcze y z noskiem): совѣтуешь намъ ходить по міру за хлѣбомъ, когда мы имѣемъ его дома. Побирались мы имъ въ прежнее время по Ингольштадтамъ, Ольмюцамъ; а въ настоящее время, по милости Божіей, и сами имѣемъ его достаточно, и другихъ одолжаемъ. О жадность неизмѣримая!». Затѣмъ упрекъ въ незаконности существованія латинскихъ училищъ у православныхъ Коссовъ опровергаетъ ссылкой на привилегіи братскимъ школамъ Вильны и Львова и на дипломъ Владислава IV. «И если въ королевскомъ дипломѣ нѣтъ слова «латинскія» школы, то нѣтъ въ немъ также словъ: «русскія, греческія». Такъ неужели намъ нельзя учить по-русски и по-гречески?» Клеветникъ говоритъ о невѣжествѣ русскихъ поповъ, забывая, что его богословы, проповѣдники, духовники, ораторы всѣ вышли изъ школъ. «Поэтому ты, полный святыни народъ русскій, при иныхъ, издавна тебѣ принадлежащихъ «вольностяхъ», всегда послѣдовательно подтверждавшихся чрезъ помазанниковъ Божіихъ ихъ присягой, и въ настоящее время наипокорнѣйше умоляй, чтобы тебѣ не возбраняли сей манны свобод-

ныхъ наукъ, а, напротивъ, сжалившись надъ настоятельной твоей нуждой, позволили фонтану почтенныхъ музъ разливаться у тебя океаномъ, при содѣйствіи твоей же братіи, воспитанной въ твоей древней религіи. Потому что отсюда твои церкви наполнятся священниками, при богобоязненности и просвѣщенными; твои каѳедры зацвѣтутъ краснорѣчивыми проповѣдниками; потомки твои, утвержденные (udyamentowane) въ отеческой вѣрѣ ораторски, философски, юридически, прославятся мнѣніями, сужденіями, доводами на общихъ сеймахъ, правосудныхъ трибуналахъ, на рокахъ, рочкахъ, въ земствахъ. Твои ходатаи никогда не перестанутъ во всякихъ судахъ домогаться справедливости и тщательно оберегать свои права» [1]). Exegesis Коссова сыгралъ свою роль: онъ не только измѣнилъ мѣстное общественное мнѣніе о кіевской и другихъ братскихъ школахъ, но и повліялъ на сеймъ 1635 г. По изданному на этомъ сеймѣ королевскому диплому, православнымъ позволено было изучать греческій и латинскій языки,. съ тѣмъ однако, чтобы гуманныя науки (humaniora—свободныя) преподавались не далѣе діалектики и логики [2]).

Такимъ образомъ мы подошли ко второму періоду западнорусской образованности—могилянскому. Въ какія же формы отлилась она, что представляла изъ себя кіевская коллегія въ началѣ и послѣ до конца XVII ст., чѣмъ было вызвано ея появленіе и въ какія отношенія стала она къ православнымъ школамъ предшествующаго періода?.

III.

Въ лицѣ братскихъ училищъ русская педагогика успѣла стать въ непосредственныя отношенія къ западно-европейской и

---

[1]) Голубевъ, Исторія кіевской дух. академіи, I, прилож. 83, 84. Петръ Могила, II, 263—267. Цѣликомъ Exegesis будетъ напечатанъ проф. Голубевымъ въ VIII томѣ I части Архива юго-зап. Россіи.

[2]) Напечатанъ въ Архивѣ юго-зап. Россіи, I, VI, № 280 и въ прилож. къ сочиненію Н. И. Петрова: «Кіевская академія во второй половинѣ XVII в.» (Труды кіев. дух. акад., 1895, III).

научная дѣятельность получила большое оживленіе, такъ какъ умножились ея источники,—тѣмъ не менѣе были поводы къ недовольству ими. Съ одной стороны, сближеніе съ латино-польской наукой не было полнымъ и во многихъ школахъ едва-ли простиралось далѣе основаній латинской грамматики, преподаваніе которой, какъ и другихъ наукъ, происходило на русскомъ или славянскомъ языкѣ. Съ другой,—нѣкоторые учебные предметы все еще изучались и старыми дидактическими пріемами, и по старымъ учебникамъ. Наконецъ слабую сторону нашихъ училищъ составлялъ преподавательскій персоналъ. Нигдѣ онъ не носилъ такого разнообразнаго и случайнаго характера, какъ въ братскихъ училищахъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и дьяковъ школьныхъ—представителей старой русской педагогіи, и грековъ разнообразныхъ іерархическихъ степеней, и московскихъ выходцевъ, и учениковъ іезуитскихъ школъ, и протестантскихъ педагоговъ, и студентовъ замостской и, вѣроятно, краковской академіи. Даже наиболѣе богатое виленское братство съ трудомъ добывало нужныхъ учителей. Предъ 1619 г. оно повсюду «промышляло своего рода и благочестія трудолюбны (и искусны) учители имѣти», но, не найдя, просило львовское братство прислать кого-нибудь, хотя бы и не славнаго мнимой ученостью, а затѣмъ вынуждено было со скорбью сердца нанять для своей школы «иновѣрныхъ нѣмецъ», которые долго не переводились въ ней... Къ мысли посылать своихъ питомцевъ въ иновѣрныя школы для продолженія образованія братства пришли сравнительно поздно, да и тутъ не обходилось безъ непріятностей, такъ какъ были случаи совращенія ихъ въ инославіе. Скудна была учеными силами и кіевская школа, какъ объ этомъ можно, пожалуй, заключить по отказу м. Іова Борецкаго послать русскаго учителя въ Слуцкъ для кальвинской гимназіи (1624). Видя все это, Петръ Могила, человѣкъ, самъ знакомый и съ братской педагогіей и, кажется, съ заграничными университетами, какъ только получилъ власть въ западно-русской церкви, задался цѣлью снабдить Русь такими учебными заведеніями, которыя, будучи по духу строго православными, не уступали бы лучшимъ коллегіямъ западно-европейскимъ и поль-

скимъ и, стоя въ уровень съ потребностями времени, могли-бы давать своимъ питомцамъ полное и всестороннее образованіе и сдѣлали бы излишними поѣздки за границу для восполненія пробѣловъ домашняго образованія. Могила началъ съ того, что послалъ за границу для довершенія образованія нѣсколькихъ молодыхъ монаховъ, а затѣмъ, будучи во Львовѣ въ 1631 г., пригласилъ въ предположенное имъ къ открытію лаврское училище двухъ тамошнихъ братскихъ учителей—монаховъ Сильвестра Коссова и Исаію Трофимовича, прошедшихъ католическія академіи въ Замостьѣ (и, можетъ быть, въ Краковѣ). Такимъ образомъ положено были основаніе контингенту учителей съ высшимъ образованіемъ, отъ которыхъ, можно было надѣяться, пойдетъ рядъ правоспособныхъ преподавателей, не чуждыхъ польско-европейской науки и въ то же время не обязанныхъ ѣздить за границу для обновленія своихъ знаній. Важно было имѣть подъ руками запасъ учебныхъ пособій, и вотъ самъ Петръ Могила дѣлаетъ въ Варшавѣ и Львовѣ закупку книгъ (1632—1633 г.г.). Изъ 86-ти номеровъ купленныхъ имъ книгъ огромная часть приходится на долю твореній св. отцовъ и учителей церкви и историческихъ сочиненій. Неизвѣстно, попало ли что-нибудь изъ нихъ въ училище Могилы и пользовались ли этими книгами въ качествѣ учебныхъ пособій. Но для коллегіи, конечно, были пріобрѣтены слѣдующія изданія: латинскій словарь Кнапа (III-ій томъ въ двухъ экземплярахъ), комедіи Плавта, трагедіи Сенеки и Кавзина (іезуита-педагога), Ювеналъ, Горацій съ комментаріями Ламбина, Марціалъ съ схоліями, Цицероновы рѣчи, письма и «обязанности» съ комментаріями Мануція, комментаріи Іакова Понтана на Овидіевы Метаморфозы, «Печали» и «Къ Морю», его-же—Poëticae institutiones, Кавзина—О краснорѣчіи (2 экз.), Сарбіерія Лирика, Мануція Римскія древности, Тригонометрія, Липсія введеніе въ стоическую философію, Массія Логика и Метафизика (2 экз.) [1]).

---

[1]) Каталоги напечатаны въ рефератѣ проф. С. Т. Голубева: «О составѣ библіотеки Петра Могилы» (Труды III археологич. съѣзда въ Россіи, II. (Кіевъ, 1878).

Проектированная Петромъ Могилой школа для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ была открыта осенью 1631 г. въ лаврѣ, при св.-троицкой церкви [1]). Она состояла изъ философскаго отдѣленія и пяти низшихъ классовъ: инфимы, грамматики, синтаксимы, риторики и поэзіи, съ изложеніемъ наукъ главнымъ образомъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Уже это внѣшнее устройство лаврской школы и преподавательскіе языки даютъ видѣть, что образцомъ для нея послужили іезуитскія коллегіи съ философскимъ курсомъ. До послѣдняго времени эта мысль была общепринятой. Но въ 1895 г. проф. Н. И. Петровъ усмотрѣлъ источники устройства кіевской коллегіи, наряду съ іезуитскими, еще въ піарскихъ школахъ [2]). Орденъ піарскій (ordo scholarum piarum), основанный въ началѣ XVII ст., имѣлъ своею цѣлью единственно первоначальное воспитаніе юношества, но впослѣдствіи открылъ и высшіе, философскіе классы. Но самъ же проф. Петровъ признаетъ, что «іезуитскія и піарскія коллегіи въ XVII в. въ существѣ дѣла принадлежали къ одному и тому же типу учебныхъ заведеній и имѣютъ даже генетическое родство между собою, такъ какъ піарскія коллегіи весьма много заимствовали у іезуитскихъ коллегій». Съ другой стороны, орденъ піаровъ былъ допущенъ въ польское королевство лишь въ 1642 г., уже по учрежденіи Кіево-могилянской коллегіи, и Петру Могилѣ не зачѣмъ было брать образецъ для послѣдней въ малоизвѣстныхъ еще западно-европейскихъ низшихъ піарскихъ школахъ, когда предъ его глазами были пользовавшіяся довольно хорошей репутаціей іезуитскія коллегіи. При многихъ недостаткахъ послѣднихъ, ярко бросались въ глаза положительныя ихъ качества: религіозное воспитаніе, недурно поставленное изученіе латинскаго и даже греческаго языка, развитіе стихотворнаго искусства, знакомство съ риторикой и діалектикой, столь важными въ

---

[1]) Такъ извѣщалъ православную Русь 18 ноября 1631 г. самъ Петръ Могила.

[2]) «Кіевская академія во второй половинѣ XVII в.» (Труды Кіев. дух. Академіи, 1895, II).

тогдашней конституціонной Польшѣ, разнообразіе свѣдѣній по другихъ предметамъ (правда, отрывочныхъ и не глубокихъ), развитіе въ ученикахъ умѣнія держать себя въ обществѣ, внутренняя упорядоченность въ коллегіяхъ и строгая субординація, спектакли, публичные экзамены... Быть можетъ, проф. Петровъ склонился къ своей мысли въ виду того соображенія, что, «піары были менѣе фанатичны, чѣмъ іезуиты, отличались скромностью, не вмѣшивались въ свѣтскія дѣла и воспитывали юношество въ строгихъ сравнительно порядкахъ», каковыя свойства онъ находилъ и у воспитанниковъ Кіево-могилянской коллегіи XVII в. Но помѣщенныя въ XXIII т. Актовъ Виленской археографической комиссіи жалобы на безчинства и буйства піарскихъ учениковъ въ Холмѣ, по отношенію къ частнымъ лицамъ и къ монахамъ уніатскаго монастыря, заставляютъ смотрѣть на піарскія школы нѣсколько другими глазами. Съ другой стороны, свидѣтельство І. Галятовскаго о своеволіи учениковъ кіевской коллегіи, спасавшихся отъ наказанія къ іезуитамъ (еще при жизни Петра Могилы!—«Фундамента и штурмы», 1683), и частыя напоминанія польскаго и русскаго правительства о томъ, чтобы въ Кіево-могилянскую коллегію не принимались люди буйные, непослушные,—не позволяютъ идеализировать ея воспитанниковъ [1]).

---

[1]) А вотъ что писалъ въ 1710 г. проѣзжавшій чрезъ Кіевъ московскій свящ. Іоаннъ Лукьяновъ: «Въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ много; попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучитъ—тогда пришедши ночью да и укокошатъ хозяина-то; а изъ двора корову или овцу сволокутъ; нѣтъ на нихъ суда; скаредно сильно; попущено воровать пуще московскихъ солдатъ; а вечеръ пришелъ, то и пошли по избамъ псалмы пѣть, да хлѣба просятъ; даютъ имъ всячиною: и деньгами и хлѣбомъ, а иные имъ даютъ убоясь. (Рус. архивъ, 1863 (изд. 2), 150; id. Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева, II (1874), отд. II, 120, 121). Ср. «Очерки народной жизни въ Малороссіи» (57—«Кіевскіе студенты)» Ор. Левицкаго (Кіев. Стар., 1901, дек.), «Челобитье» кіевскихъ мѣщанъ на студентовъ академіи «за князя Хованскаго» въ «Сборникѣ матеріаловъ» И. Каманина (1840) и грамоту п. Адріана отъ 27 апр. 1699 г. (Тр. Кіев. дух. акад. 1900, дек., 604, 605).

Не касаясь всѣхъ особенностей строя и быта Кіево-могилянской коллегіи въ XVII в. [1]), обратимся къ тому, что составляетъ предметъ нашего очерка—къ учебной сторонѣ.

Невыяснено, съ чего и какъ начиналось преподаваніе въ кіевской коллегіи. Возможно, что первые уроки латинскаго языка—главнаго учебнаго предмета въ низшихъ классахъ—излагались по-русски или по-польски, но послѣ вели ихъ по-латыни, какъ это было и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, тѣмъ болѣе, что принятъ былъ и учебникъ іезуитскій—грамматика Альвара. Впослѣдствіи, въ 1670 г., въ лаврѣ былъ изданъ Элементаръ на польскомъ и латинскомъ языкѣ (Эйнгорнъ, О сношеніяхъ малорос. духовенства съ москов. провительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, 870, 872),—очевидно, латинская азбука на польскомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ латинскій языкъ занималъ въ Кіево-могилянской коллегіи XVII в. первое мѣсто,—на немъ читали всѣ предметы. начиная съ риторики и кончая богословіемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся доселѣ рукописные ихъ курсы [2]). Почти всѣ они носятъ латинскій заголовки и написаны по-латыни (только нѣкоторые и по-польски, напр., риторика Лазаря Барановича, 1647 г.). И это положеніе латинскаго языка въ кіевской коллегіи понятно,—оно отобра-

---

[1]) Изъ новѣйшихъ трудовъ объ этомъ можно читать въ статьѣ проф. Петрова (Тр. Кіев. дух. акад., 1895, II, Ш,), въ рѣчи проф. Голубева: Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII ст. (ibid., 1901, ноябрь), въ книгѣ г. Яблоновскаго: Akademia Kijowsko-Mohiłańska (Krakow, 1899, 1900).

[2]) У проф. Петрова ихъ зарегистровано 39 номеровъ (Сюда вошли учебники риторики, піитики, діалектики, и логики, философіи, богословія. Тр. кіев. дух. акад., 1895, Ш, 597—607). Это число можетъ быть увеличено двумя учебниками риторики (Чт. въ Общ. Нестора Лѣтоп., XIV, вып. I,—сообщеніе В. Н. Перетца), учебникомъ ариѳметики, геометріи и пасхаліи (Кіево-софійская библіотека, № 577), руководствомъ по поэзіи (Синод. типогр. библ.,—Тр. кіев. дух. ак., 1901, ноябрь 361, прим. 21: Голубевъ, Кіевская академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Рѣчь на годичномъ актѣ академіи).

жало роль его во всемъ тогдашнемъ учебномъ и ученомъ мірѣ. И не даромъ право изучать его такъ отстаивалъ Сильвестръ Коссовъ, а послѣ авторъ (или авторы) Лиѳоса (1644) [1]).

Польскій языкъ былъ въ польско-русскомъ государствѣ языкомъ общества,—и обойтись безъ него въ русской городской школѣ нельзя было уже потому, что, вѣроятно, его знала практически большая часть поступившихъ туда учениковъ. Не малозначителенъ тотъ фактъ, что въ польскомъ языкѣ не отказывалъ русскимъ даже Саковичъ, почему и автору Лиѳоса не приходилось доказывать его пользу и необходимость. Впослѣдствіи, въ 1687 г., львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій писалъ своему епархіальному духовенству: «Сама справедливость и нужда духовная требуютъ отъ насъ, живущихъ въ Коронѣ польской, чтобы мы могли отвѣчать римско-католическому духовенству на его языкѣ, чтобы священникъ могъ бесѣдовать съ паномъ по свѣтски, не затрудняясь отвѣчать ему. Потому то духовенству нашему православному нужно знать не только славянскій языкъ, но и польскій, а если можно, то и латинскій». Онъ же свидѣтельствуетъ, что въ галицкой школѣ въ это время изучались польскій и латинскій языки, наряду съ русскимъ и славянскимъ (Ар. Зап. Р., V, № 168). Въ брестской православной школѣ, возобновленной въ 1633 г. и утвержденной въ 1641 г., преподаваніе велось по-русски и по-польски. Въ кіевской и винницкой коллегіяхъ польскій языкъ стоялъ если не наравнѣ съ латинскимъ, то вслѣдъ за нимъ. [2]). Курсы риторики и піитики этихъ

---

[1]) Въ Лиѳосѣ необходимость для русскихъ изученія латинскаго языка доказывается, кромѣ его административнаго и судебнаго значенія въ Польшѣ, употребленіемъ его на религіозныхъ диспутахъ и тѣмъ, что на немъ написано множество и богословскихъ, и свѣтскихъ книгъ (Арх. юго-зап. Россіи, I, IX, 375. 376).

[2]) Въ грамотѣ кор. Михаила кіевской коллегіи 1670 г. говорится, что шляхта и обыватели кіевскаго воеводства, по соглашенію съ м. Петромъ Могилой, постановили въ 1633 г. основать при братской богоявленской церкви гимназію для изложенія наукъ на *польскомъ*, латинскомъ и греческомъ языкахъ, на что получили и привилей

школъ представляютъ цѣлыя страницы выдержекъ изъ польской беллетристики и чисто польскихъ цвѣтовъ краснорѣчія [1]). О положеніи въ кіевской школѣ польскаго языка свидѣтельствуетъ та литература, преимущественно панегирическаго (первый опытъ—«Mnemozyne sławy» 1633) и богословско-полемическаго характера (начинается Exegesis'омъ и Πατερικον'омъ Сил. Коссова 1635), которая расцвѣла здѣсь въ теченіе XVII ст.—Интересно, что когда въ 1693 г. м. Варлаамъ Ясинскій просилъ русскихъ государей объ утвержденіи кіевскаго училища съ предоставленіемъ права учить на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и польскомъ языкахъ,—о послѣднемъ въ отвѣтной грамотѣ умолчано [2]).

Русскій языкъ въ кіевской коллегіи былъ въ нѣкоторомъ загонѣ, что видно изъ отсутствія грамматики его, хотя отличіе отъ славянскаго было давно уже сознано, какъ сознана была и національная нужда его изученія. Но если и прежде, въ домогилянскій періодъ нашего школьнаго образованія, отличавшійся общесословностію и народностію, русскій языкъ назывался «простою мовою», «простѣйшимъ» и «подлѣйшимъ», въ противоположность высокимъ качествомъ славянскаго, то теперь въ нашу духовно-учебную корпорацію проникли польско-шляхетскія понятія, которыя на поло-

отъ к. Владислава, но этотъ привилей погибъ въ бѣдственныя времена, и существованіе его въ 1670 г. доказывалось разными другими документами (Пам. Кіев. Ком., изд. 2 (1898), т. 1 и 2, 464). Мы сомнѣваемся въ существованіи его. Хотя Петру Могилѣ легко было бы выхлопотать для своей школы привилегію, но онъ ея не получилъ, иначе Сил. Коссовъ въ своемъ Exegesis'ѣ сослался бы на нее въ подтвержденіе права кіевскихъ учителей учить по-латыни (а не на общій только дипломъ 14 марта 1633). Неполученіе привилея Могилой можно объяснить тѣмъ, что онъ добивался для своей школы грамоты на титулъ академіи, но не получивъ ея, остался совсѣмъ безъ сепаратнаго привилея.

[1]) Въ такой формѣ риторика съ поэзіей преподавалась и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, въ одной изъ которыхъ была даже сдѣлана попытка приложенія правилъ ихъ къ польскому языку.

[2]) Арх. юго-зап. Россіи, I, V, 388. Пам. Кіев., Ком., изд. 2, т. 2—1, 489.

женіи русскаго, народнаго языка должны были отразиться еще печальнѣе [1]). Тѣмъ не менѣе, если онъ не сталъ учебнымъ предметомъ, то на немъ все же преподавали нѣкоторыя науки (что́ допустить было тѣмъ необходимѣе, что онъ не былъ исключенъ даже изъ іезуитскихъ и протестантскихъ училищъ). Такъ, на немъ изучался катихизисъ, изданный въ 1645 г. въ печерской лаврѣ подъ названіемъ: «Събраніе краткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской» [2]). На южно-русскомъ же языкѣ былъ написанъ въ 1665 г. еще одинъ катихизисъ [3]). Затѣмъ, проф. Петровъ полагаетъ, что напечатанная въ приложеніи къ сборнику проповѣдей Іоанникія Галятовскаго (къ «Ключу разумѣнія») «Наука албо способъ зложеня казаній» «есть не что иное, какъ примѣненіе къ проповѣдничеству риторическихъ правилъ, которыя преподавалъ Галятовскій въ Кіево-могилянской коллегіи въ $165^{7}/_{8}$ году» (гомилетика преподавалась въ Кіевѣ не какъ отдѣльный предметъ, а какъ прикладная часть риторики). Возможно, что и піитика не отказывалась заниматься составленіемъ стиховъ именно на русскомъ языкѣ. По крайней мѣрѣ первое (и единственное) стихотвореніе, вышедшее изъ лаврской еще школы Петра Могилы—«εὐχαριστήριον албо вдячность» (29

---

[1]) Уже въ Литосѣ говорится о своевольныхъ украинскихъ хлопахъ... а Іоанникій Галятовскій, ректоръ коллегіи, производя «панскій и духовный станъ» (состояніе, сословіе) отъ Сима и Іафета, родоначальника «поспольству» (простымъ обывателямъ) «видѣлъ въ Хамѣ». (Эйнгорнъ, о. с., 482. О паденіи въ Малороссіи XVII в. и въ коллегіи демократическихъ принциповъ см. еще у Ор. Левицкаго—Кіевская Старина, 1901, декабрь, 452).

[2]) Перепечатанъ въ прилож. къ «Петру Могилѣ«, II, № 81. Первое его изданіе на польскомъ языкѣ имѣло въ виду главнымъ образомъ опроверженіе написанныхъ по-польски сочиненій враговъ церкви православной («Предмова до чителника»).

[3]) Напечатанъ въ прил. (VI) къ статьѣ проф. Петрова въ Трудахъ Кіев. дух. акад. 1895, III, 608—632. Правда, въ поэтическомъ классѣ катихизисъ проходился, въ видѣ повторенія, еще разъ—на латинскомъ языкѣ (ibid., 223. 609).

марта 1632 г.),—написано по-русски. Нельзя, конечно, не усматривать въ этомъ произведеніи «профессора риторики Софронія Почасскаго» вліянія братской дидактики, такъ какъ Почасскій—ученикъ К. Саковича и одинъ изъ сотрудниковъ его по составленію Виршей на смерть гетмана Сагайдачнаго (1622). Но и послѣ питомцы коллегіи писали русскіе стихи. Такъ, Симеонъ Полоцкій, учитель братской полоцкой школы, учившійся въ Кіевѣ предъ 1650 г., подноситъ ц. Алексѣю Михайловичу привѣтственные стихи на русскомъ языкѣ (1656); на немъ же написаны стихи на возвращеніе въ Полоцкъ изъ Москвы иконы Божіей Матери (1659). Да и въ Москвѣ Полоцкій усердно занимался стихосложеніемъ на русскомъ языкѣ [1]). Извѣстно, что и въ самомъ концѣ XVII ст. въ поэтическомъ и риторическомъ классахъ кіевской коллегіи происходили опыты стихосложенія на русскомъ языкѣ, наряду съ латинскимъ и польскимъ [2]). Вернувшійся въ 1689 г. въ Кіевъ послѣ окончанія образованія въ Познани и Вильнѣ, кіевскій питомецъ Стефанъ Яворскій подвергся въ родной коллегіи испытанію и при этомъ обнаружилъ такое искусство въ составленіи русскихъ, польскихъ и латинскихъ стиховъ, что былъ почтенъ званіемъ лавроноснаго поэта (poëta laureatus) [3]).

Хотя еще братская школа знала двѣ грамматики славянскаго языка (Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго) и два словаря его (Л. Зизанія и Памвы Берынды)—положеніе его въ кіевской коллегіи было настолько не высоко, что Симеонъ Полоцкій, переѣзжая въ Москву, долженъ былъ взяться за учебникъ его, чтобы выработать свой литературный языкъ и возвести его до

---

[1]) А. Н. Майковъ, Очерки изъ исторіи русской литературы XVIII ст. (Спб., 1889), 7—9.

[2]) «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи»—Труды академіи, 1866, іюль, 323. 324.

[3]) «М. Стефанъ Яворскій»—Тр. кіев. дух. акад., 1864, янв., 56. 57. Отмѣтимъ, что въ 1670 г. гетманъ Дорошенко добивался отъ польскаго правительства фундованія въ Кіевѣ (и еще въ одномъ городѣ) академіи съ преподаваніемъ на греческомъ, латинскомъ и *русскомъ* языкѣ (А. Ю. и З. Р., IX, №№ 47 и 77, стр. 199 и 302. 303).

чистоты языка древнихъ церковныхъ книгъ, какъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ:

«Писахъ въ началѣ по языку тому,
Иже свойственный бѣ моему дому.
Таже увидѣвъ многу пользу быти
Славенску ся чистому учити.
Взяхъ грамматику, прилѣжахъ читати;
Богъ же удобно даде ю ми знати..:
Тако славянскимъ рѣчемъ приложихся;
Если далъ Богъ, знати научихся;
Сочиненіе возмогохъ познати
И образныя въ славянскомъ держати (Изъ предисловія къ «Ріѳмологіону»,—у Майкова).

«И усилія Симеона, говоритъ его біографъ Л. Н. Майковъ, не были напрасными: въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя имъ написаны въ Москвѣ, мы дѣйствительно находимъ довольно чистый церковно-славянскій языкъ, почти свободный отъ польскихъ и западно-русскихъ формъ, словъ и оборотовъ»... Для характеристики положенія славянскаго языка въ кіевской коллегіи, важно также свидѣтельство ея воспитанника Іоанна Максимовича, въ предисловіи къ латино-славянскому словарю 1724 г.: «Дивно, что училища латинская въ Малой Россіи отъ Петра Могилы, митрополита кіевскаго, вящше отъ осьмидесяти лѣтъ въ Кіевѣ основанная, даже доселѣ отъ полоно-латинскихъ и латино-польскихъ лексиконовъ въ ученіяхъ своихъ пользовавшася и сего ради въ свойственномъ себѣ словенскомъ оскудѣваху языцѣ» [1].

---

[1]) Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., I, 194.— Въ Кіевѣ въ теченіе всего XVII ст. напечатанъ только одинъ букварь славянскаго языка 1664 г. Изъ другихъ мѣсть зап. Россіи славянскіе буквари были издаваемы—въ Вильнѣ въ 1621 и 1652 г. Кутеинѣ 1631, Львовѣ 1671, 1692 и 1710 годахъ (ib., 169. 170), Черниговѣ 1680 г. (Сумцовъ, Лазаръ Барановичъ 31).—О положеніи славян. языка въ кіевской коллегіи XVII в. и у малороссійскихъ писателей и объ отношеніи его къ народному существуетъ изслѣдо-

Относительно греческаго языка въ Кіево-могилянской коллегіи у ея новѣйшаго историка проф. Петрова находимъ слѣдующія строки: греческій языкъ преподавался по Гретперу, принятому также въ іезуитскихъ коллегіяхъ [1]). Но уже въ 1649 г. преподаваніе греческаго языка въ кіево-братской коллегіи значительно упало, какъ это видно изъ грамоты іерусалимскаго патріарха Паисія, который свидѣтельствуетъ, что греческій языкъ кіево-братскіе учителя знали только отчасти. А Варлаамъ Лащевскій въ предисловіи къ своей «Грамматикѣ греческаго языка» (Grammatica graecae linguae, Bresl., 1746) говоритъ, что до него греческій языкъ не преподавался въ кіевской академіи 100 лѣтъ (Тр. кіев. дух. ак., 1895, Ш, 222. 223). И эти извѣстія какъ будто подтверждаются примѣромъ Сим. Полоцкаго и свидѣтельствомъ Епифанія Славинецкаго. О Симеонѣ Полоцкомъ въ Москвѣ были убѣждены, что онъ «греческаго писанія ничтоже знаяше» («Остенъ», Казань, 1865 г., 71. 130). И, какъ оказывается, Полоцкаго затруднялъ греческій текстъ: при переводѣ на русскій языкъ Лигаридова «Опроверженія челобитной попа Никиты» онъ оставлялъ не переведенными цѣлыя греческія изреченія св. отцовъ и классическихъ писателей [2]). Мы лично убѣждены, что греческій языкъ въ кіевской коллегіи изучался и что Сим. Полоцкій его зналъ, но, по отсутствію практики, не владѣлъ имъ въ достаточной степени: вѣдь только у него могъ научиться греческому языку Сильвестръ Медвѣдевъ [3]). Что касается Епифанія Слави-

---

ваніе г. Житецкаго: «Очеркъ литературной исторіи мало-русскаго нарѣчія въ XVII в.» (Кіевъ, 1889).

[1]) Ссылка на Исторію школъ въ Польшѣ І. Лукашевича, у котораго авторъ беретъ и другое сообщеніе: Со времени Яна Казимира изъ іезуитскихъ школъ въ Польшѣ и Литвѣ былъ совершенно изгнанъ греческій языкъ, или же въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ, гдѣ его удержали, предоставлено желанію учениковъ учиться этому языку, или не учиться.

[2]) Мат. для ист. руск. раск., IX, стр. 12. Сменцовскій, о. с., 22, прим. 1.

[3]) Біографъ Медвѣдева г. Прозоровскій сообщаетъ, что въ библіотекѣ его были греческія книги (между прочимъ нѣсколько гре-

нецкаго, то онъ, по словамъ вошедшей въ «Остенъ» статьи о немъ и о Полоцкомъ, въ бесѣдѣ съ послѣднимъ въ 1673 г. далъ такое свидѣтельство по интересующему насъ вопросу: «наши кіевляне училися и учатся точію по-латинѣ и чтутъ книги токмо латинскія, и оттуду тако мудрствуютъ, а гречески не училися и книгъ греческихъ не чтутъ» (73). Изслѣдователи противополагаютъ этимъ «кіевлянамъ» (въ частности, Симеону Полоцкому) самого Славинецкаго, прекраснаго знатока греческаго языка. «Онъ воспитывался, говорятъ, въ братской школѣ до преобразованія ея Петромъ Могилой, т. е. до 1632 г., въ такое время, когда въ ней тщательно изучался греческій языкъ. Этимъ только и можно объяснить то обстоятельство, что Епифаній положилъ въ основу своего образованія глубокое знаніе греческаго языка, какое онъ проявилъ впослѣдствіи, въ своей учено-литературной дѣятельности въ Москвѣ» [1]). Хотя это мнѣніе сдѣлалось въ литературѣ общимъ мѣстомъ, есть нѣкоторыя основанія оспаривать его. Прежде всего, оно—только предположеніе, не опирающееся ни на какія свидѣтельства и не имѣющее за себя хронологическихъ датъ. Епифаній Славинецкій предъ переходомъ въ Москву въ 1649 г. состоялъ учителемъ въ братской школѣ. Если даже согласиться съ предположеніемъ г. Ротара, что учителемъ онъ сдѣлался въ 1642 г., такъ какъ совершенный имъ въ это время переводъ—передѣлка словаря Амвросія Калепина—имѣлъ въ виду нужды

ческихъ грамматикъ) и одна изъ нихъ испещрена собственноручными его замѣтками, доказывающими, что Медвѣдевъ не разъ читалъ ее, дѣлалъ поправки, выноски, толкованія и пр., а изъ одного показанія Медвѣдева видно, что онъ сличалъ напечатанную въ Москвѣ книгу филадельфійскаго митрополита Гавріила «О св. тайнѣ» съ рукописными переводами и съ греческимъ оригиналомъ. Ничего нельзя имѣть противъ предположенія, что Медвѣдевъ основательно познакомился съ греческимъ языкомъ впослѣдствіи, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что элементарныя, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія онъ получилъ въ школѣ Сим. Полоцкаго («Сил. Медвѣдевъ», М., 1896, 76. 79).

[1]) Ив. Ротаръ, «Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.» (Кіев Стар. 1900, октябрь, 6).

школы [1]), а предъ тѣмъ провелъ два года въ Печерскомъ монастырѣ (что не совсѣмъ вѣроятно), то нужно признать, что ученіе его за границей падаетъ на послѣдніе тридцатые годы XVII ст. [2]), а въ Кіевѣ—на первые, и что онъ, слѣдовательно, питомецъ уже Кіево-могилянской коллегіи, а не братской школы. А что его учено-литературная дѣятельность носила греческій характеръ, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Онъ самъ сознается, что вначалѣ едва совсѣмъ не увлекся латинскою мудростью: «Яко вмалѣ не прельстихся латинскаго мудрованія лестію,—говорилъ о себѣ Епифаній по свидѣтельству одного изъ его совре-

---

[1]) Кіев. Стар., 1900, окт., 10—13. Но правдоподобно, что въ учителя Славинецкій попалъ позже, иначе въ семь лѣтъ подвинулся бы въ школѣ въ старшіе классы и заявилъ бы себя какимъ-нибудь собственнымъ курсомъ—по риторикѣ или по философіи. (Извѣстно, что въ кіевской могилянской коллегіи, какъ и въ іезуитскихъ, учителя переходили съ учениками изъ класса въ классъ).—Оригиналъ первой филологической работы Славинецкаго хранится въ Москвѣ, въ библіотекѣ Главнаго архива Министерства иностр. дѣлъ, подъ № $^{241}/_{441}$. Рукопись озаглавлена: «Лексиконъ латинскій зкалепина преложенный на словенски лѣта отъ созданія мира ҂зрн» (7150—1642). С. Брайловскій, Филологическіе труды Епиф. Славинецкаго (Рус. филол. вѣстникъ, 1890, II, 236, 237). У г. Брайловскаго и у Вал. Погорѣлова (во 2 вып. Описанія библіотеки московской синодальной типографіи, Москва, 1899 г., предисловіе и текстъ, стр. 88 и слѣд.) читатель найдетъ сличеніе разныхъ рукописей и редакцій латино-славянскаго словаря Славинецкаго. Впрочемъ, нужно замѣтить, что проф. А. И. Соболевскій, основываясь на датѣ, признаетъ передѣлку Калепина принадлежащей не Славинецкому, а одному изъ переводчиковъ посольскаго приказа (Западное вліяніе на литературу Московской Руси, 72).

[2]) «Эпифаній Славинецкій» значится въ числѣ лицъ, посылавшихся за границу, въ спискѣ (черновомъ) нѣкоторыхъ начальствующихъ и учащихъ лицъ кіевской академіи, составленномъ въ 1820 г.; самая ранняя дата въ этомъ спискѣ—1633 г. (Тр. кіев. дух. акад., 1895, III, 596). Свидѣтельство о томъ же м. Евгенія (Епифаній Славинецкій обучался въ заграничныхъ академіяхъ въ началѣ XVII в.) очень неопредѣленно.

менниковъ,—дондеже не прочитая святыхъ отцевъ писаній греческихъ книгъ, но точію читая латинскія; егда же, озарився благодатію св. Духа, начахъ прочитати греческія книги, тогда лесть латинскую познахъ и въ писаніихъ ихъ новшество и блуды и растлѣнія уразумѣхъ и вся ихъ оплевахъ, за еже вся лживо и противно св. древлнимъ отцамъ пишуть; и оттолѣ писахъ, яже писахъ, съ греческихъ книгъ и себѣ написахъ книгу греческимъ діалектомъ, собравъ разумѣнія св. отцевъ множайшихъ, яже всегда прочитахъ; латинская же мудрованія вся отвергохъ» (у Сменцовскаго въ Прилож., стр. XXIII). «На основаніи этой выдержки можно заключать, пишетъ г. Ротаръ, что въ научныхъ убѣжденіяхъ Епифанія былъ переломъ. Если принять во вниманіе, что въ кіевской коллегіи онъ обучался до преобразованія ея Петромъ Могилой, когда греческое вліяніе нераздѣльно царило въ ней, то это увлеченіе латинскою наукою должно быть отнесено ко времени его пребыванія за границей» (ibid., 4. 10). Но оно совсѣмъ не имѣло бы мѣста, если бы въ кіевской школѣ у Епифанія было заложено такое твердое греческое основаніе. Наконецъ, не нужно забывать, что латинскій языкъ и ученіе въ Кіевѣ еще до Могилы получили преимущественное значеніе... Только личнымъ настроеніемъ Славинецкаго можно объяснить, что, при латинскомъ преимущественно образованіи, онъ изъ двухъ источниковъ богословскаго знанія, послѣ нѣкотораго колебанія, остановился на греческомъ и усвоилъ себѣ византійское отношеніе къ догматамъ [1]).

---

[1]) «Силлогисмомъ же—исповѣдывался Славинецкій—паче же латинскимъ, аще и доволенъ есмь въ тѣхъ, не послѣдую, ниже вѣрую; бѣгати бо силлогисмовъ, по св. Василію, повелѣваемся, яко огня, зане силлогисмы, по св. Григорію богослову, и вѣры развращеніе, и тайны истощеніе. Но послѣдую св. отцевъ, восточныя церкве учителей, преданію и ученію»... (Остенъ, 71).—Много раньше назвалъ Славинецкаго ученикомъ могилянской коллегіи Аскоченскій (Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею (1856), I, 148, 149, 160—162). Но онъ ничѣмъ не подтвердилъ своего мнѣнія. Также думаетъ и проф. Житецкій (Очеркъ литерат. исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. Кіевъ, 1889, 13).

Безъ сомнѣнія, греческій языкъ изучался въ Кіево-могилянской школѣ. Вѣдь и основана она была, какъ объявлялъ 18 ноября 1631 г. Петръ Могила, для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ, а въ 1635 г. Коссовъ заявлялъ, что они—учителя—при латинѣ не забываютъ и греки. Для преподаванія греческаго языка м. Могила искалъ грековъ, и въ 1645 г. для этой цѣли хотѣлъ было оставить въ Кіевѣ ученаго константинопольскаго архимандрита Венедикта (М. Макарій, XI, 131). И если дѣйствительно іерусалимскій патріархъ Паисій, посѣтивъ въ 1649 г. кіевскую коллегію, нашелъ въ ней дѣлателей, «юношъ благородныхъ правъ обучающихъ... ученіемъ словенскаго, яко свойственнаго, латинскаго, яко между латинами живущимъ имъ благопотребнаго, *отчасти* и нашего греческаго языка» (П. К. К., изд. 2, т. 1 и 2, 441),—московскому правительству тогда же было извѣстно, что двое изъ братскихъ учителей «божественнаго писанія вѣдущи и Еллинскому языку навычны и съ Еллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣютъ и латинскую рѣчь достаточно знаютъ», почему оно и просило прислать ихъ въ Москву на время «для справы библѣи и для риторскаго ученія»,— именно, какъ «учителей, божественнаго писанія вѣдущихъ и Еллинскому языку навычныхъ» (А. Ю. и З. Р., Ш, №№ 267, 330). Допускаемъ, что въ программѣ коллегіи греческій языкъ стоялъ не очень высоко, и готовы предположить, что поэтому именно племянникъ Арсенія Суханова Юрій учился ему предъ 1662 г. не въ Кіевѣ, а въ Валахіи [1]). Но все же онъ изучался. Иначе едва ли и. Паисій, просившій въ 1669 г. царя за коллегію, выразился бы, что въ Кіевѣ Богъ «вторые Аѳины, вмѣсто оныхъ грѣческихъ древнихъ, в Россіи воздвиже»... (С. Т. Голубевъ, кіевская академія (рѣчь), 37). И хотя въ жалованной грамотѣ Кіево-братскому монастырю к. Михаила, отъ 25 апр. 1670 г., его школа названа латинской, 10 октября того же года

---

[1]) У Паисія Лигарида. Вѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, I, (1891), 76—78, 439. Въ 1650 г. въ Валахіи находился какой то Ѳедоръ Русинъ, студентъ (id., II, вып. 1, изд. 2, (1894) 43).

король утвердилъ за нею старую, Владислава IV (?), привилегію на преподаваніе наукъ «польскимъ, латинскимъ и греческимъ языкомъ» [1]). Затѣмъ, и предъ московскимъ правительствомъ кіевскія духовныя власти и гетманъ не разъ хлопотали объ утвержденіи въ Кіевѣ «училищъ словенскимъ, греческимъ и латинскимъ языкомъ»: въ 1670 г. братскій игуменъ Варлаамъ Ясинскій (Эйнгорнъ, 683), въ 1685 г. гетманъ Ив. Самойловичъ [2]), въ 1693 г. м. Варлаамъ Ясинскій, просившій объ утвержденіи преподаванія въ Кіевѣ разныхъ предметовъ, отъ грамматики до богословія, на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и польскомъ языкахъ (ibid., 388), на что и послѣдовала 11 янв. 1694 г. грамота, разрѣшавшая ученіе «славеноросійскимъ и еллиногреческимъ и латинскимъ языкомъ», подтвержденная затѣмъ 26 сент. 1701 г. [3])

Грамматика, преимущественно латинскаго языка, въ кіевской коллегіи изучалась въ теченіе трехъ лѣтъ. Четвертый годъ изучалась поэзія. Дошедшіе до насъ рукописные курсы піитики (на латинскомъ языкѣ) дѣлятся на двѣ части: въ первой говорится о

---

[1]) П. К. К. изд. 2, т. 1—2, 461—465. Затрудняемся сказать, въ какой внутренней связи съ этими двумя грамотами к. Михаила стоятъ «Статьи, предложенныя гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ на съѣздѣ съ польскими эмиссарами въ Острогѣ» (10 мая 1670 г.), утвержденныя королемъ и напечатанныя 22 дек., и инструкція, данная Дорошенкомъ посламъ запорож. войска, отправленнымъ на польскій сеймъ, въ октябрѣ этого же года (А. Ю. и З. Р., IX, №№ 47 и 77). Въ обоихъ послѣднихъ документахъ содержится ходатайство о фундованіи въ Кіевѣ академіи съ *греческимъ*, латин. и русскимъ языками.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, V, 69: «Къ тому дабы не отриновенно было ученіе свободныхъ наукъ греческимъ і латинскимъ языкомъ, что издавна обыкло бывати подъ вѣдомостью митрополита въ Кіевѣ, въ монастырѣ братскомъ, яко і нынѣ подъ счастливымъ вашимъ царскаго величества обладаніемъ обрѣтается» (Ср. 77). Это ходатайство было удовлетворено царями въ томъ же году (ibid., 97, 99).

[3]) П. К. К., изд. 2, I—II, 489, 495 (ср. подтверждавшую ихъ жалованную грамоту имп. Елисаветы Петровны 11 дек. 1742,—ibid., 505).

поэзіи, природѣ ея, матеріи и формѣ, о стихѣ и о пособіяхъ (de subsidiis poëseos,—здѣсь кратко излагается греко-римская миѳологія и предлагаются индексы сентенцій и примѣровъ изъ классическихъ писателей), а во второй—о поэзіи въ частности, т. е. о видахъ ея (эпопея, комедія и трагикомедія, трагедія, буколическая и элегическая поэзія, эпиграмма). Изъ всѣхъ видовъ поэзіи въ Кіево-могилянской коллегіи преимущественно культивировались эпитафіи, вирши на радостные случаи въ жизни знатныхъ лицъ и вирши религіознаго содержанія, иногда въ драматической формѣ (мистеріи). Кіевская школьная поэзія, какъ и іезуитская, не была поэзіей въ собственномъ смыслѣ, а лишь стихотворствомъ, изложеніемъ мыслей и чувствъ въ строкахъ опредѣленнаго размѣра. Болѣе того, подчиненіе размѣру стиха и формѣ стихотворенія (акростихъ, «курьезный» стихъ—расположенный въ формѣ яйца, бокала, пирамиды) стѣсняло содержаніе и дѣлало изъ стихотворенія нѣчто искусственное, лишенное печати художественнаго творчества [1]).

Характеръ кіевской школьной поэзіи, ея источниковъ и основныхъ мотивовъ всего яснѣе выступаетъ въ конкретномъ примѣрѣ литературной дѣятельности Семеона Полоцкаго, кіевскаго воспитанника и усерднаго виршеслагателя, всегда питавшаго желаніе, «да риѳмотворное писаніе распространяется въ нашемъ славенскомъ книжномъ языцѣ», какъ процвѣтаетъ оно у другихъ народовъ. Самъ Полоцкій написалъ стихами очень много, составивъ изъ плодовъ своей музы два большіе сборника—«Риѳмологіонъ» (стихи «на случай») и «Вертоградъ многоцвѣтный» (пьесы разнообразнаго содержанія: подобія, образы, присловія, толкованія, эпитафіи, повѣсти, лѣтописныя сказанія, подписи къ картинамъ, молитвы, увѣщанія и обличенія. Майковъ, о. с., 94—120). Подражая латинскому метрическому переводу псалтири Буханана и польскому стихотворному переложенію Яна Кохановскаго, онъ и самъ переложилъ псалтирь на славянскую стихотворную рѣчь.

---

[1]) См. цитованную выше статью: «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи».

Затѣмъ есть у Полоцкаго подражанія церковнымъ пѣснямъ, въ родѣ «Стиховъ краесогласныхъ на день успенія пресв. Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи», представляющихъ какъ бы переложеніе акаѳиста Богоматери. Немало сюжетовъ дали Полоцкому латинскіе средневѣковые повѣствовательные сборники («Римскія дѣянія», «Великое зерцало»), прологи, житія святыхъ и гражданская исторія,—заимствованными отсюда поучительными разсказами онъ иллюстрировалъ религіозныя, и нравственныя истины и аскетически-монашескіе свои взгляды на жизнь. Но особенно характеризуютъ Полоцкаго и то піитическое направленіе, которому онъ служилъ, «множество стихотвореній, на разные случаи изъ жизни царскаго семейства и другихъ почетнѣйшихъ лицъ—привѣтствій въ праздничные дни, поздравленій и хвалебныхъ одъ на разныя радостныя событія и жалостныхъ элегій на происшествія печальныя». Такъ какъ въ основѣ ихъ лежало не всегда искренное чувство и расположеніе, а чаще разсчетъ и явное угодничество, очень откровенно рекомендуемое самимъ же Полоцкимъ («Аще у мужъ велможныхъ есть благодать тебѣ, употребляти ея всеопасно требѣ». Майковъ, о. с., 109), то этимъ объясняются и безцвѣтность общаго ихъ содержанія, и фальшивый, нерѣдко, тонъ, и напыщенность. Послѣдняго впрочемъ и требовала кіевская піитика отъ хвалебной лирики. Чрезъ полвѣка послѣ Полоцкаго, Ѳеофанъ Прокоповичъ, будучи въ Кіевѣ профессоромъ піитики, допускалъ, что восхваляемаго въ стихахъ героя можно сравнивать со всякимъ высокимъ предметомъ, даже съ самимъ Богомъ, при одномъ только ограниченіи: «если мы распространимъ что-нибудь чрезъ сравненіе съ Богомъ, то не должны и не можемъ говорить, что предметъ нашъ больше, чѣмъ твореніе Божіе, или что онъ самъ Богъ; но достаточно сказать, что онъ или кажется подобнымъ Богу, или немного ниже его» (Тр. Кіев. дух. акад. 1867, I, 92).

Произнесеніе составленныхъ С. Полоцкимъ привѣтствій и пѣніе духовныхъ пѣсенъ и кантовъ поручалось имъ иногда нѣсколькимъ лицамъ, изъ которыхъ каждое исполняло отдѣльныя строфы. Это—обычай, привившійся въ западной Россіи, гдѣ онъ получилъ

впервые примѣненіе еще въ 1591 г. при посѣщеніи львовской братской школы м. Михаиломъ Рагозой. Оттуда же Полоцкій заимствовалъ и перенесъ въ Москву еще одну словесную форму—школьную драму. Послѣдняя, опять таки, получила мѣсто еще въ братской школѣ, по подражанію польскимъ училищамъ, и, естественно, перешла въ кіевскую коллегію. Изъ такихъ драмъ въ Кіево-могилянской коллегіи самою раннею была «Дѣйствіе на страсти Христовы», содержавшая исторію ветхозавѣтнаго патріарха Іосифа, прообразовавшаго страданія Христа. Въ 1673 г. «чрезъ шляхетную молодь студенскую въ коллегіумѣ кіево-могилеанскомъ» была представлена другая драма: «Алексѣй человѣкъ Божій» [1]). Хотя она была написана и представлена въ честь царя Алексѣя Михайловича, «въ знаменіе вѣрнаго подданства», однако имѣла священный характеръ, нисколько не касаясь современной общественной и политической жизни. Подобно другихъ малороссійскимъ пьесамъ, она представляла изъ себя переработку польскаго подлинника подъ тѣмъ же заглавіемъ, передѣланнаго изъ житія св. Алексія іезуита Скарги. [2]) Подражая этимъ школьнымъ драмамъ съ религіозными сюжетами, Полоцкій написалъ въ Москвѣ «Комедію о Навходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи не сожженныхъ», при чемъ, по словамъ, Л. Н. Майкова, несомнѣнно имѣлъ въ виду московскій обрядъ пещнаго дѣйствія (пьеса съ подобнымъ названіемъ разыгрывалась въ іезуитскихъ коллегіяхъ въ началѣ XVII ст.). Другая драматическая пьеса Полоц-

---

[1]) Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., I, 393—397. Интересно, что при Алексѣѣ Михайловичѣ во главѣ московской театральной труппы стоялъ вмѣстѣ съ нѣмцемъ Грегори западноруссъ, шляхтичъ Степанъ Чижинскій, два года преподававшій передъ тѣмъ латинскій языкъ въ кіевской коллегіи и затѣмъ въ Смоленскѣ (Чт. Моск. общ. ист. и др., 1882, III. Е. В. Барсовъ, Новыя разысканія о первой эпохѣ русскаго театра, 4—5).

[2]) Н. Петровъ,—Тр. Кіев. дух. акад., 1895, III, 248. 249. Но П. И. Житецкій считаетъ ее «первой оригинальной малорусской драмой» («Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея»,—Кіев. стар.. 1900, I, 19).

каго «Комедія притчи о блудномъ сынѣ», состоящая изъ шести дѣйствій съ интермедіями, тоже не безъ подражанія западнымъ образцамъ и въ формѣ, и въ способѣ передачи содержанія притчи. Но главный интересъ ея заключается въ отношеніяхъ Полоцкаго къ русской жизни того времени, въ попыткѣ рѣшенія возникавшаго тогда спора между коснымъ и упрямымъ въ приверженности къ старинѣ поколѣніемъ отцовъ и тяготѣвшимъ къ образованію и новизнѣ младшимъ поколѣніемъ (Майковъ, 133. 134).

«Риторика въ Кіево-братской коллегіи дѣлилась на общую и частную или прикладную. Общая риторика, кромѣ предварительныхъ свѣдѣній о ней, состояла изъ пяти частей: объ изображеніи, расположеніи, выраженіи, памяти и произношеніи. Частная или прикладная риторика излагала ученіе о видахъ краснорѣчія: преимущественно изъяснительномъ или панегирическомъ, а отчасти совѣщательномъ и судебномъ. Въ этомъ классѣ преподавались иногда и правила церковнаго краснорѣчія или проповѣдничества, по примѣру іезуитскихъ риторикъ Мендозы, Кавзина и др. Однѣ изъ кіевскихъ риторикъ, говоря, напр., о составленіи предложенія, приступа и т. п, тутъ же замѣчали, что такой то способъ составленія предложенія или приступа свойственъ какъ свѣтскимъ, такъ и священнымъ ораторамъ, приводили примѣры проповѣдей, а иногда помѣщали и цѣлыя проповѣди, такъ что, чѣмъ далѣе идетъ рядъ подобныхъ руководствъ, тѣмъ болѣе и болѣе проникаются они замѣчаніями о проповѣдяхъ и примѣрами изъ проповѣдей. Другіе же изъ кіевскихъ риторовъ помѣщали въ своихъ риторикахъ особые трактаты о проповѣди» (Н. И. Петровъ, о. с.).

Кіевская коллегія XVII ст. не создала знаменитыхъ ораторовъ ни судебныхъ, ни политическихъ. Сравнительно извѣстны духовные—Галятовскій, Барановичъ, Радивиловскій, Полоцкій, Дмитрій Туптало. Характерныя свойства кіевской проповѣди XVII в.—свойства проповѣди католической и протестантской, съ которой русскіе церковные витіи познакомились и которой стали подражать еще въ періодъ процвѣтанія братскихъ школъ. Къ срединѣ XVII ст. у кіевскихъ ученыхъ сложились уже вполнѣ опредѣлен-

ныя понятія о томъ, какова должна быть церковная проповѣдь. «Кто хочетъ сочинить казанье,—пишетъ І. Галятовскій въ своей «Наукѣ» (въ приложеніи къ «Ключу разумѣнія» 1663 и 1665 гг.),—долженъ прежде всего положить изъ св. писанія ѳему, которая есть фундаментъ всего казанья»... Въ казаньи должно быть три части: «экзордіумъ, початокъ, въ коемъ казнодѣй чинитъ приступъ къ самой рѣчи, которую хочетъ сказывать, и гдѣ онъ представляетъ людямъ пропозицію, т. е. излагаетъ, что онъ думаетъ говорить въ казаньи... и проситъ Бога или преч. Дѣву о помощи, а людей—о вниманіи. Другая часть есть наррація, повѣствованіе, ибо въ этой части казнодѣй ужъ излагаетъ людямъ то, что онъ обѣщалъ повѣдать; эта часть есть наибольшая, ибо въ ней содержится все казанье, и къ ней сводятся всѣ прочія части. Третья часть есть конклюзія, заключеніе; тутъ казнодѣй припоминаетъ изложенное въ наррації и увѣщеваетъ людей, чтобы они любили то доброе, о чемъ онъ имъ говорилъ, или бы хоронились отъ дурного, если онъ велъ рѣчь о злѣ. Всѣ эти части должны согласоваться съ ѳемой, ибо какъ изъ малаго истока выходитъ великая рѣка, а вода въ ней все такая же что и въ истокѣ,—такъ и изъ малой ѳемы слагается великое казанье»... Но, конечно, не въ этой схемѣ характерное отличіе латино-польскаго направленія проповѣди: она проста,—а въ неуклонномъ соблюденіи ея, при которомъ одна проповѣдь можетъ пригодиться во множествѣ другихъ случаевъ, съ замѣной только именъ [1]), въ искусственномъ

---

[1]) Самъ Галятовскій предлагаетъ проповѣдь хотя бы на день великомуч. Георгія, мало измѣнивши, говорить въ любой другой день,—пусть будутъ тѣ же части, но гдѣ говорится о Георгіи, тамъ припоминать св. Димитрія или Прокопія, или Евстафія, или того мученика, который прославляется. Тредьяковскій представляетъ забавный примѣръ пользованія одного проповѣдника этимъ рецептомъ Галятовскаго. Хоронили сотника, и проповѣдникъ, взявъ за образецъ извѣстное слово Ѳеофана Прокоповича при погребеніи Петра Вел., началъ: «Что сіе! Что мы видимъ! Что дѣлаемъ! Ахъ, господина сотника погребаемъ», измѣнивъ «съ крайнимъ безуміемъ» фразу Ѳ. Прокоповича: «Петра

иногда связываніи частей проповѣди, и еще больше—въ способѣ трактованія темы. Послѣднее выражается уже въ пріискиваніи содержанія для наполненія разъ навсегда установленной формы. «Можетъ быть, говоритъ Галятовскій, кто-либо спроситъ: гдѣ взять матерію, изъ которой можно учинить казанье? Отвѣчаю: нужно читать библію, житія святыхъ, нужно читать учителей церковныхъ—Василія вел., Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія, Ѳеодорита, Іоанна Дамаскина, Ефрема и другихъ учителей церковныхъ, которые толкуютъ св. Писанія; нужно читать исторіи и хроники о различныхъ государствахъ и странахъ, о томъ, что въ нихъ происходило и теперь происходитъ; нужно читать книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревахъ, травахъ, камняхъ, о разныхъ водахъ, которыя въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ мѣстахъ находятся; узнавать ихъ натуру, свой-

---

Велика́го погребаемъ». «Съ Петромъ Великимъ, добавляетъ Тредьяковскій, вся Россія, такъ сказать, была погребаема. Но господъ сотниковъ сколько ни умерло, Россіи отъ того ни на волосъ не сдѣлалось убытка» (Майковъ, о. с., 78., прим.). А вотъ еще характерный примѣръ той беззастѣнчивости, съ какой кіевскіе панегиристы хвалили людей. Стефанъ Яворскій, будучи игуменомъ Николо-пустынскаго монастыря въ Кіевѣ, произнесъ рѣчь при бракосочетаніи своего бывшаго ученика Іоанна Обѣдовскаго, царскаго стольника и нѣжинскаго полковника. Издавая ее въ 1698 г. подъ названіемъ: «Виноградъ Христовъ», Яворскій снабдилъ ее примѣчаніемъ, въ которомъ говоритъ, что не завидуетъ ни Аристотелю, учившему Александра Македонскаго, ни Сенекѣ, учителю Нерона, потому что въ «Аѳинахъ кіевскихъ» онъ обучилъ риторикѣ и философіи Обѣдовскаго: греческіе ученые воспитали—одинъ «вселенскаго разбойника», другой—кровопійцу, онъ же (Яворскій)—человѣка, изукрашеннаго всѣми христіанскими добродѣтелями (Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., II, 1862, Спб., № 2). Стольникъ Іоаннъ Обѣдовскій выступаетъ, какъ авторъ посвященія поднесенныхъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ философскихъ и богословскихъ тезисовъ, защищенныхъ въ кіевской колегіи въ 1691 г. (Ровинскій Д., Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ (1889), II, 1290—1296).

ства и отличія и то себѣ отмѣчать и примѣнять къ той рѣчи, которую хочешь сказывать. Читай и различныя казанья казнодѣевъ нынѣшняго времени и слѣдуй имъ; найдешь въ нихъ достаточную матерію, изъ которой можешь сложить казанье на хвалу Божію, на отпоръ еретикамъ, на возбужденіе вѣрныхъ и на спасеніе души своей». Для обогащенія проповѣди содержаніемъ предлагалось примѣнять извѣстный способъ риторическаго «изобрѣтенія»—отвѣты на рядъ вопросовъ: кто что дѣлалъ? на какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? для чего? какимъ образомъ? въ какое время? и разныя фигуры. Все это дѣлало изъ проповѣди не вдохновенное произведеніе, отображающее внутреннее возвышенное настроеніе оратора, а механическое, чисто школьное упражненіе. Обильное же пользованіе свѣтскими источниками, иногда сказочнаго характера или миоологическаго, окончательно ослабляло элементъ назидательности и усиливало черту занимательности, иногда до забавности [1]).

Въ философскомъ двухгодичномъ (одно время трехгодичномъ) классѣ кіевской коллегіи преподавалась діалектика съ логикой (краткой діалектикой иногда заканчивались курсы риторики), метафизика и физика. До введенія въ кіевскую коллегію богословія, въ курсы философіи нерѣдко занимались и богословскими вопросами, соприкасавшимися съ философіей. Таковъ курсъ Иннокентія Гизеля 1645—7 г.г., въ которомъ есть отдѣльные богословскіе вопросы (о душѣ, ея происхожденіи, безсмертіи и духовности) и даже цѣлый философско-богословскій трактатъ о Богѣ и ангелахъ. Въ самомъ концѣ XVII ст. всѣ подобные предметы вошли въ богословскій курсъ, но за то расширился философскій курсъ введеніемъ психологіи, космологіи, астрологіи. Кіевская философія—та же философія Аристотеля, что и у іезуитовъ, конституціи которыхъ прямо требовали отъ профессоровъ философіи, чтобы они слѣдовали во всемъ Аристотелю (какъ его по-

---

[1]) Майковъ, 76 и слѣд. Ср. характеристику южно-русскихъ проповѣди и проповѣдниковъ въ очеркахъ Н. Ѳ. Сумцова: «Къ исторіи южно-русской литературы XVII ст.»

нимали средневѣковые схоластическіе богословы, почитатели этого философа). Изъ письма кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго къ о. Колачинскому отъ 24 іюня 1695 г. видно, что въ кіевской коллегіи философію трактовали по-римски (po rzymskiey), т. е. по латинскимъ католическимъ методамъ и руководствамъ, именно по курсамъ, читаннымъ въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ (между прочимъ въ Люблинѣ и Львовѣ) [1]). Кіевскій философскій факультетъ въ теченіе XVII в. не внесъ ничего новаго въ исторію философской мысли, уже потому, что онъ не слѣдилъ за развитіемъ этой мысли въ Европѣ. Чуть ли не впервые кіевскіе ученые знакомятся съ Бэкономъ Веруламскимъ въ 1708 г., когда его сочиненія выписалъ м. Димитрій ростовскій, бывшій ученикъ коллегіи [2]).

Богословскій курсъ открылся въ Кіевѣ лишь по окончательномъ присоединеніи города къ Россіи (1686 г.). Богословіе включилъ въ программу коллегіи профессоръ и игуменъ Николо-пустынскаго монастыря Іоасафъ Кроковскій [3]). Когда лѣтомъ 1693 г.

---

[1]) Лѣтопись Самуила Величка, III, 348 (Кіевъ, 1855). Протоколы Кіевской духовной академіи, $189^{5}/_{6}$, 163—165.

[2]) Душепол. чт., 1864, II,—Извѣстія и замѣтки, 2. З. Шляпкинъ, о. с., 417.

[3]) Въ рукописномъ курсѣ риторики, прочитанномъ въ Кіевѣ въ $168^{9}/_{90}$ уч. году, записаны школьныя привѣтствія, сказанныя предъ Кроковскимъ, «читавшимъ въ Кіево-могилянской коллегіи два курса философіи и тогда—профессоромъ свящ. богословія въ ней» (Кіево-Софійская библіотека, № 450, л. 114—117). Ссылаясь на эту замѣтку, проф. Петровъ (а за нимъ другіе) утверждаетъ, что преподаваніе богословія началъ Кроковскій въ $16^{89}/_{90}$ уч. году и свой четырехлѣтній курсъ окончилъ въ 1696 г. (Тр. Кіев. дух. акад., 1895, III, 47, 575, 576). Послѣдняго показанія г. Петровъ ничѣмъ не подтверждаетъ, но есть нѣкоторыя данныя стоять за него. Поднесенные Обѣдовскимъ богословскіе тезисы (Conclusiones Tleologicae — уставленія Богословская) были защищены «богословами» «Кіевскаго атенея» въ августѣ 1691 г. въ присутствіи «профессора свящ. богословія» и Николо-пустынскаго игумена (Кроковскаго). И въ посвященіи Обѣдов-

прибыло въ Москву большое посольство отъ кіевскихъ духовныхъ семинарій, съ ректоромъ Кроковскимъ во главѣ, то въ числѣ разнообразныхъ петицій, представленныхъ московскому правительству, одна касалась выдачи коллегіи грамоты на преподаваніе не только поэтики и риторики, но и философіи и богословія. Просьба эта стояла въ связи вообще съ расширеніемъ правъ кіевской коллегіи до значенія высшаго учебнаго заведенія, чего коллегія могла добиться теперь въ виду большей матеріальной обезпеченности своей и богатства образовательныхъ силъ, такъ какъ среди ея корпораціи появились вновь лица съ заграничными учеными титулами. Подкрѣпленное челобитьями митрополита и гетмана, который выставлялъ на видъ, что отъ упроченія и расширенія правъ коллегіи воспослѣдуетъ не только «вящее примноженіе хвалы Божіей», но и «великимъ государямъ, ихъ царскому Величеству, всенародная слава», — ходатайство посольства имѣло успѣхъ, и царской грамотой 11 янв. 1694 г. за коллегіей утверждено было право имѣть не только низшіе классы, но и высшіе— философіи и богословія; разрѣшалось обучать не только дѣтей россійскаго народа всякихъ чиновъ, но и «изъ иныхъ странъ приходящихъ» (но только «благочестивой греко-россійской вѣры»); коллегія ограждалась отъ притязаній и стѣсненій со стороны

скаго говорится объ «упражняющихся богословски» и выражается желаніе, чтобы цари повелѣли «наставляться полезнымъ богословскимъ ученіемъ» (Ровинскій, о. с.). Съ этими извѣстіями требуетъ только согласованія ставленная грамота ректору Крóковскому отъ 20 янв. 1693 г., свидѣтельствующая, что онъ трудился «въ монастырѣ Братскомъ четырехлѣтнимъ ученіемъ философіи и *единолѣтнимъ ученіемъ богословія*, кромѣ нижайшихъ съ початку нѣскольколѣтнихъ ученій въ школахъ», и что онъ преподавалъ богословіе еще до первой ректуры, на которую былъ назначенъ еще м. Гедеономъ (Голубевъ, Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII в., 54, 55; здѣсь дата грамоты 1692 г. вмѣсто 1693,—ср. его-же «Гедеонъ Одорскій»,—Тр. Кіев. дух. акад., 1900, дек., 602), т. е. въ указанномъ уже $16^{89}/_{90}$ уч. году (И. И. Малышевскій, прот. кіев. дух. акад., $189^{5}/_{6}$ уч. г., 153—155,—рецензія на изслѣдованіе Н. И. Петрова).

военныхъ чиновъ и городского управленія и сверхъ того ей назначалось опредѣленное царское вспомоществованіе по 50 р. и 50 четвертей ржи въ годъ [1]). Преподаваніе богословія и нѣкоторая доля самоуправленія были элементами высшаго учебнаго заведенія, и коллегія, ходатайствуя вновь въ маѣ 1701 г. о подтвержденіи права собственнаго суда, на которое посягнули кіевскіе мѣщане, не усомнилась назвать себя академіей, и этотъ титулъ былъ дѣйствительно оставленъ за ней грамотой Петра I-го 26 сент. 1701 г. [2]).

Богословскій курсъ въ кіевской коллегіи наканунѣ XVIII в. былъ не широко поставленъ и далеко не равнялъ ее съ католическими академіями. Изъ богословскихъ предметовъ въ Кіевѣ читались только богословіе положительное или созерцательнее и полемическое или обличительное. По сравненію съ богословскимъ факультетомъ виленской іезуитской академіи даже начала XVII в. тутъ недоставало нравственнаго богословія казуистическаго, свящ. писанія съ еврейскимъ языкомъ, каноническаго права. У іезуи-

---

[1]) Другой грамотой съ той же датой укрѣплялись за училищнымъ монастыремъ его помѣстья и угодья (П. К. К., I—II, изд. 2, №№ 35—36). Голубевъ, Кіевская академія (рѣчь), 7—8.

[2]) П. К. К., I—II, № 37. Историки кіевской академіи—и старые (іером. Макарій и В. Аскоченскій), и новые (проф. Малышевскій и Ст. Т. Голубевъ) придаютъ царской грамотѣ 1701 г. рѣшительное значеніе въ исторіи возведенія кіевской коллегіи въ разрядъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ противоположность имъ проф. Петровъ и г. Д. Вишневскій («Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII ст.»—Тр. Кіев. дух. акад., 1902, янв., 19, прим. 2) говорятъ, что эта грамота подтвердила только то, что дано было предшествующей царской грамотой 1694 г. Къ этому послѣднему мнѣнію примыкаемъ и мы. Если бы въ 1694 г. кіевской коллегіи не даны были права высшаго учебнаго заведенія, то ее не назвали бы академіей царь Петръ I въ указѣ о пропускѣ въ Кіевъ Конона Зотова отъ 18 авг. 1701 г. (Кіев. Стар., 1893, сент., 138) и ея корпорація въ жалобѣ м. Варлааму въ первой половинѣ мая 1700 г. (Тр. Кіев. дух. акад., 1900, № 12, 604; Голубевъ, Кіевская академія (рѣчь, 61).

товъ главнымъ руководствомъ по богословію служила схоластическая система Ѳомы Аквината. Ее профессора должны были не только излагать, но и защищать, потому что, какъ замѣчено было на V генеральной конгрегаціи іезуитскаго ордена, ученіе этого «князя богословія» есть и самое основательное и безопасное, и одобрено конституціями ордена и папами. По Ѳомѣ профессора католическаго богословія и составляли свои курсы. Ѳомой же въ концѣ XVII в. пользовались и въ Кіевѣ, что и неудивительно: своей богословской системы кіевскіе ученые еще не успѣли создать и читали по тѣмъ курсамъ, какіе слушали въ іезуитскихъ или вообще католическихъ академіяхъ.

Впрочемъ, пользованіе католическими догматическими сочиненіями началось въ Кіевѣ не съ Іоасафа Кроковскаго,—еще задолго до него въ произведенія кіевскихъ ученыхъ проникли латинскія мнѣнія (о времени пресуществленія св. даровъ, о чистилищѣ)... Какъ далеко заходило у кіевскихъ ученыхъ пользованіе католическими богословами, видно изъ анализа Вѣнца вѣры, богословской системы (невыдержанной) Симеона Полоцкаго. Прежде всего, Полоцкій уклоняется отъ православнаго воззрѣнія и становится на католическую точку зрѣнія, полагая въ основу своей догматики такъ наз. апостольскій символъ вѣры. Затѣмъ, вліяніе католической теологіи и латинскаго образованія обнаруживается во всемъ развитіи его труда: въ пользованіи латинской библіей, въ цитаціи западныхъ отцовъ церкви (чаще всего блаж. Іеронима и Августина) и даже позднѣйшихъ писателей—Майнцкаго архіепископа Рабана Мавра (IX в.), кентерберійскаго архіепископа Анзельма (XI), Жерсона (XIV—XV), архіепископа экскаго Женебрара (XVI), кардиналовъ Палеопити и Баронія и особенно іезуита Беллярмина (XVI), который въ свое время считался свѣтиломъ богословія въ католической церкви, причемъ къ мнѣніямъ ихъ не всегда видно критическое отношеніе, въ полномъ довѣріи къ легендарной сторонѣ католичества—къ разсказамъ о святыняхъ и чудесахъ. Западнымъ же богословскимъ вліяніемъ объясняется присутствіе въ Вѣнцѣ вѣры апокрифическихъ разсказовъ (взятыхъ не изъ русской или славянской письменности, а изъ

католическихъ же источниковъ) и побочныхъ богословію свѣдѣній (о 30 тысячахъ боговъ у Гезіода, о 12 сивиллахъ, объ устройствѣ видимаго міра; хотя, говоря о послѣднемъ, Полоцкій руководился примѣромъ Іоанна Дамаскина, но взялъ немало и изъ средневѣковыхъ астрологическихъ писаній) (Майковъ, 65—69).

Латино-польское направленіе богословія, какъ и философіи, въ Кіевѣ въ XVII в. выражалось, между прочимъ, въ томъ, что преподаваніе его сопровождалось дисцутами—частными и публичными, часто на темы схоластически-мелочныя и курьезныя[1]).

Такимъ образомъ, кіевская коллегія и кіевская ученость въ теченіе всего XVII в. сохраняли узкій, спеціальный характеръ, оставаясь чужды широкому содержанію западно-европейскаго просвѣщенія. Для нихъ были неизвѣстны великія имена въ области европейской литературы и науки той эпохи. Естественно-научныя пріобрѣтенія, развитіе классической филологіи, національныя литературы—всего этого кіевская ученость не знала. Даже свой родной русскій языкъ почти ничѣмъ не обязанъ коллегіи XVII в. Культивировалось здѣсь главнымъ образомъ знаніе латинскаго языка... Но это то и давало кіевлянамъ сильное оружіе въ борьбѣ съ иновѣріемъ и ключъ къ сокровищамъ западно-европейской мысли. Коллегія внушала своимъ питомцамъ симпатіи къ европейской наукѣ и культурѣ уже тѣмъ однимъ, что научала ихъ не бояться религіозной ея стороны,—и благодаря этому то Петръ I нашелъ въ нихъ такихъ помощниковъ при проведеніи своей реформы, какихъ не могла дать ему московская Русь.

Этотъ успѣхъ латино-польской науки въ западной Россіи, подготовившій побѣду ея и въ Москвѣ, былъ созданъ самимъ положеніемъ русскихъ въ польскомъ государствѣ и тѣми исто-

---

[1]) Едва ли удобенъ для публичной защиты тезисъ, на который ссылается одинъ уніатскій писатель (Рутка) въ доказательство вліянія на кіевскую коллегію католическаго богословія: «Beatissima haec sponsa et ante partum in partu, et post partum est Virgo sine labe originali concepta» (защищался онъ въ 1695 г.) (Голубевъ, Кіевская академія (рѣчь), 80, 11).

рическими условіями, среди которыхъ явились наши западно-русскія школы. Побѣда латино-польскаго школьнаго и литературнаго вліянія выяснилась уже въ началѣ XVII в., и факторами и глашатаями ея были болѣе крупныя братскія училища и особенно Кіево-могилянская коллегія съ подчиненными ей училищами—винницкимъ (въ 30-хъ годахъ), смѣнившимъ его ок. 1640 г. гощскимъ на Волыни [1]), кременецкимъ (съ 1636 г.) [2]). Впрочемъ болѣе или менѣе выяснена роль въ этомъ дѣлѣ только кіевской коллегіи, относительно же внутренней жизни и дѣятельности прочихъ православныхъ школъ въ періодъ времени 1633—1700 г. извѣстно очень мало. Все же есть указанія, что и въ нихъ учебное дѣло велось въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ кіевской коллегіи, на тѣхъ же латинскомъ и польскомъ языкахъ. Кромѣ только что приведеннаго свидѣтельства Іосифа Шумлянскаго, важно показаніе неизвѣстнаго автора «Довода вкратцѣ: яко ученія и языкъ еллино-греческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія и чѣмъ пользуетъ словенскому народу», относимое къ времени ок. 1686 г. [3]): «бѣлоруси... учатся

---

[1]) По проф. Петрову, оно прекратило свое существованіе въ 1672 г., съ турецко-татарскимъ нашествіемъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1895, II, 603). Но епископъ Львовскій Іосифъ Шумлянскій, которому былъ отданъ гощскій монастырь въ пожизненное владѣніе (ibid, прим. 5), увѣщевая свое епархіальное духовенство учить дѣтей «первѣй своего словенскаго письма и языка». «потомъ до школъ польскихъ и латинскихъ ходити имъ не забороняти», писалъ: «суть зъ ласки Божой школы, не только тутъ, во Львовѣ, въ Ярославлю, въ Краковѣ, але и въ Кіевѣ...; суть и ближей насъ въ Гойщи» (1687. А. З. Р., V, № 167).

[2]) Въ этомъ году Петръ Могила благословилъ открытое въ 1633 г. кременецкое братство и его школу съ тѣмъ, чтобы послѣдняя была подчинена кіевскому ректору и чтобы учебное дѣло въ ней шло «согласно съ порядками кіевскаго училища» и науки преподавались на разныхъ языкахъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1887, сент., 128, 129).

[3]) Напечатанъ въ приложеніи къ актовой рѣчи проф. Н. Каптерева: «о греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII в. до открытія славяно-греко-латинской академіи» (М., 1889).

латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго ученія (кромѣ Львова, что учатся гречески)»... И, дѣйствительно, въ виленской братской школѣ, получившей въ 1635 г., наряду съ кіевской, право преподавать по-гречески и по-латыни, хотя и не далѣе діалектики, послѣдній языкъ получилъ предпочтеніе предъ греческимъ еще задолго до этого. Могилевская школа тоже была сравнена съ кіевской грамотою царя Алексѣя Михайловича въ 1654 г. («а школамъ, сирѣчь училищамъ, указали мы Великій Государь быти въ Могилевѣ православной христіанской вѣры греческаго закона противъ кіевскихъ училищъ»), но и помимо того она должна была походить на послѣднюю, такъ какъ была руководима просвѣщенными епископами, стоявшими въ близкихъ отношеніяхъ къ виленской и могилевской школамъ и къ м. Петру Могилѣ: Іосифомъ Бобриковичемъ, бывшимъ ректоромъ виленской школы въ періодъ ея процвѣтанія въ 20-хъ годахъ и «правой рукой» Петра Могилы, Сильвестромъ Коссовымъ и Іосифомъ Кононовичемъ-Горбацкимъ, бывшими ректорами кіевской коллегіи. Интересна сохранившаяся клятвенная запись Іосифа Горбацкаго, данная имъ при возведеніи въ санъ могилевскаго епископа, о своей обязанности заботиться о процвѣтаніи наукъ и школъ для славы Божіей и для пользы православія. Понятно, что онъ могъ быть на сторонѣ только того школьнаго направленія, какому служилъ въ Кіевѣ и какое старался поддерживать въ кіевской коллегіи, обязавшись (1650) вмѣстѣ съ другими епископами вносить ежегодно на ея содержаніе по 500 зл. (высшая цифра). Направленіе полоцкой школы удостовѣряется характеромъ учебной и литературной дѣятельности ея бывшаго учителя Симеона Ситніановича Петровскаго (Полоцкаго). О новой Новгородъ-Сѣверской монастырской школѣ извѣстно только то, что въ ней преподавались латинскій и польскій языки [1]). Что касается

[1]) Эйнгорнъ, 468, 1003. 1008,— подъ 1668 и 1675 г.г. Въ 1689 г. она была переведена въ Черниговъ архіеп. Лазаремъ Бараковичемъ, мечтавшимъ о преобразованіи ея всецѣло по образцу кіевской коллегіи (П. В. Знаменскій, Духовныя школы въ Россіи до

Львовскаго училища, то преимущественное положеніе въ немъ греческаго языка и греческой науки, обусловленное проживаніемъ въ городѣ многихъ грековъ и наиболѣе близкими отношеніями братства къ Константинополю, было обезпечено Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ, завѣщавшимъ въ 1622 г. львовской братской школѣ 1500 зл., проценты съ которыхъ (150 зл.) должны были итти «на выхованье (содержаніе) ученаго майстра (магистра, мастера-учителя), въ греческомъ языку бѣглого» [1]). И авторъ Лѣтописи львовскаго братства свидѣтельствуетъ подъ 1647 г., что въ львовской школѣ всегда былъ учитель греческаго языка [2]). Впрочемъ, и здѣсь преподавался латинскій языкъ и имѣли мѣсто другіе элементы польско-латинской школьной программы и школьнаго устройства. Такъ въ 1689 г. здѣсь дано было съ большой пышностью представленіе на священный сюжетъ [3]).

И въ этотъ періодъ исторіи западно-русскаго просвѣщенія и оно само, и принятое имъ польско-латинское направленіе встрѣ-

---

реформы 1808 г. (Казань, 1881), 20. Н. Ѳ. Сумцовъ, Лазарь Барановичъ (Харьковъ, 1885, 24).

[1]) Въ 1604 г. львовское братство наняло преподавателя обоихъ классическихъ языковъ за 40 зл.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1849, кн. 62, стр. 154. Интересно, что въ изданномъ во Львовѣ славянскомъ букварѣ 1671 г. (перепечатанномъ въ 1692 и 1710 г.) напечатаны на греческомъ языкѣ, но «летерами русскими» «Отче нашъ», «Царю небесный» и «Достойно есть»—«для цвѣченя дѣтей по греческу» (Пекарскій, о. с., 170).

[3]) Думаютъ, что въ Львовѣ преподавалась и философія—конечно латино-польская. И. А. Шляпкинъ (о. с., 161, прим.) и г. Прозоровскій (Сил. Медвѣдевъ, 318) считаютъ Львовскимъ преподавателемъ философіи Инокентія Монастырскаго, отвѣтившаго на вопросъ о курсахъ философіи, что у него ихъ два: одинъ собственный львовскій, а другой—покойнаго о. Яндзурскаго—Люблинскій (Лѣтопись Величка, Ш, 351). Но легко понять, что рѣчь здѣсь идетъ о курсахъ философіи, выслушанныхъ и записанныхъ—Монастырскимъ въ Львовской іезуитской коллегіи, и Яндзурскимъ—въ Люблинѣ. Стоитъ только прочесть мѣсто это въ контекстѣ.

тили противодѣйствіе со стороны латино-польскаго общества, развивавшаго тѣ же отношенія къ нашимъ школамъ и вообще къ православію, какія укрѣпились въ реакціонное царствованіе Сигизмунда III и какія, какъ мы видѣли, обнаружились при самомъ возникновеніи Кіево-могилянской коллегіи. Пренебреженіе къ правамъ и привилегіямъ православныхъ и увѣренность въ полной безнаказанности нарушеній ихъ проявляется въ исторіи почти всѣхъ нашихъ школъ въ 1633 — 1700 г.г. Луцкая братская школа испытала уже въ 1634 г. новый разгромъ. Въ 1640 г., еще при жизни Петра Могилы, кіевскій воевода Янъ Тышкевичъ, досадуя, что въ братской коллегіи учится множество русскихъ, и желая разогнать ихъ насильно по прежнимъ училищамъ (т. е. католическимъ), обвинилъ одного изъ ея студентовъ (Ѳеодора Гоголевскаго) въ пораненіи кого-то въ корчмѣ и, безъ разслѣдованія, велѣлъ обезглавить его. Онъ же ввелъ въ Кіевъ іезуитовъ съ цѣлью подорвать популярность православной коллегіи (1645). И, дѣйствительно, много студентовъ послѣдней перешло въ іезуитскую коллегію и тамъ приняло католичество. Въ 1684 г. виленская школа потерпѣла нападеніе со стороны студентовъ іезуитской академіи. Въ 1694 г. подверглась разгрому со стороны учениковъ латинскаго училища Львовская братская школа. И замѣчательно, что учащіеся католики очень часто бывали застрѣльщиками въ нападеніи на православныя и вообще иновѣрныя учрежденія и въ концѣ XVI, и въ теченіе всего XVII ст. Въ 70-хъ годахъ XVI ст. много разъ терпѣли отъ краковскихъ студентовъ тамошніе протестанты. Въ Холмѣ въ 1582 г. ректоръ католической школы съ учениками буйствовалъ въ синагогѣ и грозилъ сжечь ее, а въ слѣдующемъ году напалъ на монастырскаго бакаляра. Въ Луцкѣ ксендзъ Грегоръ съ учениками разгромилъ городской рынокъ... Но особенно чуткими выразителями религіозныхъ настроеній польскаго общества и даже правительственныхъ круговъ были іезуитскіе школьники. По свидѣтельству І. Лукашевича, автора исторіи школъ въ Польшѣ и Литвѣ, архивы городовъ польско-литовскаго государства наполнены жалобами на своеволія студентовъ іезуитскихъ школъ. Потому то уже

на сандомирскомъ рокошовомъ сеймѣ шляхта заявила требованіе о запрещеніи іезуитамъ селиться въ другихъ городахъ, кромѣ Познани, Калиша, Вильны, Люблина, Браунсберга. Пултуска. Ярослава и Несвижа (Пл. Н. Жуковичъ, Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.). Спб., 1901, 507), а на конвокаціонномъ сеймѣ 1632 г. послы диссидентовъ ставили вопросъ объ удаленіи іезуитскихъ коллегій изъ Вильны и Люблина. И не даромъ гетманъ Ив. Выговскій гадячскимъ договоромъ съ поляками въ 1658 г. добивался удаленія католическихъ школъ изъ Кіева и еще изъ одного города, гдѣ предполагалась имъ вторая русская академія, въ мѣста, гдѣ нѣтъ русскихъ жителей [1]).

Хотя недоброжелательныя отношенія къ православнымъ школамъ проявляли главнымъ образомъ молодежь и духовенство, не неповинно было въ нихъ и правительство: оно состояло изъ членовъ того же общества, которымъ руководило духовенство и

---

[1]) Касающіеся школъ пункты гадячскаго договора гласили: академіи въ Кіевѣ быть съ преимуществами, равными краковской, съ тѣмъ однакожъ, чтобы здѣсь не было ни профессоровъ, ни учениковъ исповѣданія аріанскаго, кальвинскаго и лютеранскаго; прочія же всѣ школы католицкія, какія доселѣ были въ Кіевѣ, вывести въ другія мѣста, гдѣ нѣтъ русскихъ жителей, для избѣжанія ссоръ и столкновеній (§ 6); дозволить и другую академію завести съ тѣми же правами, гдѣ удобнѣе покажется, и въ томъ мѣстѣ другимъ иновѣрнымъ школамъ также не быть (§ 7). Volumina legum, IV (1859), 298. Впрочемъ этотъ договоръ не имѣлъ силы, а во время скоро вспыхнувшей вскорѣ войны между козаками пострадала сама коллегія такъ сильно, что прошло около 40 лѣтъ, прежде чѣмъ былъ ей дарованъ титулъ академіи. Въ 1670 г. гетманъ Дорошенко, ходатайствуя предъ польскимъ правительствомъ, согласно съ гадячскими статьями, о фундованіи въ Кіевѣ и въ Могилевѣ (или гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ на Украинѣ) академіи съ правами и вольностями краковской академіи, опять добивался удаленія изъ этихъ городовъ іезуитскихъ и другихъ иновѣрныхъ школъ, во избѣжаніе столкновеній ихъ учениковъ съ русскими студентами (А. Ю. и З. Р., IX, №№ 47 и 77).

младшее поколѣніе котораго составляла учащаяся молодежь. Давая православнымъ меньше, чѣмъ сколько оно могло дать для развитія ихъ школъ, правительство польское не въ состояніи было, а иногда и не хотѣло оградить даже данныхъ уже правъ. Потому справедливымъ кажется обвиненіе, высказанное по адресу его кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ въ 1693 г. Прося у п. Адріана благословенія, а у царей грамоты на свободное обученіе въ кіевской коллегіи грамматикѣ, поэтикѣ, риторикѣ, философіи и богословію на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ языкѣ, онъ добавилъ: «Таковыя ученія аще за державы королевской еще и возбраняемы бяху въ Кіевѣ сыномъ россійскимъ, зависти ради отъ противныхъ, но нынѣ въ благополучное царство государей нашихъ благочестивыхъ, милостію Божіей и благословеніемъ всесвятительства вашего умножившимся въ Малой сей Россіи людемъ премудрымъ, философамъ и богословамъ, свободно ученія тѣ да подаются» (Арх. Ю.-З. Р., I, V, 388). И когда нѣкоторые латино-уніатскіе писатели, какъ напр., авторъ сочиненія, вызвавшаго появленіе Exegesis'a, и Саковичъ, отказывали православнымъ въ правѣ знакомиться въ своихъ школахъ съ латинской наукой, но направляли ихъ къ изученію греческой,—правительство изъ видовъ политическихъ готово было и послѣдней преградить доступъ въ западную Россію. Такой именно смыслъ могло имѣть сеймовое постановленіе 1676 г., подтвержденное въ 1678 и 1699 г.г., воспрещавшее ставропигіальнымъ братствамъ сноситься съ константинопольскимъ патріархомъ и представлять на его рѣшеніе дѣла, касающіяся вѣры, причемъ православнымъ всѣхъ сословій возбранено было отлучаться за границу или же пріѣзжать оттуда (Арх. Ю.-З. Р., I, IV, № XV) (Ср. Антоновичъ В. Б., Монографіи по исторіи западной и юго-зап. Россіи, I (1885), 272). Если бы это постановленіе исполнялось въ точности, то должны были бы совершенно прекратится ученыя и учебныя сношенія западной Россіи съ греческимъ востокомъ.

Впрочемъ, и помимо того образовательныя сношенія съ востокомъ ослабѣли въ своей живости и аккуратности. Авторъ Лиѳоса, отвѣчая Саковичу по поводу его предложенія, чтобы рус-

скіе учились въ своихъ школахъ по-гречески, славянски и польски, а не по-латыни, объяснялъ между прочимъ: «на славянскомъ языкѣ мало богословскихъ книгъ и нѣтъ свѣтскихъ, греческія же можно пріобрѣтать съ большими трудностями и издержками, тогда какъ латинскія доставать легко». Быть можетъ, эту именно «скудость греческаго ученія» имѣлъ въ виду и авторъ «Довода вкратцѣ». Съ другой стороны, съ востока трудно было достать и учителей—чистыхъ грековъ, потому что ихъ было немного и въ самой Греціи, да и немногіе рѣшались ѣхать въ чужую страну. Безуспѣшно старалась заманить такихъ людей даже богатая Москва. И если въ Кіевъ случайно попадали образованные греки, могшіе заниматься въ братской коллегіи, то они оказывались людьми западно-латинскаго образованія, слѣдовательно не идущими въ разрѣзъ съ установившимся направленіемъ коллегіи [1]). Потому и попытки такихъ ревнителей эллинской идеи и эллинскаго ученія, какъ іерусалимскій патріархъ Досиѳей, увѣщевавшій западно- и южноруссовъ бѣгать мірской и суетной мудрости и обращавшій вниманіе московскаго правительства на зловредный характеръ коллегіи, оказывались напрасными [2]).

К. Харламповичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Арсеній грекъ (въ 1649 г.). Проф. Голубевъ отрицаетъ высказанное архіеп. Филаретомъ и поддержанное проф. Н. И. Петровымъ утвержденіе, что Паисій Лигаридъ въ началѣ 70-хъ годовъ преподавалъ въ Кіевской коллегіи философію (Кіевская академія въ к. XVII и нач. XVIII ст., 49—50).

[2]) Н. Ѳ. Каптеревъ. Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ (1669—1707). (1891, М.), 30, 31, 89, 92.

Письма Н. В. Закревскаго къ протоіерею П. Г. Лебединцеву.

Авторъ этихъ писемъ—извѣстный историкъ Кіева, Николай Васильевичъ Закревскій. Онъ родился въ 1805 г. на Подолѣ, близъ Флоровскаго монастыря, гдѣ его отецъ имѣлъ домикъ, истребленный пожаромъ въ 1811 г., когда сгорѣлъ весь Подолъ. Это обстоятельство повергло семью Закревскихъ въ крайнюю бѣдность. Отецъ вскорости умеръ, вдова и сынъ остались безпомощны. Опредѣленный въ кіевскую «Высшую гимназію» въ апрѣлѣ 1820 г., мальчикъ съ 16-тилѣтняго возраста былъ вынужденъ заниматься репетиціями, чѣмъ содержалъ себя и мать. Не окончивъ полнаго курса, молодой Закревскій бросилъ гимназію и въ 1825 г. отправился въ Петербургъ искать мѣста, но, проживъ безплодно тамъ около трехъ лѣтъ, снова вернулся въ кіевскую гимназію и, по окончаніи курса, вступилъ въ 1829 г. въ число студентовъ Дерптскаго университета, по юридическому факультету. Недостатокъ средствъ вынудилъ его прервать ученіе и поступить учителемъ—сначала въ уѣздное училище, затѣмъ въ Ревельскую гимназію. Послѣ 16-тилѣтней службы въ Остзейскомъ краѣ, Закревскій вышелъ въ отставку, съ пенсіею въ 95 р., и переселился въ Москву, гдѣ жилъ частными уроками. Нужда заставила его вернуться въ 1853 г. въ Ревель, но здѣсь онъ скоро овдовѣлъ и снова поселился въ Москвѣ—уже навсегда. Здѣсь онъ служилъ корректоромъ при университ. типографіи, а когда она перешла въ

руки Каткова. Закревскій занялъ мѣсто помощника библіотекаря при Румянц. Музеѣ. Такъ въ бѣдности и лишеніяхъ провелъ всю жизнь (умеръ въ 1871 г.) этотъ благородный идеалистъ, всецѣло посвятившій себя одной идеѣ—составить полную исторію своего родного города. Вотъ что онъ самъ говорилъ по этому предмету въ послѣсловіи къ »Описанію Кіева»:

«Съ молодыхъ лѣтъ еще плѣняла меня идея исторіи города Кіева, возбужденная чтеніемъ «Описанія Берлинскаго», которое даже и тогда казалось мнѣ слишкомъ краткимъ. Первые матеріалы, впрочемъ скудные, сталъ я собирать въ библіотекѣ Дерптскаго университета. Пользуясь досугомъ въ глуши Вейсенштейнской (Эстляндской губ., гдѣ онъ былъ учителемъ уѣзднаго училища), 14 марта 1832 г. я началъ составлять *Описаніе* моей родины, которая стала для меня тѣмъ любезнѣе, чѣмъ отдаленнѣе я находился отъ нея. Отказывая себѣ во многомъ, съ немаловажными издержками выписывалъ я книги, собиралъ возможные матеріалы и рисунки. Переселясь въ Ревель, рѣшился издать въ 1836 году небольшую брошюру подъ заглавіемъ: *Очеркъ исторіи г. Кіева*, въ 8 д. листа, 68 стр., съ 5-ью дурно награвированными таблицами. Но я вскорѣ убѣдился, что столь малая брошюра прошла незамѣченною. Впрочемъ, это не огорчало моего самолюбія; напротивъ того, я продолжалъ прилежно изучать и обработывать любимый предметъ и нѣсколько разъ перемѣнялъ планъ изложенія. Спустя десять лѣтъ послѣ появленія Очерка, изрядное число собранныхъ матеріаловъ приведено въ систему; 150 мелко исписанныхъ мною листовъ и болѣе ста рисунковъ собственной же работы составили *Описаніе Кіева*. Не имѣя средствъ издать все это и опасаясь, что многолѣтніе труды мои въ частныхъ рукахъ могутъ легко погибнуть, я рѣшился 9 февраля 1846 г. эту рукопись отдать въ Публичную Библіотеку въ Петербургѣ. Оставшуюся у меня копію въ продолженіе $2^1/_2$ лѣтъ подвергъ я новой передѣлкѣ и, переселясь въ Москву, 13 мая 1848 г. вручилъ ее г. проф. Іосифу Максимовичу Бодянскому для напечатанія въ журналѣ Общества Исторіи и Древн. Рос.». Половина книги уже была напечатана, какъ Общество постигла

извѣстная катастрофа за напечатаніе записокъ Флетчера. Лишь въ 1858 г., по возобновленіи «Чтеній Моск. Общества Ист. и Др.», трудъ Закревскаго вышелъ въ свѣтъ; но авторъ уже былъ имъ недоволенъ, ибо за истекшее десятилѣтіе открыто было много новыхъ данныхъ по исторіи Кіева. Между тѣмъ его занималъ уже новый трудъ, посвященный все той же горячо любимой имъ родинѣ. «Съ 1840-го года—пишетъ Закревскій—занимался я собираніемъ малорусскихъ пѣсенъ и пословицъ и составленіемъ подробнаго словаря идіомовъ этого нарѣчія. Переѣхавъ на жительство въ Москву, опредѣлился я въ 1859 г. корректоромъ при типографіи Моск. университета. Этимъ довольно труднымъ и скудно вознаграждающимъ мѣстомъ воспользовался я для того, чтобы удобнѣе издать свой новый Малороссійскій сборникъ подъ названіемъ «Старосвѣтскій Бандуриста». Книга 1-я—Пѣсни, книга 2-я—Пословицы и книга 3-я—Словарь идіомовъ. Изданіе это окончено въ концѣ іюля 1861 года. Это была во многихъ отношеніяхъ очень цѣнная книга. Къ тексту пѣсенъ и пословицъ Закревскій присоединилъ интересные бытовые и историческіе комментаріи. Собранный имъ словарь малорусскихъ идіомовъ (въ количествѣ 11127) и до сихъ поръ остается полезнымъ матеріаломъ для полнаго малорусскаго словаря. Въ концѣ книги приложенъ длинный списокъ старинныхъ южнорусскихъ памятниковъ и новыхъ литературныхъ произведеній (украинскихъ и галицкихъ), изъ которыхъ составитель почерпалъ свой лексическій матеріалъ. Въ свое время этотъ списокъ служилъ довольно полнымъ обзоромъ малорусской литературы. Въ предисловіи къ «Бандуристу» авторъ горячо защищаетъ право малороссіянъ имѣть литературу на своемъ родномъ языкѣ.

Поступивъ въ 1863 г. на службу въ Румянц. Музей, Закревскій, пользуясь тамошнею богатою библіотекою, снова принялся за пополненіе и переработку исторіи Кіева. Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Кіевъ, чтобы сдѣлать рисунки съ фресковъ и другихъ древностей. Это было первое его посѣщеніе родного города послѣ юношеской разлуки съ нимъ въ 1829 г. Несмотря на большія перемѣны физіономіи Кіева, старый кіевля-

нинъ нашелъ, что «общій характеръ города остался прежній. Тѣ же очаровательныя горы, тѣ же святыя златоглавыя обители, тѣ же благодатныя церкви, тотъ же благорастворенный мягкій климатъ Южной Россіи, тѣ же толпы усердныхъ богомольцевъ, тотъ же простодушный малорусскій типъ главнаго народонаселенія и тѣ же неугомонные жиды, что были за 35 лѣтъ тому назадъ. Кратко, тотъ самый *вѣчный* Кіевъ, наша Roma aeterna! Не станемъ упоминать о чувствахъ, съ какими мы вступили на родную почву; чувства эти не ложатся на бумагу. Старикъ Вигель, въ своихъ запискахъ, справедливо написалъ слѣдующее: «Кіевъ! При имени его бьется еще и понынѣ охладѣвшее мое сердце, воспоминанія о немъ еще и понынѣ способны изъ потухающихъ глазъ моихъ извлекать слезы. Въ теченіе всей жизни моей ничего прекраснѣе мнѣ не казалось, какъ первые предметы, которые въ немъ поражали младенческіе мои взоры». Въ словахъ этихъ выражены и наши собственныя чувства».

Но не все новое въ Кіевѣ понравилось его историку. Его огорчило срытіе древнихъ валовъ на Старомъ-городѣ и уничтоженіе другихъ остатковъ древности. «Гдѣ теперь Боричевъ взвозъ? Онъ засыпанъ. Гдѣ Лядскія ворота, предъ коими татары начали свой разрушительный приступъ? Гдѣ Батыевы, Кіевскія ворота? Гдѣ мѣсто древнѣйшаго моста, ведшаго въ Кіевскій Кремль? Все это разрыто и изглажено! Потомство будетъ отыскивать историческія мѣста только по планамъ и преданіямъ. Для чего Златыя Врата не охраняются отъ непогодъ и преданы поруганію черни? Какое равнодушіе къ остаткамъ святой древности!.. Для чего истреблена столѣтняя липовая роща на Кловѣ, служившая украшеніемъ этихъ мѣстъ? Развѣ для того, чтобы уступить мѣсто десятку незавидныхъ деревянныхъ домовъ, которые теперь величаютъ пышнымъ названіемъ *аристократической части* (Липки). Но къ чему безплодные вопросы и вопли!»...

Вновь переработавъ и дополнивъ свое «Описаніе Кіева», Закревскій предложилъ его изданіе Моск. Археологическому Обществу. Здѣсь оказалъ ему неоцѣнимое содѣйствіе его молодой землякъ, впослѣдствіи профессоръ Кіев. Университета А. А.

Котляревскій. Послѣ долгихъ обсужденій, тогдашній предсѣдатель Археол. Общества графъ А. С. Уваровъ великодушно принялъ на свой счетъ издержки по изданію книги, и въ 1868 г. явилось, наконецъ, въ полномъ видѣ «*Описаніе Кіева*»—плодъ 36-лѣтняго неустаннаго, кропотливаго труда, согрѣтаго живѣйшимъ чувствомъ любви автора къ своему родному городу.

Въ послѣсловіи къ своей книгѣ Н. Закревскій, разсказавъ о своей жизни и научныхъ трудахъ, заканчиваетъ эту повѣсть трогательными словами: «Приближаясь къ старости и подвергаясь болѣе и болѣе немощамъ, желалъ бы я опять переселиться на свое старое пепелище, близъ могилъ моихъ предковъ. Здѣсь увидѣлъ я свѣтъ Божій и здѣсь желалъ бы закрыть глаза свои. Довольно мыкался я на своемъ вѣку, но родина всегда тянула къ себѣ. Необъяснимое и непобѣдимое чувство! Заключаю желаніе мое трогательными словами препод. Симеона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго (кіевлянина): «Сего же дѣля и азъ грѣшный тужу и скорблю и желаю тамо (въ Печерской обители) ми скончатися, да быхъ точію положенъ былъ въ блаженной той персти».

Задушевному желанію Закревскаго переселиться на родину сочувствовали и готовы были оказать содѣйствіе нѣкоторые кіевляне, съ которыми онъ познакомился въ пріѣздъ сюда въ 1864 г. Въ числѣ ихъ былъ покойный П. Г. Лебединцевъ, столь же, какъ и онъ, преданный дѣлу изученія кіевской старины; тому же, видимо, сочувствовалъ и тогдашній ректоръ Университета Н. Д. Иванишевъ, тоже Кіево-подольскій уроженецъ и знатокъ мѣстной исторіи. Въ томъ же 1864 г. возникла мысль о предоставленіи Закревскому должности хранителя Музея Древностей при Кіев. Университетѣ. Но этотъ проектъ не осуществился потому, что въ скорости была закрыта должность особаго хранителя музея, съ возложеніемъ этой обязанности на одного изъ профессоровъ.

Къ этому именно времени относятся помѣщаемыя нами письма Закревскаго, представляющія тѣмъ большій интересъ, что

біографія этого писателя, столь много потрудившагося для составленія полной исторіи Кіева, до сихъ поръ не написана.

1.

Ваше высокопреподобіе, отецъ протоіерей!

На обратномъ пути изъ Петербурга я имѣлъ несчастіе какъ-то простудиться и прохворать цѣлую недѣлю. Это удержало меня отъ переписки съ вами. Имѣя въ виду ваше обязательное обѣщаніе, я послалъ 4 августа къ вамъ 15-ть экземпляровъ моего «Бандуриста», съ покорнѣйшею просьбою одинъ экземпляръ принять въ память отъ меня, а прочіе или разослать по надписямъ, или объявить означеннымъ на книгахъ лицамъ, чтобы они благоволили прислать къ вамъ за полученіемъ. Признаюсь, мнѣ очень совѣстно такъ утруждать васъ, но ваше предупредительное радушіе подало мнѣ смѣлость поручить вамъ столько хлопотъ. Три экземпляра, назначенные о. о. Кавчинскому, Дашкевичу и Громаковскому вручить кому-нибудь одному изъ нихъ, а дальше они сами передадутъ. Всѣ прочіе экземпляры придется отдавать по одиночкѣ, а пять книгъ покорно прошу вручить Ивану Ивановичу Литову, [1]) ради Бога не Степану. Наше общество иконописи послѣ 20 іюня еще не собиралось; оно не можетъ опомниться, что министръ не далъ ему права цензуры, и намѣревается хлопотать объ этомъ. Это и причина, что уставъ нашъ, если кое-гдѣ и напечатанъ, напримѣръ, въ собраніи указовъ С.-Петербурскаго Сената, въ Московскихъ полицейскихъ Вѣдомостяхъ, но общество хочетъ его напечатать, пріобрѣвъ прежде право собственной цензуры. Все это длится. Я приготовляю статью къ первому засѣданію, подъ названіемъ: Замѣтки о древностяхъ Кіева. Въ статьѣ этой будутъ предложены въ сочлены наши три извѣ-

---

[1]) Тогдашній кіевскій книгопродевецъ, родной братъ Степана, тоже книгопродавца.

стныя Вамъ лица. Я уже разговаривалъ объ этомъ съ коноводами нашего общества, и мысли мои, какъ мнѣ кажется, приняты весьма радушно. Мнѣ обѣщали замѣтки мои, равно какъ и протоколы, вскорости напечатать. Тогда сами увидите. Покорнѣйше прошу, изготовьте поскорѣе обстоятельную статью о кіевскихъ фрескахъ, она была-бы весьма кстати. Пришлите на имя секретаря, профессора Ѳедора Буслаева, или редактора Юрія Дмитріевича Филимонова. Было даже положено платить за статьи. Еще прошу Васъ, при случаѣ, когда будете въ Михайловскомъ монастырѣ, списать надгробную надпись Кирилла Куницкаго [1]). Онъ, бывши еще студентомъ, былъ и моимъ частнымъ учителемъ. Хотѣлъ жениться на какой-то кіевской мѣщанкѣ, фамилію ея забылъ, но жестокая дѣва ему отказала. Съ досады онъ пошелъ въ монахи и умеръ [2]) викаріемъ кіевскаго митрополита. Я хотѣлъ было списать эту надпись и всѣ другія, какія по монастырю разсѣяны, но забылъ. Портретъ Филарета, митрополита московскаго, еще не успѣлъ достать, а посылаю пока портретъ Василія, архіерея полоцкаго, который случайно попался мнѣ въ руки. Этотъ портретъ въ «Бандуристѣ», страница 90. Нѣкоторые москвичи обѣщались подарить вамъ свои сочиненія, но объ этомъ послѣ. Простите меня, что наскучилъ вамъ длиннымъ письмомъ. Прошу васъ передать мой сердечный поклонъ Пелагеѣ Ивановнѣ Шепелевой и о. іеромонаху Лаврентію (Неплюеву).

Москва, 5 августа 1864 г. Остаюсь Вашъ покорный слуга
Николай Закревскій.

2.

Ваше высокопреподобіе, отецъ Петръ!

Знакомство мое съ вами, и притомъ нечаянное, не подготовленное, я буду причислять къ пріятнымъ событіямъ въ жизни

---

[1]) Епископъ викарный, настоятель Кіево-Михайл. м-ря въ 1828-1835 гг.

[2]) Въ 1839 году.

моей. Наша общая любовь къ древностямъ Кіева, вашъ характеръ и познанія,—все это побуждаетъ меня дорожить знакомствомъ вашимъ. Думаю, что вы не почтете это лестью, но данью истиннаго уваженія къ личности вашей, потому что я изъ этого знакомства не ищу и не могу искать для себя никакой матеріальной выгоды. Правда вы сказывали, что будете освѣдомляться, какъ пойдетъ дѣло о моемъ перемѣщеніи изъ Москвы, въ Кіевъ. Положа руку на сердце, говорю вамъ откровенно, что хотя любовь моя къ родинѣ очень и очень велика и что она-то собственно причиною, что я, безъ всякаго вознагражденія, слѣдовательно безкорыстно, съ 1831 года посвятилъ всю послѣднюю половину жизни своей изученію исторіи Кіева и желаю написать ее, насколько умѣнья хватитъ: но матеріальныя средства, по расчетамъ холоднаго ума, должны стоять не на послѣднемъ мѣстѣ. Ubi panis, ibi patria; иначе я не могъ бы прилично существовать и притомъ своими же средствами издать преднамѣреваемое Описаніе Кіева; потому что я не имѣю надежды получить помощь отъ-инуду. А потому на перемѣщеніе мое въ Кіевъ я смотрю такимъ образомъ: если я получу тамъ мѣсто съ приличнымъ вознагражденіемъ, то это было бы для меня въ высшей степени пріятно; если же это не удастся, то обстоятельство это нисколько не повергнетъ меня въ отчаяніе, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, съ будущаго года нашъ штатъ при Московскомъ Музеумѣ (утвержденный первоначально на три года въ видѣ опыта) подвергнется большой передѣлкѣ, и оклады наши положено увеличить (на сколько?—это одинъ Аллахъ вѣдаетъ). 2) Мнѣ остается выслужить до полнаго пансіона $3^1/_2$ года; слѣдовательно, прерывать теперь службу безъ всякихъ уважительныхъ причинъ было бы какъ-то странно. 3) Въ это время,—если Богу угодно—я могу напечатать свое второе изданіе Описанія Кіева здѣсь же, въ Москвѣ, и притомъ тѣмъ удобнѣе, что литографіи московскія,—между ними есть отличныя,—стоятъ несравненно на высшей степени совершенства, чѣмъ кіевскія и, по причинѣ конкуренціи, гораздо дешевле. Не поскучайте, почтеннѣйшій о. протоіерей! Всѣмъ этимъ балластомъ я осмѣлился утруждать вниманіе ваше для того

только, чтобы показать вамъ, что перемѣщеніе мое въ Кіевъ далеко не составляетъ исключительную цѣль моего знакомства съ вами и моихъ писемъ къ вамъ, но что личныя ваши качества составляютъ главную, и скажу смѣло, единственную причину моей привязанности и признательности къ вамъ, и что извѣстіе, сообщенное вамъ о себѣ, служило бы для меня великою радостію. Далѣе: вы были столь благосклонны, что позволили обратиться мнѣ съ посылкою книгъ на ваше имя. 4-го августа я отправилъ нѣсколько экземпляровъ «Бандуриста». Въ книгѣ, надписанной на ваше имя, я вложилъ фотографическій портретъ одного архіерея; а въ особомъ письмѣ на имя ваше я вложилъ фотограф. портретъ митрополита Филарета. Что вы получили книги, это я знаю изъ письма бывшаго моего товарища по гимназіи, Ивана Леонтьевича Марковскаго, служащаго теперь въ Императорскомъ Инженерномъ Управленіи. Это былъ единственный человѣкъ въ Кіевѣ, который отъ 9-го сентября извѣстилъ меня о подаркѣ, а никто и доселѣ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, не удостоилъ меня даже ни однимъ словомъ. Долговременное ваше молчаніе я объясняю себѣ тѣмъ, что, можетъ быть, какой-нибудь писарь на почтѣ, замѣтивъ въ вашемъ письмѣ фотографическую карточку, изъ любопытства удержалъ и самое письмо къ вамъ. Какъ-бы то ни было, но я осмѣлюсь утруждать васъ, многоуважаемый о. Петръ, моею покорнѣйшею просьбою: не оставлять меня увѣдомленіемъ о себѣ. Изъ протоколовъ въ 10 книжкѣ Извѣстій Университета св. Владиміра за 1864 г. видно, что для открытія въ Кіевѣ древностей и для сообразнаго употребленія отпускаемыхъ для этой цѣли 1400 р., профессоръ Ставровскій полагаетъ, что прежде всего нужно избрать способнаго человѣка, который смотрѣлъ бы за этими открытіями. Ясно, что Его Превосходительство, Николай Дмитріевичъ Иванишевъ, способствуетъ отысканію человѣка. Какой-бы ни былъ, впрочемъ, результатъ этихъ протоколовъ, я съ своей стороны душевно желаю Николаю Дмитріевичу отъ милосерднаго Бога здравія и благоденствія за его доброжелательство. Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе госпожѣ Пелагеѣ Ивановнѣ Шепелевой и его

высоко преподобію о. Лаврентію, начальнику типографіи Печерской Лавры. Извѣстіе объ нихъ было бы для меня чрезвычайно пріятно.

Простите великодушно, о. Петръ, за длинное письмо; это произошло отъ глубины сердца, которое къ вамъ не равнодушно: а вы, между тѣмъ, наказываете меня упорнымъ молчаніемъ. Но русскій человѣкъ живетъ на авось. Авось и вы удостоите меня своимъ отвѣтомъ. О занятіяхъ моихъ по описанію Кіева, также кое-что интересное и объ нашемъ обществѣ иконописи, въ другой разъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего высокопреподобія покорный слуга Николай Закревскій.

Москва 1 декабря 1864 г.

3.

Ваше высокопреподобіе, отецъ Петръ!

Послѣ долгаго молчанія, причина котораго до полученія вашего отвѣта была для меня неизвѣстна, наконецъ получилъ я ваше письмо (второе, а первое для меня, къ сожалѣнію, потеряно) отъ 14 декабря. Это было весьма отрадное извѣстіе изъ Кіева, за которое сердечно васъ благодарю, а также за исполненіе моей просьбы по раздачѣ лицамъ моего «Бандуриста», которыя почти всѣ меня о томъ уже извѣстили. Прошу васъ сказать мнѣ, кто этотъ Г. Крыжановскій, о которомъ Вы пишете? Одинъ— Семенъ Крыжановскій написалъ статью о Софійскихъ фрескахъ и помѣстилъ ее въ № 246 Сѣверной Пчелы за 1843 г., другую о Софійской и Михайловской мозаикѣ, помѣщенную въ Запискахъ Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ въ VIII томѣ за 1856 г. Другой Евфимъ Крыжановскій написалъ статью о Кіевской Андреевской церкви, она помѣщена въ № 1 Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Кто такіе эти господа? Наконецъ, могу поздравить васъ и Николая Дмитріевича Иванишева съ избраніемъ 7-го марта, въ воскресенье, сего 1865 г. въ дѣйствитель-

ные члены Общества Древне-Русскаго искусства. Объ этомъ нашемъ Обществѣ можно багацько говорыты, та нйчого сказаты. Оно еще не совсѣмъ устроилось и не окрѣпло, надѣлало много шуму, произвело впечатлѣніе въ публикѣ; но пока еще на дѣлѣ ничего не вышло важнаго. Можетъ быть, время многое сдѣлаетъ. Безспорно, есть въ немъ люди очень дѣльные и почтенные; но, къ сожалѣнію, какъ обыкновенно водится, много втерлось и..., многіе имѣютъ крайне высокое мнѣніе о себѣ, всякій хочетъ себя выставить, порисоваться, говоритъ много и... только. Но Богъ съ ними. Вскорѣ послѣ пріѣзда моего изъ Кіева я предложилъ три лица, но никакъ не могу добиться толку, а между тѣмъ вижу, что нахлынуло много и золотой посредственности и даже не золотой; я опять написалъ напоминательное письмо къ секретарю Буслаеву, которое я при семъ прилагаю вамъ въ копіи, и, послѣ долгихъ проволочекъ, наконецъ, настоялъ на этомъ. Отца Іосифа Желтоножскаго [1]) не успѣли выбрать вчера, единственно по недостатку времени, что, вѣроятно, исполнится въ воскресенье, 21 марта. Проволочки эти происходятъ именно отъ того, что если кто начнетъ что-либо говорить, то не успѣетъ кончить и затянетъ безконечную, и притомъ скучную пѣсню, а время уходитъ. Но сами нѣкоторые члены видятъ эту несообразность, и со временемъ все прійдетъ въ разумные предѣлы. О себѣ имѣю честь сообщить вамъ, что я только недавно поправился отъ бывшаго моего путешествія, такъ сильно простудился на возвратномъ пути изъ Кіева. Не смотря на это, прилежно сижу за передѣлкою моего «Описанія Кіева» и теперь почти кончилъ лѣтопись, какъ введеніе; а далѣе посмотрю, что Богъ дастъ. Изъ газетъ знаю, что Николай Дмитріевичъ Иванишевъ перемѣщенъ въ Варшаву. Желаю отъ души этому ученому и доброму мужу отъ Бога всякаго счастья; впрочемъ, кажется, положеніе его и въ Кіевѣ было не дурное. Если увидите Михаила Александровича Максимовича, то покорнѣйше прошу васъ засидѣтельствовать отъ меня ему мое глубокое уваженіе. Если вы имѣете что-либо мнѣ вручить, то

[1]) Священникъ Рожд. церкви на Подолѣ. О немъ—ниже.

покорно прошу васъ обратиться къ Владиміру Григорьевичу Чайковскому, живущему на углу Кузнецкой улицы, въ домѣ Шульгина, близъ Университета. Я имѣлъ удовольствіе съ этимъ милымъ и любезнымъ человѣкомъ познакомиться на возвратномъ пути. По веснѣ онъ долженъ пріѣхать въ Москву; онъ занятъ по желѣзной дорогѣ. Когда вы получите дипломъ отъ Общества и уставъ, одинъ Богъ знаетъ; потому что еще и рисунокъ къ диплому, по причинѣ разныхъ споровъ, не готовъ, хотя и было представлено нѣсколько недурныхъ проектовъ. Въ заключеніе усерднѣйше прошу Васъ не оставлять меня извѣстіями о себѣ.

Честь имѣю быть Вашъ покорнѣйшій слуга Николай Закревскій.

Москва, 8 марта 1865 г.

Къ этому письму приложена копія письма Н. В. Закревскаго къ Буслаеву, отъ 15 января 1865 г.

Милостивый Государь Ѳедоръ Ивановичъ!

Принимаю смѣлость утруждать Васъ моею покорнѣйшею просьбою представить въ собраніе Общества Древне-Русскаго искусства. на благоусмотрѣніе господъ членовъ онаго, слѣдующее мое предложеніе. Бывши этого лѣта въ Кіевѣ для изученія недавно открытыхъ древностей и копированія знаменитыхъ фресковъ въ Софіевскомъ соборѣ, я имѣлъ въ виду и самое знакомство съ тѣми лицами, которыхъ безкорыстное разработываніе науки о нашихъ древностяхъ принесло уже столь славные результаты. Старанія мои имѣли цѣлію привлечь достойныхъ дѣятелей въ наше общество для распространенія и процвѣтанія онаго. На основаніи этихъ соображеній, я имѣю честь предложить слѣдующія лица въ члены нашего общества. 1) Дѣйствительнаго статск. совѣтника Николая Дмитріевича Иванишева, ректора Университета св. Владиміра, давно уже извѣстнаго ученому свѣту археологическимъ раскрытіемъ и описаніемъ доисторическихъ кургановъ въ Кіевской губерніи и великолѣпнымъ изданіемъ древнихъ памятниковъ и актовъ Южно-Русскихъ. 2) отца протоіерея Петра

Гавриловича Лебединцева, редактора Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ которыхъ помѣщены многія статьи о Кіевскихъ достопамятностяхъ. Статьи эти составляютъ очевидное доказательство весьма обширнаго знанія исторіи Кіева и вообще Южной Россіи и ея древностей. Сочиненіе его о Кіевскихъ фрескахъ, которое намѣревается онъ сдѣлать вскорости извѣстнымъ публикѣ, по своей спеціальности, обширности и глубокому изученію предмета, будетъ въ высшей степени занимательно и, наконецъ: 3) священника Рождественской церкви на Подолѣ о. Іосифа Желтоножскаго, по призванію собственно художника, занимающагося живописью. Высочайше утвержденный комитетъ для возстановленія древнихъ фресковъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, убѣдясь въ недостаткѣ знаній и способности иконописца, которому было сначала повѣрено, принужденъ былъ отказать ему и поручить эту трудную работу его бывшему помощнику—нынѣ священнику Іосифу Желтоножскому, который въ теченіе десяти лѣтъ совершилъ громадный подвигъ, возставивъ древнія изображенія въ возможно первоначальномъ видѣ. Такимъ образомъ художникъ этотъ уже на дѣлѣ доказалъ свои познанія и искусство по древней иконописи и въ качествѣ члена соревнователя можетъ превосходными копіями фресковъ и совѣтами по части техники принесть нашему Обществу несомнѣнную пользу.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Николай Закревскій.

4.

Почтеннѣйшій отецъ протоіерей Петръ Гавриловичъ!

Послѣ долгаго молчанія я имѣлъ удовольствіе получить отъ васъ письмо отъ 9 марта 1866 г. Вамъ нѣтъ никакой надобности недоумѣвать на счетъ напоминанія о себѣ; оно было и будетъ всегда въ высшей степени пріятно для меня: но я имѣлъ причину недоумѣвать доселѣ, не получивъ отъ васъ отвѣта на одинъ предметъ изъ Кіева. Но я получилъ его другимъ путемъ. Нѣтъ ни малѣйшей надобности извиняться вамъ предъ Общест-

вомъ Древне-Русскаго искусства. Славны бубны за горами! Это Ноевъ ковчегъ, въ которомъ собрались и литографы, и словорѣзчики, и деревенскіе маляры, и торгаши изъ рядовъ. Выключая очень малаго числа членовъ, это очень разнородное собраніе. Доблестнѣе многихъ и многихъ купецъ Солдатенковъ, но его избрали для того только, чтобы пользоваться его богатымъ великодушіемъ. Нельзя всего писать. Три-четыре человѣка затѣяли Общество, чтобы самимъ порисоваться, и у кого горло крѣпче всѣхъ, тотъ овладѣваетъ словомъ и усыпляетъ васъ своею... Тамъ происходили споры и сцены, достойныя толкучаго рынка, особенно за статью, написанную о сосудахъ св. Антонія Римлянина, будтобы они подложные. Статью эту написалъ Филимоновъ, человѣкъ молодой, лѣтъ за 30, съ небольшою ученостію, но съ порядочною порціею самообожанія... Онъ же и главный учредитель Общества. Многіе члены отказывались уже отъ чести принадлежать къ этому Обществу. Я давно уже не посѣщаю его. Главные зачинщики собрали деньги съ купцовъ и издали недавно большой фоліантъ собственной фабрикаціи. Повѣрьте, что все дѣлается для самообожанія, и что ваша статья никогда не дождется быть помѣщенной. Жалобы доходили уже до митрополита и, кажется, это Общество не долговременно, оно само собою расклеится. Совсѣмъ другое дѣло въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Оно состоитъ исключительно изъ людей ученыхъ и избранныхъ аристократовъ. Предсѣдатель его, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, человѣкъ энергическій, ученый и съ огромными средствами и весьма вліятельными связями. Здѣсь совсѣмъ другой духъ: всякій талантъ, всякая дѣльная статья найдутъ вѣрный пріютъ. Какъ жаль, что о. Іосифъ Желтоножскій отослалъ свои копіи въ Общество Древне-Русскаго искусства, которое въ Москвѣ въ шутку называютъ Общество суздальскихъ богомазовъ! Тамъ не дадутъ ему ходу! Если имъ еще разъ удастся высосать изъ купцовъ нѣсколько денегъ, то они скорѣе вставятъ свои творенія, содержащія въ себѣ туманъ и фразеологію, чѣмъ дать ходъ другимъ, хотя-бы въ сто разъ лучше ихъ. Вы тоже членъ Археологическаго Общества; по моему мнѣнію, гораздо достойнѣе и полез-

нѣе прислать со временемъ (дѣло не къ спѣху) ваше сочиненіе въ это Общество, нежели ввѣрить его людямъ, коимъ свое я, хотя-бы и пустое, дороже вселенной. Въ Обществѣ Древне-Русскаго искусства разрабатывается не наука, но ячество. Довольно объ этой... Археологическое Общество весьма нуждается въ корреспондентѣ въ Кіевѣ. Оно, т. е. графъ, издаетъ на свой счетъ мое Описаніе Кіева и желаетъ имѣть хорошія фотографическія изображенія нѣкоторыхъ Кіевскихъ древностей. Такъ какъ вы молчали, то я совѣтывалъ чрезъ секретаря г. Герца обратиться къ священнику П. Троцкому, который написалъ милое письмо къ Обществу съ благодарностью за избраніе его и вызвался быть корреспондентомъ; а вы, напротивъ, отозвались сухо. О. Троцкій, по просьбѣ Герца, на высланные 4 рубля купилъ Сементовскаго изображеніе съ картины Благовѣщенія надъ иконостасомъ въ Софіи и другую, тоже Благовѣщенія, въ алтарѣ. Графъ нашелъ эти картины крайне неудовлетворительными и желаетъ имѣть хорошія фотографическія. Ваше письмо я сообщу графу Уварову. Но чтобы не компрометировать и Общество, покорнѣйше васъ прошу, переговорите вы предварительно съ г. полковникомъ Биркинымъ, будетъ ли ему угодно, въ случаѣ, если Общество обратится къ нему съ просьбою доставить изъ Кіева нѣсколько фотографическихъ изображеній, нужныхъ для Общества; если онъ согласится, то прошу васъ увѣдомить меня или секретаря, г. Герца, и тогда Общество уже смѣлѣе къ нему напишетъ. Намъ нужно имѣть хорошіе снимки: 1) съ мозаическаго изображенія Благовѣщенія въ Софіи; 2) съ фресковаго изображенія тоже Благовѣщенія въ алтарѣ св. Іоакима и Анны въ Софіи; 3) съ креста Марка Гробокопателя (обѣ стороны); 4) съ фресковъ въ церкви Спаса на Берестовѣ, хоть-бы только съ лучшихъ; 5) съ фресковъ въ церкви св. Троицы въ Кирилловскомъ монастырѣ; 6) съ портрета Саввы Туптала тамъ же. Это на первый случай. Разумѣется, что расходы графъ охотно принимаетъ на свой счетъ. Ради Бога, не взыщите за мое скорое и не разборчивое писаніе. У меня теперь нѣтъ ни одного часа свободнаго. Въ апрѣлѣ или маѣ ѣду въ Петербургъ заняться въ Археологической Коммиссіи,

Публичной библіотекѣ и въ Архивѣ Главнаго Штаба, все для своего Кіева. 200 писаныхъ листовъ уже готовы, печатаніе уже началось. Будетъ до 200 рисунковъ. Если только благій Богъ сподобитъ все это благополучно кончить и заключить мою 34-хъ лѣтнюю работу. О текстѣ, разумѣется, не мнѣ судить; но будутъ приложенія, за которыя всѣ любители святыни Кіевской и почитатели древностей русскихъ будутъ графу Уварову обязаны великою благодарностію.

Нѣтъ, достойный отецъ протоіерей, оставьте вы попеченіе о толкучемъ рынкѣ,—Московское Археологическое Общество имѣетъ совсѣмъ другой элементъ. Съ вашими познаніями и съ вашимъ вкусомъ оно было-бы вамъ по сердцу, еслибы вы здѣсь сами были. Прошу покорно поклониться отъ меня о. Іосифу Желтоножскому. Говорятъ, что онъ ко мнѣ писалъ; но, къ сожалѣнію, я ничего не получалъ. Онъ принялъ меня недовѣрчиво и потому я ничего не просилъ у него, хотя мнѣ и нужны были очерки софійскихъ фресковъ. Если онъ пришлетъ въ Общество рисунковъ нѣсколько, напримѣръ 20 фресковъ Софійскихъ или Спасскихъ, то можно и его предложить въ члены Общества, и судя по количеству и качеству его работъ, можно ему доставить и доставлять всѣ изданія нашего Общества, но не прежде. Повѣрьте, и время докажетъ, что его труды, которые онъ сюда въ Общество Др. Русск. искусства прислалъ—пропали. Что касается до желанія о. іеромонаха Лаврентія, то я душевно радъ услужить святой Лаврской обители, но прошу повременить. Москва велика, а я старъ, ходить много не въ состояніи, а ѣздить незначительное жалованье не позволяетъ. При томъ же я теперь сильно занятъ; сверхъ того, надобно прежде обо всемъ этомъ хорошенько разузнать, къ кому обратиться. Во всякомъ случаѣ, за привѣтливое обхожденіе о. Лаврентія, я постараюсь, сколько могу, исполнить его желаніе, но прошу повременить.

Да хранитъ васъ всеблагое Провидѣніе. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорный слуга Николай Закревскій.

Москва. 20 марта 1866 г.

5.

Почтеннѣйшій отецъ протоіерей Петръ Гавриловичъ!

Думаю, что вы уже возвратились изъ путешествія по епархіи съ вашимъ митрополитомъ, и потому намѣреваюсь отвѣчать на ваше письмо отъ 16 іюля 1866 г. Сейчасъ я только окончилъ два черновыя письма отъ имени Общества Археологическаго, одно къ вамъ, а другое къ о. Павлу Троцкому. Поэтому мнѣ нѣтъ надобности повторять, что тамъ написано; полагаю, что нашъ секретарь, Карлъ Ивановичъ Герцъ вскорости отошлетъ ихъ къ вамъ. Рисунокъ съ нагруднаго украшенія супруги Тимоѳея Богдановича Хмельницкаго я передалъ г. Герцу. Осипу Максимовичу Бодянскому я разсудилъ не передавать потому, что въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ которомъ я тоже дѣйствительнымъ членомъ, нѣтъ денегъ для подобныхъ изданій. Они и за печатаніе своего журнала почти каждый годъ вымаливаютъ у министра скидку со счетовъ типографскихъ. Это прекрасное Общество держится собственно своимъ секретаремъ Бодянскимъ; но весьма дѣльный журналъ почти не расходится,—такъ публика наша равнодушна къ солиднымъ занятіямъ. Къ Димитрію Гавриловичу Биркину я тоже приготовилъ черновое письмо имени Общества; г. Герцъ, думаю, не задержитъ его долго отсылкою. Снимки съ фресковъ въ церкви Спаса на Берестовѣ не столь для меня необходимы, какъ снимки съ мозаическаго изображенія Благовѣщенія въ Софійскомъ соборѣ, надъ иконостасомъ, и съ одного чрезвычайно любопытнаго фреска на лѣстницѣ въ ризницу. Я крайне сожалѣю, что не успѣлъ снять его, когда былъ въ Кіевѣ. Желательно бы еще имѣть снимокъ съ креста св. Марка Гробокопателя. Не разсердитесь, достойный отче, если я вамъ скажу, что съ вашими знаніями и способностями, въ два года нашего знакомства, вы давно бы могли что-либо дѣльное, хоть бы и о фрескахъ, написать и сообщить въ Общество. Не думайте впрочемъ, Петръ Гавриловичъ, что общество нуждается въ статьяхъ. Ихъ довольно, лишь бы деньги были на печать; но какъ я теперь имѣю случай

при редакціи.—то для меня было бы особенное удовольствіе держать корректуру вашего сочиненія и издать, какъ бы только вамъ хотѣлось. Сегодня попался мнѣ 11-й номеръ 1866 г. Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или собственно статья о мѣстѣ Кіевской церкви св. Андрея, сочиненіе Михаила Александровича Максимовича. Тутъ же говорится о Крестовоздвиженской церкви, о Копьеревѣ концѣ и проч и проч. Однимъ словомъ, статья куріозная. Алежъ, Богъ дасть, побачымо, чы воно такъ йе.

Желаю вамъ здоровья и благоденствія. Вашъ покорнѣйшій слуга Николай Закревскій.

Москва. 24 августа 1866 г.

Сообщ. **І. Г.**

Къ исторіи текста „Мертвыхъ душъ".

Кому не извѣстно, какое колоссальное значеніе въ жизни и творчествѣ Гоголя имѣли «Мертвыя Души»? Ни одно произведеніе не было такъ тѣсно связано съ его судьбой, и можно смѣло сказать, что всѣмъ остальнымъ произведеніямъ, въ совокупности, включая сюда даже «Ревизора» и «Тараса Бульбу», онъ не посвятилъ столько времени, упорнаго труда, заботъ и душевной энергіи. Недаромъ современники смотрѣли на Гоголя преимущественно какъ на творца «Мертвыхъ Душъ», и на этой поэмѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ сосредоточивались ихъ надежды и ожиданія отъ Гоголя. Цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ работалъ онъ надъ своей поэмой, и кто знаетъ, сколько времени взяло бы ея продолженіе. Для Гоголя это былъ такой же задушевный и многолѣтній трудъ, какъ для Пушкина «Онѣгинъ», и даже еще больше: и по объему, и по грандіозности замысла, и по тѣмъ надеждамъ, которыя въ душѣ автора были связаны съ его поэмой. Пушкинъ трудился надъ «Онѣгинымъ» около десяти лѣтъ и въ этотъ промежутокъ изъ вступающаго въ жизнь юноши успѣлъ сдѣлаться зрѣлымъ мужемъ и семьяниномъ и, оглядываясь назадъ, признавался, что, когда принимался за свой трудъ, то «даль свободнаго романа сквозь магическій кристалъ еще неясно различалъ», и что въ то время Татьяна и Онѣгинъ являлись ему только «въ смутномъ снѣ». Гоголь также еще очень молодымъ приступилъ къ созданію своей поэмы; онъ жилъ тогда въ Петер-

бургѣ, занималъ каѳедру въ университетѣ и оканчивалъ «Ревизора». Послѣ этого онъ оставляетъ университетъ, ставитъ на сцену свою комедію, уѣзжаетъ за границу, путешествуетъ тамъ, надолго остается въ Италіи, снова возвращается на родину и опять уѣзжаетъ за границу и проч. и проч. Сколько за это время было имъ передумано, перечувствовано и пережито! Но у него оставалась все одна цѣль жизни, и всего дороже для него, послѣ вопроса о душевномъ спасеніи, былъ его завѣтный трудъ. Пушкинъ имѣлъ возможность окончить свой романъ и, такимъ образомъ, испытать глубокое нравственное удовлетвореніе, которое такъ прекрасно вылилось изъ его души въ чудномъ, задушевномъ прощаніи съ читателемъ; Гоголю не суждена была эта высокая отрада, и передъ смертью, съ чувствомъ глубокаго разочарованія, онъ поставилъ крестъ на многолѣтнемъ трудѣ и предалъ его уничтоженію...

При такомъ значительномъ промежуткѣ времени, котораго потребовало созданіе «Мертвыхъ Душъ», понятно, что и къ Гоголю должны быть примѣнены слова Пушкина, что онъ вначалѣ «даль свободнаго романа сквозь магическій кристалъ еще неясно различалъ». Уже a priori невозможно допустить, чтобы полтора десятка лѣтъ и все пережитое и перечувствованное за это время не наложило своего отпечатка на личность автора и на его созданіе. Такъ дѣйствительно и было. Прежде всего, принимаясь за трудъ, Гоголь былъ очень далекъ отъ мысли, что это будетъ отнынѣ его единственнымъ произведеніемъ и что оно поглотитъ всю остальную жизнь, и никакъ не ожидалъ, что поэма можетъ принять такіе грандіозные размѣры. Въ то время, во второй половинѣ 1835 г., главнымъ трудомъ, почти всецѣло привлекавшимъ къ себѣ его вниманіе, былъ «Ревизоръ», а «Мертвыя Души» были для него пока дѣломъ второстепеннымъ. Онъ самъ впослѣдствіи признавался Аксакову, что онъ сначала смотрѣлъ на «Мертвыя Души», какъ на забавный и любопытный анекдотъ [1]). Самое происхожденіе сюжета было случайное. Въ концѣ апрѣля

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 46.

или въ началѣ мая 1835 г. Гоголь выѣхалъ изъ Петербурга на родину, въ Малороссію. По дорогѣ онъ набрасывалъ какія-то замѣтки, въ которыхъ заносилъ на бумагу свои впечатлѣнія. Вернувшись въ Петербургъ, по своей привычкѣ онъ показалъ ихъ Пушкину, который и подалъ ему совѣтъ воспользоваться ими для большого произведенія. Встрѣчающіяся далѣе въ разныхъ источникахъ несогласія въ подробностяхъ разсказа о передачѣ Пушкинымъ сюжета «Мертвыхъ Душъ» могутъ быть объяснены тѣмъ, что къ этому вопросу оба писателя могли возвращаться въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ; во всякомъ случаѣ примиреніе этихъ противорѣчій можетъ быть теперь только гадательное. Въ «Авторской Исповѣди» Гоголь такъ говоритъ объ этомъ: «Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе, и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого, неприняться за большое сочиненіе? Это, просто, грѣхъ!» Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но еслибы не принялся за «Донкихота», никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому» [1]). Ясно, что по этому разсказу слѣдуетъ предположить передъ разговоромъ писателей чтеніе Гоголемъ какого-нибудь драматическаго отрывка, а никакъ не путевыхъ замѣтокъ, заключавшихъ въ себѣ изображеніе дороги, а не характеровъ людей. Смирнова въ своихъ «Запискахъ» пере-

[1]) Соч. Гог. изд. X, т. IV, стр. 248—249.

даетъ дѣло иначе: «Пушкинъ провелъ четыре часа у Гоголя и далъ ему сюжетъ для романа. Герой объѣдетъ провинцію; Гоголь воспользуется своими путевыми записками» [1]). Въ «Авторской Исповѣди» совсѣмъ нѣтъ упоминанія о путевыхъ запискахъ; но сообщеніе Смирновой заслуживаетъ довѣрія въ виду слѣдующихъ соображеній. Въ сохранившихся отрывкахъ изъ этихъ записокъ мы находимъ слѣдующее: «Эхъ, куда забросило русскую столицу! Въ Чухну, на край свѣта!» сказалъ я, обратившись назадъ, когда низенькій и ровный Петербургъ утонулъ, и пошли писать по обѣимъ сторонамъ дороги кочки, обгорѣлые пни сосенъ, молодой ельникъ, торчавшій, какъ попало, по какому-то сѣро-зеленому грунту. Какъ стрѣла летитъ шоссе сквозь это безбрежное пространство,— пространство высохшаго болота. Крѣпче завернусь въ мою бурку, зажмурю глаза: Богъ ними, съ этими видами! На Руси ихъ такъ много, что ужъ даже слишкомъ» [2]) и проч. Этимъ отрывкомъ Гоголь воспользовался частью въ своей статьѣ «Петербургскія записки 1836 г.», частью въ началѣ второй главы перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Такъ первая фраза почти буквально внесена въ «Петербургскія Записки»; ими онѣ и начинаются; а также дальше, какъ обстоятельно разъяснено Н. С. Тихонравовымъ, многое изъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ вошло въ ту же статью. Но затѣмъ слѣдующія строки изъ приведеннаго выше мѣста въ легкомъ измѣненіи были внесены во вторую главу «Мертвыхъ Душъ», гдѣ онѣ читаются такъ: «Едва только выѣхалъ онъ за городъ, какъ пошла писать, по нашему, русскому обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги; кочки, ельникъ, низенькіе, жидкіе кусты молодыхъ сосенъ. Виды извѣстные. На все это Чичиковъ не глядѣлъ вовсе, потому что такихъ видовъ на Руси не оберешься». Дословное сходство не оставляетъ, мнѣ кажется, никакого сомнѣнія въ существованіи связи между путевыми записками и «Мертвыми Душами». Внесеніе же изъ одного источника вставокъ въ разныя произведенія можно предположить у

---

[1]) «Записки» А. О. Смирновой, ч. I, стр 45.

[2]) Соч. Гог. изд. X, и V, стр. 654.

Гоголя и въ другихъ случаяхъ; такъ описаніе Коломны въ повѣсти «Портретъ» по сходству характеристики съ нѣкоторыми мѣстами повѣсти «Невскій Проспектъ» можно заключить, что сначала эти два описанія предназначались для одной статьи, которая должна была заключать въ себѣ очеркъ Петербурга, подобно тому, какъ нѣсколько штриховъ для характеристики этой столицы, уже было дано Гоголемъ въ одномъ изъ писемъ къ матери и впослѣдствіи въ «Петербургскихъ Запискахъ 1836 года».

Изъ разсказа Гоголя въ «Авторской Исповѣди» видно далѣе, что Пушкинъ былъ не только крестнымъ отцомъ «Мертвыхъ Душъ» въ смыслѣ сообщенія Гоголю сюжета, но что и самая мысль о разъѣздахъ Чичикова по Россіи также дана была Пушкинымъ, и это новое подтвержденіе словъ Смирновой о значеніи путевыхъ замѣтокъ въ смыслѣ отдаленнаго первоисточника «Мертвыхъ Душъ». Затѣмъ, такъ какъ Гоголь приступилъ къ созданію своей поэмы еще въ то время, когда не былъ совершенно оконченъ «Ревизоръ», то, конечно, на первыхъ порахъ творческія силы его раздроблялись, тѣмъ болѣе, что главное вниманіе посвящалось пока «Ревизору», пьесѣ, требовавшей напряженныхъ заботъ не только въ смыслѣ художественной обработки, но даже чисто практическихъ хлопотъ и заботъ. Кромѣ того, что Гоголь не могъ пока сосредоточиться на своемъ новомъ трудѣ, но и самый творческій замыселъ созрѣвалъ у него постепенно. Въ «Авторской Исповѣди» онъ признается, что «началъ было писать, не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой». «Я думалъ просто»— продолжаетъ Гоголь,—«что смѣшной проектъ, исполненьемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными» [1]). Вникая въ смыслъ этихъ словъ, мы легко можемъ убѣдиться, что ходъ творчества Гоголя былъ приблизительно такой: сначала передъ нимъ,

[1]) Соч. Гог. изд. X, т. IV, стр. 250.

въ качествѣ лишь отчасти годнаго матеріала, находились отрывочныя путевыя записки, совсѣмъ не предназначавшіяся прежде собственно для этой цѣли, и данный ему Пушкинымъ сюжетъ, который, конечно, уже самъ по себѣ предполагалъ извѣстный намъ характеръ героя, представлявшагося пока автору лишь смутно опытнымъ пройдохой и плутомъ; поэтому онъ проситъ Пушкина познакомить его съ какимъ-нибудь ябедникомъ; очевидно, онъ собираетъ матеріалы и краски для не только задуманной, но уже и начатой поэмы. Тутъ же онъ говоритъ, что хочетъ показать въ ней съ одного боку всю Русь. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что Гоголь, подъ вліяніемъ Пушкина, уже значительно расширяетъ задуманный сюжетъ: «Пушкинъ»—говоритъ онъ—«находилъ, что сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести многое множество характеровъ».

Теперь, прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшемъ измѣненіи сюжета и плана «Мертвыхъ Душъ», мы должны указать одну особенность Гоголя, какъ писателя: онъ никогда не могъ удовлетвориться уже созданнымъ произведеніемъ и вскорѣ начиналъ относиться съ явнымъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ къ прежнимъ трудамъ. Эта черта проходитъ красной нитью чрезъ всю его литературную дѣятельность. Такъ, не говоря уже объ извѣстномъ сожженіи юношеской его идилліи «Ганца Кюхельгартена», онъ быстро охладѣваетъ и къ тѣмъ произведеніямъ, успѣхъ которыхъ ему льстилъ и которыми онъ прежде былъ вполнѣ доволенъ. 2 ноября 1831 года онъ не безъ молодого самодовольства пишетъ Данилевскому о «Вечерахъ на хуторѣ»: «Порося мое давно уже вышло въ свѣтъ. Теперь, я думаю, Василій Ивановичъ, (сосѣдъ его, Черникъ) совокупно съ любезнымъ зятемъ Егоромъ Львовичемъ его почитываютъ. Оно успѣло уже заслужить славы брань, кривые толки, шумъ и брань» и проч. Прошелъ годъ съ небольшимъ,—Гоголь былъ уже занятъ мыслью о созданіи комедіи и уже презрительно отзывается о «Вечерахъ». 1 февраля 1833 года онъ пишетъ Погодину: «Вы спрашиваете о «Вечерахъ» Диканьскихъ. Чортъ съ ними! Я не издаю ихъ, и

хотя денежныя пріобрѣтенія были бы нелишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художественное не изыдетъ изъ меня». Такъ же и впослѣдствіи Гоголь смотрѣлъ на «Вечера» и въ предисловіи къ первому изданію своихъ сочиненій объясняетъ, что допустилъ ихъ только потому, что «въ нихъ чувствовались первыя сладкія минуты молодого вдохновенія», и даже предлагаетъ снисходительному читателю пропустить весь первый томъ и начать чтеніе прямо со второго. Когда Гоголь приступалъ ко второму изданію своихъ сочиненій, то опъ снова думалъ было посягнуть на «Вечера». То же самое повторилось потомъ и съ «Ревизоромъ», который въ теченіе полутора года почти совершенно поглощалъ всѣ помыслы автора. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и Гоголь съ досадой пишетъ Прокоповичу: «Скажи, пожалуйста, съ какой стати пишете вы всѣ про «Ревизора?» Что это за комедія? Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на «Ревизора»—плевать, а во-вторыхъ—къ чему это?.. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, я бы благодарилъ судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сдѣлалъ я, до сихъ поръ, ничего) знакома душѣ неподдѣльнаго поэта».

То же самое повторилось не разъ и съ «Мертвыми Душами». Намѣреніе Гоголя изобразить съ одного бока всю Русь было высказано имъ въ письмѣ къ Пушкину 7 октября 1835 г. Гоголь такъ говоритъ тамъ: «Началъ писать «Мертвыхъ Душъ». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись». Эти строки письма къ Пушкину подтверждаютъ слова Гоголя въ «Авторской Исповѣди» о томъ, что ему не сразу выяснилась личность главнаго героя. Но изображеніе помѣщиковъ

слишкомъ тѣсно связано съ разговоромъ о мертвыхъ душахъ и въ самомъ ходѣ поэмы замѣчается крѣпкая органическая связь, которая едва ли могла бы возникнуть изъ разрозненныхъ пробныхъ набросковъ. Ноздревъ, напримѣръ, какъ видно изъ хода поэмы, уже съ первой главы былъ намѣченъ авторомъ, какъ будущій разрушитель плана Чичикова, что и составляетъ главное назначеніе его въ поэмѣ, такъ какъ покупка у него мертвыхъ душъ не состоялась, а у Гоголя каждое болѣе или менѣе значительное лицо всегда имѣетъ значеніе не только по отношенію къ себѣ самому, но и къ цѣлому произведенію. Притомъ и въ самомъ расположеніи и обрисовкѣ типовъ у Гоголя видна постоянная забота о композиціи всего произведенія: благодушному и мечтательному Манилову противополагается Собакевичъ, человѣкъ положительный и нисколько не сентиментальный; нехозяйственному Манилову и его любви къ вычурнымъ затѣямъ противополагается безхитростная, но вполнѣ хозяйственная Коробочка; планъ Чичикова нарушается, какъ это бываетъ и въ дѣйствительной жизни, разными непредвидѣнными случайностями, но все вмѣстѣ даетъ чрезвычайно стройную картину. Очень естественно поэтому, что Гоголь долженъ былъ остановиться въ своемъ сочиненіи на третьей главѣ до выясненія личности и характера Чичикова.

Далѣе Гоголь говорилъ въ «Авторской Исповѣди», что послѣ «Ревизора» почувствовалъ потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы уже не одно то, надъ «чѣмъ слѣдуетъ смѣяться». Этой потребностью объясняется разница въ общественномъ значеніи раннихъ произведеній Гоголя и повѣстей вродѣ «Носа» и «Коляски» и зрѣлыми созданіями его генія; но на дальнѣйшей стадіи своего развитія стремленіе Гоголя сообщить своимъ созданіямъ глубокій, знаменательный смыслъ получило нездоровое, неестественное направленіе. Это совпало съ дальнѣйшей стадіей въ расширеніи первоначальнаго сюжета, когда Гоголь задумалъ изобразить уже всю Россію не только съ дурными, но и съ хорошими ея сторонами. Вообще, первоначальный планъ Гоголя постепенно расширялся и видоизмѣнялся. Такъ какъ Гоголь имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться съ Пушкинымъ, показывать ему свои

черновыя рукописи, то впечатлѣнія Пушкина, несомнѣнно, имѣли извѣстное и довольно существенное вліяніе на характеръ творчества Гоголя. Объ этомъ онъ говорилъ Плетневу въ слѣдующихъ выраженіяхъ по поводу смерти поэта: «Никакой вѣсти хуже нельзя было получить изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что́ скажетъ онъ, что́ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что́ меня только занимало и одушевляло мои силы». Естественно, поэтому, что когда Пушкину показалась слишкомъ мрачной нарисованная въ «Мертвыхъ Душахъ» картина, то Гоголь сталъ заботиться о смягченіи впечатлѣнія. Надо думать, что онъ читалъ Пушкину не ту редакцію, которая изъ числа сохранившихся считается первоначальною, а еще болѣе раннюю, затерянную, такъ какъ въ существующихъ редакціяхъ различіе слишкомъ незначительное. Сличая первыя сохранившіяся редакціи, можно замѣтить ослабленіе красокъ только въ томъ, что Гоголь старается вездѣ сгладить насмѣшливыя общія характеристики русской жизни, устраняя именно обобщеніе.

Ожесточенный пріемъ публикой «Ревизора» не могъ не отразиться, въ свою очередь, на характерѣ творчества Гоголя: онъ всегда чутко прислушивался къ толкамъ объ его произведеніяхъ какъ публики, такъ и критики, и горячо принималъ ихъ къ сердцу, при чемъ былъ особенно чувствителенъ къ нападкамъ. Его больше всего затрогивала за живое нелѣпая щепетильность публики, оскорблявшейся за всякій незначительный намекъ, касающійся извѣстнаго сословія или класса общества. Онъ часто вооружался противъ этой нелѣпой обидчивости, но особенно раздосадовало его отношеніе публики къ «Ревизору». Не говоря о «Театральномъ Разъѣздѣ» который цѣликомъ относится къ этому вопросу, досада Гоголя не могла не отразиться и въ другихъ его произведеніяхъ. Такъ въ «Петербургскихъ Запискахъ 1836 г.» мы читаемъ: «Такая раздражительность у насъ рѣшительно распространяется на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните

«Ревизора». Но удалившись за границу, съ теченіемъ времени Гоголь мало-по-малу сталъ спокойнѣе относиться къ тому общему неудовольствію, которое не давало ему покоя на родинѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно одно, впослѣдствіи опущенное мѣсто въ заграничной редакціи: «Я теперь рѣшительно безъ всякихъ чиновъ и церемоній. Было время, когда и я, не смотря на неповоротливость, глядѣлъ въ глаза, старался угадывать желанія тѣхъ, съ которыми мы привыкли быть до приторности учтивыми. А теперь, когда унесло меня море изъ нашей пространной имперіи, все благоговѣніе, которое питалось въ душѣ къ разнымъ правителямъ канцелярій и многимъ другимъ достойнымъ людямъ, испарилось совершенно. Теперь кланяться я не умѣю; я состарѣлся, нѣтъ той гибкости въ костяхъ, которую сохраняютъ въ своемъ хребтѣ многіе дѣльные и дѣловые люди. Я упрямъ; я не хочу видѣть тѣхъ физіономій, на которыя нужно плевать». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ по поводу предполагаемаго пренебреженія дамъ къ его герою: «Весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: «фи такой гадкій!» Увы, все это извѣстно автору, и онъ признается, что до сихъ поръ не произвелъ ничего по внушенію дамскому, и даже чувствовалъ какую-то странную робость и смущеніе, когда дама облокотится на письменное бюро его. Теперь кончено все; даже и смущеніе не забирается въ его душу». Есть одно мѣсто, безусловно устраняющее сомнѣніе въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ Гоголь говоритъ подъ вліяніемъ воспоминаній объ озлобленномъ пріемѣ «Ревизора»: «авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ ему назвать обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы опять не разсердились на него, какъ серживались встарь, во времена прежнія, за «Ревизора» и множество другихъ старыхъ грѣховъ, и не укорили бы его даже о помѣщеніи какихъ-либо личностей».

Всѣ приведенныя мѣста достаточно показываютъ, что сильное впечатлѣніе, произведенное на душу Гоголя первыми представленіями «Ревизора», хотя, конечно, постепенно изглаживалось и смягчалось, какъ увидимъ, имѣло потомъ довольно существенное вліяніе на дальнѣйшія стадіи въ исторіи «Мертвыхъ Душъ». Но пока возвратимся къ внѣшней исторіи произведенія.

Послѣ продолжительнаго перерыва работы, вызваннаго заботами о постановкѣ на сценѣ «Ревизора» и послѣдовавшихъ за-

тѣмъ сборовъ за границу, наконецъ, отчасти и самаго путешествія, Гоголь возвратился къ своему труду уже осенью 1836 г. въ Веве, гдѣ, по словамъ его письма къ Погодину, онъ «началъ писать и продолжать «Мертвыхъ Душъ», а потомъ продолжалъ свою работу надъ ними въ Парижѣ. Въ письмѣ къ Жуковскому Гоголь говоритъ объ успѣшномъ ходѣ своей работы: «Осень въ Веве настала прекрасная, почти лѣто, и я принялся за «Мертвыя Души», которыхъ было оставилъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ, и теперь веду его спокойнѣе, какъ лѣтопись». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращается къ Жуковскому съ такой просьбой: «Не представится ли вамъ какихъ-нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ? Это была бы для меня славная вещь; потому что, какъ бы то ни было, ваше воображеніе, вѣрно, увидитъ такое, чего не увидитъ мое. Сообщите объ этомъ Пушкину: авось либо и онъ найдетъ что-нибудь съ своей стороны». Послѣ этого въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ работа Гоголя при его разъѣздной жизни подвигалась очень неравномѣрно: то онъ на долго оставлялъ ее, то вдругъ вдохновеніе дарило его неожиданными сюрпризами. Гоголь любилъ впослѣдствіи вспоминать, какъ однажды въ самой неудобной обстановкѣ, въ трактирѣ одного мѣстечка между Дженино и Альбано, при шумѣ и гамѣ, ему удалось за одинъ присѣстъ написать цѣлую главу «Мертыхъ Душъ», тогда какъ въ послѣдніе годы воображеніе его работало вяло и, по его собственному признанію, ему приходилось клещами изъ себя вытягивать каждое слово.

Въ 1839 г., когда Гоголь возвратился въ Россію для того, чтобы взять сестеръ изъ института, онъ нѣсколько разъ читалъ у своихъ друзей по нѣсколько первыхъ главъ «Мертвыхъ Душъ», но слѣдующихъ не читалъ никому, откуда можно сдѣлать предположеніе, что онѣ тогда, по крайней мѣрѣ, не были достаточно обработаны. По свидѣтельству Анненкова, онъ читалъ Петербургѣ первыя четыре главы у Прокоповича, а потомъ зимой и весной 1840 г. у Аксаковыхъ—первыя шесть главъ. Вліяніе московскихъ впечатлѣній на работу Гоголя было довольно незначительное: оно состояло почти исключительно во внесеніи въ разсказъ описанія оживленной сцены лѣтняго торга въ той части Москвы, которая находится между Плющихой и Смоленскимъ рынкомъ и

по близости Дорогомиловскаго моста, гдѣ Гоголь часто прогуливался, живя на Дѣвичьемъ Полѣ, въ домѣ Погодина, но потомъ и это описаніе было снова опущено. Но обработка прежнихъ главъ продолжалась и, можетъ быть, тогда же въ Москвѣ написаны слѣдующія главы перваго тома. По крайней мѣрѣ, вскорѣ по возвращеніи въ Римъ, въ декабрѣ 1840 г., Гоголь уже работалъ надъ окончательной отдѣлкой первой полной редакціи и въ концѣ этого мѣсяца сообщалъ Аксакову: «Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ «Мертвыхъ Душъ». Перемѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что печатанье ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе моего труда выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, современемъ выйдетъ кое-что колоссальное, если только позволятъ мои слабыя силы. По крайней мѣрѣ, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ». Здѣсь, слѣдовательно, мы опять видимъ, что измѣненіе плана и характера произведенія совершается все въ томъ же направленіи. Какъ въ письмѣ къ Жуковскому отъ 12 ноября 1836 г. Гоголь говорилъ: «кто-то незримый пишетъ передъ мною могущественнымъ жезломъ», такъ и теперь онъ начинаетъ думать, что вдохновеніе посылается ему прямо отъ Бога, потому что никогда не выдумать человѣку такого сюжета. Въ началѣ 1841 г. первая полная редакція «Мертвыхъ Душъ» была уже совершенно готова и Гоголь тотчасъ же, почти безъ промежутка, приступилъ ко второй полной редакціи, которую и началъ переписывать сперва Пановъ, потомъ Анненковъ, и вся переписка этой редакціи была закончена въ августѣ 1841 г. Къ числу отличительныхъ чертъ второй редакціи слѣдуетъ между прочимъ отмѣтить внесеніе въ нее множества словъ изъ записныхъ книжекъ Гоголя, частью заключавшихъ въ себѣ рѣдкія, но чрезвычайно характерныя и мѣткія по его мнѣнію, выраженія. Одновременно эти же выраженія изъ записныхъ книжекъ вносились и въ послѣднія редакціи «Женитьбы» и «Игроковъ». Но это мелкая подробность, а существенная разница вытекала изъ перемѣны взглядовъ автора на свой трудъ. Въ декабрьскомъ письмѣ 1840 г. къ Аксакову читаемъ: «Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни»; и также къ Погодину

въ письмѣ отъ того же числа: «Чувствую свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками, и даже продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ». Вижу, что предметъ становится глубже и глубже». Такъ какъ первый томъ тогда былъ уже законченъ, то ясно, что дѣло идетъ уже о второмъ, о которомъ Анненковъ говоритъ положительно, что онъ былъ готовъ въ своемъ первоначальномъ видѣ одновременно съ первымъ, а Погодинъ даже поторопился на этомъ основаніи подѣлиться въ «Москвитянинѣ» съ публикой радостью, говоря о «Мертвыхъ Душахъ», что «два тома уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выйдетъ въ продолженіе года». Кажется, нельзя сомнѣваться по совпаденію времени и содержанія, что приведенныя выдержки имѣютъ самое непосредственное отношеніе къ тѣмъ мыслямъ, высказаннымъ въ седьмой главѣ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» второй полной редакціи, гдѣ Гоголь говоритъ о судьбѣ двухъ писателей, изображающихъ свѣтлую и темную сторону жизни. «Почему знать, можетъ быть, сіи низкія страницы предстанутъ потомъ въ незамѣченномъ нынѣ свѣтѣ и, можетъ быть, будущій поэтъ (о, какая чудная награда!) смятенный остановится передъ ними, грозная вьюга вдохновенья обовьетъ главу его, и не слышанныя пѣсни освѣжатъ міръ». Достаточно сравнить эти строки съ соотвѣтствующими строками первой полной редакціи, чтобы замѣтить существенное измѣненіе тона: тамъ онѣ читаются такъ: «Два — три могутъ найтиться въ шумномъ омутѣ свѣта величавые старцы въ юношескомъ возрастѣ, которыхъ устремленное орлиное око и встрепенувшееся чувство заполнятъ дрожью и священнымъ трепетаніемъ твое сердце, которые замѣнятъ тебѣ крики толпы». Ясно, что все это мѣсто, въ которомъ поэтъ излилъ годами накоплявшуюся въ его сердцѣ горечь, создалось подъ вліяніемъ давнихъ впечатлѣній и представляетъ собой отдаленный отголосокъ того сердечнаго вопля, который вырвался изъ груди Гоголя послѣ перваго представленія «Ревизора», когда, съ досадой отбросивъ поднесенный ему друзьями въ видѣ сюрприза только что отпечатанный экземпляръ комедіи, онъ сказалъ Прокоповичу: «Господи Боже мой! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ!» Сперва оскорбленная мысль Гоголя, ища себѣ утѣшенія, охотно останавливаясь на надеждѣ найти хотя бы немногихъ истинныхъ знатоковъ—цѣнителей, но во время при-

близительно около конца 1840 г. онъ обращаетъ свой умственный взоръ на ожидаемое сочувствіе вдохновеннаго поэта, подобно тому, какъ въ стихотвореніи Пушкина «Полководецъ» несправедливо поруганная тѣнь Барклая внушила поэту негодующее обращеніе къ пошлой и неблагодарной толпѣ, начинающееся словами: «О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха» и проч. Вскорѣ мечта о поэтѣ, который сумѣетъ оцѣнить трудъ Гоголя и можетъ вдохновиться имъ, перешла у него въ увѣренность, что грозная вьюга вдохновенія, о которой онъ говорилъ въ приведенномъ отрывкѣ, обовьетъ уже его собственную главу, и уже въ окончательной редакціи это мѣсто читается такъ: «И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей». Покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ такъ говоритъ о переработкѣ текста поэмы въ данномъ мѣстѣ: «Переработывая по частямъ, по фразамъ лирическое начало седьмой главы, Гоголь долго искалъ точныхъ выраженій для характеристики предметовъ своей поэзіи и своего литературнаго направленія. Онъ, наконецъ, нашелъ ихъ послѣ долгихъ усилій. Въ новой редакціи этой знаменитой характеристики слышатся уже и новыя чаянія писателя: не отъ «будущаго поэта» ожидаетъ онъ теперь «пѣсенъ, которыя освѣжатъ міръ»—онъ исполненъ надежды, что эти «другія рѣчи» потекутъ нѣкогда изъ собственныхъ его устъ—новое указаніе на вторую часть «Мертвыхъ Душъ»... Скорбныя слова о писателѣ, «оклеветанномъ молвою», намекавшія на старыя пересуды о «Ревизорѣ», были теперь исключены». Вообще, все это лирическое мѣсто представляетъ собой несомнѣнную переработку глубокихъ личныхъ впечатлѣній Гоголя и указываетъ именно на то, что занимало его мысли въ концѣ 1840 года. Между прочимъ въ письмѣ отъ 17 октября этого года къ Погодину Гоголь говоритъ: «Ты хотѣлъ разомъ отнять у меня и глубину чувствъ, и душу, и сердце, и назначить мнѣ мѣсто ниже самыхъ обыкновенныхъ людей». Въ поэмѣ это мѣсто читается такъ: «ему» (т. е. писателю, изображающему темную сторону

жизни) «не избѣжать оклеветанному и опозоренному молвою отъ площаднаго позорнаго суда, отнимающаго отъ него и сердце, и душу, придающаго имъ ему качества же изображенныхъ героевъ». Что же касается перехода Гоголя отъ болѣе скромной надежды на то, что трудъ его въ будущемъ можетъ вдохновить великаго поэта, къ убѣжденію, что вьюга вдохновенія обовьетъ именно его собственную главу, то психологически вполнѣ понятно подобное явленіе, и оно легко объясняется именно увлеченіемъ любимой мечтой. Такъ и Карамзинъ послѣ встрѣчи съ французскимъ историкомъ Левекомъ сперва только мимоходомъ подумалъ о томъ, что напрасно полагаютъ, будто русская исторія лишена интереса: «можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и прочихъ могло выйти нѣчто привлекательное», а спустя нѣкоторое время сталъ уже помышлять о томъ, чтобы самому принять на себя эту задачу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь началъ смотрѣть на свой трудъ какъ на внушенный самимъ Богомъ, а на оконченную первую часть лишь какъ на «крыльцо къ тому дворцу, который въ немъ строился» (письмо къ Плетневу отъ 17 марта 1842 г.).

Такимъ образомъ мы прослѣдили въ общихъ чертахъ исторію перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Надѣемся недалеко то время, когда эта исторія обогатится новыми любопытными и цѣнными данными, когда выйдутъ изъ-подъ спуда матеріалы, касающіеся исторіи второго тома и принадлежащіе П. Я. Дашкову. Въ полномъ видѣ эта исторія, конечно, никогда не будетъ возстановлена вслѣдствіе неоднократныхъ сожженій, но, во всякомъ случаѣ, можно надѣяться, что будетъ значительно пополненъ тотъ пробѣлъ, о которомъ Н. С. Тихонравовъ говоритъ такъ: «Никакихъ черновыхъ набросковъ второй части «Мертвыхъ Душъ», кромѣ листа, сохранившаго рѣчь генералъ-губернатора, и небольшого уголка отъ листка почтовой бумаги,—не оказалось въ бумагахъ Гоголя. Исторія текста второй части «Мертвыхъ Душъ» лишена, такимъ образомъ, тѣхъ пособій, которыя въ такомъ изобиліи и полнотѣ окружаютъ первую часть поэмы».

Но, къ сожалѣнію, Н. С. Тихонравову, опытному, внимательному и высоко авторитетному издателю, эти матеріалы не попали въ руки и вообще до послѣдняго времени хранились въ строжайшей тайнѣ. Слухъ о пріобрѣтеніи П. Я. Дашкова проникъ

въ литературные кружки уже года три тому назадъ, но для такъ называемой «большой публики» это дѣло оставалось въ полнѣйшемъ секретѣ. Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана часть спасенныхъ рукописей и приложены факсимиле. Тѣмъ не менѣе считаю нелишнимъ сказать слова два объ ихъ исторіи. Спасеніемъ ихъ мы обязаны покойному М. П. Погодину, который, узнавъ отъ слуги Гоголя во время предсмертной болѣзни писателя, что онъ истребляетъ свои черновыя бумаги, поспѣшилъ пріѣхать къ больному пріятелю и незамѣтно для него подобралъ разрозненные клочки, положилъ ихъ въ наволочку, а послѣднюю въ чемоданъ Гоголя и увезъ къ себѣ. Впослѣдствіи онъ принялся за разборку этого хаоса, но примѣнилъ не вполнѣ практичный способъ: онъ подбиралъ куски *по смыслу*, но это оказалось такъ трудно и сложно, что, не достигнувъ результата, Погодинъ эту работу оставилъ. Послѣ смерти его бумаги перешли къ также покойному нынѣ академику Кулику и, наконецъ, къ П. Я. Дашкову, догадавшемуся примѣнить болѣе простой и цѣлесообразный методъ объединенія клочковъ: онъ подбиралъ ихъ просто *по цвѣту и виду бумаги* и, послѣ продолжительныхъ и упорныхъ усилій, говорятъ, достигъ блистательнаго успѣха. Можно надѣяться, что, благодаря нынѣшнему юбилею, эти любопытные и цѣнные документы, такъ долго и такъ тщательно скрываемые подъ спудомъ, увидятъ, наконецъ, свѣтъ благодаря искусству П. Я. Дашкова, и изученіе нашего писателя снова подвинется впередъ. Приступивъ къ изданію второго тома еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, Гоголь по крайней мѣрѣ трижды сжигалъ его (въ 1843, въ 1845 и передъ смертью), вслѣдствіе чего трудно разсчитывать на полную реставрацію второго тома «Мертвыхъ Душъ», но если бы нашлись страницы, заключавшія въ себѣ, по свидѣтельству современниковъ, превосходное описаніе сада Тентетникова, встрѣчи Платонова съ эмансипированной Чагриновой, португальца Экспантона, то это было бы великое пріобрѣтеніе, которое многое освѣтило бы въ жизни и творчествѣ Гоголя за послѣдніе годы, и тогда мы могли бы надѣяться глубже проникнуть въ душу великаго писателя.

В. Шенрокъ.

Полтава въ началѣ XIX вѣка.

(Очерки по архивнымъ даннымъ съ рисунками).

О Полтавѣ писали многіе. Наиболѣе ранній трудъ, составленный въ 1846 г., принадлежитъ Н. Арандаренку (3 части) и представляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость; но о Полтавѣ тамъ сравнительно немного, зато много тамъ свѣдѣній, очень интересныхъ, о полтавской губерніи, ея торговлѣ, флорѣ, фаунѣ и т. п. Второй трудъ—П. П. Бодянскаго—работа, не потерявшая значенія до сей поры. Въ ней собранъ богатый статистическій матеріалъ, главнымъ образомъ за 1865 годъ; здѣсь же представлены свѣдѣнія, довольно подробныя, о памятникахъ Полтавы, полтавской битвѣ и т. под. Затѣмъ слѣдуютъ труды: Богдановича, бывшаго полтавскаго вице-губернатора, и Трощинскаго, внука министра юстиціи,—но оба они очень кратки и не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго. Послѣдней является книга В. Е. Бучневича. «Записки о Полтавѣ», вышедшая въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ. Этотъ трудъ цѣненъ по обилію матеріаловъ; все, писанное Арандаренкомъ и Бодянскимъ, вошло въ эту книжку съ добавленіемъ мелкихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ разныхъ брошюръ, журнальныхъ статей и т. под. Но ни одинъ изъ названныхъ авторовъ не пользовался архивнымъ матеріаломъ, находящимся въ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Настоящая работа представляетъ попытку изображенія прошлаго Пол-

тавы исключительно по даннымъ, заимствованнымъ изъ архивовъ Полтавскаго Губернскаго Правленія, Городской Думы, Губернскаго Земства, Приказа Обществ. призрѣнія и др. Конечно, мы не могли игнорировать и печатные источники, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится говорить о предметахъ, относительно которыхъ нѣтъ архивныхъ данныхъ, напримѣръ о монастырѣ и другихъ полтавскихъ церквяхъ; но при этомъ, желая избѣжать повтореній, мы старались не вдаваться въ подробности. Настоящая работа обнимаетъ время управленія перваго генералъ-губернатора полтавскаго, кн. Куракина (съ 1802—1808). Это—эпоха, когда Полтава изъ скромнаго полкового городка, какимъ она была во время Гетманщины, становится губернскимъ городомъ и въ короткое время преобразовывается по новому типу. Во всей ея исторіи едва-ли можно указать другой моментъ, когда въ ней общественная, экономическая жизнь и самая физіономія города потерпѣли бы такое быстрое и рѣзкое измѣненіе, какъ именно въ эти немногіе годы. Тщательно пересмотрѣвъ всѣ архивныя дѣла за эти годы, мы убѣдились, что они даютъ возможность представить довольно полную картину возрожденія Полтавы, какъ губернскаго города, и вообще того состоянія, въ какомъ она была сто лѣтъ назадъ. Можно лишь пожалѣть о томъ, что многія дѣла уже извлечены изъ архива Полтавскаго Губернскаго Правленія и переданы въ Харьковъ. Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность бывшему губернатору А. К. Бельгардту, губернскому предводителю дворянства С. Г. Бразолю, бывшему предсѣдателю губернской земской Управы П. Д. Шкляревичу и городскому головѣ В. И. Трегубову, любезно предоставившимъ намъ возможность пользоваться подвѣдомственными имъ архивами.

Глава I.

Учрежденіе Полтавской губ. Генералъ-губернаторъ кн А. Б. Куракинъ; его біографія. Письма къ нему съ поздравленіями; „Ода“ Котляревскаго. Открытіе губерніи. Новыя губернскія учрежденія. Ассигнованіе дворянствомъ суммъ на эти учрежденія. Первое дворянское собраніе и его церемоніалъ по „Обряду“, нарочно составленному для этого случая.

Въ настоящемъ году, 9 марта, исполнилось столѣтіе Полтавы, какъ губернскаго города. Еще въ 1781 г., «для лучшаго управленія всей Малороссіей», повелѣно было уничтожить въ ней старое дѣленіе на полки и раздѣлить ее на три намѣстничества: Кіевское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское. Спустя два года Полтава была отчислена къ Екатеринославскому намѣстничеству и сдѣлана повѣтовымъ (т. е. уѣзднымъ) городомъ. Въ 1796 г., вмѣсто трехъ намѣстничествъ, была учреждена одна губернія—Малороссійская съ главнымъ городомъ Черниговомъ; къ ней отошла и Полтава съ своимъ повѣтомъ. Такъ было до 1802 года, когда изъ Малороссійской губерніи были образованы двѣ губерніи: Полтавская и Черниговская. Въ составъ первой вошло 12 повѣтовъ: полтавскій, кременчугскій, хорольскій, золотоношскій, лубенскій, гадячскій, пирятинскій, переяславскій, прилукскій, роменскій и константиноградскій. Въ слѣдующемъ году еще было прибавлено три уѣзда: зѣньковскій, лохвицкій и новообразованный уѣздъ кобеляцкій. Первоначально существовало предположеніе сдѣлать губернскимъ городомъ не Полтаву, а Лубны, какъ центральный пунктъ, но историческое прошлое Полтавы дало перевѣсъ послѣдней, и Полтава сдѣлалась губернскимъ городомъ.

Одновременно съ этимъ прежній генералъ-губернаторъ обѣихъ малороссійскихъ губерній С. К. Вязьмитиновъ былъ вызванъ въ

Сергѣй Кузьмичъ Вязьмитиновъ.
Малороссійскій военный губернаторъ († 15 окт. 1819 г.).

Петербургъ и занялъ другой постъ, а его преемникомъ въ февралѣ 1802 года былъ назначенъ дѣйств. тайный совѣтникъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

Князь Куракинъ родился 19 сентября 1759 года. Онъ былъ правнукомъ Бориса Ивановича Куракина, свояка Петра В., и внучатнымъ племянникомъ гр. Панина; его родной братъ Александръ воспитывался вмѣстѣ съ цесаревичомъ Павломъ Петровичемъ. Знатность рода и большія связи способствовали быстрому возвышенію его на служебномъ поприщѣ. По обычаю того вре-

мени, кн. А. Б-чъ началъ службу въ гвардіи, но скоро перешелъ въ канцелярію генералъ-прокурора кн. Вяземскаго. Получивъ зва-

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

ніе камергера и чинъ тайнаго совѣтника, онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Ассигнаціоннаго Банка, затѣмъ генералъ-прокуроромъ, министромъ удѣловъ и казначеемъ Россійскихъ орденовъ. Въ началѣ 1802 г., какъ мы сказали, онъ былъ назначенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и управляющимъ гражскою частью въ обѣихъ губерніяхъ. На этомъ посту онъ пробылъ до 1808 года, когда получилъ назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣдняя служба его была въ должности предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Скончался онъ 30 декабря 1829 года.

Не успѣлъ еще князь прибыть въ Полтаву, какъ многія лица изъ администраціи Полтавы и Чернигова поспѣшили поздравить князя, желая заручиться его расположеніемъ. Полтавскій губернаторъ Сонцевъ, знавшій кн. Куракина по Петербургу, писалъ ему: «Сіе назначеніе сколь душевно меня обрадовало, столь же не менѣе подкрѣпило упованіе мое въ таковомъ же милостивомъ и благодѣтельномъ вашего сіятельства расположеніи ко мнѣ, каковымъ я всегда и при всякомъ случаѣ пользовался. Я же смѣю, сіятельнѣйшій князь, съ своей стороны, совершенно увѣрить, что и теперешнему начальству вашего сіятельства надо мною, сверхъ еще обыкновеннаго по службѣ долга, потщусь всегда доказать съ крайнимъ усердіемъ ту самую преданность и глубочайшее высокопочитаніе. Не смѣю, васъ, малостивый мой князь, поздравлять, по крайней мѣрѣ себя и свою землю поздравляю съ начальникомъ вашихъ достоинствъ». Въ такомъ родѣ не мало было отправлено посланій князю, главнымъ образомъ отъ черниговцевъ: Милородовича, президента казенной палаты Руновскаго и др.; но всѣхъ превзошелъ черниговскій прокуроръ Прусовецкій. «Съ душевнымъ порадованіемъ освѣдомился я,—писалъ онъ,—что по высокомонаршей волѣ ваше сіятельство опредѣлены въ Малороссію генералъ-губернаторомъ. Зная любопытный вашего сіятельства духъ къ предметамъ службы, долгомъ считаю препроводить у сего двѣ выписки: первую изъ правъ Статута, употребляемыхъ въ первомъ департаментѣ Генеральнаго Суда, а вторую о законахъ, коими рукодствуется второй департаментъ Генеральнаго Суда». Кн. Куракинъ тотчасъ же отвѣтилъ прокурору и поблагодарилъ его за «поспѣшное доставленіе двухъ выписей изъ статутовыхъ правъ, совершенно могущихъ меня руководствовать къ познанію, нужному при новомъ вступленіи моемъ въ управленіе губерній малороссійскихъ. Письмо это князь закончилъ не безъ ироніи: онъ обѣщалъ прокурору доказать на дѣлѣ «опыты своего вниманія къ усердной службѣ» [1]).

---

[1]) Арх. Губ. Правл., по описи № 113.

Кн. Куракинъ былъ, несомнѣнно, видный дѣятель. Необыкновенно трудолюбивый и хорошо образованный, онъ вникалъ во все и обладалъ большой настойчивостью и иниціативой. Очень ласковый въ обращеніи, обходительный, доступный, онъ былъ весьма требователенъ, всегда опирался на законъ и преслѣдовалъ нарушенія его. Аристократъ по рожденію, онъ былъ истиннымъ вельможей, любилъ роскошную жизнь, обстановку и нерѣдко задавалъ раскошные обѣды, на которые удостоивались приглашенія высшіе чины администраціи и суда. И. П. Котляревскій, извѣстный малорусскій поэтъ, проживавшій въ то время въ Полтавѣ послѣ выхода въ отставку, посвятилъ князю похвальную «Оду», долго ходившую въ рукописныхъ спискахъ. П. А. Кулишъ, впервые напечатавшій ее, [1]) находилъ, что она наполнена грубою лестью; но съ этимъ трудно согласиться. Несомнѣнно, что въ ней есть и преувеличеніе заслугъ кн. Куракина (иначе она не была бы одой въ томъ смыслѣ, какъ тогда понимали этотъ родъ лирики), но въ общемъ Котляревскій былъ правъ, когда хвалилъ князя за его трудолюбіе, правосудіе и защиту слабыхъ. Будучи личнымъ свидѣтелемъ дѣятельныхъ заботъ кн. Куракина о вдовахъ, сиротахъ, объ устройствѣ больницъ и т. под., Котляревскій могъ совершенно искренно желать, чтобы онъ, какъ можно долѣе, оставался правителемъ края, о нуждахъ котораго такъ заботился.

Будь здоворъ изъ новымъ годомъ
И надъ нашымъ ще народомъ,
Ще хоть трохы попануй...
Трохы!.. ой, колы бъ багацько!..
Бо ты намъ и панъ, и батько...

Котляревскій пользовался расположеніемъ и преемниковъ кн. Куракина, Лобанова-Ростовскаго и Репнина; при послѣднемъ онъ вновь поступилъ на службу надзирателемъ въ домъ для воспитанія бѣдныхъ и былъ попечителемъ богоугодныхъ заведеній; кн. Репнинъ также очень сочувственно къ нему относился,—и

[1]) Въ «Основѣ», 1861 г., Янв. 251—255.

однако, поэтъ не посвятилъ имъ ни одной строки. Это доказываетъ, что написанная имъ ода была внушена ему вовсе не угодливостью или низкимъ искательствомъ, а дѣйствительно чувствомъ уваженія къ заслугамъ его героя. Дальнѣйшее изложеніе должно подтвердить нашу мысль.

Торжество открытія Полтавской губерніи происходило 9 марта 1802 года, въ то время, когда кн. Куракинъ еще не успѣлъ прибыть изъ Петербурга; его мѣсто пока заступалъ губернаторъ Сонцевъ. Городничій Значко-Яворскій оповѣстилъ всѣхъ жителей города о готовящемся торжествѣ, а городской голова, купецъ Яковъ Кищенко отправилъ приглашеніе мѣстнымъ купцамъ и мѣщанамъ, въ которомъ писалъ, между прочимъ: «благоволите къ сему случаю, для принесенія при отправленіи въ здѣшней соборной церкви божественной литургіи и молебствія о здравіи Его Императорскаго Величества и всей высочайшей фамиліи одѣть себя чисто, какъ долгъ требуетъ, и явиться въ полтавскую Думу завтрашній день, съ полуночи въ седьмомъ часу; буде же кто не явится по собственному своему уклоненію, то съ таковымъ поступлено будетъ по законамъ» [1]). На торжество съѣхались дворяне со всей губерніи, вмѣстѣ съ уѣздными маршалами. Оно открылось рѣчью губернатора [2]), послѣ чего все дворянство, духовенство и жители направились въ Успенскій храмъ къ литургіи, по окончаніи которой былъ отслуженъ молебенъ и прочитано высочайшее повелѣніе объ открытіи губерніи. Богослуженіе совершалъ архимандритъ Крестовоздвиженскаго монастыря Ѳеодосій, какъ старшій среди полтавскаго духовенства (епископы полтавскіе жили тогда въ Переяславѣ). Изъ церкви всѣ присутствовавшіе отправились въ назначенное помѣщеніе, гдѣ и было провозглашено губернаторомъ объ открытіи въ Полтавѣ: губернскаго

---

[1]) Гор. Архивъ 1802. № 50 (вторая связка) и № 475, а самый церемоніалъ всѣхъ чиновъ по гл. учрежденіямъ и порядокъ слѣдованій въ храмъ хранится въ архивѣ полиціи. Не печатаемъ, такъ какъ онъ не представляетъ особаго интереса.

[2]) Рѣчь эта напечатана въ Полт. губ. Вѣд. 1864, № 5.

правленія, казенной палаты, генеральнаго суда и приказа общественнаго призрѣнія—четырехъ учрежденій, необходимыхъ въ то время для губернскаго города.

Торжество сопровождалось обѣдами. 9 марта былъ сервированъ у губернатора столъ на 100 кувертовъ, а вечеромъ былъ концертъ и ужинъ. Вечеромъ была иллюминація. Спустя три дня, 12 марта, конотопскій маршалъ Кочубей давалъ обѣдъ, а затѣмъ дворянство, духовенство и купечество чествовали обѣдомъ губернатора. По случаю открытія губерніи, городской голова Яковъ Кищенко, бургомистръ, городского магистрата Яковъ Лакащенковъ, купецъ Илья Прокофьевъ, будущій преемникъ Кищенка, простили долги, правда, небольшіе и векселя представили губернатору [1]).

Скажемъ нѣсколько словъ о новооткрытыхъ губернскихъ учрежденіяхъ. Казенная палата вѣдала всѣ доходы казны, по всѣмъ сборамъ и повинностямъ, и ревизовала всѣ отчетности. Составъ ея былъ не великъ. Начальникомъ ея былъ вице-губернаторъ, называвшійся иначе вице-президентомъ палаты и получавшій жалованья 1200 р. асс. [2]). Помимо его, было три совѣтника 6-го класса, съ содержаніемъ по 600 р., губернскій казначей (600 р.) и ассесоръ (400 р.). Вотъ и весь составъ каз. палаты, не считая канцеляріи, составъ которой былъ въ зависимости отъ усмотрѣнія начальника, на что отпускалось 5 тыс., считая въ этой суммѣ и расходъ на прислугу, канцелярскіе расходы, наемъ помѣщенія и т. под. Еще въ палатѣ было 4 присяжныхъ изъ отставныхъ гвардейскихъ или армейскихъ унтеръ-офицеровъ, получавшихъ содержанія по 80 р. въ годъ.

Генеральный судъ состоялъ изъ двухъ департаментовъ: одинъ вѣдалъ дѣла уголовныя, другой—гражданскія. Такъ было до 1831 года, когда генер. судъ былъ переименованъ въ уголовную и гражданскую палаты. Въ каждомъ департаментѣ засѣдалъ гене-

---

[1]) Арх. Г. Правл. 1802, по описи № 115.

[2]) Деньги считались въ то время на ассигнаціи. Чтобы перевести на серебро, надо сумму раздѣлить на 7 и умножить на 2. Т. обр. 1 р. асс. будетъ $28^1/_2$ к. сер.

ральный судья,—мѣсто, на которое мѣняли въ то время должность губернскіе предводители дворянства; онъ получалъ содержанія 1200 р. ассигн. При немъ было два совѣтника 6-го класса, съ жалованьемъ по 600 р. и секретарь—360 р.; помимо этихъ должностей, были и выборные отъ дворянства, въ числѣ 8, получавшіе и содержаніе отъ того же дворянства. Нельзя сказать, чтобы судъ того времени былъ отягощенъ работою: со дня его открытія до 1-го марта 1804 года, т. е. за два года, въ него поступило изъ повѣтовыхъ судовъ, городовыхъ магистратовъ и ратушъ всего 327 дѣлъ. Замѣтимъ, что генеральный судъ разбиралъ дѣла по аппеляціямъ [1]).

Прокуратора состояла изъ губернскаго прокурора 6-го класса, съ жалованьемъ 600 р. и двухъ стряпчихъ—одного для уголовныхъ и другого для гражданскихъ дѣлъ. Каждый изъ нихъ получалъ по 360 р.

Губернское правленіе вѣдало дѣла, касающіяся общаго благоустройства въ губерніи, народное продовольствіе, промышленность и, вообще, должно было «содѣйствовать всѣмъ другимъ управленіямъ въ исполненіи законовъ и понуждать подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію ихъ обязанностей». Здѣсь предсѣдательствовалъ губернаторъ и присутствіе составляли еще три совѣтника (одинъ назыв: старшій) и ассесоръ. Губернаторъ получалъ жалованья 3000 р., а совѣтники по 600 р. секретарь 360 р. При губернскомъ правленіи, по мысли кн. Куракина, въ 1804 г. была учреждена особая «экспедиція» для завѣдыванія постройкой казенныхъ зданій [2]). Отдѣльнымъ учрежденіемъ при губернскомъ правленіи была медицинская или врачебная управа, вѣдавшая медицинскую часть въ губерніи. Во главѣ ея стоялъ инспекторъ, или штадтъ-физикъ, получавшій жалованья 700 р. и при немъ еще два врача: операторъ и акушеръ. (по 500 р.). а также и двѣ повивальныя бабки, одна старшая

---

[1]) Арх. губ. Правл. по описи № 200, 1804 г. листъ 36.

[2]) Арх. Г. думы 1804 г. № 199.

съ окладомъ 120 р., а другая младшая—80 р. Все же содержаніе управы обходилось въ 2260 р. ассиг. [1])

Наконецъ, четвертымъ учрежденіемъ, открытымъ 9 марта 1802 г., былъ Приказъ общественнаго призрѣнія, существовавшій до введенія земскихъ учрежденій. Вѣдѣнію его подлежали, главнымъ образомъ, дѣла благотворительности, какъ призрѣніе и воспитаніе сиротъ, устройство госпиталей, богадѣленъ, аптекъ, «работныхъ и смирительныхъ» домовъ и т. п. Дѣлился онъ на два отдѣленія; въ одномъ было 4 стола, въ другомъ 2. Въ общемъ присутствіи былъ непремѣнный членъ, назначаемый отъ правительства, два депутата отъ генеральнаго суда, начальники отдѣленій и секретарь. Содержаніе ихъ было не болѣе 600 р. и то эту сумму получалъ непремѣнный членъ. Все же содержаніе приказа обходилось въ 5050 р. с. [2])

На всѣ эти учрежденія, помимо казны, ассигновало суммы (на основаніи указовъ отъ 18 декабря 1797 и 28 марта 1799 г.) еще и дворянское сословіе. Всего дворянство отпускало 46263 р.; они расходовались на жалованье генеральнымъ судьямъ, на содержаніе 12-ти нижнихъ земскихъ судовъ, на губернскаго и уѣзднаго землемѣра, врачебную управу, губ. архитектора и проч. Дворянство не всегда аккуратно вносило эти деньги, и шестью депутатами, засѣдавшими въ генеральномъ судѣ, была даже подана жалоба на это генералъ-губернатору. Князь Куракинъ ходатайствовалъ передъ высшею властью о разрѣшеніи примѣнить къ дворянству «дѣйствіе полиціи и способы законовъ, на собраніе казенныхъ доходовъ предоставленныя». Ходатайство это было разсмотрѣно Сенатомъ, который нашелъ, что возможно примѣнить къ дворянамъ «установленные закономъ на таковые случаи способы.» Но до этого не дошло. Надо сказать, что отъ дворянства требовались тогда большіе взносы, что сознавалъ князь Куракинъ и ходатайствовалъ передъ Государемъ объ ассигнованіи

---

[1]) Ар. г. правл. по описи № 116 и Законоположенія 1802 г. № 3 Арх. П. Г. Земства.

[2]) Арх. г. Земства 1808 № 1808 etc.

изъ казны на каждый земскій судъ по 500 р. с. Да и само дворянство, въ первомъ же собраніи, 27 іюня 1802 г. рѣшило ходатайствовать о принятіи на счетъ казны содержанія повѣтовыхъ и подкоморныхъ судовъ [1]).

Это собраніе, какъ мы сказали, было первымъ по открытіи губерніи. Оно было обстановлено очень торжественно, что было въ духѣ самого кн. Куракина. По этому случаю былъ составленъ особый «Обрядъ выборамъ малороссійской полтавской губерніи благороднаго дворянства въ городѣ Полтавѣ». Этотъ любопытный документъ, состоящій изъ 9 параграфовъ, довольно подробно регламентируетъ всѣ дѣянія дворянства. Наканунѣ дня выборовъ, т. е. 26 іюня, необходимо было доставить списки прибывшихъ въ Полтаву дворянъ. Въ день выборовъ, въ 8 ч. утра, всѣ дворяне должны были явиться въ квартиру генералъ-губернатора, гдѣ полтавскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Сонцевъ вручаетъ губернскому маршалу вѣдомость о селеніяхъ, по новому разсчисленію «въ каждый повѣтъ приписанныхъ . Церемоніймейстеры затѣмъ разставляютъ въ залѣ всѣхъ дворянъ, группируя ихъ по уѣздамъ, а посреди ихъ долженъ былъ помѣститься губернскій предводитель. Когда всѣ займутъ назначенныя имъ мѣста, губернскій предводитель отправляетъ двухъ уѣздныхъ предводителей, по своему выбору, доложить князю, что дворяне ждутъ его прибытія. Немедленно выходитъ князь, сопровождаемый губернаторомъ и другими властями. Принявъ списокъ прибывшихъ дворянъ, губернскій предводитель, какъ сказано въ § 4, представляетъ князю, по силѣ Высочайшаго учрежденія, для почести его, отъ каждаго уѣзда по одному молодому дворянину, которые съ этого момента должны составлять почетную свиту князя. Указавъ причину созыва дворянъ, генералъ-губернаторъ приглашаетъ всѣхъ отправиться въ соборъ, благовѣстъ въ которомъ долженъ начаться въ 8 ч. утра. Въ соборѣ этомъ разставляютъ дворянъ группами по уѣздамъ и даютъ знать князю, по прибытіи котораго только начинается литургія. Послѣ ея окончанія, по приказанію генералъ-губернатора, входитъ на первую ступень амвона прокуроръ и читаетъ Высочайшій указъ о созывѣ дворянъ Полтавской гу-

[1]) Арх. губ. Правл. 1802 по описи № 2.

берніи. Затѣмъ слѣдуетъ молебенъ, а послѣ него губернскій стряпчій читаетъ изъ Высочайшаго учрежденія статьи, «приличныя къ выбору», послѣ чего дворянъ приводятъ къ присягѣ, текстъ которой читаетъ не духовное лицо, какъ нынѣ, а секретарь дворянства. Послѣ этого, дворяне приглашаются пожаловать 28 іюня въ 8 ч. утра въ залъ собранія для назначенныхъ выборовъ, а «приглашенные къ столу отправятся въ домъ генералъ-губернатора». Мы уже говорили, что князь Куракинъ жилъ роскошно и былъ очень богатъ, что и давало ему возможность обставить себя по-барски, и на жалованье, получаемое имъ—всего 6 тысячъ—жить такъ нельзя было даже въ то время.

Очень интересенъ въ этомъ «Обрядѣ» 9-й пунктъ. «По возвращеніи изъ церкви—читаемъ мы,—губернскій маршалъ съ двумя повѣтовыми маршалами предстанутъ къ господину генералъ-губернатору для принесенія всеподданической благодарности Его Императорскому Величеству за высокомонаршія милости, дворянству дарованныя, и подаетъ при этомъ списокъ депутатовъ, почему генералъ-губернаторъ обнадеживаетъ ихъ, что о семъ не оставитъ донести Государю». Но желаніе дворянъ не осуществилось. Спустя мѣсяцъ кн. Куракинъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора Александра I: «Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего о желаніи малороссійскаго полтавскаго дворянства отправить ко мнѣ депутацію для принесенія благодарности за установленіе ихъ выборовъ на общемъ всѣхъ губерній положеніи, Я поручаю вамъ изъявить имъ за сіе мою признательность и въ то же время объявить имъ, что, бывъ увѣренъ, въ благонамѣренности ихъ и усердіи, исполненіе желанія я считаю для нихъ отлагательнымъ, а для себя излишнимъ. Пребываю вамъ благосклонный. Александръ» [1]).

Собраніе дворянъ было открыто рѣчью генералъ-губернатора. Всѣхъ дворянъ присутствовало 438 чел. Продолжалось оно довольно долго. По этому «Обряду» никто изъ дворянъ не имѣлъ права оставить городъ безъ разрѣшенія генералъ-губернатора, который только 3 іюля отправилъ бумагу губернскому предводителю о разрѣшеніи дворянамъ разъѣхаться по домамъ.

---

[1]) Арх. Г. Правл. 1802. № 128.

Глава. II.

Площадь, занимаемая Полтавой въ 1802 году. Число жителей. Отзывы о ней путешественниковъ: Зуева, графа Сегюра, Сумарокова и кн. Долгорукаго. Памятникъ, сооруженный Руденкомъ въ память полтавской битвы. Картина полтавской битвы Патрикія Балабина. Подземелья въ Полтавѣ. Остатки украшеній и описаніе бастіоновъ. Полтавскія церкви и монастырь.

Полтава, въ моментъ открытія губерніи, была небольшимъ городкомъ, похожимъ больше на большую деревню, чѣмъ на городъ. При въѣздѣ въ городъ было немало вѣтряныхъ мельницъ, что уже служило признакомъ скорѣе деревни, чѣмъ города. Городъ занималъ площадь нынѣшняго Подола, затѣмъ отъ собора до Срѣтенскаго храма, гдѣ въ то время было кладбище, остававшееся здѣсь до 1825—30 годовъ, и затѣмъ тянулся вдаль нынѣшней Петровской площади, до нынѣшняго института, гдѣ стоялъ небольшой домикъ, принадлежавшій С. М. Кочубею. Центръ города и лучшая его часть была около Спасскаго храма, гдѣ былъ гостинный дворъ и лавки. Вокругъ Полтавы не мало было разбросано поселковъ, хуторовъ, вошедшихъ затѣмъ въ черту города. Изъ этихъ предмѣстій, сохранившихся до сей поры, были Павленки, гдѣ въ то время было 397 д. м. пола, плативщихъ подати, и Кривохатки, гдѣ было 163 д. почти исключительно крестьянъ Крестовоздвиженскаго монастыря. При рѣчкѣ Рогизной (нынѣ ея нѣтъ) былъ поселокъ, гдѣ жило 11 д. крестьянъ, вошедшихъ въ ревизію. Трибы, предетавляющія теперь только лѣсъ, гдѣ имѣется одна хата для сторожа, въ то время были хуторомъ, съ населе-

ніемъ въ 140 душъ. Кругомъ Полтавы, мы сказали, были расбросаны поселки, принадлежавшіе по преимуществу козакамъ и коз. крестьянамъ. Было не мало и дворянскихъ земель, но безъ усадебъ. Въ Полтавѣ въ то время было 7975 жителей, изъ коихъ муж. пола 4063, а женскаго 3912. По составу населеніе распредѣлялось такъ: помѣщичьихъ крестьянъ было 412 д., козаковъ 300, ремесленниковъ 300, остальные были разночинцы, дворяне, мѣщане и т. п. Замѣчательно, что еврей былъ только одинъ, а иностранцевъ совсѣмъ не было [1]).

Первое описаніе Полтавы конца XVIII в. мы находимъ въ запискахъ Василія Зуева, посѣтившаго Малороссію въ 1782 г., когда Полтава была еще повѣтовымъ городомъ Новороссійской губерніи. «Это,—пишетъ Зуевъ,—небольшой городокъ, съ 1000 деревянныхъ, низкихъ, но чисто снаружи выбѣленныхъ домиковъ, изъ которыхъ всего 2 или 3 каменныхъ. «Лучшій домъ, каменный, принадлежалъ Руденку (гдѣ нынѣ Губ. Земская Управа), пріобрѣтенный потомъ Куракинымъ за 12 тысячъ [2]).

Нѣсколько позже Зуева былъ въ Полтавѣ графъ Сегюръ, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, сопровождавшій Императрицу Екатерину II въ ея путешествіи по югу Россіи въ 1787 г. «Полтава,—говоритъ онъ,—небольшой городокъ, худо украшенный и мало населенный, не представляетъ вниманію ни одного замѣчательнаго зданія» [3]). Сумароковъ, бывшій въ Полтавѣ въ годъ открытія губерніи, такъ рисуетъ ее: «Полтава бѣдный и маленькій городишко, въ которомъ нѣтъ ни правильныхъ улицъ, ни порядочныхъ строеній» [4]). Такого же мнѣнія о Полтавѣ и кн. Долгорукій, который при этомъ замѣчаетъ: «Но сколько сла-

---

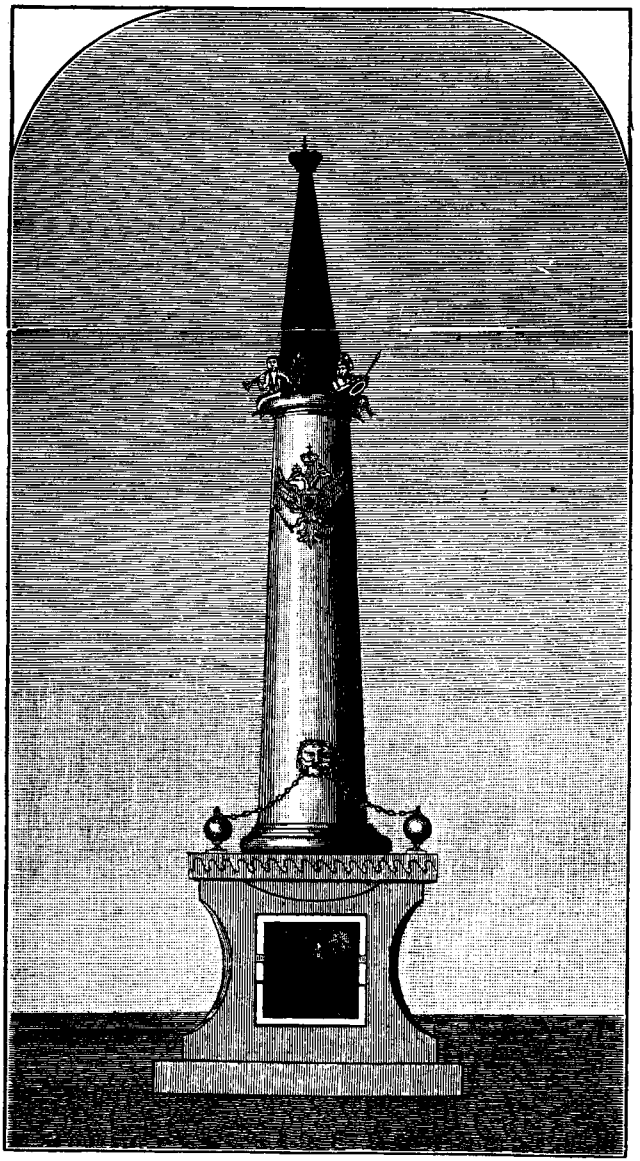
[1]) Полт. Губ. Вѣд. 1848 г., № 5.

[2]) Путешественныя записки Василія Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году. СПБ. 1787 г.

[3]) Записки Сегюра, стр. 23.

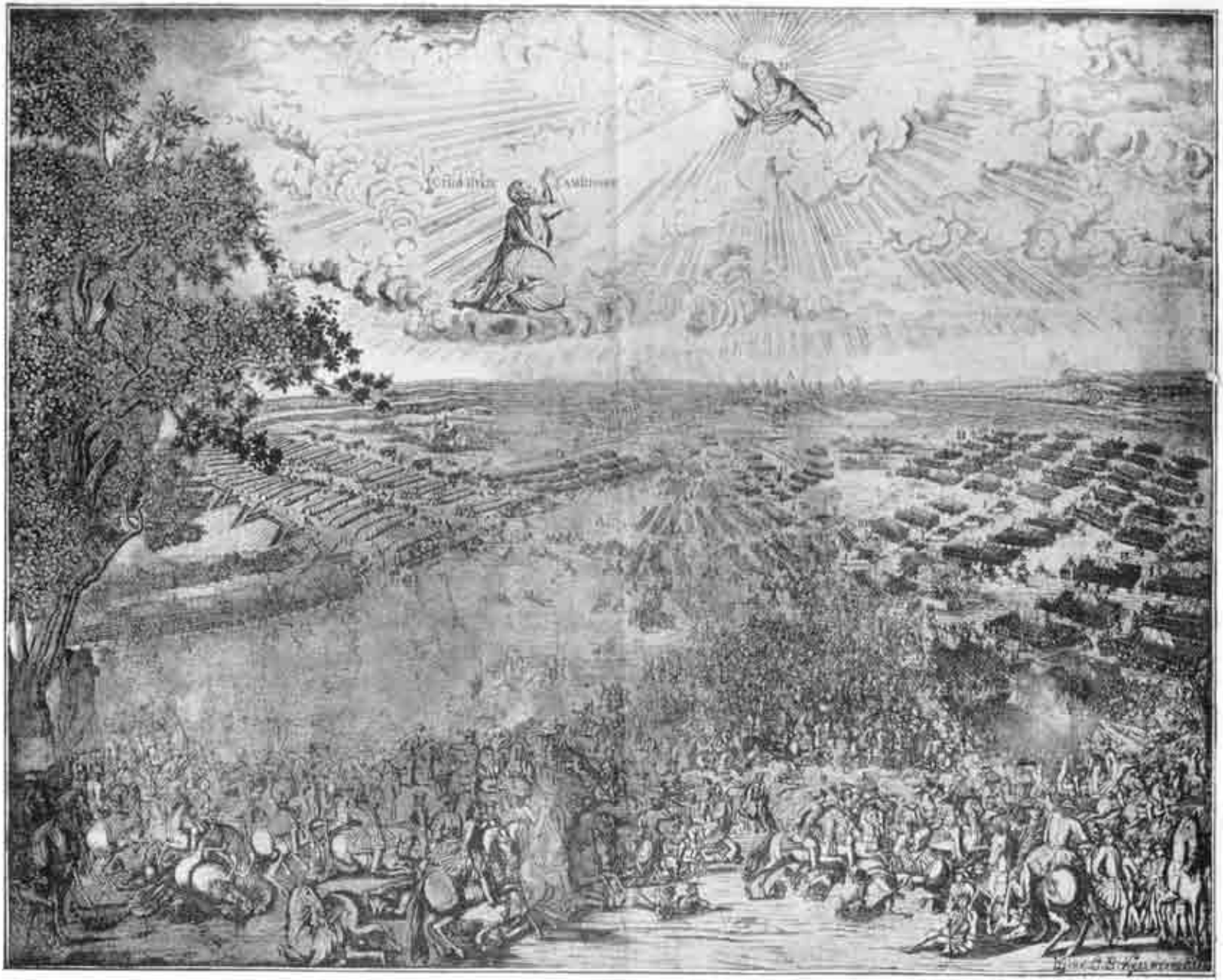
[4]) Досуги крымскаго судьи, или 2-е путешествіе въ Тавриду. Павла Сумарокова. СПБ. 1803 г.

венъ городъ (по историческимъ воспоминаніямъ), столько дуренъ въ натурѣ. Баталіи прославить могутъ мѣсто, дать ему громкую похвалу въ дѣписаніяхъ, но сдѣлать городомъ красивымъ, знатнымъ—одна сильна торговля, а здѣсь какой быть?» [1])....



Первый памятникъ полтавской битвы, сооруженный полтавскимъ обывателемъ Руденкомъ.

[1]) Долгорукій. Славны бубны за горами, стр. 65.



Изображеніе Полтавскаго боя на мѣдной доскѣ, хранящейся въ Воскресенской церкви.

Таковы отзывы современниковъ о тогдашней Полтавѣ. Единственнымъ украшеніемъ Полтавы былъ памятникъ полтавской битвы, воздвигнутый Руденкомъ (Зуевъ неправильно приписываетъ его Марченку). Руденко соорудилъ его на свой счетъ въ память того, что Петръ В. освободилъ его отца изъ шведскаго плѣна. Онъ былъ поставленъ недалеко отъ Воскресенской церкви. Это былъ каменный столбъ, оштукатуренный, съ изображеніемъ у основанія двухъ сидящихъ юношей въ римскихъ одѣяніяхъ, а на верху памятника было большое вызолоченное яблоко. Въ пьедесталѣ его была вставлена мѣдная доска, на которой былъ изображенъ полтавскій бой граверомъ Академіи Художествъ Патрикіемъ Балабинымъ. Одинъ психически-больной, проходя мимо памятника, испортилъ топоромъ два изображенія, послѣ чего картину сняли и помѣстили въ Воскресенскомъ храмѣ, гдѣ имѣется предѣлъ во имя Самсонія Странноприимца, сооруженный тѣмъ же Руденкомъ. Картина эта величиною въ два квадратныхъ аршина. На ней слѣдующая надпись:

Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ,
Какъ въ день Самсоновъ, Карлъ сраженъ Петромъ, низпалъ;
Руденко гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей самой битвѣ былъ
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ.
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ Самсону,
Въ хвалу жъ Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память дней.
Средь стѣнъ отечества поставилъ образъ сей.

Затѣмъ слѣдуетъ годъ сооруженія (1778). Памятникъ этотъ былъ, какъ мы сказали, украшеніемъ («единымъ трофеемъ», какъ выразился Сумароковъ) нашего города, а въ 1766 г. жители жаловались, что Полтава «никакихъ публичныхъ строеній и при-

личнаго украшенія не имѣетъ» [1]). Картина, бывшая на этомъ памятникѣ, есть точная копія съ современной гравюры Дени младшаго съ тѣмъ только различіемъ, что Балабинъ на верху картины своей помѣстилъ молящагося св. Сампсонія Странноприимца, празднуемаго 27 іюня, въ день полтавской баталіи.

Старая часть Полтавы, особенно Петровская площадь, и нынѣ еще изрыта въ разныхъ направленіяхъ подземными ходами. Ихъ называютъ минами. Ходы эти идутъ на глубинѣ 3—6 саженей отъ поверхности земли своеобразными коридорами, высота которыхъ въ ростъ человѣка, ширина же въ 3 и болѣе аршина. Иногда въ нихъ встрѣчаются окна, въ видѣ круглой воронки, которыя, вѣроятно, служили для удаленія подземныхъ газовъ и соединялись между собою отверстіями, продѣланными въ земляныхъ простѣнкахъ, сквозь которыя свободно могъ пролѣзть человѣкъ. До сей поры въ этой части города появляются провалы, какъ это было и въ нынѣшнемъ году, недалеко отъ собора. Среди полтавцевъ распространено мнѣніе, что мины эти проведены шведами съ цѣлью взорвать крѣпость, которую они такъ долго и упорно осаждали въ 1709 году; но съ этимъ трудно согласиться. Шведы не могли въ короткій срокъ осады устроить подобныя многочисленныя мины, тянущіяся на довольно большое разстояніе. Надо думать, что эти подземные ходы относятся къ болѣе древнему времени, именно къ XVII, ст., когда Полтава часто подвергалась татарскимъ набѣгамъ.

Извѣстно также, что Полтава, со времени своего основанія, была укрѣпленнымъ городомъ, т. е. обнесена землянымъ валомъ съ частоколомъ и башнями. Эти укрѣпленія, обновленныя во время шведской войны, оставались несрытыми до 1817 года. Описаніе ихъ мы встрѣчаемъ въ одномъ документѣ 1799 года, хранящемся въ архивѣ городской полиціи. Городъ тогда дѣлился на семь частей или кварталовъ. Первая часть заключала въ себѣ крѣпость отъ Панянской горы до мѣста, гдѣ Срѣтенская церковь, далѣе

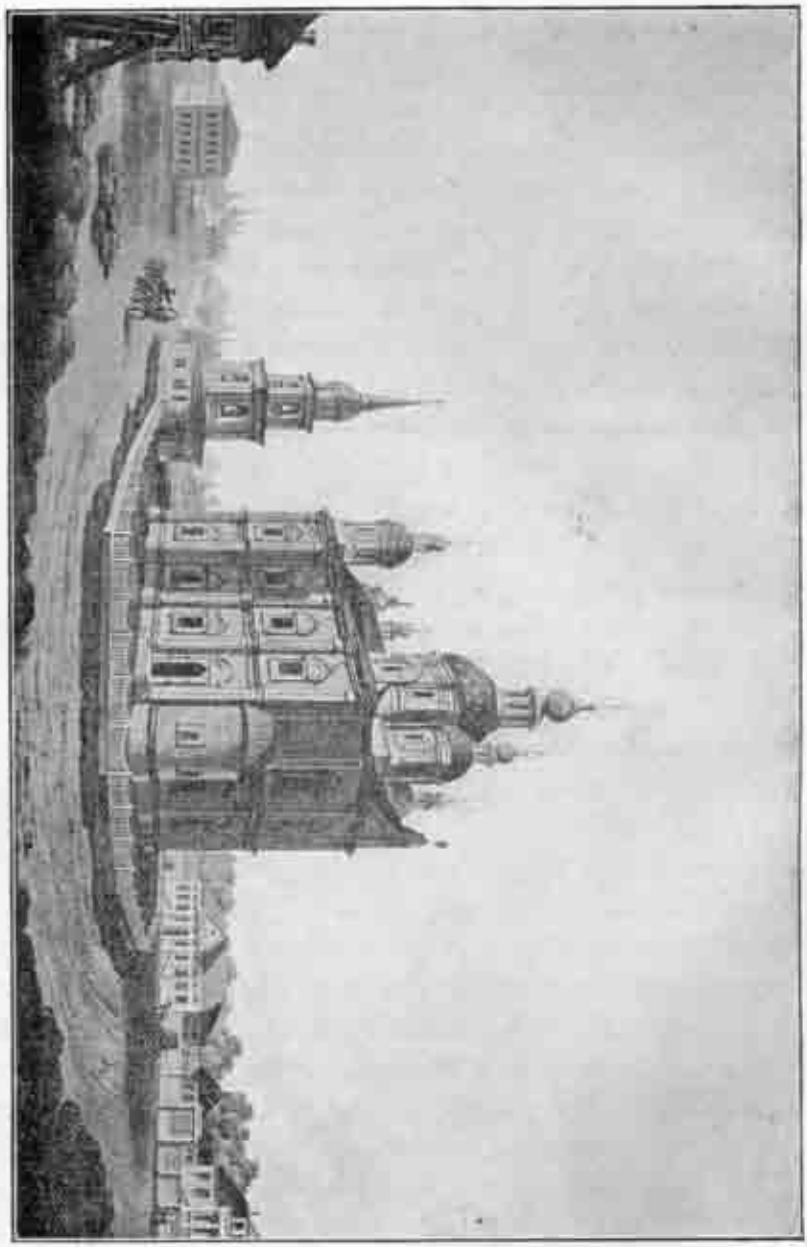
---

[1]) См. «Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.», изданіе «Кіев. Старины» 1889 г., стр. 120.

валъ шелъ, къ Подолу и нынѣшнему городскому саду. Въ этой части и сохранялись валы, уничтоженіе которыхъ началъ князь Куракинъ, а окончательно ихъ уничтожилъ князь Репнинъ въ ожиданіи пріѣзда въ Полтаву императора Александра I въ 1817 году, за что получилъ высочайшій выговоръ. Уничтоженные бастіоны были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: одинъ бастіонъ былъ близъ нынѣшняго каѳедральнаго собора, другой—немного лѣвѣе, а третій—тамъ, гдѣ такъ называемый «раскатъ». Между нимъ и вторымъ бастіономъ была укрѣпленная башня и въѣздъ въ городъ; башня и въѣздъ назывались Сампсоніевскими. Четвертый бастіонъ былъ противъ нынѣшняго дома полтавскаго Земельнаго Банка (бывшій домъ Позена), на Петровской площади; здѣсь въѣздъ въ городъ и башня назывались Мазуровскими. Пятый бастіонъ былъ, гдѣ нынѣ Николаевская церковь; здѣсь въѣздъ въ городъ и башня назывались Николаевскими; самая церковь была въ бастіонѣ.

Но лучшимъ украшеніемъ тогдашней Полтавы были ея храмы, построенные еще въ XVIII ст.

Главнымъ изъ нихъ былъ Успенскій соборъ, существующій и въ настоящее время. Это была первая въ Полтавѣ каменная церковь, заложенная въ 1748 г. рядомъ съ прежнею деревянною, и оконченная лишь въ 1770 г. Строителями ея были: полковникъ полтавскій Андрей Горленко, полковой судья Григорій Сахновскій, полковой обозный Андрей Руновскій, войсковой товарищъ Дмитрій Бѣлуха и др. Построена была она внутри старинной полтавской крѣпости, которую такъ безуспѣшно пытался взять Карлъ XII. Это—пятиглавый храмъ прекрасной архитектуры, въ стилѣ кіевскихъ церквей конца XVII ст. Въ украшеніи этого храма принималъ участіе извѣстный покоритель Крыма, князь Василій Михайловичъ Долгорукій, гербами котораго были украшены нѣкоторыя иконы и тумбы въ иконостасѣ, но теперь нѣтъ ни тѣхъ иконъ, ни прежняго иконостаса. Единственную память о князѣ Долгорукомъ теперь составляютъ—отлитый имъ большой колоколъ, на соборной колокольнѣ, и хранящійся въ ризницѣ его портретъ.



Видъ Успенскаго каѳедральнаго собора въ Полтавѣ, въ 1804 году. Съ гравюры Стадлера.

Три приходскія полтавскія церкви—Воскресенская, Срѣтенская и Николаевская, также нѣкогда деревянныя, къ концу XVIII ст. были замѣнены каменными. Лишь одна изъ такихъ церквей,

именно Спасская, по прежнему оставалась деревянною. Такъ какъ исторія этой церкви связана съ историческими воспоминаніями о Петрѣ I, то о ней слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

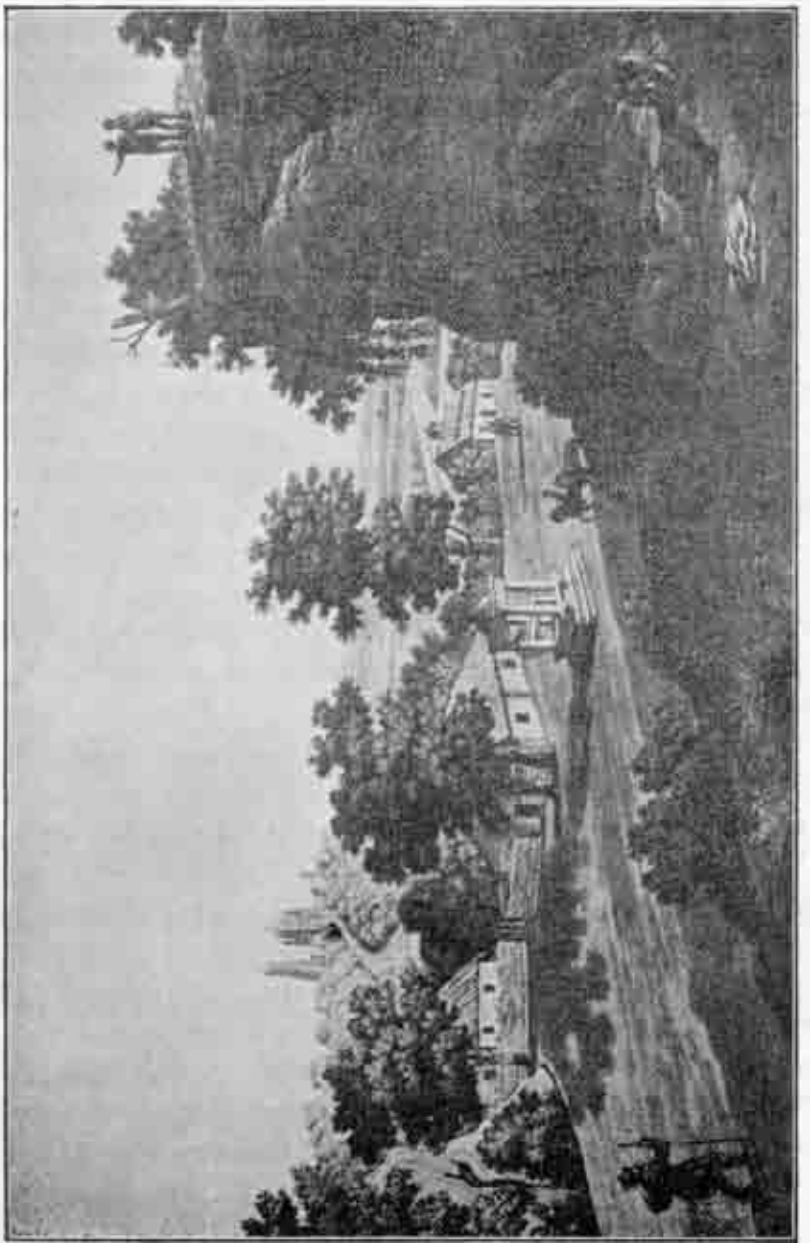
Спасская церковь въ Полтавѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была съ 1811 до 1840-хъ годовъ.

Современный видъ Спасской церкви.

Спасская церковь принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ полтавскихъ храмовъ; о ея существованіи еще въ половинѣ XVII ст. имѣются документальныя данныя. При гетманѣ Мазепѣ священникомъ въ ней былъ извѣстный Іоаннъ Свѣтайло, впослѣдствіи сосланный въ Соловецкій монастырь за участіе въ доносѣ Кочубея и Искры на гетмана. Въ 1704 г. Спасская церковь сгорѣла, но черезъ два года была вновь выстроена. Въ этомъ храмѣ, по преданію, молился Петръ, квартировавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, въ домѣ полт. обывателя Магденка. Болѣе ста лѣтъ послѣ того простояла еще Спасская церковь въ прежнемъ видѣ; но по мѣрѣ того, какъ полтавцы стали селиться за чертой бывшихъ укрѣпленій, приходъ ея все уменьшался, и въ ту пору, о которой мы ведемъ рѣчь, т. е. въ началѣ XIX ст., Спасская церковь пришла въ крайнюю степень ветхости. Не имѣя средствъ для ея починки, прихожане были вынуждены въ 1811 г. разобрать ее, оставивъ только сѣверный ея придѣлъ, лучше другихъ сохранившійся, который и былъ починенъ и приспособленъ для богослуженія въ видѣ малой однокупольной, покрытой гонтомъ церкви, приписанной къ собору. Въ такомъ видѣ Спасская церковь простояла до 1837 года, когда Полтаву посѣтилъ Государь Наслѣдникъ (впослѣдствіи Императоръ) Александръ Николаевичъ. Осмотрѣвъ эту убогую церковь, онъ пожелалъ, чтобы Спасская церковь, какъ дорогой историческій памятникъ Петровской эпохи, была сохранена на вѣчныя времена въ томъ самомъ видѣ, посредствомъ устройства сверхъ нея каменнаго футляра въ видѣ храма, на что его высочество тогда же пожертвовалъ 2 тыс. рублей. По ходатайству тогдашняго генералъ-губернатора графа Строганова, былъ разрѣшенъ сборъ пожертвованій по всей имперіи, давшій до 25 тыс. р. По проекту извѣстнаго художника-архитектора Тона, служившаго въ то время въ Харьковѣ, поверхъ деревянной Спасской церкви былъ сооруженъ каменный одноглавый храмъ тяжелой московской архитектуры, существующій и понынѣ. Освященіе его происходило 4 сент. 1845 г.

Кромѣ приходскихъ церквей, въ Полтавѣ существуетъ еще Крестовоздвиженскій монастырь, основанный въ половинѣ XVII

ст., при содѣйствіи тогдашняго полтавскаго полковника Мартына Пушкаря и другихъ козацкихъ старшинъ. Онъ расположенъ въ верстѣ отъ города, на высокой, живописной горѣ, откуда откры-



Видъ Полтавскаго монастыря въ 1804 г. Съ гравюры Стадлера.

вается восхитительный видъ на окрестности, на отдаленные луга и лѣса и на городъ, расположенный на другой, противоположной горѣ. Въ началѣ прошлаго столѣтія вся гора, на которой стоитъ монастырь, была покрыта еще густымъ, вѣковымъ лѣсомъ, только одна тропинка среди него вела въ монастырь. Теперь вся гора обнажена; даже сосѣдній лѣсъ, принадлежащій монастырю, представляетъ теперь жалкій остатокъ своего прежняго величія.

О прошломъ монастыря свѣдѣнія очень скудны. Извѣстно, что онъ не мало пострадалъ въ 1695 г. отъ нашествія татаръ во главѣ съ Петрикомъ, опустошившихъ и Полтаву. Пострадалъ онъ и во время шведской войны. Шведы овладѣли имъ и поставили въ немъ нѣсколько пушекъ, откуда громили Полтаву. Нынѣшній главный монастырскій храмъ былъ построенъ въ половинѣ XVIII ст. полтавскимъ полковникомъ Вас. Кочубеемъ. Храмъ этотъ въ византійскомъ стилѣ; онъ крестообразной формы, о семи главахъ, и четырехъ престолахъ. Архитектура его производитъ и нынѣ, несмотря на сильный шагъ впередъ строительнаго искусства, очень хорошее впечатлѣніе. Въ 20 саженяхъ отъ него находится колокольня, построенная при архіепископѣ Никифорѣ Ѳеотоки, въ 1776 году. Превосходная ея архитектура напоминаетъ нѣсколько колокольню Кіево-Печерской лавры. Высота ея 22 саж., и она видна на разстояніи 40 верстъ отъ города.

До конца XVIII ст. монастыремъ управляли игумены, а съ 1775 по 1798 г. онъ былъ резиденціей славено-херсонскихъ архіепископовъ, переименованныхъ затѣмъ въ екатеринославскіе. Изъ нихъ болѣе замѣчательны первые два: Евгеній Булгаринъ и Никифоръ Ѳеотоки —оба греки, получившіе высшее образованіе въ зап. Европѣ. Благодаря ихъ стараніямъ, въ Полтавѣ (въ 1778—1780 гг.) была открыта такъ называемая Славянская семинарія, въ которой, между другими, учился извѣстный малороссійскій поэтъ И. П. Котляревскій. Въ 1798 г. эта семинарія, вмѣстѣ съ архіепископской каѳедрой, была переведена изъ Полтавы сначала въ Новомиргородъ, а потомъ въ Екатеринославъ [1]).

---

[1]) Болѣе подробныя описанія Полтавскихъ храмовъ не входятъ въ нашу задачу; ихъ можно найти въ трудахъ Арандаренка, Бодян-

До недавняго времени въ Полтавскомъ монастырѣ, въ настоятельскомъ домѣ, существовала особая зала, устроенная въ 1786—1787 гг. архіепископомъ Амвросіемъ Серебряковымъ и украшенная по стѣнамъ живописными изображеніями библейско-историческаго содержанія. По преданію, въ этой залѣ архіепископъ принималъ въ 1787 г. императрицу Екатерину II, въ память чего и зала именовалась потомъ Екатерининскою. Въ числѣ другихъ изображеній, здѣсь была аллегорическая картина, величиною въ квадратную сажень, изображающая Петра В. на бѣ-

Аллегорическое изображеніе Петра I, побѣдителя шведовъ. Картина хранится въ Полтавскомъ монастырѣ.

скаго, Бучневича, протоіерея Мазанова и въ нашей брошюрѣ «Полтавская битва и ея памятники».

ломъ конѣ, попирающаго льва; побѣжденные шведы подаютъ русскому царю свои мечи. Внизу картины подпись:

Се образъ начертанъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишилъ себя покоя
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ; но кто онъ былъ таковъ—
Гласитъ народъ и флотъ, художества и войски.
Гражданскіе труди и подвиги геройски.

Эта интересная картина и теперь хранится въ монастырѣ, въ настоятельскомъ домѣ.

Глава III.

Городовое положеніе 1785 г. „Градское общество“ и составъ его. Общая Городская Дума и ея задачи. „Шестиглаєная Дума“. Кругъ ея дѣйствій. Отношенія администраціи къ Думѣ. Дума служитъ ломбардомъ для жителей.

Помимо особой экспедиціи, завѣдывавшей постройками казенныхъ зданій, князь Куракинъ въ дѣлѣ устроенія города, не мало возлагалъ работы и на Городскую Думу. Управленіе городовъ того времени было организовано такимъ образомъ: согласно изданному 21 апрѣля 1785 года «Городскому Положенію» или «Городовой грамотѣ», городскимъ обывателямъ разрѣшалось составить Общую Городскую Думу, которую составляли городской голова и гласные отъ городскихъ обывателей, отъ гильдіи, цеховъ, отъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей, именитыхъ гражданъ и посадскихъ. Такъ группируетъ этотъ законодательный актъ городскихъ обывателей. Совокупность ихъ въ смыслѣ юридическаго лица и составляетъ «градское общество». Всѣ городскіе обыватели вносились въ такъ назыв. «обывательскую книгу». Они раздѣлялись на шесть классовъ: къ первому принадлежали такъ именуемые въ Грамотѣ «настоящіе городскіе обыватели», «кои въ томъ городѣ домъ или иное строеніе или мѣсто или землю имѣютъ». Вторую группу составляли купцы, дѣлившіеся, по капиталамъ, на три гильдіи. Къ первой относились тѣ, кто имѣлъ отъ 10 до 50 тысячъ капитала, а таковыхъ въ то время, при маломъ развитіи торговли и промышленности, было очень мало: ко второй—имѣющіе отъ 5 до 10 тысячъ и къ третьей—отъ 1

до 5 тысячъ. Купцовъ въ то время въ Полтавѣ было немного: въ 1798 г.—58 ч., 1799 г.—74, 1800—65, 1801—62, 1802—51, 1803 г.—59, а по инымъ 162—вѣроятно, первая цыфра вѣрнѣе [1]). Купцы первыхъ двухъ гильдій были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Купецъ первой гильдіи могъ ѣздить въ каретѣ парою, а второй—только въ колескѣ; прокатиться же купцу третьей гильдіи въ каретѣ безусловно запрещалось, какъ запрещалось запречь болѣе одной лошади. Третій классъ городскихъ обывателей составляли ремесленники, записанные въ цехи. Такихъ цеховъ въ Полтавѣ въ то время было нѣсколько: кравецкій, ковальскій, шевскій (сапожный), кушнѣрскій, бочарный, гончарный, ткацкій и рѣзницкій [2]). Для составленія цеха требовалось не менѣе шести человѣкъ одного и того же мастерства. Всякій цехъ имѣлъ ремесленную управу, подчиненную магистрату [3]). Четвертую группу составляли иногородные и иностранцы, приписавшіеся къ городскому обществу «съ цѣлями промышленности». «Положеніе» довольно подробно останавливается на ихъ правахъ. Если въ городѣ было пятьсотъ и болѣе семействъ иностранцевъ или иногородныхъ, то законъ разрѣшалъ имъ избрать изъ своей среды въ городовой магистратъ столько же бургомистровъ, ратмановъ, вѣдавшихъ дѣла судебныя. Но въ Полтавѣ иностранцевъ было очень немного. За право торга въ городѣ съ нихъ взималось отъ 1 р. до 100 р. въ городскую кассу [4]). Оставляя городъ и переѣзжая на новое жительство въ другое мѣсто, всякій иностранецъ обязанъ былъ донести объ этомъ магистрату. При этомъ онъ долженъ былъ уплатить свои долги; въ противномъ случаѣ, равно какъ и въ случаѣ неплатежа трехгодичной подати, городовой магистратъ обязанъ былъ публиковать ихъ имена въ газетахъ, «дабы всякъ стерегся того бѣглаго должника». Иностранцы имѣли право учреждать фабрики, заводы и т. п.—Фабрикъ въ началѣ прошлаго вѣка въ Полтавѣ совсѣмъ не было. Суконныя фабрики, устроен-

---

[1]) Арх. П. Г. Правл. 1804 г., по описи № 200, 154—155 стр.
[2]) Ар. Г. Пр. по описи № 260. 1804.
[3]) О нихъ Гор. Положеніе очень подробно говоритъ, см. 24—42 ст.
[4]) Гор. Арх. 1805 г. № 770.

ныя колонистами, выписанными правительствомъ изъ Германіи, были учреждены только въ 1808 году.

Къ пятому классу принадлежали «имянитые граждане». Городовое положеніе подробно разсматриваетъ этотъ классъ городскихъ обывателей. Оно дѣлитъ ихъ на семь группъ, при чемъ всякая группа, если въ ней будетъ не менѣе пяти человѣкъ, могла избирать гласнаго въ думу. Эти семь группъ были слѣдующія: 1) служившіе по выборамъ,—это, такъ сказать, почетные обыватели, «кои, проходя по порядку службу городскую и получивъ уже названіе степенныхъ, вторично по выборѣ отправили службу мѣщанскаго засѣдателя совѣстнаго суда или губернскаго магистрата или бургомистра или городского головы съ похвалою»; такихъ гражданъ было, конечно, не много; 2) лица, имѣвшія академическіе или университетскіе дипломы; 3) художники трехъ художествъ, а именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и «музыкосочинители», «кои суть члены академическіе или удостоенія академическія о своемъ знаніи или искусствѣ имѣютъ»; 4) владѣющіе капиталами свыше 50 тыс.; 5) банкиры, обладающіе капиталомъ свыше 100 тысячъ; 6) оптовые торговцы, не имѣющіе лавокъ, и, наконецъ, 7) «кораблехозяева, кои собственные корабли за море отправляютъ». Едва ли нужно говорить, что этотъ классъ почти отсутствовалъ въ то время не только въ Полтавѣ, но и въ другихъ, болѣе значительныхъ городахъ. Онъ, по мнѣнію проф. Дитятина, составлялъ, такъ сказать, «аристократію людей средняго рода». Въ нихъ, людяхъ этой категоріи горожанъ, Екатерина II, очевидно, думала осуществить свою завѣтную идею о русскихъ tiers état. Всѣ «имянитые граждане» могли имѣть загородные дворцы и сады, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія и могли ѣздить по городу въ каретѣ «парою» и «четверпею». Помимо этого, «имянитый гражданинъ», по достиженіи тридцати лѣтъ, при условіи безпорочной жизни, могъ просить о причисленіи его къ дворянству, если только его дѣдъ и отецъ были также въ числѣ «имянитыхъ гражданъ». Наконецъ, шестой классъ—посадскіе, къ которымъ, по смыслу городового положенія, относились всѣ, кто не входилъ въ составъ первыхъ

пяти группъ. Это было промышленное и рабочее населеніе. «Посадскіе, какъ суть въ томъ городѣ старожилы или поселившіеся или родившіеся, въ другія части городской обывательской книги не внесены; промысломъ, рукодѣліемъ или работою кормятся въ томъ городѣ». Законъ предоставлялъ имъ право заниматься торговлей, откупами, подрядами и т. п. Проѣхать по городу на парѣ лошадей посадскій не могъ, а тѣмъ болѣе прокатиться въ коляскѣ или каретѣ.

Таковъ составъ «градскаго общества» по законодательному акту 1785 г. Переходъ изъ одного класса въ другой, конечно, былъ возможенъ. «Градскому Обществу» разрѣшалось составить «Общую Думу», состоявшую изъ городского головы и гласныхъ, избранныхъ по одному изъ настоящихъ обывателей, отъ каждой гильдіи, отъ каждаго цеха, отъ имянитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. При выборахъ правомъ голоса пользовался всякій, достигшій 25 лѣтняго возраста и обладавшій капиталомъ, доходъ съ котораго былъ не менѣе 50 р. Избраніе было шарами, или, какъ тогда говорили и писали въ законодательныхъ актахъ, «по баламъ». Дума эта собиралась разъ въ три года, съ разрѣшенія генералъ-губернатора или губернатора, въ «зимнее время». Такимъ образомъ, служба гласныхъ Общей Городской Думы продолжалась три года, а въ сущности всего одинъ или два дня, когда происходили собранія. Грамота точно не указываетъ, кто предсѣдательствуетъ въ этой Думѣ, какой порядокъ засѣданія, способъ подачи голосовъ и т. п. Въ грамотѣ только указывается, что собранію «дозволено представлять губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ» разсматривать и провѣрять обывательскую книгу, которая составлялась спеціально избранной для этого комиссіей, и затѣмъ избирать должностныхъ лицъ. На всякое требованіе администраціи Дума должна была дать приличный отвѣтъ, «сходственный съ узаконеніями и общественнымъ благомъ»—понятіе очень растяжимое, особенно при неясности и неточности законоположеній того времеии. Если же Дума сдѣлаетъ постановленіе, «противное законамъ» или предъявитъ тре-

бованіе, «нарушающее законы,» то можетъ быть оштрафована пеней въ 200 р.

Одною изъ важныхъ сторонъ дѣятельности Общей Городской Думы было избраніе должностныхъ лицъ. Она избирала: городского голову, членовъ депутатскаго собранія и лицъ, имѣющихъ занять сословныя городскія должности, именно—бургомистровъ, ратмановъ, засѣдателей, старостъ и судей совѣстнаго суда Бургомистры и ратманы засѣдали въ городовыхъ магистратахъ, а засѣдатели въ губернскихъ магистратахъ. Обращалась ли когда-либо администрація къ Общей Думѣ при разрѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ—изъ дѣлъ не видно. Эта Общая Дума, избирала изъ своей среды шесть гласныхъ, которыя и составляли «Шестигласную Думу», собственно вѣдавшую городскія дѣла. Отношенія Общей Думы къ «Шестигласной» только этимъ и ограничивались; она не могла контролировать ея дѣйствій. Такимъ образомъ, Общая Дума являлась только второю избрательною инстанціею гласныхъ въ «Шестигласную Думу». Грамота даже устанавливаетъ, «какъ и гдѣ засѣданіе имѣть въ городской Думѣ». По серединѣ долженъ сидѣть на стулѣ городской голова, противъ него «на лавкѣ», направо, голосъ цеховыхъ, налѣво—голосъ посадскихъ. Возлѣ городского головы съ правой стороны («въ правомъ заворотѣ»), на лавкѣ голосъ настоящихъ городскихъ обывателей и голосъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей; возлѣ городского головы съ лѣвой стороны («въ лѣвомъ заворотѣ»), на лавкѣ, голосъ имянитыхъ гражданъ и голосъ гильдейскій».

Въ чемъ же состояли обязанности «Шестигласной Думы» и кругъ ея вѣдѣнія? На ея обязанности было: 1) «доставить жителямъ нужное пособіе къ ихъ прокормленію или содержанію». Конечно, нельзя этого понимать буквально; дума должна была заботиться, какъ поясняетъ другое постановленіе грамоты, о привозѣ въ городъ и продажѣ всего того, «что можетъ служить ко благу и выгодамъ жителей»; 2) сохранять городъ отъ ссоръ и тяжбъ съ окрестными городами или селеніями; 3) сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе. Замѣтимъ здѣсь, что судебная дѣятельность была чужда думѣ,—она

находилась въ вѣдѣніи магистратовъ и ратушъ; 4) возбранять все, что доброму порядку и благочинію противно; 5) посредствомъ наблюденія доброй вѣры и всякими позволенными способами поощрять привозъ въ городъ и продажу всего, что ко благу и выгодамъ жителей служить можетъ; 6) наблюдать за прочностью публичныхъ городскихъ зданій, о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу, пристаней, амбаровъ, магазейновъ и тому подобнаго, что можетъ быть выгодно и полезно; 7) стараться о приращеніи городскихъ доходовъ на пользу города и для распространенія заведеній по Приказу общественнаго призрѣнія; 8) разрѣшать сомнѣнія и недоумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ въ силу сдѣланныхъ о томъ положеній...

Мы нарочно выписали цѣликомъ всѣ параграфы, опредѣляющіе кругъ дѣятельности Думы. Нельзя сказать, чтобы здѣсь все было ясно и точно формулировано. Такъ, предписывая Думѣ охранять миръ и тишину и доброе согласіе, т. е. возлагая на нее обязанности полицейскія, въ то же время положеніе запрещаетъ ей касаться дѣлъ, предоставленныхъ «вѣдѣнію лицъ и установленій полицейскихъ». Далѣе, грамота возлагаетъ на Думу разрѣшеніе «сомнѣній и недоразумѣній по ремесламъ и гильдіямъ», а какія это «сомнѣнія» и въ какихъ случаяхъ Дума должна въ это вмѣшаться,—изъ грамоты не видно. На самомъ дѣлѣ Дума того времени мало имѣла отношенія къ цехамъ и гильдіямъ; она вѣдала хозяйственныя нужды города и находилась въ полной зависимости отъ администраціи, предложенія которой она исполняла [1]).

При кн. Куракинѣ полтавская Дума была учрежденіемъ, много помогавшимъ его заботамъ объ устроеніи города. По всѣмъ дѣламъ Дума должна была входить съ отношеніями въ губернское правленіе. Одинъ разъ за все время генералъ-губернаторства князя Куракина, Полтавская Дума отнеслась къ нему непосредственно, но за это получила строгій выговоръ и предписано было ей «отъ

---

[1]) Гор. Арх. 1802. № 222.

подобныхъ поступковъ воздержаться, въ противномъ случаѣ не останется она безъ взысканій». Отчетность о своихъ дѣйствіяхъ Дума должна была представлять губернскому правленію и казенной палатѣ. Сложить съ себя званіе гласнаго въ то время было не легко. Купеческій сынъ, Подсудевскій, страдая «ломовою болѣзнью въ ногахъ» (ревматизмомъ), просилъ увольненія отъ должности гласнаго. Пошла по этому дѣлу переписка, и во врачебномъ отдѣленіи штабъ-лѣкарь Крестинскій должепъ былъ подвергнуть его медицинскому осмотру, о чемъ подробно увѣдомилъ губернское правленіе, которое, послѣ разсмотрѣнія медицинскаго протокола уволило просителя отъ званія гласнаго [1]). Такая строгость въ то время вполнѣ соотвѣтствовала взгляду правительства на службу по выборамъ. «Доходитъ до свѣдѣнія,—читаемъ въ одномъ указѣ императора Александра I (1804 г.),—что будто лучшее дворянство и граждане уклоняются отъ выборовъ, слѣдовательно, и отъ службы. Изъ того само по себѣ выходитъ, что земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы, по нерадѣнію къ общему благу, въ семъ знаменитомъ поприщѣ, въ гражданскихъ, а паче въ благородныхъ обществахъ соревнованіе угасло; а потому повелѣваемъ Правительствующему Сенату ко всѣмъ начальникамъ губерній предписать, дабы дворянству черезъ своихъ предводителей, а гражданамъ чрезъ своихъ городскихъ головъ дали знать волю Нашу, что Намъ весьма пріятно будетъ, ежели они съ большею ревностью собираться станутъ къ ихъ выборамъ и съ возможнымъ безпристрастіемъ, по силѣ законовъ, удостаивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности для составленія ихъ же собственнаго и прочаго народа блага. Сіе самое, между исполненіемъ другихъ обязанностей, будетъ достовѣрнымъ знакомъ истинной любви къ отечеству, вѣрной службы и соотвѣтствіемъ Нашего о нихъ попеченія [2]).

---

[1]) Гор. Арх. 1804, стр. 90.

[2]) Ар. П. Губ. Земства по описи № 3, стр. 129 и Законополож. 1802 года.

Дума того времени должна была исполнять и распоряженія полиціи, особенно, если это касалось ремонта зданій. Но Дума входила нерѣдко въ пререканія съ городничимъ, а затѣмъ и съ полиціей, что вызвало распоряженіе князя Куракина: «Въ случаѣ нетерпящихъ времени починокъ, исправлять оныя безъ малѣйшаго промедленія по требованію полиціи и о томъ доносить по надлежащему губернскому начальству [1]). При отношеніяхъ губернатора или генералъ-губернатора къ Думѣ, если это касалось построекъ или ремонта, мы очень часто встрѣчаемъ напоминаніе объ экономіи, съ угрозой «взысканія». Была ли поводомъ къ тому замѣченная администраціей расточительность со стороны Думы въ расходованіи городскихъ средствъ или даже злоупотребленіе,—изъ дѣлъ не видно; но такія выраженія, какъ «при семъ исправленіи сумма не была бы излишне употребляема, въ противномъ случаѣ передача взыщется съ присутствующихъ оной Думы»,—встрѣчаются очень часто въ бумагахъ того времени. Князь Куракинъ, проѣзжая однажды въ Крестовоздвиженскій монастырь, замѣтилъ, что мостъ очень плохъ. Онъ предписалъ Думѣ исправить его въ теченіе трехъ дней, при чемъ прибавляетъ, что «излишняя сумма будетъ обращена пополненіемъ на присутствующихъ въ Думѣ». [2]). Бывали случаи, что князь Куракинъ не довѣрялъ Думѣ и назначалъ частнаго пристава наблюдать за работами, производимыми Думой [3]). Просматривая однажды смѣту на ремонтъ, князь Куракинъ предписываетъ провѣрить «количество матеріаловъ аккуратнымъ образомъ, поелику непомѣрное увеличеніе въ ней таковыхъ раждаетъ большое въ томъ сомнѣніе. Провѣрка была сдѣлана, но кн. Куракинъ все-таки не довѣрилъ Думѣ и велѣлъ «купно съ полицеймейстеромъ и стряпчимъ произвести ремонтъ и донести губернскому правленію» [4]).

Таковы были отношенія тогдашней администраціи къ Думѣ, лишавшія ее всякой самодѣятельности и требовавшія отъ нея только безпрекословнаго исполненія. За все время генералъ-губернаторства князя Куракина мы встрѣчаемъ одинъ только случай,

---

[1]) Гор. Арх. 1804 № 3048 и № 59.
[2]) Г. Арх. 1802 № 1663 и 137, 2236.
[3]) Гор. Ар. 1802 № 200.
[4]) Гор. Арх. 1806. № 34450 (донесеніе Г. Правленія).

когда гласный Ѳедоръ Емельяновъ подалъ отдѣльное мнѣніе и рискнулъ не согласиться съ княземъ по вопросу объ увеличеніи жалованья секретарю думы. Князь Куракинъ велѣлъ разсмотрѣть это мнѣніе думѣ вмѣстѣ съ магистратомъ, которые и порѣшили: «оставить его (т. е. мнѣніе) безсильнымъ и возвратить ему оное» [1]). Не столько было дѣла въ то время, сколько переписки; такъ отправлялись дѣла не въ одной городской думѣ, но и въ другихъ учрежденіяхъ того времени. При отвѣтѣ на какую-либо бумагу всегда писался весь текстъ ея, а затѣмъ отвѣтъ; если такихъ бумагъ по одному вопросу было нѣсколько, то всѣ переписывались цѣликомъ, что, конечно, утомляло администрацію и отнимало не мало времени. Князь Куракинъ обратилъ на это вниманіе и издалъ приказъ, полезный и для нашего времени: онъ предписывалъ, чтобы во всѣхъ представленіяхъ и донесеніяхъ излагали только сущность дѣла, а то «нерѣдко бываетъ, что нѣкоторыя учрежденія предписанной эссенціи въ представленіяхъ и донесеніяхъ внизу оныхъ не означаютъ, чѣмъ самымъ и наводятъ ему, генералъ-губернатору, затрудненіе» [2]). Бумаги не щадили а она была не дешева: за стопу бѣлой платили 4 р. 30 к. немного хуже— 3 р. 50 к.

Дума того времени, помимо завѣдыванія хозяйствомъ города, служила для жителей и ломбардомъ, гдѣ можно было занимать деньги подъ залогъ вещей, недвижимости, что практиковалось съ 1795 года. Иногда закладывались крестьяне по оцѣнкѣ 70 р. за душу, при чемъ взималось 5%; но такіе случаи были не часты. Въ 1802 г. получилъ въ займы надв. совѣтникъ Кочубей 5 тыс. р. подъ залогъ «крестьянъ со всѣми угодьями»; штабъ-лѣкарь Тишевскій получилъ небольшую суду подъ залогъ 34 душъ, и вторично Кочубей еще получилъ 5 тысячъ. Крестьянскія души принимались и какъ залогъ при желаніи взять какой-либо подрядъ, какъ это сдѣлалъ кременчугскій купецъ Пинчуковъ въ 1803 г., заложившій 94 души для полученія виннаго откупа [3]).

---

[1]) Гор. Арх. 1802 г.

[2]) Гор. Арх. 1803 № 224.

[3]) Гор. Арх. 1802 г., № 1570, и Ар. Губ. Земства 1802 г., № 83.

Глава IV.

Заботы князя Куракина о постройкѣ зданій для правительственныхъ учрежденій. Цѣны на строительный матерьялъ. Забота о рабочихъ. Переписка съ гр. Разумовскимъ о пріобрѣтеніи отъ него для города левады и дома. Покупка кн. Куракинымъ нижняго сада и переписка съ С. М. Кочубеемъ о пріобрѣтеніи для города верхняго сада. Заботы объ устройствѣ городского сада.

Одною изъ главныхъ заботъ князя Куракина, тотчасъ по пріѣздѣ въ Полтаву, была постройка зданій для правительственныхъ учрежденій. Въ Полтавѣ въ то время не было хорошихъ, большихъ домовъ, гдѣ бы могли помѣститься эти учрежденія; нанятыя же помѣщенія были тѣсны, притомъ крайне ветхи. Нельзя было найти сколько-нибудь приличнаго помѣщенія и для начальствующихъ лицъ; самъ кн. Куракинъ жилъ въ небольшомъ домѣ около Воскресенской церкви (нынѣ тамъ домъ Шатуновскаго). Губернаторъ Сонцевъ обратилъ на это вниманіе гор. думы и въ 1802 году предписалъ ей, чтобы она «за обязанность свою почла доставить ему и вице-губернатору квартиры настоящія, согласивъ домохозяевъ, исправя ихъ на свой коштъ, отдать въ наймы ихъ, употребля на то нужное число денегъ изъ городскихъ доходовъ, вмѣсто найма засчитать оные хозяевамъ безъ всякой ихъ обиды и съ ихъ въ томъ согласія». [1]) Этимъ пріемомъ губернаторъ Сонцевъ получилъ возможность имѣть нѣсколько хорошихъ

---

[1]) Гор. Арх. 1802 г., №. 116.

квартиръ. Князь Куракинъ, ознакомившись съ городомъ, донесъ государю Александру, что въ Полтавѣ нѣтъ зданій, гдѣ бы возможно помѣстить присутственныя мѣста. «Вице-губернаторъ,—писалъ онъ,—жилъ въ домѣ, гдѣ обвалились потолки, а губернаторъ жилъ въ плохомъ домѣ Милорадовича, за что платили 1000 р. въ годъ» [1]). Кн. Куракинъ поэтому ходатайствовалъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства необходимой суммы на постройку зданій въ городахъ Полтавской губерніи и въ самой Полтавѣ. Ходатайство было уважено, и въ распоряженіе князя было отпущено 400 тысячъ р. [2]) При немъ были построены или начаты постройкой слѣдующія зданія, существующія до сей поры: 1) Присутственныя мѣста (кромѣ боковыхъ крыльевъ, построенныхъ въ 1850-хъ годахъ), гдѣ помѣщались: губернское правленіе, казенная палата, Приказъ общ. призрѣнія и судъ. И въ то время, какъ и теперь, стоимость зданія всегда превышала смѣту. Смѣта на это зданіе была исчислена въ 78 тыс., а постройка обошлась въ 95 тыс. р. Окончено зданіе постройкой въ 1810 г. 2) Городское полицейское управленіе (стоившее 38 тыс.), гдѣ помѣщался нижній земскій судъ, полиція, казначейство квартира городничаго, а затѣмъ полицеймейстера; 3) такъ назыв. старо-губернаторскій домъ (нынѣ принадлежитъ кадетскому корпусу), оконченный въ 1811 г., стоимостью въ 96 тыс. р.; 4) острогъ, одинъ корпусъ въ 42 тыс., оконченъ въ 1808 году: 5) губернаторскій домъ, построенный въ 1810 г. за 43700 р.; во дворѣ былъ устроенъ домъ для вице-губернатора за 31 тыс.

Кн. Куракинъ принималъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы постройки эти обошлись возможно дешевле. Прежде всего онъ старался объ устройствѣ кирпичныхъ заводовъ, и въ 1802 году, имѣя въ виду только эти постройки, губернаторъ Сонцевъ, по предложенію князя, предписалъ думѣ устроить заводъ на левадѣ, назыв. Задыхальной (внизу нѣмецкой колоніи), отдавъ его въ распоряженіи Приказа общественнаго призрѣнія. Левада эта, въ нѣс-

---

[1]) Арх. Губ. Правл. по описи № 123.

[2]) Гор. Арх. 1804 г., Указъ Губ. Правл. № 625.

колько десятинъ, куплена была городомъ еще въ 1773 году у священника Латушинскаго за 100 р. и отдавалась въ аренду купцу Ковалевскому за 31 р. въ годъ. На уступку этой левады Приказу послѣдовало высочайшее повелѣніе 10 апрѣля 1802 года. Тамъ же городъ устроилъ и другой заводъ на землѣ, лично приторгованной кн. Куракинымъ за 325 р. (13 дес. 1291 кв. саж.) [1]). Изъ частныхъ заводовъ были: Воскресенской церкви и Крестовоздвиженскаго монастыря [2]). Интересны цѣны того времени на строительный матерьялъ (1802—1803 г.г.): 1 тысяча кирпича, длиною 6 в., шириною 3, толщиною $1^1/_2$—6 р.; въ 1810 г. цѣна повысилась и доходила до 10 р.; кладка одной тысячи 2 р.—2 р. 50 к.: алебастръ 25 к. пудъ; глина, куб. сажень—6 р.; песокъ, куб. сажень—8 р.; сажень извести, которую привозили и тогда изъ Бѣлгорода, 55 р.; листовое желѣзо 1 пудъ 7 р. 50 к., желѣзо вообще 1 пудъ 2 р. 50 к. и 3 р.—50 к.; работа печи 16 р.; кафельной 14 р.; голландской 15 р.; русской 8 р.; грабарская работа 2 р. отъ куб. сажня; краски: охра 1 п.—4 р. 50 к.; лазурь $1^1/_2$ ф.—1 р. 80 коп.; сурикъ $3^1/_2$ ф. 88 коп.; шингель 1 ф.—60 к.; свинцовыя бѣлила 1 п.—1 р., голландская сажа 1 ф.—80 к.; гвозди 1 п.—1 р. 60 к.; плита для лѣстницъ, погонная сажень—8 р.; [3])

Лѣсъ на постройку въ то время, какъ и нынѣ, доставлялся изъ Кременчуга. Но въ виду многихъ построекъ не только въ Полтавѣ, но и въ уѣздахъ, гдѣ строились тюремные замки, больницы и проч., кн. Куракинъ исходатайствовалъ разрѣшеніе на полученіе ста тысячъ дубовыхъ брусьевъ изъ казенныхъ лѣсовъ кіевской, могилевской и орловской губерній, для рубки которыхъ былъ посланъ Куракинымъ чиновникъ губ. правл. Софроновъ. [4])

Цѣны на лѣсъ были слѣдующія: 4 саж. (діаметръ 8 вер.) доска 5 р.; 3 саж.—4 р.; сосновыя бревна: 6 саж. 6 вер.—6 р.. 4 саж.—4 р., 3 саж.—3 р.; дубовые брусья 4 саж. 4 вер.—2 р. 50 к.; сосновая доска 3 саж. ($2^1/_2$ д.) 80 коп.

---

[1]) 1804 г. Прот. Думы, стр. 42 и Арх. Губ. Земства 1802 г.

[2]) 1804. Гор. Арх. №. 1584.

[3]) Ар. Губ. Правл. 1803 по описи №. 185.

[4]) Арх. Полт. Губ. Зем. 1802 по описи № 40.

Скопленіе рабочихъ при постройкахъ озабочивало генералъ-губернатора, и онъ далъ слѣдующее предписаніе губ. правленію: «Нерѣдко можетъ случиться, что рабочіе люди бываютъ больны и, не имѣя пристанища на призрѣніе, могутъ находиться въ опасности жизни; дабы доставить симъ людямъ нужную помощь, предлагаю губернскому правленію учинить распоряженіе, дабы городовъ господа полицеймейстеры и городничіе, за узнаніемъ о семъ отъ смотрителей за строеніями, принимали ихъ во временно отстроенныя больницы городскія, гдѣ повѣтовый лѣкарь обязанъ ихъ будетъ пользовать [1]).

Помимо постройки казенныхъ зданій, кн. Куракинъ старался о пріобрѣтеніи частныхъ домовъ; такъ, имъ былъ пріобрѣтенъ домъ Руденка за 12 тыс., едва-ли не лучшій домъ въ то время въ Полтавѣ (нынѣ на этомъ мѣстѣ домъ губернскаго земства). Но прежде чѣмъ купить, кн. Куракинъ пытался у богатыхъ людей выпросить для города безвозмождно, и когда это не удавалось, то тогда уже покупалъ. Расширяя черту города, князь обратился съ просьбой къ графу Льву Кирилловичу Разумовскому уступить городу три десятины левады. Начинается переписка. На письмо князя, графъ отвѣтилъ, что не можетъ рѣшить вопроса объ уступкѣ левады, пока не получилъ увѣдомленія отъ управляющаго своей экономіей (Карловка, Конст. уѣзда), нужна ли она. «Городъ Полтава,—пишетъ далѣе графъ,—и такъ съ моей стороны довольно имѣетъ пожертвованій, ибо два дома состоящіе въ оной занимаются въ пользу ея тому уже нѣсколько лѣтъ къ ряду, одинъ—присутственными мѣстами, а другой—губернской чертежной, съ неминуемо претерпѣваемымъ отъ такого занятія въ деревянныхъ зданіяхъ разореніемъ: хотя, мнѣ кажется, помѣщеніе присутственыхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ строеній, должно бы лежать на общемъ городскомъ иждивеніи, а не на обремененіи одного частнаго человѣка. И когда всѣ прочіе полтавскіе обыватели не имѣли никакаго постоя, тогда чиновники, управляющіе моимъ имѣніемъ и дѣлами, пріѣзжая въ городъ, по причинѣ занятія моихъ

---

[1]) Арх. Гор. 1805, предп. № 3265.

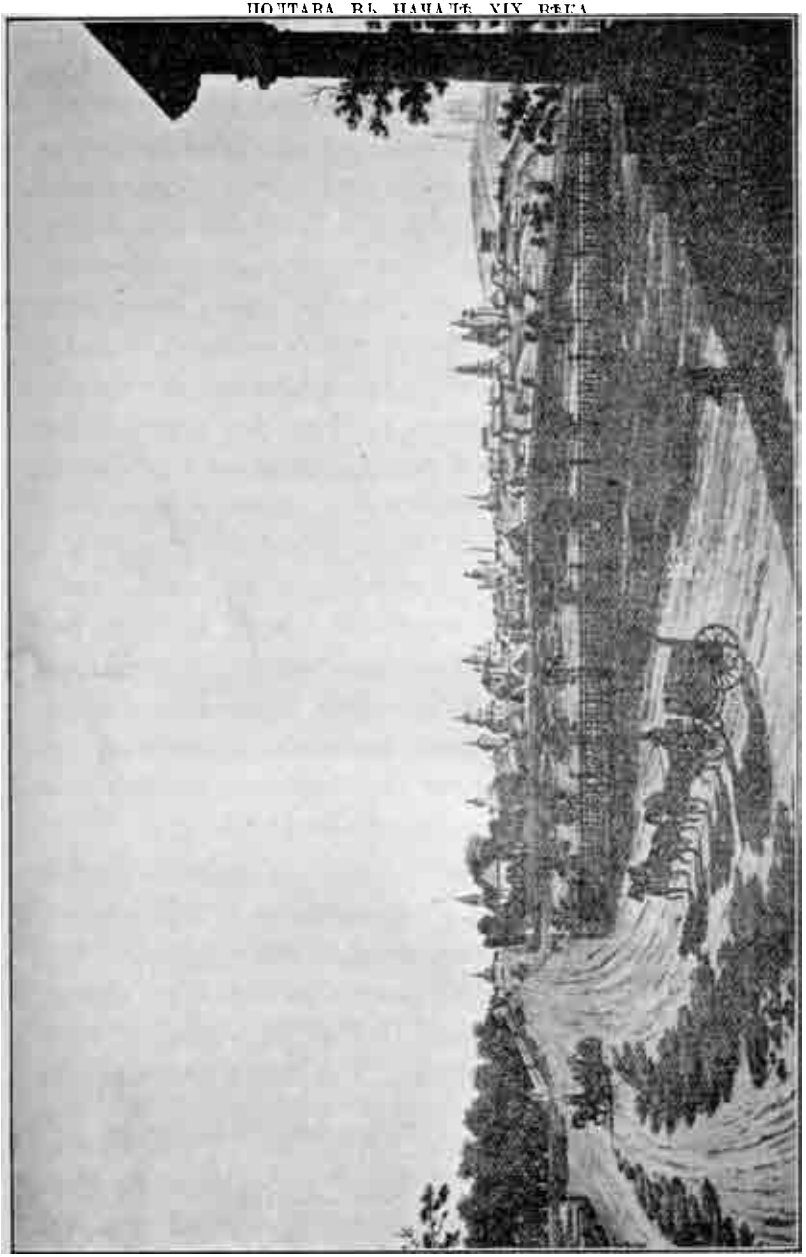
домовъ, принуждены искать пристанища наймомъ». Графъ обѣщалъ продать леваду, если онъ будетъ освобожденъ отъ постоя на «соразмѣрное время тому, черезъ которое оные дома мои заняты были, дабы черезъ то уровненъ былъ я съ прочими полтавскими жителями... Но продажу обѣщалъ совершить, если князь купитъ у него домъ, занятый присутственными мѣстами, «за резонабельную цѣну»; въ противномъ случаѣ не соглашался, «ибо думаю, (писалъ онъ), что и такъ никто изъ гражданъ Полтавы болѣе меня для нея не сдѣлалъ». Продажу дома онъ поручилъ совершить управляющему своимъ имѣніемъ, Карловкой, нѣкоему Соколову. Соколовъ былъ вызванъ въ Полтаву. Онъ запросилъ за домъ 3 тысячи р., но Куракинъ давалъ только $2^1/_2$ тыс. Начался торгъ. Соколовъ не уступилъ и уѣхалъ. Спустя два мѣсяца князь опять вызвалъ его и все-таки сторговалъ домъ за $2^1/_2$ тыс. съ разсрочкой платежа на три года. Стоимость уплаты пошлинъ и вводъ во владѣніе составили расходъ въ 150 р. ассигн. [1]).

Такъ устраивалъ городъ Куракинъ. Интересно, какъ онъ пріобрѣлъ городской садъ, и нынѣ составляющій украшеніе города. Прежде всего, часть сада (нижнюю) князь Куракинъ пріобрѣлъ на свои средства у отставного майора Романа Крыловскаго; верхняя же его часть принадлежала Семену Михайловичу Кочубею, къ которому кн. Куракинъ отправилъ письмо съ просьбою уступить садъ городу. Кочубей отвѣтилъ, что онъ боленъ, но оправившись, сочтетъ своею обязанностью лично побывать у князя и поговорить объ этомъ. Князь Куракинъ подождалъ нѣкоторое время и вторично послалъ ему письмо съ просьбой объ уступкѣ сада, увѣряя его, что онъ проситъ не для себя, а для города. Кочубей исполнилъ эту просьбу; тогда и Куракинъ формально передалъ городу смежную часть сада, купленную имъ у Крыловскаго, и благодаря этому Полтава на вѣчныя времена пріобрѣла большой прекрасный садъ. [2]) Князь Куракинъ сейчасъ приказалъ устроить каменную ограду, бесѣдки, началъ садить деревья, за-

---

[1]) Ар. Губ. Правл., по описи №. 228.

[2]) Арх. Губ. Правл., 1803 г., по описи № 174.



Видъ Полтавы въ 1804 году отъ Садовой площади, со двора Семена Михайловича Кочубея (нынѣ Институтъ благор. дѣвицъ). Съ гравюры Стадлера.

велъ цвѣтники и оранжереи. Садовника, знающаго свое дѣло, въ то время достать въ Полтавѣ нельзя было. Его выписали изъ Батурина, вѣроятно, изъ имѣнія гр. А. Разумовскаго. Садовникъ, которымъ былъ крестьянинъ Даніилъ Неванка, получалъ жало-

ванья 4 р. въ мѣсяцъ. На содержаніе сада и его устройства отпускала средства городская дума. Въ 1805 г. было истрачено на на садъ 560 р., а въ послѣдующіе года тратилось много больше, такъ какъ преемникъ князя Куракина, князь Лобановъ-Ростовскій очень любилъ заниматься садомъ. Это отмѣтилъ въ своихъ путевыхъ запискахъ кн. Долгорукій. «Кн. Лобановъ—говоритъ онъ—охотникъ до садовъ; гуляя съ нимъ по саду, я любовался. видя восхищеніе, съ которымъ онъ каждое дерево выхваляетъ, всякое ему знакомо, онъ неоднократно его осмотрѣлъ». Въ саду этомъ и по зимамъ бывали гулянья. Для публики были устроены камины, гдѣ можно было отогрѣться. [1]) Постройка ограды и бесѣдокъ велась городской управой подъ руководствомъ губ. архитектора Афросимова и его помощника Плотникова, на что было истрачено болѣе 3 тысячъ рублей. Князь Куракинъ остался этимъ очень недоволенъ. Просматривая отчетность по постройкѣ, князь былъ удивленъ, что стоимость кирпичной кладки была поставлена въ 3 р. 50 к. съ тысячи, а не 2 р.—2 р. 50 к., какъ была цѣна въ то время. Завязалась большая переписка, окончившаяся тѣмъ, что кн. Куракинъ отстранилъ городского архитектора отъ завѣдыванія садомъ и поручилъ это дѣло бывшему городничему, а тогда служившему въ экспедиціи, Значко-Яворскому.

Въ 1804 году были устроены въ саду оранжереи. Уѣзжая въ мартѣ мѣсяцѣ для обозрѣнія губерніи, князь Куракинъ предписалъ устроить оранжереи «самопоспѣшнѣйшимъ образомъ, дабы при открытіи весны ни въ чемъ работы не имѣли остановки». Работы начались черезъ два дня. При кн. Куракинѣ медлить нельзя было: самъ онъ легко работалъ и того же требовалъ отъ другихъ. [2])

---

[1]) «Славны бубны за горами», стр. 86—87.

[2]) Ар. Губ. Правл. № 174, 1803 г.; Гор. Арх. 1804 и 1805 г.

Глава. V.

Устройство кн. Куракинымъ аптеки въ Полтавѣ. Имѣнія, принадлежавшія городу. Забота Куракина объ устройствѣ памятника полтавской битвы. Памятникъ и его открытіе. Стихотвореніе В. В. Капниста. Открытіе богоугодныхъ заведеній. Устройство ботаническаго сада. Родильный госпиталь. Богадѣльня. Привитіе оспы. Учрежденіе дома для душевнобольныхъ

До пріѣзда кн. Куракина въ Полтавѣ была лишь единственная, и то частная, аптека врача Тишевскаго, служившаго во врачебной управѣ. Задумавъ открыть казенную аптеку, кн. Куракинъ въ 1803 г. обратился съ просьбой къ министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею объ отпускѣ для предполагаемой аптеки лѣкарствъ изъ Лубенской аптеки, снабжавшей въ то время весь югъ Россіи медикаментами. Медицинская коллегія, куда было передано это ходатайство, не нашла возможнымъ отпустить лѣкарства безвозмездно, такъ какъ таковой отпускъ, по законоположеніямъ того времени, допускался только для военныхъ и флотскихъ госпиталей, въ виду чего министръ разрѣшилъ лишь взять изъ Лубенской аптеки необходимыя лѣкарства съ разсрочкою платежа въ два, три срока. Тогда кн. Куракинъ нашелъ болѣе выгоднымъ купить аптеку Тишевскаго и заранѣе пригласилъ на должность аптекаря Ивана Сесса, изъ Москвы, котораго рекомендовалъ ему родной братъ Куракина. Жалованье ему назначено было на первый годъ 600 р. с., затѣмъ 800 р. Лѣкарь Тишевскій, узнавъ о желаніи Куракина открыть аптеку, началъ энергично заготовлять возможно больше травъ и другихъ

лѣкарствъ, чтобы повыгоднѣе продать свою аптеку. Онъ запросилъ за нее 17850 р.; но Сессъ, человѣкъ очень энергичный и честный нашелъ эту цѣну слишкомъ высокой. Противъ Сесса, въ защиту Тишевскаго, выступилъ врачебный инспекторъ, лѣкарь Фалькенштейнъ; но Сессъ дѣйствовалъ самостоятельно и непосредственно обращался прямо къ кн. Куракину, въ которомъ находилъ поддержку, чѣмъ обижалась врачебная управа, считавшая Сесса своимъ подчиненнымъ. Пререканія эти доходили до министра внутреннихъ дѣлъ. Сессъ аптеку Тишевскаго оцѣнилъ всего въ 9500 р. Долгія пререканія закончилися тѣмъ, что изъ аптеки Тишевскаго было пріобрѣтено лѣкарствъ на 7062 р., а остальныя, недостающія, выписывали изъ Лубенской аптеки, съ уступкою 15%. Надзоръ за аптекой лежалъ на Приказѣ общ. призрѣнія, а врачебная управа производила ежемѣсячную ревизію. Доходы съ аптеки поступали въ Приказъ. Открыта она была 11 августа 1804 года и по 1 января 1807 г. дала чистаго дохода 10515 р. асс. [1])

Въ 1804 году князь Куракинъ рѣшилъ, въ виду истекшаго столѣтія со дня полтавской битвы, соорудить въ Полтавѣ памятникъ. Изыскивая средства на его сооруженіе, онъ рѣшилъ прежде всего употребить на его сооруженіе деньги, которыя слѣдовало получить городу за отобранныя у него имѣнія. Исторія этихъ имѣній такова. Петръ Великій въ благодарное воспоминаніе побѣды, одержанной надъ шведами въ 1709 г., указомъ 1718 г. пожаловалъ Полтавѣ деревни Иванчинцы, Ивашки, Грабиновку и часть села Осмачковъ. По ревизіи 1782 г. въ этихъ селахъ числилось 1045 душъ, а по ревизіи 1795 года—1147 душъ. Всѣхъ хатъ 383 г. Этими деревнями городъ владѣлъ до 1785 года, получая съ каждой души по 1 р., и кромѣ этого, обложилъ каждую хату въ 50 к. (такъ назыв. «подымное»). Помимо этого, магистратъ пользовался даровымъ трудомъ крестьянъ для городскихъ работъ «особливо во время квартированія въ городѣ генералитета и полковъ». Крестьяне возили дрова, сѣно, воду и т. под. За времена

---

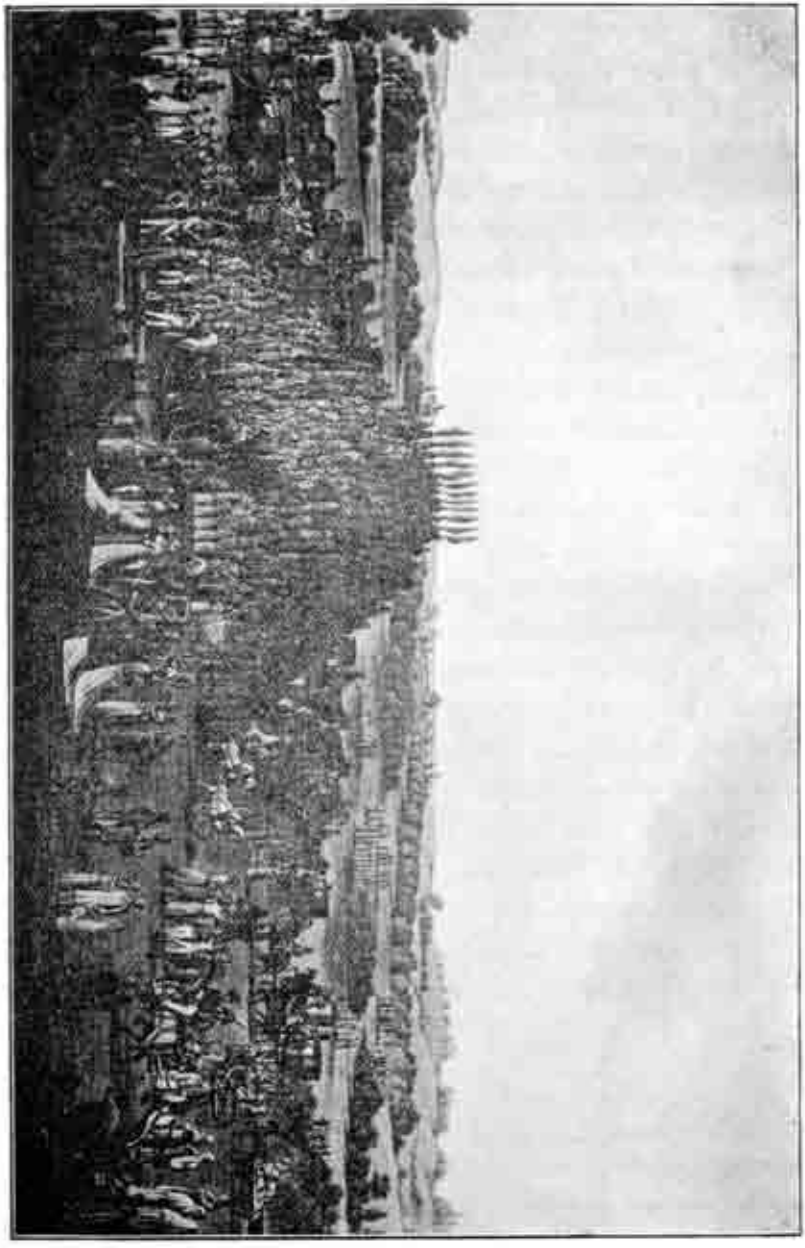
[1]) Арх. Губ. Пр., по описи № 165.

съ 1762 по 1784 г. (раньше свѣдѣній нѣтъ) городъ получилъ изъ своихъ имѣній 11655 р. 52½ к. Въ 1785 году, по приказанію Потемкина, доходы съ этихъ имѣній были обращены на укомплектованіе полтавскаго коннаго полка. Имѣнія города такимъ образомъ поступили въ вѣдѣнія директора экономіи, наравнѣ съ другими казенными деревнями, что и было подтверждено указомъ императрицы Екатерины II на имя Румянцева-Задунайскаго. Согласно этому указу, магистрату Полтавы, въ вознагражденіе за отобранныя села, должны были отпускаться изъ казны денежныя суммы, но до 1804 года онъ ничего не получилъ. Когда же былъ поднятъ вопросъ о памятникахъ, то кн. Куракинъ и началъ хлопотать о выдачѣ городу уплаты за потерянныя имѣнія. Кн. Куракинъ довелъ это дѣло до свѣдѣнія императора Александра I, который повелѣлъ разсмотрѣть его въ Сенатѣ и «безъ очереди». Правительствующій Сенатъ запросилъ мнѣнія кн. Куракина, который и высказался въ томъ смыслѣ, что ходатайство гор. думы, желавшей получить денежное вознагражденіе, должно быть удовлетворено. По расчету думы, ей слѣдовало получить съ казны 22851 р., но Сенатъ значительно уменьшилъ это требованіе и постановилъ выдать городу всего лишь 8551 р. 58 к. [1]). Эти деньги кн. Куракинъ употребилъ на сооруженіе памятника на Александровской площади, вокругъ которой онъ задумалъ построить рядъ зданій для правительственныхъ учрежденій и школъ (гимназіи, семинаріи). До постройки памятника, площадь эта принадлежала помѣщикамъ Степану и Петру Левенцамъ, которымъ въ замѣнъ ея дана была земля въ другомъ мѣстѣ, въ размѣрѣ 1 дес. 1529 саж. Еще сюда примыкали земли дворянина Бужула и Кончихи, которымъ было уплочено 845 р. Торжество закладки памятника происходило въ годовщину Полтавскаго боя, 27 іюня, 1804 года. Наканунѣ этого дня на Шведской могилѣ, за городомъ,

---

[1]) Арх. Губ. Правл. по описи № 154, и гор. Арх. 1803, № 947 и 242. Полтавское городское Управленіе и до сей поры получаетъ за отобранныя когда-то имѣнія, согласно Указу Сената отъ 2 ав. 1803 г., ежегодно по 655 р. 43 к.

была впервые совершена торжественная панихида по императорѣ Петрѣ I и всѣхъ участникахъ боя, и съ тѣхъ поръ княземъ Куракинымъ было установлено, чтобы такая панихида ежегодно совершалась 26 іюня, что свято выполняется и донынѣ.



Видъ Шведской могилы въ моментъ совершенія панихиды 26 іюня 1804 г. Съ гравюры Стадлера.

Затѣмъ приступлено было къ подготовительнымъ работамъ по сооруженію монумента на Александровской площади. Въ этихъ подготовительныхъ работахъ много потрудились тогдашній городничій Значко-Яворскій и городской голова Илья Прокофьевъ, получившіе за это, по ходатайству князя, первый—царскій подарокъ, а второй—золотую медаль для ношенія на шеѣ. Проектъ монумента былъ составленъ извѣстнымъ профессоромъ Академіи художествъ Томасомъ де-Томаномъ. Памятникъ представляетъ высокую колонну, на верху которой орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ во рту, обращенный къ полю сраженія. Пьедесталъ сдѣланъ изъ

Видъ памятника Полтавской побѣды, сооруженнаго по мысли кн. Куракина.

мѣстнаго гранита, добытаго въ Келебердѣ (Кременчуг. уѣзда), и окруженъ 18-тью пушками, изъ которыхъ 10 взяты изъ бастіоновъ бывшей полтавской крѣпости, а 8 отняты у шведовъ при

Переволочной. Самъ авторъ проекта такъ описываетъ его: «Такъ какъ колонна эта тріумфальный памятникъ, воздвигнутый въ память Петра Великаго, въ честь самаго памятнаго и рѣшительнаго событія его царствованія, то я старался дать всей этой композиціи характеръ оригинальный и, такъ сказать, присущій герою и его торжеству. Съ этою цѣлью я прибѣгнулъ къ аллегоріямъ простымъ, но точнымъ и яснымъ. Колонна изъ желѣза въ 4 куска, и чтобы скрыть ихъ соединеніе, каждый шовъ закрыть вѣнкомъ: первый изъ лавра и пальмъ, второй изъ лавра, а третій изъ дубовыхъ листьевъ. Промежутки между вѣнками заполнены изображеніями перекрещеннаго оружія. Капитель образована изъ большихъ листьевъ, надъ которыми возвышается цоколь, увѣнчанный полусферой, на коей распростеръ свои крылья орелъ, держащій въ когтяхъ молніи войны и въ клювѣ лавровый вѣнокъ». Проектъ памятника былъ одобренъ государемъ, при чемъ самъ императоръ Александръ I изъявилъ желаніе принять на свой счетъ бронзовыя украшенія. Вотъ его указъ по этому поводу князю Куракину: «Указомъ, въ 11 день сентября 1804 года Правительствующему Сенату даннымъ, согласно желанію, отъ полтавскихъ гражданъ изъявленному, предназначены были доходы, возвращенные сему городу съ принадлежащихъ ему прежде деревенъ, обратить на сооруженіе монумента въ воспоминаніе побѣды, одержанной подъ Полтавою государемъ императоромъ Петромъ Великимъ. Споспѣшествуя сему благому намѣренію полтавскихъ гражданъ, и желая быть участникомъ въ сооруженіи памятника, знаменующаго происшествіе столь славное и для каждаго россіянина толико достопамятное, препровождаю къ вамъ при семъ планы монументу сему, здѣсь составленные, поручаю вамъ, согласно прежнимъ распоряженіямъ, приступить къ устроенію его на мѣстѣ, за исключеніемъ бронзовыхъ украшеній, къ нему принадлежащихъ, кои особенно здѣсь будутъ сдѣланы и доставлены къ своему назначенію». [1]) Первоначальная смѣта памятника была 48,109 р. 58 к., но обошелся онъ въ 135 тыс. Не-

[1]) Арх. П. Губ. Правл. по описи. № 154.

достающія деньги были пополнены изъ капитала въ 300 тысячъ, отпущеннаго по ходатайству кн. Куракина изъ ассигнаціоннаго банка на окончаніе памятника и устройство богоугодныхъ заведеній въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ. [1]) Памятникъ не былъ готовъ къ столѣтію битвы; онъ былъ открытъ лишь 27 іюня 1811 г. На это торжество прибылъ изъ Переяслава епископъ полтавскій Ѳеофанъ, сказавшій при этомъ слово [2]). Извѣстный писатель того времени В. В. Капнистъ (1757 † 1824), служившій въ полт. генеральномъ судѣ и бывшій затѣмъ губернскимъ предводителемъ дворянства, прочелъ слѣдующее свое стихотвореніе.

«Красуйся, торжествуй, Полтава,
И лавръ обвей вокругъ чела:
Твоя днесь обновилась слава,
Какъ юность древняго орла.
Ты зрѣла, какъ здѣсь Левъ Полнощный
Кровь чадъ твоихъ рѣками лилъ,
И какъ его десницей мощной
Самсонъ Россійскій поразилъ.
Петровой подражатель славы
Днесь новый лавръ и пальмы плетъ
Въ побѣдныя поля Полтавы
Изъ поля собственныхъ побѣдъ.
Что Петръ девятилѣтней бранью
Въ поляхъ полтавскихъ заложилъ,
То Александръ могучею дланью
Чрезъ вѣкъ въ единый годъ свершилъ.
Съ восторгомъ зри средь поля брашна
Днесь имъ воздвигнутый трофей,
Въ честь предка славою вѣнчанна
И въ память вѣрности твоей.

---

[1]) Арх. Пол., Г. Земства. 1808 № 107.

[2]) Напечатано въ Полт. Еп. Вѣд. 1863 г. № 3.

Столѣтіе побѣды Россовъ
Днесь празднествомъ почтилъ твой Царь:
Ты, вмѣсто мраморныхъ колоссовъ,
Въ сердцахъ поставь ѳму алтарь,
Взнеси моленіе усердно
Къ Царю царей, Отцу щедротъ,
Чтобъ царство мудро, милосердно
Продлилъ онъ съ славой въ родъ и родъ [1])

На торжествѣ открытія памятника присутствовалъ І. О. Судіенко, тайный совѣтникъ, членъ почтоваго управленія, завѣдывавшій имѣніями извѣстнаго вельможи кн. Безбородька. Подъ впечатлѣніемъ открытія памятника, воскресившаго событіе, имѣвшее столь громадное значеніе для Россіи, І. О. Судіенко внесъ лично въ Стародубское казначейство 50 тысячъ р., а его душеприказчикъ—въ полтавскій Приказъ общ. призрѣнія еще 50 тыс. съ тѣмъ, чтобы на полѣ полтавскомъ былъ устроенъ храмъ, а на остатокъ—богадѣльня для увѣчныхъ и больныхъ воиновъ черниговской и полтавской губерніи [2]).

Въ годъ закладки памятника, открыты были въ Полтавѣ богоугодныя заведенія,—предметъ постоянныхъ заботъ кн. Куракина. Подъ богоугодными заведеніями тогда разумѣли не только больницу, но и родильный или госпитальный пріютъ, богадѣльню и домъ для психически-больныхъ. До открытія ихъ въ Полтавѣ была больница, содержимая городомъ. Больница была построена тамъ, гдѣ она находится и нынѣ; до постройки это былъ поселокъ съ домами, принадлежавшій Степану Кулику и др. На первоначальное обзаведеніе больницы городомъ было ассигновано 6 тыс. р. и на содержаніе 4200 р. Помимо этого, было еще отпущено 50 тыс. на постройку зданія. Построена она была на 60

---

[1]) Чтенія при Моск. Университетѣ 1847 г., т. IX и Полт. Губ, Вѣдомости 1848 г., № 10.

[2]) О судьбѣ этого капитала, впервые израсходованнаго въ 1850-хъ годахъ, будетъ сказано въ дальнѣйшихъ выпускахъ.

кроватей, но уже въ первый годъ въ ней больныхъ было 114 ч. За лѣченіе и содержаніе больного взималась плата по 5 р. въ мѣсяцъ. На пищу больныхъ отпускалось въ сутки на человѣка по 6¼ к. На улучшенный столъ для нѣкоторыхъ больныхъ—дворянъ и чиновниковъ—отпускалась въ годъ сумма въ 100 р. На лѣкарства, въ первые годы, тратилось въ годъ 18 р. въ среднемъ на человѣка—сумма значительная, что указываетъ на дороговизну лѣкарствъ того времени.

Штатъ служащихъ въ больницѣ былъ не великъ. Врачъ получалъ жалованья всего 400 р.; при немъ было два помощника,—лѣкарскіе ученики, одинъ съ содержаніемъ въ 100 р., а другой—въ 75. Смотритель больницы получалъ 90 р. Было еще четыре надзирателя съ жалованьемъ по 36 р. въ годъ и четыре надзирательницы—по 24 р. каждой [1]). Попечителями богоугодныхъ заведеній были мѣстные дворяне, первымъ былъ кн. Эристовъ, пробывшій до 1811 года, затѣмъ совѣтникъ генеральнаго суда Сахновскій, а за отказомъ послѣдняго—Левенецъ, тоже мѣстный дворянинъ. Въ числѣ попечителей, при генералъ-губернаторѣ Репнинѣ, былъ извѣстный малорусскій поэтъ И. П. Котляревскій. Первымъ врачомъ больницы былъ Андрей Афанасьевичъ Кондура. Онъ учился въ университетѣ въ Галле, а затѣмъ въ 1800 г. держалъ экзаменъ въ государственной медицинской коллегіи, разрѣшившей ему практику. Сначала онъ жилъ въ Нѣжинѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Полтаву, гдѣ былъ врачомъ съ 1802 г. при городской больницѣ. Жалованья онъ не получалъ; мало того, свои сбереженія (1500 р.) онъ отдалъ на улучшеніе богоугодныхъ заведеній, что видно изъ его прошенія на высочайшее имя о выдачѣ ему аттестата о службѣ до назначенія его врачомъ въ богоугодное заведеніе [2]).

Въ ноябрѣ 1805 года жена генералъ-губернатора, княгиня Наталія Куракина, подала заявленіе своему супругу о желаніи пожертвовать всю церковную утварь. если будетъ устроена при

---

[1]) Ар. Губ. Правл. 1804 г. № 154.

[2]) Арх. Губернскаго Земства 1802 г. № 54, № 609.

больницѣ церковь. Смѣта на церковную утварь была исчислена въ 2111 р. 32 к. Церковь была устроена въ верхнемъ этажѣ нынѣшняго главнаго корпуса [1]).

При богоугодномъ заведеніи кн. Куракинымъ былъ устроенъ ботаническій садъ. Дороговизна лѣкарствъ навела его на эту мысль. Упомянувъ въ своемъ предписаніи Приказу объ устройствѣ сада кн. Куракинъ говоритъ: «чтобы усилить способы къ усовершенствованію самаго учрежденія аптеки, устроеніе ботаническаго сада при ней я почитаю необходимымъ и тѣмъ не менѣе для самаго Приказа общественнаго призрѣнія полезнымъ, что онъ, получая для аптеки своей домашнія свои произростанія, замѣнитъ многія денежныя издержки на то потребныя» [2]). Неутомимымъ помощникомъ князя въ устройствѣ сада былъ аптекарь Иванъ Сессъ, о которомъ мы уже говорили. Онъ составилъ смѣту на необходимыя постройки, а именно: двухъ оранжерей, выкопку большой ямы для скопленія дождевой воды и небольшого жилья для прислуги. Все это стоило 5045 р. с. Планировка мѣстности, ея ограда—549 р. Ему помогали депутатъ генеральнаго суда майоръ Остроградскій и губернскій архитекторъ Афросимовъ. Покупка сѣмянъ стоила 430 р. с. Черезъ два года, въ 1807 году, ботаническій садъ могъ уже продавать растенія, и продано было на 143 р. Смѣта на его содержаніе была 500 р., изъ которыхъ только 300 р. отпускалъ Приказъ, а остальные покрывались доходами отъ продажи растеній. Разводились, главнымъ образомъ, лѣкарственныя растенія: мята четырехъ сортовъ (перечная, кудрявая, рута, чесокъ), божье деревцо, можевельникъ, который разводился въ большомъ количествѣ, такъ какъ онъ служилъ дезинфецирующимъ средствомъ для больницъ. Садовникъ былъ нѣмецъ, котораго выписали и платили ему 50 р. въ годъ.

При больницѣ былъ устроенъ тѣмъ же кн. Куракинымъ «родильный госпиталь». Въ 1804 г. прибыли въ Полтаву двѣ акушерки, окончившія институтъ въ Петербургѣ. Это и навело

---

[1]) Арх. Губ. Земства, 1808 г., № 113.
[2]) Арх. Губ. Земства, 1805 г., дѣло № 1509.

князя на мысль устроить родильный госпиталь, чтобы воспользоваться знаніемъ этихъ лицъ, получившихъ спеціальное образованіе. «Пользуясь благотворительнымъ для человѣчества случаемъ, извѣстною, вашему пр—ву (писалъ онъ губернатору) присылкою въ Полтаву двухъ бабокъ, окончившихъ въ С.-Петербургскомъ институтѣ, намѣренъ я здѣсь устроить «родильный госпиталь» на 6 кроватей, для помощи неимущимъ, столь много отъ недостатковъ своихъ во время разрѣшенія страждущимъ. Предполагая поручить учрежденіе сіе помянутымъ бабкамъ, прошу васъ, милостивый государь мой, на первый случай для помѣщенія онаго нанять домъ». Такъ какъ эти двѣ акушерки числились при врачебной управѣ, то кн. Куракинъ считалъ достаточнымъ прибавить имъ еще немного; старшей 80 р., а младшей 70 р. Деньги 300 р. были отпущены Приказомъ общ. призрѣнія, но вся эта сумма даже не издерживалась,—бывали остатки [2]).

Надо сказать, что кн. Куракинъ былъ очень сердечный человѣкъ, всегда чутко относившійся къ бѣдняку, страждущему, и много дѣлавшій въ этомъ отношеніи. Имъ же была организована въ 1805 г. богадѣльня. Всѣхъ призрѣваемыхъ было 73 чел. При немъ нищіе не могли ходить по городу и просить милостыни; имъ запрещено было сидѣть на многолюдныхъ улицахъ,—ихъ забирали и отправляли въ богадѣльню, а на содержаніе ихъ дума ассигновывала ежегодно по 500 р. [3]). Бывали въ то время и частныя пожертвованія на содержаніе нищихъ, хотя частная благотворительность въ то время вообще мало была развита. Нѣкто Евреиновъ пожертвовалъ капиталъ въ 4 тыс. р.: 2 тысячи въ полтавскій Приказъ и двѣ—въ черниговскій съ тѣмъ, чтобы на проценты содержали по 6 нищихъ [4]). Городничій Значко-Яворскій собиралъ иногда для содержанія нищихъ деньги въ храмахъ.

Заботы о привитіи оспы младенцамъ также очень занимали князя Куракина: это было дѣло новое для того времени. Приви-

[1]) Ар. П. Г. Земства 1805. № 63.
[2]) Арх. Губ. Земства, 1804., № 32.
[3]) Арх. Губ. Правл. по описи № 278,
[4]) Арх. Губ. Земства, 1802, № 122.

тіемъ оспы занимался врачъ Кондура, когда жилъ въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ привилъ ее 600-мъ младенцамъ. Въ Полтавской губерніи занимались привитіемъ ея гадячскій врачъ П. Я. Барабашъ, золотоношскій—Г. Костюковскій и харьковскій—Александръ Свѣтловскій [1]). Къ сожалѣнію, мы не нашли въ архивѣ статистическихъ данныхъ о количествѣ сдѣланныхъ прививокъ. За это доброе дѣло кн. Куракинъ былъ удостоенъ Высочайшей признательности: «Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—читаемъ въ указѣ императора Александра I, 1804 г.—представилъ мнѣ дошедшія отъ васъ вѣдомости о привитіи въ истекшемъ году коровьей оспы по губерніямъ малороссійскимъ. Съ удовольствіемъ видя изъ числа младенцевъ, коимъ благополучно совершено сіе прививаніе, что столь благодѣтельное изобрѣтеніе попеченіемъ вашимъ имѣетъ добрый успѣхъ въ губерніяхъ, начальству вашему ввѣренныхъ, я свидѣтельствую вамъ совершенную мою признательность, поруча вмѣстѣ съ симъ изъявить благоволеніе мое и тѣмъ врачебнымъ чинамъ, кои въ дѣлѣ семъ оказали свое усердіе» [2]). Заканчивая обзоръ благотворительныхъ учрежденій, бывшихъ въ завѣдываніи Приказа общ. призрѣнія, упомянемъ объ учрежденіи дома для психически-больныхъ, содержаніе котораго обходилось въ годъ въ тысячу рублей. Въ іюлѣ 1804 г., когда его открыли, было принято больныхъ 6 ч., но къ 1 января слѣдующаго года число ихъ возросло до 16 человѣкъ [3]).

И. Ф. Павловскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Двор. архивъ 1803. № 5.

[2]) Арх. Губ. Прал. 1804 № 252.

[3]) Арх. Губ. Правленія, № 277.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

Въ № 6 мы закончили печатаніемъ ту часть «Исторіи Кіевской 2-й гимназіи», которая, какъ было сказано, сохранилась въ бумагахъ покойнаго автора ея. Въ настоящее время сыномъ автора доставлено намъ еще нѣсколько страницъ, составляющихъ продолженіе напечатанной уже части. Принося глубокую благодарность В. Н. Тумасову за доставленныя страницы, мы помѣщаемъ ихъ въ настоящей книжкѣ журнала, еще разъ прося читателей указать намъ, не отыщется-ли гдѣ нибудь окончаніе этого интереснаго труда. Въ особенности просимъ объ этомъ наслѣдниковъ покойнаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа С. П. Голубцова, у котораго, можно предполагать, былъ полный экземпляръ рукописи труда Н. С. Тумасова. *Ред.*

Обращая вниманіе на умственную сторону, не забыли и физической стороны развитія воспитанниковъ, думали о гимнастикѣ, но понимали ее нѣсколько своеобразно. Такъ напр., еще въ актовой запискѣ 1838 г. говорится, что «одинъ разъ въ недѣлю въ гимназическомъ залѣ или въ хорошую погоду на дворѣ, ученики высшихъ четырехъ классовъ 2-й гимназіи подъ руководствомъ опытнаго надзирателя и надзоромъ инспектора пріучаемы были къ приличной стойкѣ и правильному хожденію въ рядахъ и къ надлежащему отданію чести старшимъ лицамъ, при чемъ обращаемо было внима-

ніе на соблюденіе надлежащей формы и чистоты одежды и бѣлья» [1]). Такая гимнастика примѣнялась къ ученикамъ общихъ квартиръ 2-й гимназіи во все продолженіе сороковыхъ годовъ и въ началѣ 50-хъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ она еще болѣе усилилась, когда Бибиковъ, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, предписалъ имѣть въ числѣ служителей одного и болѣе «способныхъ и благонадежныхъ» унтеръ-офицеровъ изъ отставныхъ или безсрочно-отпускныхъ, которые два раза въ недѣлю по часу въ присутствіи инспектора и надзирателей «упражняли воспитанниковъ въ маршировкѣ и поворотахъ, наиболѣе соотвѣтственныхъ цѣли наружнаго образованія. и когда Государь Императоръ повелѣлъ открыть «въ столичныхъ Университетахъ и высшихъ классахъ всѣхъ гимназій преподаваніе строевого устава пѣхотной службы ротнаго и баталіоннаго, и сверхъ того въ означенныхъ Университетахъ артиллеріи и полевой фортификаціи» [2]). Эта мѣра, будучи вызвана стремленіемъ тогдашней учащейся молодежи становиться въ ряды бойцовъ Крымской войны, никогда не была приведена въ дѣйствіе, потому что въ началѣ слѣд. года Имп. Николай Павловичъ умеръ, а его преемникъ, окончившій войну, призналъ мѣру эту лишнею [3]).

О ходѣ преподаванія во 2-й гимназіи за этотъ періодъ времени можемъ судить частью на основаніи личныхъ воспоминаній бывшихъ ея воспитанниковъ, частью на основаніи оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ данныхъ, которыя намъ удалось извлечь изъ архива. По личнымъ воспоминаніямъ, репутаціею превосходныхъ преподавателей изъ прежнихъ пользовались: учитель исторіи Потаповичъ, учитель греческаго языка Страшкевичъ, учитель русскаго языка Коробкинъ, учитель словесности Березницкій и учитель латинскаго языка Юскевичъ-Красковскій; изъ вновь поступившихъ— учителя русскаго языка и словесности Бернадскій и Николаевскій, учитель греческаго языка Ѳедоровъ и учителя исторіи —Шульгинъ и Лашнюковъ, между которыми особеннымъ даромъ препо-

---

[1]) Слѣпушк. стр. 23.

[2]) Сбор. Пост. т. II, стр. 1349.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1856 г. Іюль.

даванія отличался первый. Если бы кто захотѣлъ отклонить всѣ свидѣтельства прошлаго, за исключеніемъ мнѣнія тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія, то о состояніи преподаванія во 2-й гимназіи за это время могъ-бы произнести самый лестный отзывъ. По мнѣнію Министра, въ 1850 г. осматривавшаго обѣ Кіевскія гимназіи, онѣ «вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію: ученіе въ нихъ преподается успѣшно, по хорошей методѣ и способными учителями» [1]). Но въ то же время изъ отчета, представленнаго Бибикову инспекторомъ казенныхъ училищъ о преподаваніи во 2-й гимназіи за 1850 годъ, узнаемъ, что на самомъ дѣлѣ было нѣсколько иначе. Въ особенности плохо шло преподаваніе новыхъ языковъ, благодаря главнымъ образомъ преподавателямъ: а) французскаго языка Лабендскому и б) нѣмецкаго языка Іензену. О первомъ впослѣдствіи (въ 1861 г.) директоръ такъ отозвался: «учитель французскаго языка Лабендскій придерживался въ преподаваніи своемъ странной методы: едва успѣвши научить дѣтей читать, онъ задавалъ имъ наизусть спряженіе глаголовъ *avoir* и *être* по всѣмъ временамъ, заставляя ихъ переписывать по нѣсколько разъ эти спряженія, переводы съ французскаго на русскій, слова и басни. У учителя нѣмецкаго языка Іензена успѣховъ еще меньше» [2]). Даже такіе, въ началѣ служебной дѣятельности отличные, учителя, какъ Березницкій и Николаевскій, чѣмъ далѣе, тѣмъ неохотнѣе и небрежнѣе стали относиться къ своему занятію; доказательство находимъ въ замѣчаніяхъ Бибикова, сдѣланныхъ въ 1850 г. директору по поводу бывшей ревизіи. «Въ преподаваніи словесности учители Березницкій и Николаевскій не обращаютъ довольно вниманія на приложеніе теоріи къ практикѣ. Для лучшаго усвоенія предмета учениками нужно, чтобы излагаемыя опредѣленія и правила болѣе показывались въ примѣрахъ и примѣненіи. Для сего учители обязаны, во 1-хъ, читать сколь можно болѣе образцовыхъ статей съ подробнымъ разборомъ ихъ, начиная съ 4-го класса, и продолжать въ послѣдующихъ

---

[1]) Дѣло 1850 г. № 38.

[2]) Годов. отч. за 1861 г. Ср. дѣло о ревиз. 1850 г. 19 Марта.

классахъ примѣнительно къ пройденнымъ частямъ реторики и піитики. При экзаменахъ должно въ этомъ требовать отчета отъ учениковъ, допуская для выиграніе времени отвѣты письменные, какъ все это опредѣлено примѣчаніями въ программахъ 1847 г. Во 2-хъ, должно упражнять учениковъ сколько можно болѣе въ сочиненіяхъ и для этого требовать непремѣнно отъ каждаго не менѣе двухъ упражненій въ мѣсяцъ. Такъ какъ ученики по ограниченному кругу познаній и малой начитанности не всѣ могутъ имѣть собственный матеріалъ для сочиненій, то учитель долженъ имъ доставлять его, а именно: прочесть и разобрать статью, анекдотъ, разсказъ, описаніе, разсужденіе и т. п., соблюдая постепенность по классамъ, и приказать изложить это письменно. Задавая для сочиненія тему, учитель долженъ прежде самъ развить ее словесно и дать ученикамъ планъ сочиненія, указавъ разные способы расположенія. Только въ 7-мъ классѣ и отъ нѣкоторыхъ болѣе развитыхъ учениковъ 6-го класса можно требовать сочиненій безъ этого пособія учителя. Но непремѣнно вмѣстѣ съ сочиненіями должно задавать ученикамъ переводы съ иностранныхъ языковъ: переводы полезны въ томъ отношеніи, что, передавая мысль иностраннаго писателя, ученикъ долженъ болѣе трудиться надъ роднымъ языкомъ, нежели выражая собственныя мысли, и такимъ образомъ, лучше научается владѣть имъ... Всѣ такія упражненія учитель словесности въ 6-мъ и 7-мъ классѣ долженъ, просмотрѣвъ на дому, возвращать ученикамъ съ поправками и требовать вторичнаго представленія ихъ уже исправленными по его замѣчаніямъ. Упражненія, заслуживающія болѣе прочихъ вниманія, учитель разбираетъ предъ учениками въ классѣ. Въ 4-мъ и 5-мъ классахъ учитель, просмотрѣвъ предварительно ученическія сочиненія, указываетъ ученикамъ ошибки ихъ съ объясненіемъ причинъ. Въ 1-мъ классѣ учитель русскаго языка долженъ преимущественно обращать усилія свои на пріученіе учениковъ къ внимательности, на развитіе въ нихъ понятливости и способности выражаться правильно и чисто. Для этого онъ прочтетъ имъ статью содержанія доступнаго ихъ познаніямъ и потребуетъ, чтобъ они указали ему въ ней

предметъ или лица, отношенія предмета или дѣйствія лицъ и проч., и потомъ разсказали статью своими словами. Каждыя двѣ недѣли въ нѣсколько уроковъ учитель можетъ, такимъ образомъ, разобрать одну статью и, переходя къ другимъ, онъ долженъ повторять и прежнія. Особенно удобны для такихъ упражненій притчи Крумахера и басни Крылова какъ по содержанію, такъ и по языку. Занятія эти, объясненныя подробно въ примѣчаніи къ программѣ по русскому языку, полезно продолжать и во 2-мъ классѣ». Замѣчанія и наставленія въ такомъ духѣ показываютъ, что ничего подобнаго не дѣлалось и что, слѣд., все ученіе въ то время сводилось на изученіе теоріи языка и далѣе не шло. Почти всѣ преподаватели стремились не къ тому, чтобы научить учениковъ, а къ тому, чтобы какъ можно болѣе облегчить самихъ себя. Въ большинствѣ случаевъ они ограничивались задаваніемъ урока по книгѣ: «отсюда и до сихъ поръ», предоставляя остальное на волю судебъ. Большую часть класснаго времени они истрачивали на переспрашиваніе заданнаго и на повѣрку аудиторовъ. Чтобъ имѣть понятіе, что это за аудиторы, нужно знать, что въ то время учителя обязаны были подавать вѣдомость объ успѣхахъ учениковъ не четыре раза, какъ теперь, а 9 разъ въ годъ. Переспросить какъ слѣдуетъ всѣхъ учениковъ къ концу мѣсяца не было никакой возможности. Чтобъ помочь бѣдѣ, учителя назначали лучшихъ въ классѣ учениковъ аудиторами и распредѣляли между ними ихъ товарищей, которыхъ они обязаны были до прихода учителя въ гимназію переспросить урокъ и оцѣнить заслуженною отмѣткою. Отмѣтка диктовалась учителю и, если не была опротестована, заносилась въ классный журналъ. Въ случаѣ протеста, учитель переспрашивалъ протестующаго. Аудиторъ, оказавшійся виновнымъ въ пристрастіи, лишался аудиторства, а иногда отдавался подъ аудиторство обиженнаго. Аудиторы имѣли также своего начальника. Онъ назывался аудиторъ надъ аудиторами; онъ-же обыкновенно назначался цензоромъ класса, т.е. наблюдателемъ за поведеніемъ товарищей. Провинившихся онъ вносилъ въ свой списокъ, который представлялъ по начальству.

Краснорѣчивѣйшими истолкователями положенія учебнаго дѣла за этотъ періодъ времени служатъ, конечно, выраженные въ цыфрахъ успѣхи учениковъ. Цыфры эти настолько поучительны, такъ хорошо рисуютъ быть 2-й гимназіи какъ со стороны преподавателей и ихъ метода преподаванія, такъ и со стороны учащихся, что для надлежащаго представленія о дѣйствительномъ положеніи ученія 2-й гимназіи безъ нихъ рѣшительно нельзя обойтись [1]).

Изъ общаго вывода по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ классахъ, кромѣ 7-го, объ успѣшности котораго говоритъ число выданныхъ аттестатовъ, не трудно прійти къ заключенію, далеко не согласному съ тѣмъ, которое сдѣлано Министромъ. Общій выводъ успѣховъ всѣхъ учениковъ 2-й гимназіи во всѣхъ предметахъ за всѣ годы, начиная съ 1840 и оканчивая 1856-мъ, равняется $^1/_2$, т. е. только половина учениковъ оказала въ это время удовлетворительные успѣхи; при этомъ нужно замѣтить, что изъ 17 лѣтъ 7 было такихъ, когда числа успѣвающихъ было значительно менѣе числа неуспѣвающихъ. Сдѣлавъ вычисленіе по общимъ вѣдомостямъ [2]), мы не вѣрили своимъ глазамъ: мы не думали, чтобы возможно было такое ненормальное положеніе дѣлъ, особенно, когда мы сравнили полученныя нами цыфры съ цыфрами оффиціальнаго отчета, показывающими весьма большой процентъ успѣшности; при всемъ томъ, надо согласиться, что оффиціальныя показанія до 1848 г. обманчивы, что бросилось въ глаза даже одному изъ тогдашнихъ попечителей (к. Давыдову). Съ 1849 г. наши вычисленія начинаютъ уже совпадать съ оффиціальными, которыя съ той поры становятся вполнѣ добросовѣстными. Такъ напр., на основаніи вѣдомостей мы нашли, что число успѣвшихъ

---

1) Цыфры, приводимыя ниже, получились путемъ счисленія по вѣдомостямъ, а не по отчетамъ гимназическаго начальства, которые оказываются фальшивыми.

2) Мы такъ считали: учениковъ, имѣющихъ по данному предмету въ среднемъ выводѣ не менѣе $2^1/_2$ мы признавали удовлетворительными.

въ 1849 и 1850-мъ годахъ гораздо менѣе половины всего числа учениковъ; обратившись къ запискамъ о состояніи 2-й гимназіи за эти годы, читаемъ: «число учащихся въ началѣ истекающаго учебнаго года съ вновь поступившими было 623. Выбыло въ продолженіе сего года до окончанія курса 68, окончило полный гимназическій курсъ 50 (аттестатовъ выдано собственно только 31)... Нынѣ въ гимназіи состоитъ учениковъ 574; изъ нихъ вслѣдствіе годичнаго испытанія удостоено перевода... всего 227 учениковъ», т. е. немного болѣе $^1/_3$ всѣхъ учениковъ. «Число учащихся, говорится въ запискѣ $184^9/_{50}$ г., нынѣ въ гимназіи—506; изъ нихъ вслѣдствіе годичнаго испытанія удостоено перевода..... всего 221», т. е. опять таки немногимъ болѣе $^1/_3$. Самый благопріятный результатъ даютъ только два года—1851-й и 1853-й, въ $185^0/_1$ году число успѣвшихъ относится къ числу неуспѣвшихъ, какъ 3 : 1, а въ $185^2/_3$—какъ 2 : 1. Такова общая успѣшность учениковъ 2-й гимназіи за эти годы.

Въ частности, по каждому предмету изъ тѣхъ же вѣдомостей мы получаемъ выводы также далеко неутѣшительные. Изъ нихъ первый—тотъ, что, за исключеніемъ закона Божія и греческаго языка, нѣтъ ни одного предмета, по которому-бы во всѣ годы число успѣвающихъ постоянно превышало цыфру неуспѣвающихъ: лучше другихъ предметовъ поставлена была физика и исторія, но и тутъ бывали годы, когда неуспѣвающихъ было больше, чѣмъ успѣвающихъ; во 2-хъ, ни одного предмета преподаваніе не шло такъ неудачно и ни по одному не было такого малаго процента успѣшности, какъ по новымъ языкамъ; въ 3-хъ, вообще успѣхи учениковъ 1-хъ отдѣленій всѣхъ классовъ выше, чѣмъ во 2-хъ отдѣленіяхъ: въ 4-хъ, чѣмъ классъ многолюднѣе, тѣмъ успѣшность его ниже; въ 5-хъ, наименѣе успѣвающими представляются классы—1-й (въ одни годы), 3-й (въ другіе), 4-й и 5-й. Безъ сомнѣнія, причинъ такого заявленія много; укажемъ на нѣкоторыя, болѣе осязательныя.

а) Если первыя отдѣленія оказываются успѣвающими лучше вторыхъ, то надо полагать, что весь секретъ заключается въ общихъ квартирахъ, въ коихъ жившіе ученики составляли не ма-

лый процентъ тѣхъ классовъ, въ спискахъ которыхъ они значились, а они записаны были въ первыхъ отдѣленіяхъ; ученики общихъ квартиръ находились подъ бдительныхъ надзоромъ, слѣд.. меньше развлекались, чѣмъ ихъ товарищи 2-го отдѣленія; у нихъ были репетиторы, съ ними, наконецъ, занимались повтореніемъ стараго и выучиваніемъ новаго учителя гимназіи, аккуратно каждый день посѣщавшіе ихъ (Юскевичъ-Красковскій, Березницкій, Байеръ, Сигизмундъ, Козелли, Семяновскій и др.).

б) Если успѣшность класса находилась въ обратномъ отношеніи съ численностью его, то и объяснять нечего: причина на лицо.

в) Наименьшая успѣшность 1-го класса 2-го отд. зависѣла главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: 1) отъ того, что ученики этого класса приступали къ систематическоу изученію новыхъ для нихъ наукъ и 2) что рѣдкіе изъ нихъ находили у себя дома знающихъ помощниковъ. Что касается классовъ 3-го, 4-го и 5-го. то причина ихъ очень малой успѣшности лежала главнымъ образомъ въ многопредметности и въ непосильномъ трудѣ. Такъ. въ 3-мъ классѣ съ 1840 г. до 1847 г. преподавались начала наукъ—алгебры, геометріи и исторіи (всеобщей и русской). Этотъ классъ сталъ легче съ тѣхъ поръ, какъ въ 4-й классъ была перенесена геометрія (т. е. съ 1847 г.). Въ 4-мъ классѣ начинались новыя науки—реторика, славянскій языкъ, греческій языкъ, а съ 1847 г. еще и геометрія. Въ 5-мъ классѣ преподавались новыя науки—логика (до 1847 г.), космографія (до 1847 г.) и физика (съ 1851 г.). Хотя въ 1847 г. алгебра не преподавалась въ этомъ классѣ, за то увеличенъ былъ объемъ геометріи. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что программы по всѣмъ предметамъ этихъ классовъ были весьма обширны.

г) Малая успѣшность тогдашнихъ учениковъ 2-й гимназіи по всѣмъ вообще предметамъ вытекаетъ изъ множества причинъ, которыя часто неуловимы; тѣмъ не менѣе значительная доля вины падаетъ прежде всего на духъ времени, требовавшій неумолимой строгости по отношенію къ воспитанникамъ, которая нерѣдко переходила въ суровость и даже жестокость. Не успѣлъ

Богородскій вступить въ управленіе дѣлами 2-й гимназіи, какъ сейчасъ же обнаружилось присутствіе въ ней суровой требовательности. Ее почувствовали всѣ ученики отъ 1-го до послѣдняго класса включительно: въ $183^{8}/_{9}$ г. число успѣвающихъ и, стало быть, переведенныхъ въ высшій классъ составляло болѣе $^{3}/_{4}$, а въ $183^{9}/_{40}$ г.—менѣе $^{1}/_{2}$ всего числа учащихся; въ $183^{8}/_{9}$ г. на меньшее число учениковъ выданы аттестаты 9-ти, а въ $183^{9}/_{40}$—при большемъ составѣ 7-го класса—всего 6; тоже замѣчается и въ 1841 г.: изъ 26-и учениковъ аттестатъ получили 10 человѣкъ. Она отразилась и на числѣ выбывшихъ учениковъ: въ $183^{8}/_{9}$ г. учениковъ было 374, а въ $183^{9}/_{40}$ г.—уменьшалось до 356, не смотря на то, что въ теченіе этого года вновь поступило 97 человѣкъ. Въ слѣдующіе два года учениковъ стало еще меньше, не смотря на вновь поступающихъ: такъ, къ концу $184^{0}/_{1}$ г. учениковъ было 317, а въ $184^{1}/_{2}$ г.—289. Приростъ начался только съ $184^{2}/_{3}$ г., когда число учащихся поднялось до 352 человѣкъ. Въ 1856 г. 2-я гимназія считала у себя 586 учениковъ.

д) Наименьшая успѣшность въ новыхъ языкахъ происходила, какъ кажется, отъ другихъ причинъ; изъ нихъ первая—та, что для перевода въ высшій классъ отъ учащагося не требовались удовлетворительныя познанія въ этихъ языкахъ, если только по остальнымъ предметамъ его познанія удовлетворяли поставленнымъ требованіямъ. Ученики это знали и потому къ изученію новыхъ языковъ относились, вообще говоря, небрежно. Вторая—заключалась въ самыхъ преподавателяхъ, плохо владѣвшихъ русскимъ языкомъ, неумѣвшихъ надлежащимъ образомъ разъяснить ученикамъ грамматическихъ правилъ и мало заботившихся о выработкѣ лучшаго метода преподаванія; такъ, между прочимъ, они заставляли учениковъ, мало или даже совсѣмъ не понимающихъ языка, учить наизусть цѣлыя страницы изъ грамматики французской или нѣмецкой, изъ чего, разумѣется, не выходило никакого толка. Правда, учитель Сигизмундъ написалъ грамматику нѣмецкаго языка для русскихъ, которая освобождала учащагося отъ необходимости изучать правила нѣмецкаго языка по-нѣмецки; но по обширности и трудности изложенія она едва-ли была до-

ступною для пониманія. Мы говоримъ такъ на основаніи собственнаго знакомства съ нею и потому, быть можетъ, ошибаемся; но на насъ она произвела впечатлѣніе чего-то необыкновенно тяжелаго и неудобопонятнаго.

Въ заключеніе намъ остается коснуться вопроса объ учебникахъ. Въ этомъ отношеніи ученики 2-й гимназіи въ разсматриваемый періодъ испытывали тѣ-же затрудненія, что и въ предъидущее время, несмотря на то, что по нѣкоторымъ предметамъ вошли въ употребленіе руководства, безспорно лучшія противъ прежнихъ. Такъ, напр., вмѣсто всеобщей и русской исторіи Кайданова приняты были за руководство—всеобщая исторія *Смарагдова*, и русская—*Устрялова*; вмѣсто географіи Зябловскаго географія *Ободовскаго*; вмѣсто теоріи словесности Коніанскаго руководство *Зеленецкаго* и др.; но учащіеся вообще выиграли отъ этой перемѣны немного, потому что большая часть новыхъ руководствъ были столь-же трудны для изученія, какъ и прежнія. Трудность состояла, главнымъ образомъ, въ необыкновенномъ обиліи фактическаго матеріала и мелочей, усвоить которыя, не взирая на всю невозможность, считалось обязательнымъ. Сколько намъ извѣстно, нѣкоторые учителя старались облегчить въ этомъ отношеніи учащихся, въ особенности Шульгинъ, издававшій свои собственныя записки по исторіи, но во 1-хъ, такіе случаи были весьма рѣдки, а во 2-хъ, отступать отъ признанныхъ департаментовъ Министерства руководствъ было очень рисковано, такъ какъ окружное начальство противилось преподаванію по запискамъ, имѣя, конечно, на то свои, для всякаго понятныя, основанія. Циркуляромъ отъ 31 августа 1843 года попечитель округа предлагаетъ директору 2-й гимназіи, «строго наблюдать, чтобы учителя въ изложеніи преподаваемыхъ ими наукъ отнюдь не отступали отъ принятыхъ руководствъ и дозволять имъ давать ученикамъ свои записки только въ такомъ случаѣ, когда въ руководствѣ нѣтъ какого-либо отвѣта на вопросъ, заключающійся въ утвержденной мною программѣ». Такія распоряженія появлялись и потомъ неоднократно.

Что касается до нравственнаго состоянія 2-й гимназіи за періодъ времени отъ 1840 до 1856 года, то если судить о немъ по количеству наказаній (карцеромъ и розгами), то наименѣе удовлетворительнымъ оно окажется въ промежутокъ времени отъ 1840 по 1844 годъ включительно и отъ 1851 по 1853 годъ, т. е. во время инспекторства Іеропеса, Корейши и Гренкова. Въ это время число наказаній постоянно превышаетъ 50% общаго числа учениковъ. Такъ напр., въ 1840 г. на 357 учениковъ наказаній было 206, въ 1841 г. на 417 учениковъ 239 наказаній и т. д.; но самая большая цыфра наказаній падаетъ на 1842-й годъ, когда на 289 учениковъ наказанныхъ было 163, а наказаній—268, и на 1852-й годъ, когда на 565 учениковъ наказанныхъ карцеромъ было 503 уч., а розгами—198, самихъ-же наказаній, благодаря тому, что нѣкоторые ученики были наказаны нѣсколько разъ, въ этомъ году было 747. Съ 1845-го до 1850 года цыфра наказаній падаетъ, благодаря инспекторамъ: Траутфеттеру и, въ особенности, отличившемуся добродушіемъ Науменку, и съ 1854 года, когда инспекторомъ былъ Монаховъ.

Высшая мѣра наказанія карцеромъ состояла въ заключеніи на хлѣбъ и воду отъ 3-хъ сутокъ до 7-ми дней назначалась, главнымъ образомъ, за игру въ карты, продолжительную самовольную отлучку изъ общихъ квартиръ, за бродяжничество по ночамъ, за крупную дерзость учителю или инспектору и нѣк. друг. проступки. Найбольшее количество ударовъ розгами не переходило за 30 (при Науменкѣ обыкновенно давали отъ 3-хъ до 5-ти розогъ).

Разсматривая ученическіе проступки того времени по ихъ характеру, находимъ, что, не считая обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей, наибольше количество ихъ приходится на манкированіе уроками, бѣгство, изъ класса во время уроковъ (иногда въ окно), просрочка отпуска, самовольный, иногда весьма продолжительный (въ теченіе 3-хъ дней), отпускъ изъ общихъ и частныхъ квартиръ, неповиновеніе, грубость и дерзость по отношенію къ надзирателямъ, учителямъ, инспектору и даже директору. Изрѣдка попадаются даже такіе проступки, какъ оскорбленіе чести женщины,

развратъ, оскорбленіе дѣйствіемъ служителей, городовыхъ, семинаристовъ и учителей, буйство въ общихъ квартирахъ, обманъ, подлогъ, воровство, порча чужой собственности, картежная игра, уходъ изъ-подъ ареста, бѣгство изъ города, нехожденіе въ церковь и неприличное поведеніе (напр. драка) во время молитвъ какъ въ квартирѣ, такъ и въ церкви.

При разсмотрѣніи семидневныхъ донесеній мы замѣтили нѣсколько характерныхъ особенностей, которыя стоятъ того, чтобы помѣстить ихъ на страницахъ предлагаемаго труда потому, что онѣ отлично рисуютъ предъ нами цѣлесообразность тогдашней дисциплины. Первое, что намъ бросилось въ глаза, это—*упорство, иногда заматорѣлость въ проступкѣ;* ученика наказываютъ напр. за бѣгство изъ гимназіи или изъ общей квартиры, или за обманъ, и онъ по нѣсколько разъ попадается въ томъ самомъ проступкѣ, за который наказанъ. Во 2-хъ за нѣсколькими учениками намъ удалось прослѣдить другую особенность, а именно: *одинъ проступокъ замѣняется другимъ crescendo*; такъ напр., ученикъ, наказанный сначала за простую шалость и лѣнь, наказывается въ слѣдующій разъ за безпорядокъ (въ классѣ или на квартирѣ) и упорную лѣнь, потомъ за манкированіе уроками, бѣгство изъ гимназіи, бродяжничество, за пороки чувственности, и все это завершается дерзостью и даже буйствомъ, подъ которымъ нужно разумѣть вооруженное сопротивленіе начальству. Наконецъ, нельзя было не подмѣтить и того факта, что довольно часто совершались въ это время проступки, стоящіе на рубежѣ съ преступленіемъ. Для того, чтобъ наши замѣчанія не казались голословными, заставимъ говорить факты, придерживаясь ихъ хронологическаго порядка.

Вотъ что доносилъ директору заступившій мѣсто Зимовскаго инспекторъ Іеропесъ объ ученикѣ 5-го класса М—мъ: «М—ій за шалости, производимыя предъ классомъ и во время оныхъ, былъ призываемъ мною въ инспекторскую комнату, но, несмотря на трехкратное приказаніе, ослушался и, по окончаніи уроковъ, ушелъ домой. На другой день онъ не пришелъ въ классъ, и посему мною былъ посланъ надзиратель, чтобы узнать о причинѣ

его небытности, и на вопросъ онаго М—ій дерзко отвѣчалъ, что онъ боленъ. Послѣ доклада надзирателя я поручилъ врачу гимназіи..... освидѣтельствовать, дѣйствительно-ли М—ій боленъ; на сіе врачъ донесъ, что онъ совершенно здоровъ. Послѣ сего я немедленно донесъ директору, который, зная о его прежнихъ шалостяхъ и дерзостяхъ противъ учителей и, что онъ за сіе неоднократно былъ подвергаемъ наказанію, приказалъ мнѣ объявить содержателю М—го и ему самому, чтобъ онъ подалъ прошеніе объ увольненіи изъ гимназіи, ибо въ противномъ случаѣ онъ будетъ исключенъ законнымъ порядкомъ. Посему, немедленно призвавши содержателя, я объявилъ таковую волю директора, а также и М—у чрезъ надзирателя; но онъ, отправившись въ домовой отпускъ, и по сіе время не только не воспользовался снисходительностью училищнаго начальства, но.... еще болѣе и болѣе высказываетъ свое дурное поведеніе. Доказательствомъ тому служитъ послѣдній его поступокъ: 9-го сего мѣсяца въ 6 ч. по полудни я встрѣтилъ М—го, ѣдущаго на дрожкахъ, разстегнутаго и развалившагося и, несмотря на то, что я остановился и пристально на него смотрѣлъ, онъ даже не удостоилъ меня поклономъ, смотря на меня съ насмѣшливою улыбкою; на другой день я узналъ изъ рапорта надзирателя, что того-же числа и онъ встрѣтилъ его въ такомъ же видѣ. Что упомянутый М—ій есть дерзкій ослушникъ, и что не исполняетъ ученическихъ обязанностей, свидѣтельствуютъ отзывы гг. учителей, рапорты надзирателей и собственныя мои замѣчанія. Кромѣ того о дурномъ его поведеніи мнѣ отзывались содержатель М—го, родной братъ ученика 5-го класса Р— го и опекунъ его Р., которые мнѣ говорили, что ученикъ Р. былъ добрыхъ нравовъ и качествъ, но испорченъ М—мъ, съ которымъ онъ имѣлъ тѣсное знакомство и частныя сношенія. Однимъ словомъ, въ мою кратковременную бытность во 2-й гимназіи я въ М—мъ не замѣтилъ ничего хорошаго, кромѣ дерзкихъ поступковъ, ослушанія начальства, неаккуратнаго посѣщенія классовъ, дурного исполненія ученическихъ обязанностей и слабыхъ успѣховъ въ наукахъ, и что поведеніе его служитъ весьма дурнымъ примѣромъ для прочихъ учениковъ Кіевской 2-й гимназіи

и приноситъ вредъ нашему заведенію». По тогдашнимъ правиламъ такого ученика слѣдовало немедленно исключить изъ гимназіи, но вслѣдствіе заступничества почетнаго попечителя, онъ не былъ ни исключенъ, ни подвергнутъ, какъ того добивался инспекторъ, тѣлесному наказанію, а только посаженъ на двое сутокъ въ карцеръ.

Въ томъ же (1839) году ученикъ 4-го класса В., неоднократно наказанный за разные проступки, подстрѣлилъ кантониста Кіевскаго военнаго госпиталя и, какъ оказалось, вмѣсто гимназіи посѣщалъ непотребныя мѣста. Ученикъ 4-го класса Ф. позволялъ себѣ въ классѣ при всѣхъ ученикахъ передразнивать учителя, часто не ночевалъ дома, гдѣ-то бродяжничая, и не разъ попадался въ куреніи табаку. Въ 1840 г. Совѣтъ слушалъ донесеніе инспектора объ ученикахъ, квартировавшихъ у какой-то Кедровой, которые, швыряя камнями, совсѣмъ испортили шляпку, которую несла дѣвица Ясенская. Въ томъ-же году инспекторъ докладывалъ Совѣту объ ученикѣ 4-го кл. Р—мъ, занимавшимся воровствомъ. Ученикъ 2-го класса Л. ушелъ изъ Кіева и куда-то скрылся. Въ томъ-же году возникло дѣло по жалобѣ нѣкоей Блоцкой на ученика Д., за нанесенные ей побои. Отъ 1841 г. осталось дѣло, показывающее, что ученики общихъ квартиръ вели себя столь неблагопристойно, что вынуждали мирныхъ жителей Кіева подавать формальныя жалобы начальству. Такова жалоба капитана Барановскаго, который говоритъ, что ученики общихъ квартиръ не даютъ прохода людямъ, осыпая ихъ позорными словами. Въ томъ же году поступила жалоба на ученика 5-го класса К—ли, который, въ бытность свою въ царскомъ саду, напалъ на прогуливавшуюся жену студента Харьковскаго университета Пузину, сорвалъ съ нея платокъ и избилъ ее. Слѣдствіе по этому дѣлу длилось довольно долго и прекращено вслѣдствіе примиренія сторонъ, при посредствѣ отца этого ученика. За 1842-й годъ мы имѣемъ донесенія слѣд. содержанія: 1) Ученикъ 2-го класса С—ій, 12 лѣтъ отъ роду, послѣ утреннихъ уроковъ, отправляясь на обѣдъ домой, зашелъ въ одну изъ лавокъ на Крещатицкомъ базарѣ и похитилъ въ оной 50 р. ас. и, бывъ пойманъ, отправ-

ленъ въ Старокіевскую часть. 2) Ученикъ 4-го класса Г—нъ, несмотря на неоднократныя запрещенія и взысканія, не перестаетъ заводить къ себѣ въ домъ учениковъ и занимать ихъ трубкою и игрою въ карты на деньги; наконецъ, дошелъ до такой степени, что надзиратель Роговичъ донесъ мнѣ рапортомъ, что онъ находится въ невозможности наблюдать болѣе за его нравственностью. Вслѣдствіе сего я сегодня призвалъ отца его, чтобы въ присутствіи моемъ наказать его розгами; но онъ, схвативъ стулъ, закричалъ: первый, кто осмѣлится подойти, будетъ убитъ и, наговоривъ множество дерзостей, ушелъ. Считая сего закоренѣлаго ученика вреднымъ для другихъ учениковъ гимназіи, не нахожу болѣе средствъ держать его въ повиновеніи. 3) Въ семидневныхъ донесеніяхъ за 1839, 1840, 1841 и 1842 годы намъ часто приходилось встрѣчаться съ героизмомъ братьевъ К—выхъ, фамилія коихъ до сихъ поръ живетъ въ памяти кіевскихъ старожиловъ; одинъ изъ нихъ, наконецъ, вывелъ 2-ю гимназію изъ терпѣнія и она рѣшилась избавиться отъ него. По сохранившемуся свидѣтельству инспектора, онъ, живя въ общихъ квартирахъ, производилъ въ нихъ постоянные безпорядки, а если не то, то совсѣмъ убѣгалъ и въ то время, когда шли уроки, бродилъ по базару, на которомъ продавалъ свои, а можетъ быть и чужія книги и вещи, такъ какъ его подозрѣвали въ воровствѣ. Не разъ его наказывали и розгами и карцеромъ, но ничто не помогало. Послѣдній его проступокъ заключался въ томъ, что онъ сломалъ замокъ и окно въ карцерѣ, куда его посадили, и бѣжалъ. Отъ 1844 года сохранились указанія на слѣд. крупные проступки, героями которыхъ были ученикъ 4-го класса И—скій, 4-го же класса В—ко совмѣстно съ ученикомъ 6-го кл. С—кимъ, ученики 7-го класса Х—кій и П—кій, ученики 5-го кл. К—въ и, наконецъ, ученикъ 3-го класса Б—скій. Относительно перваго изъ этихъ учениковъ нужно замѣтить, что это была натура по истинѣ дикая, учиться онъ не хотѣлъ, но подобно К—ову, уходилъ изъ гимназіи и квартиры, цѣлые дни шатался по городу; приведенный въ гимназію, онъ грубилъ и наносилъ дерзости какъ надзирателямъ, такъ и учителямъ, билъ учениковъ, семинаристовъ и сторожей. За такое поведеніе онъ не

разъ сидѣлъ по нѣсколько дней въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ, а послѣдній разъ его посадили даже на цѣлую недѣлю; но изъ этого ничего не вышло. Въ томъ же году къ директору 2-й гимназіи поступила жалоба еврейки на учениковъ С. и В., что они напали на ея комнату, насильственно стащили съ постели одѣяло и, когда она защищалась, избили ее. Чѣмъ кончилось назначенное по этому дѣлу слѣдствіе, неизвѣстно. Проступокъ ученика 7-го класса П—скаго состоялъ въ томъ, что безъ вѣдома начальства онъ уѣхалъ изъ Кіева въ Винницу и, какъ оказалось впослѣдствіи, опредѣлился въ тамошнюю гимназію. Его-же товарищъ по классу Х—цкій, желавшій также покинуть 2-ю гимназію, былъ менѣе счастливъ. Онъ началъ съ того, что, забравшись на квартиру къ чиновнику Островскому, совсѣмъ пересталъ ходить въ гимназію. За это его подвергли наказанію карцеромъ на хлѣбъ и на воду въ продолженіи 5-ти дней (отъ 30 окт. по 4 ноября). Х—цкій нашелъ способъ уйти на слѣдующій день изъ карцера; его нашли и снова посадили. Тогда онъ рѣшился выломать дверь и опять уйти. Вслѣдъ за симъ онъ составилъ отъ имени отца своего прошеніе объ увольненіи и подалъ его директору. Подозрѣвая подлогъ, директоръ снесся съ отцомъ его и оказалось, что дѣйствительно отцу и въ голову не приходило увольнять своего сына. За такой образъ дѣйствій Педагогическій Совѣтъ присудилъ Х—цкаго къ исключенію. Ученикъ 3-го класса В—скій участвовалъ въ компаніи, составлявшей подложные документы, по которымъ получены были деньги изъ казначействъ: Кіевскаго, Васильковскаго и Липовецкаго. Что касается, наконецъ, ученика 5-го класса К—ва, то, какъ видно изъ годового отчета за 1844-й годъ, его проступокъ заключался въ томъ, что при посредствѣ ученика, у котораго состоялъ репетитортмъ, онъ кромѣ денегъ уворовалъ у капитана Ломтева 4 рубахи и двѣ штуки голландскаго холста, которыя снесъ, по всей вѣроятности, къ своей любовницѣ, потому что изъ дѣлъ оказывается, что онъ прижилъ съ нею ребенка. Въ дѣлахъ 1845 года упоминается только одинъ крупный проступокъ, принадлежащій ученику 5-го класса П—цкому, укравшему у крестьянина Носкова 195 р. с. Въ 1846 году также

одинъ значительный проступокъ записанъ, проступокъ ученика 5-го класса Б—го. Объ этомъ ученикѣ инспекторъ Трауфеттеръ доносилъ слѣд. образомъ директору: «27-го минувшаго января я приказалъ вторично всѣмъ ученикамъ гимназіи, чтобы у всѣхъ до понедѣльника были острижены волосы на головѣ; въ этотъ день я началъ осматривать первые классы, дабы тѣмъ напомнить ученикамъ высшихъ классовъ и дать имъ болѣе времени исполнить мое приказаніе. 4-го сего февраля послѣ обѣда я осматривалъ учениковъ 5-го класса и нашелъ нѣсколькихъ между ними неостриженными, приказалъ имъ выйти изъ партіи и стать на колѣни, тогда ученикъ Б—скій отвѣчалъ мнѣ съ грубостью, что онъ не слышалъ моего по сему предмету приказанія по небытности въ классѣ; но, какъ объявляя приказаніе о стрижкѣ волосъ, я самъ дѣлалъ перекличку учениковъ по списку въ 5-мъ классѣ и Б—скій былъ на лицо и слышалъ оное, то я не могъ принять въ уваженіе неумѣстнаго его отзыва и вторично приказалъ стать на колѣни; на сіе также онъ ослушался до того, что я принужденъ былъ чрезъ служителя понудить его къ исполненію моего приказанія, но и тогда онъ противился до того, что нужно было грозить ему исключеніемъ изъ гимназіи, тогда какъ другіе безпрекословно стали на колѣни; послѣ сего онъ также сталъ на колѣни и когда я говорилъ ему, что онъ будетъ наказанъ, то онъ самовольно всталъ и вышелъ вовсе изъ класса». Проступки, подобные описаннымъ и выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, продолжаютъ проявляться и въ послѣдующіе годы, доходя иногда до грандіозныхъ размѣровъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько изъ нихъ. Ученикъ Ш. уворовалъ дорогіе часы; ученикъ П. стянулъ у своего отца 20 р. с. и пистолетъ и дизертировалъ въ Житомиръ; ученикъ Г. судился за сосну, которую срубилъ въ Гладковскихъ лѣсахъ; ученикъ К. бросился съ ножомъ на сторожа, которому приказано было высѣчь его, и едва не нанесъ ему раны; ученикъ П—скій былъ удаленъ за систематическое воровство. Въ 1853—54 году дошло до того, что одинъ изъ учениковъ, по фамиліи Ш., сталъ являться въ гимназію съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и, однажды въ присутствіи цѣлаго класса, бросился на учи-

теля Гааза и избилъ его. Проступками самаго возмутительнаго свойства особенно обильно начало 50-хъ годовъ, таково по крайней мѣрѣ свидѣтельство семидневныхъ донесеній.

Какъ ни безотрадны явленія, подобныя описаннымъ, но когда подумаешь, что ученики, отличавшіеся необузданностью природы и чаще другихъ подвергавшіеся наказанію, въ глазахъ своихъ товарищей слыли за богатырей, что предъ ними другіе ученики благоговѣли, имъ повиновались, иногда болѣе, чѣмъ училищному начальству, то на душѣ становится еще тяжелѣе, еще больнѣе. О такихъ ученикахъ слагались легенды и имена ихъ передавались потомству. Нѣкоторыхъ изъ нихъ кіевскіе старожилы помнятъ до сихъ поръ; они помнятъ, какъ такіе герои формировали вокругъ себя разбойничія шайки, предводительствуя коими, открывали кровавый бой съ бурсаками и семинаристами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь прекрасныя Владимірская и Фундуклеевская улицы, и гдѣ прежде были валы и овраги. Помнятъ они, какъ этихъ героевъ потомъ сѣкли и какъ на экзекуцію они шли, все равно что на веселый пиръ.

Среди учившихся въ тѣ времена намъ попался типъ ученика 2-й гимназіи въ высшей степени оригинальный, который не можетъ быть подведенъ ни подъ одну категорію тогдашнихъ учениковъ. Это—ученикъ 5-го класса Х—скій; онъ имѣлъ отъ роду 25 лѣтъ и отличался тѣмъ, что велъ вполнѣ независимую жизнь полноправнаго гражданина. Изъ дѣла, возбужденнаго объ немъ инспекторомъ казенныхъ училищъ, открывается: что за пять лѣтъ предъ тѣмъ онъ вышелъ изъ 5-го класса для того, чтобъ поступить въ военную службу, въ которой и состоялъ все это время. Желая продолжать прерванное образованіе, онъ вышелъ въ отставку и согласно прошенію былъ принятъ въ тотъ самый классъ, въ которомъ числился до поступленія на государственную службу. Не считая себя связаннымъ никакими гимназическими правилами, онъ нанялъ себѣ самостоятельную квартиру, принималъ къ себѣ гостей, угощалъ ихъ водкой и трубкой, при чемъ и себя не забывалъ, а такъ какъ у него средства къ жизни были недостаточныя, то онъ пріобрѣлъ себѣ дрожки и лошадь и посылалъ своего

кучера на биржу для заработковъ. По его собственному показанію, онъ иногда самъ садился на козлы, когда кучеръ оказывался пьянымъ.

Заключимъ нашъ очеркъ 15-ти лѣтней жизни 2-й гимназіи словами Пирогова, произнесенными съ цѣлью уяснить отношенія, сложившіяся между учащеюся молодежью и ея руководителями въ разсмотрѣнный нами промежутокъ времени: «Всѣ, знакомые съ краемъ и любящіе правду, вѣрно согласятся въ томъ, что, вмѣсто патріархальности, отеческой заботы, братской любви и т. п., произволъ непосредственныхъ начальниковъ отразился какъ на ученикахъ здѣшнихъ гимназій, такъ и на учителяхъ. Органическая связь между учениками и учителями была уже давно нарушена. Между ними стояли начальники заведеній. Чувство законности было сильно потрясено произволомъ. Недовѣріе къ справедливости гимназическаго начальства глубоко вкралось въ убѣжденіе учениковъ.... Въ руководствѣ учителямъ 1-го и 2-го разряда Россійской имперіи 1794 т. запрещались: 1) всѣ тѣлесныя наказанія и 2) всѣ посрамляющія и честь трогающія униженія, какъ то— ослиныя уши, названіе скотины и т. п. Однакоже эти запрещенія не помогли» и потому, прибавимъ отъ себя, получились тѣ неутѣшительные результаты, которые только что приведены нами.

До чего ученикамъ 2-й гимназіи были чужды въ это время уваженіе къ справедливости и чувство законности, обнаружилось довольно выразительно въ учрежденномъ Пироговымъ совѣстномъ судѣ товарищей, а какъ они привыкли уважать старшихъ,—попытка обратить литературныя бесѣды въ арену борьбы съ начальствомъ за тѣ запрещенія, которыми оно обуздывало ихъ дурныя наклонности. Въ своихъ замѣчаніяхъ на таблицу о проступкахъ и наказаніяхъ, которую Пироговъ издалъ въ руководство учащимъ и учащимся, тогдашній инспекторъ 2-й гимназіи Чалый, хотя и соглашается съ тѣмъ, что «совѣстный судъ товарищей оказался вообще весьма полезенъ на дѣлѣ въ томъ отношеніи, что способствовалъ образованію между учащимися общественнаго мнѣнія,.... но не всегда, говоритъ, можно положиться на самый судъ выборныхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имъ

судить обиды и оскорбленія между учениками высшаго класса и низшаго». Если иногда случалось, что «ученики цѣлымъ классомъ выдавали своего товарища, сдѣлавшаго предосудительный проступокъ, оскорбительный для чести класса» и облегчали инспектора въ дѣлѣ розысканія виновнаго, не прибѣгая къ тайнымъ допросамъ; если «боязнь общественнаго приговора заставляла сознаться самого виновнаго въ такихъ проступкахъ, которые при другомъ направленіи могли надолго оставаться извѣстными однимъ его товарищамъ», то бывали факты и такіе, которые обличали презрѣніе къ законности и склонность къ произволу. «У насъ въ гимназіи, говоритъ Чалый, было два такихъ случая и оба не обошлись безъ моего участія. 1-й случай: ученики 7-го класса общей квартиры вытолкали изъ комнаты для занятій ученика 5-го класса за то, что тотъ не хотѣлъ идти спать въ положенное время и безъ позволенія инспектора сидѣлъ до 10 часовъ, каковымъ правомъ пользуются одни ученики 7-го класса; при этомъ ученикъ 7-го класса Ж—скій ударилъ по головѣ ученика 5-го класса Д—ича и назвалъ его товарищей, тутъ-же бывшихъ, дураками. Вслѣдствіе этого Д—ичъ, встрѣтившись съ Ж—скимъ на корридорѣ во время уроковъ, ударилъ его въ лицо. Ученики 7-го класса хотѣли, дождавшись перемѣны, расправиться съ Д—чемъ, но были во время остановлены. Наряженъ былъ судъ. Послѣ уроковъ я собралъ выборныхъ въ одинъ классъ и оставилъ ихъ. Судили они отъ половины 2-го до половины 5-го, не обѣдая, и ничѣмъ не рѣшили: 7-й классъ не хотѣлъ подчиняться приговору выборныхъ другихъ классовъ. Я долженъ былъ высказать имъ свое мнѣніе, съ которымъ всѣ судьи согласились. 2-й случай былъ такой: ученикъ 6-го класса ударилъ ученика 5-го класса, еврея К—ка. Судьи, руководствуясь не общею идеею права, а единственно общимъ положеніемъ еврея въ обществѣ христіанъ, присудили строгій арестъ не обидчику, а обиженному, какъ онъ-де смѣлъ обругать христіанина. И тутъ это дѣло не обошлось безъ моего содѣйствія».

Оставляя въ сторонѣ все остальное, въ разсказѣ Чалаго отмѣтимъ одно лишь крайне прискорбное явленіе въ прошлой

жизни 2-й гимназіи; это—самая разнообразная интоллерантность—и по классамъ, и по вѣроисповѣданіямъ, и по національностямъ. Понятно, что при строѣ, основанномъ такомъ фундаментѣ, не могло привиться учрежденіе, подобное совѣстному суду.

Литературныя бесѣды, устроенныя по мысли Пирогова для учениковъ 1-й и 2-й Кіевскихъ гимназій, имѣли цѣлью поощрить ихъ самостоятельный трудъ и вызвать въ нихъ научное соревнованіе. На первыхъ порахъ онѣ шли довольно успѣшно: учениковъ занимала новинка; но потомъ онѣ уклонились отъ прямой цѣли и стали превращаться въ безпорядочныя препирательства о совершенно безполезныхъ матеріяхъ, въ родѣ напр. того, почему гимназическое начальство запрещаетъ куреніе табаку, когда оно очень нужно и т. п. Бесѣды оказались непригодными еще и потому, что вмѣсто благороднаго соревнованія въ области труда и знанія въ ученикахъ двухъ гимназій поселили враждебное чувство обоюднаго антагонизма, источникъ котораго, кажется, скрывался въ количественномъ преобладаніи работъ учениковъ 2-й гимназіи.

Попечитель Округа собиралъ у гимназій мнѣнія о томъ, какъ въ будущемъ устроить такъ, чтобы бесѣды эти достигали своей цѣли. Педагогическій Совѣтъ 2-й гимназіи, повидимому, отстаивалъ бесѣды и доказывалъ, что: 1) если ученики съ каждымъ годомъ представляли менѣе сочиненій, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что «самодѣятельность, предоставленная самой себѣ, не находила въ возрастѣ учащихся достаточной опоры и потому нуждается въ опекѣ. Если самодѣятельность учениковъ въ первые два года, когда они представляли много сочиненій на бесѣды, была достаточна, то на третій годъ она не могла потеряться, а вѣроятнѣе можно заключить, что она ослабѣла вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ. Поэтому нужно устранить эти причины, а не прибѣгать къ опекѣ для возбужденія самодѣятельности, къ которой можно пріохотить учениковъ, но не принудить. 2) Хотя соединеніе учениковъ обѣихъ гимназій на бесѣдахъ, быть можетъ, не достигло цѣли развитія одного только дружественнаго соревнованія, но за то оно сглаживало односторонность ученическихъ понятій о разныхъ научныхъ предметахъ и различныхъ писателяхъ, вело ихъ къ разви-

тію полноты взглядовъ между бесѣдовавшими и потому, имѣя слѣдствіемъ уясненіе истины, ослабляло предразсудки учениковъ двухъ гимназій другъ о другѣ, слѣд., приводило къ духовному сближенію ихъ, а не къ разъединенію. Соединеніе гимназій даже возбуждало соревнованіе, такъ какъ были рецензіи воспитанниковъ одной гимназіи на сочиненія другой; оттого какъ сочиненія, такъ и рецензіи при конкуренціи, возбуждали въ авторахъ ихъ болѣе эрудиціи и солидности. Если же и проявлялись иногда вспышки антагонизма двухъ гимназій, то онѣ умѣряемы были руководителями бесѣдъ. 3) Если на бесѣдахъ и случались проявленія «своеволія рѣчи», то.... справедливость требуетъ устранять ихъ, особенно въ педагогическихъ учрежденіяхъ, какими были литературныя бесѣды, а не уничтожать чрезъ нихъ самыя учрежденія. 4) Выборъ темъ на сочиненія для бесѣды дѣланъ былъ иногда учениками дѣйствительно неудачно: но въ этомъ должно винить не учениковъ, а учителей, одобрявшихъ темы и цензуровавшихъ самыя сочиненія и нерѣдко уступавшихъ претензіямъ молодыхъ людей, желая заохотить ихъ къ самостоятельному труду и, сообразуясь съ принципомъ свободы, положеннымъ въ основаніи бесѣдъ ихъ учредителемъ». Впрочемъ со времени рѣчи Пирогова, произнесенной имъ на бесѣдѣ, бывшей во 2-й гимназіи 17 февраля 1860 года, съ большею разборчивостью одобряемъ былъ выборъ темъ, дѣлаемый воспитанниками, а послѣ неоднократнаго признанія на диспутахъ бывшимъ Попечителемъ авторитета наставниковъ, сталъ исчезать и полемическій характеръ какъ въ изустныхъ преніяхъ, такъ и въ письменныхъ отзывахъ учителей объ ученическихъ сочиненіяхъ. Что же касается окончательныхъ четырехъ предположеній предписанія Попечителя, то Совѣтъ 2-й гимназіи особенно расходится съ первымъ пунктомъ, по которому предполагается обратить литературныя бесѣды въ классныя упражненія русскаго языка. По его мнѣнію, низвести добровольныя занятія учениковъ на бесѣдахъ на степень обязательныхъ классныхъ упражненій равносильно совершенному уничтоженію литературныхъ бесѣдъ, ибо предлагаемый предписаніемъ способъ разбора учителя словесности ученическихъ сочиненій въ классахъ

всегда существовалъ въ гимназіяхъ. Бесѣды учреждены какъ дополненіе къ обязательнымъ упражненіямъ въ языкѣ и словесности, такъ называемымъ сочиненіямъ, не дававшимъ, какъ замѣчено на опытѣ, развитія самодѣятельности учащихся, съ цѣлью дать просторъ, свободу развиться этой самодѣятельности въ ученикахъ послѣднихъ двухъ классовъ.... Обращеніе бесѣдъ въ обязательныя занятія на урокахъ словесности, или, что то же, уничтоженіе ихъ остановитъ развитіе учащихся въ гимназіяхъ и лишитъ чрезъ то университеты слушателей съ сколько-нибудь самостоятельнымъ умомъ. Главною причиною всѣхъ недостатковъ литературныхъ бесѣдъ было ложное пониманіе учениками цѣли и назначенія бесѣдъ, на которыя они смотрѣли, какъ на какія-то ученыя собранія, ожидающія отъ нихъ новыхъ научныхъ взглядовъ, идей и открытій. Чтобы оградить учениковъ отъ такихъ претензій, ввести бесѣды, соотвѣтственныя нравственнымъ силамъ молодыхъ людей, воспитывающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, нужно положить въ основаніе будущихъ ученическихъ бесѣдъ третій пунктъ предложенія Попечителя, т. е. темы для сочиненій избирать Совѣтамъ гимназій, которымъ извѣстны средства и силы ихъ учениковъ. Внѣшнею причиною неуспѣшности бесѣдъ въ послѣдніе годы было, во 1-хъ, то обстоятельство, что при началѣ ихъ по счастливому стеченію нѣсколькихъ способныхъ молодыхъ людей въ обѣихъ гимназіяхъ представлено было много дѣльныхъ сочиненій, которыя стѣсняли самостоятельную дѣятельность менѣе способныхъ учениковъ, и, во 2-хъ, строгость суда какъ воспитанниковъ, такъ и преподавателей другой гимназіи. Поэтому Совѣтъ Кіевской 2-й гимназіи считаетъ не безполезнымъ, чтобы литературныя бесѣды въ каждой гимназіи происходили отдѣльно».

Давая такой отзывъ о литературныхъ бесѣдахъ и настаивая на ихъ продолженіи, Педагогическій Совѣтъ 2-й гимназіи очевидно былъ подкупленъ силами тѣхъ ея воспитанниковъ, «которые фигурировали на бесѣдахъ и, подобно живой картинѣ, доказывали умственное превосходство 2-й гимназіи предъ 1-ю, если не по качеству, то по крайней мѣрѣ по количеству представлен-

ныхъ сочиненій». Въ $185^{8}/_{9}$ году изъ учениковъ 2-й гимназіи на этихъ бесѣдахъ отличались: ученики 7 класса: *Дикій*, писавшій о Шекспирѣ, *Бутовичъ*, написавшій разсужденіе о Николаѣ Ивановичѣ Новиковѣ и представившій рецензію на сочиненіе одного изъ учениковъ 1-й гимназіи «Объ Іоаннѣ Грозномъ», *Карташевъ*, разсуждавшій о литературныхъ бесѣдахъ и о темахъ, выбираемыхъ для нихъ, *Лапченко*—«О необходимости образованія въ крестьянскомъ и купеческомъ сословіяхъ» и *Сокруха*, написавшій «Очеркъ исторіи русскаго театра до императрицы Екатерины II-й»: ученики 6-го класса: *Цвѣтковскій*—«Объ искусствѣ вообще и поэзіи въ особенности» и представившій критику на сочиненіе ученика 1-й гимназіи на тему: «Онъ получилъ прекрасное воспитаніе», и *Германъ*, читавшій «Краткое замѣчаніе объ обязанностяхъ критика». Въ $185^{9}/_{60}$ году для бесѣдъ трудились слѣд. ученики: 7 класса—*Нейманъ*, написавшій два сочиненія; 1) «О заслугахъ Казимира Великаго» и 2) «О присоединеніи Литвы къ Польшѣ», и разобравшій сочиненіе своего товарища *Росцишевскаго* подъ заглавіемъ «Литва до введенія въ нее христіанства», *Левандовскій*, переведшій изъ Густ. Планша «О критикѣ французской», *Недзѣльскій*, сочиненіе котораго носитъ заглавіе «Бытъ русскихъ царей»; онъ, кромѣ того, критиковалъ произведеніе ученика 6-го класса *Липпомана*, писавшаго на тему «Степь и море, верблюдъ и корабль», и *Лясковскій*, критиковавшій сочиненіе ученика 6-го кл. *Выговскаго* «О важности пріобрѣтенія рѣки Амура»; 6-го класса: кромѣ Выговскаго и Липпомана читали свои произведенія—*Булюбашъ* о томъ, что «Все на свѣтѣ проходитъ», *Забунинъ* 2-й «Объ открытіи Америки Колумбомъ» и *Андріевскій*, который представилъ критику на сочиненіе Росцишевскаго, Липпомана и одного ученика 1-й гимназіи, писавшаго «О крестовомъ походѣ Людовика IX святаго».

Не смотря на горячее отстаиваніе литературныхъ бесѣдъ со стороны 2-й гимназіи, онѣ, какъ извѣстно, приняли другой характеръ, ибо преобразились въ классныя упражненія.

Хотя изображаемыя явленія взяты изъ послѣдняго періода жизни 2-й гимназіи, который начинается со вступленія на пре-

столъ Императора Александра II и по его завѣтнымъ идеямъ продолжается Пироговымъ, но мы относимъ ихъ къ предъидущему, потому что на нихъ покоится знаменіе предъидущаго. Какъ извѣстно, новыя начала прививаются не вдругъ; нуженъ извѣстный срокъ для расчистки почвы и для подготовки способныхъ дѣятелей. Хотя ко времени назначенія Пирогова на постъ Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа во 2-ю гимназію уже вошло нѣсколько лицъ съ новыми и лучшими задатками ума, съ большею широтою взгляда на воспитаніе (Чалый, Ѳеодоровъ, Омельяненко, Сербуловъ, Хильчевскій), но въ большинствѣ еще преобладали старыя понятія, старыя привычки, побороть которыя было не легко. Въ то время какъ люди новаго вѣянія отдавали преимущество воспитательному элементу, основанному на вѣрѣ въ силу убѣжденія, люди прежняго закала отстаивали права административной педагогики, отправлявшейся на страхѣ тѣлеснаго наказанія; тогда какъ первые утверждали, что въ дѣлѣ гимназическаго образованія всѣ усилія должны быть обращены на развитіе въ учащихся мыслительныхъ способностей, вторые—хлопотали о дрессировкѣ, посредствомъ механическаго заучиванія уроковъ, памяти, а на развитіе мысли не обращали никакого вниманія. Когда Пироговъ призвалъ къ откровенной и чистосердечной исповѣди, то во 2-й гимназіи перевѣсъ остался за приверженцами старыхъ принциповъ. Во главѣ ихъ стоялъ человѣкъ непоколебимой воли, съ убѣжденіями и взглядами на воспитаніе также не допускавшими никакихъ колебаній—Н. М. Грепковъ, бывшій тогда директоромъ кіевской 2-й гимназіи. Реформаторская дѣятельность Пирогова ни ему, ни его союзникамъ не нравилась и, дѣйствительно, на ихъ сторонѣ была нѣкоторая доля правды: Пироговъ бывалъ иногда опрометчивъ. Опрометчиво, напр., поступилъ онъ, приказавъ по всѣмъ классамъ прочесть таблицу о проступкахъ и наказаніяхъ, таблицу, которая въ числѣ проступковъ заключала такія названія, какъ развратъ, пороки чувственности и др. Въ дѣтяхъ низшихъ классовъ доселѣ незнакомыя и непонятныя слова подстрекали любопытство проникнуть въ таинственный смыслъ ихъ и, разумѣется, находили свѣдущихъ толкователей и комментаторовъ,

благодаря которымъ преждевременно знакомились съ тѣмъ, чего знать имъ еще не слѣдовало. Настроенное на развратный ладъ воображеніе преображалось въ форму сквернословія и онанизма, на слѣды которыхъ наводятъ современныя семидневныя донесенія. Вотъ что по поводу оповѣщенія этой таблицы говоритъ человѣкъ, близкій къ дѣлу: «Первое впечатлѣніе, произведенное на учениковъ прочтенною имъ таблицею, было неодинаково: на учениковъ высшихъ классовъ она подѣйствовала иначе, чѣмъ на учениковъ низшихъ, иное впечатлѣніе она сдѣлала на хорошихъ учениковъ и иное на дурныхъ. Ученики высшихъ классовъ, какъ люди болѣе развитые, сразу поняли значеніе правилъ, съ одной стороны гарантирующихъ ихъ личность отъ произвола властей, а съ другой—узаконяющихъ заслуженное наказаніе въ силу такого-то параграфа. Что же касается учениковъ низшихъ классовъ, то на однихъ—дѣтей скромныхъ и боязливыхъ—эти таблицы навели паническій страхъ; другіе-же—шалуны и лѣнтяи,—знакомые уже съ разнаго рода проступками и наказаніями, ощутили совершенно противоположное чувство: они прежде всего замѣтили, что розги, грозившія имъ прежде, какъ мечъ Дамокла, не только за шалости, но и за лѣность, по новымъ правиламъ употребляются только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ (за воровство и за оскорбленіе лицъ посторонихъ и начальствующихъ). Нѣкоторые же проступки, не свойственные дѣтскому возрасту (развратъ, пороки чувственности, азартная игра и проч.) безъ сомнѣнія должны были произвести на мальчиковъ 11—12 лѣтъ страшное впечатлѣніе и повесть къ разнымъ толкованіямъ и объясненіямъ, оскорбительнымъ для нравственнаго чувства дѣтей, изъ которыхъ не многимъ были извѣстны эти пороки по имени».

Какъ-бы то ни было, только приверженцы стараго порядка вещей въ культурной борьбѣ съ носителями новыхъ идей держались весьма энергически до тѣхъ поръ, пока ихъ противники, подкрѣпленные прибытіемъ новыхъ союзниковъ, не восторжествовали окончательно. Полную побѣду ихъ можно отнести къ началу 1865 года, такъ какъ еще въ декабрѣ 1864 года во время ревизіи 2-й гимназіи, произведенной тогдашнимъ окружнымъ

инспекторомъ Туловымъ, нѣкоторыя изъ прежнихъ явленій продолжали существовать въ ней. Все время, пока эта борьба шла, 2-я гимназія находилась въ переходномъ состояніи: функціонируя сперва въ старомъ направленіи, начиная съ 1859 и оканчивая 1861-мъ годомъ, она идетъ по пути Пироговскихъ реформъ, а съ 1861 года старается освободиться отъ тѣхъ неудобствъ, которыя на практикѣ произвели эти реформы. Несмотря, однакожъ, на переходное состоянія и на тѣ бурныя сцены, которыя 2-я гимназія переживала въ это время и которыя въ своемъ мѣстѣ будутъ описаны, нельзя отказать ей въ томъ, что она сдѣлала большой шагъ какъ въ учебномъ, такъ и съ воспитательномъ отношеніяхъ. Прежде всего она сдѣлала богатое пріобрѣтеніе въ лицѣ новыхъ преподавателей, большая часть которыхъ получила доступъ къ учительскому званію и занятію по конкурсу, который при Пироговѣ и подъ его личнымъ наблюденіемъ былъ дѣломъ не шуточнымъ. Изъ конкурировавшихъ Пироговъ всегда отдавалъ предпочтеніе достойнѣйшимъ и только достойнѣйшимъ предоставлялъ учительское мѣсто. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, если даже такой взыскательный директоръ, какъ Гренковъ, аттестуя преподавательскій составъ 2-й гимназіи, могъ писать: «всѣ учителя по мѣрѣ силъ своихъ и способностей исполняютъ свои обязанности болѣе или менѣе усердно и добросовѣстно. Изъ преподавателей, обратившихъ на себя особенное вниманіе основательнымъ знаніемъ предмета, опытностью, педагогическимъ тактомъ и умѣньемъ передать свѣдѣнія ученикамъ, были слѣд.: законоучители Лебединцевъ и Шатрищкій, учитель географіи Шумовскій, алгебры и физики Сербуловъ, латинскаго языка Звонниковъ и Хильчевскій, исторіи Самчевскій 1-й, географіи и исторіи Самчевскій 2-й, французскаго языка Мальгербъ». Дурно, по его отзыву, шло только преподаваніе французскаго языка у учителя Лабендскаго и нѣмецкаго языка у Іензена. Относительно преподаванія русской словесности Тулубомъ онъ выражается такъ: «ученики мало упражнялись въ сочиненіяхъ; но помочь этому недостатку нѣтъ никакой возможности. Ученики, обремененные уроками, часто отказываются изготовить на срокъ сочиненія, если же и успѣваютъ подать къ

сроку, то учитель не успѣваетъ пересмотрѣть болѣе 200 тетрадей въ мѣсяцъ». Кромѣ преподавателей, которыхъ Гренковъ удостоилъ похвальнаго отзыва, въ то время начинали свою плодотворную дѣятельность: талантливый учитель греческаго языка, замѣнившій Ѳеодорова, А. Д. Юркевичъ, съ рѣдкою преданностью своему дѣлу служившій цѣлыя 25 лѣтъ, учителя математики О. И. Пясецкій и В. И. Ростоцкій и учитель естественныхъ наукъ Худзинскій. По выходѣ Гренкова и Чалаго, мѣсто директора предоставлено В. В. Вилуеву, а инспекторское И. И. Слѣпушкину, изъ коихъ первый извѣстенъ былъ Округу, какъ отличный администраторъ, а второй кромѣ административныхъ способностей самоотверженіемъ въ дѣлѣ служенія интересамъ просвѣщенія.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію Округа, имѣвшаго достойныхъ представителей власти въ лицѣ попечителей—барона Николаи и Ѳ. Ѳ. Витте, Педагогическій Совѣтъ 2-й гимназіи могъ смѣло дѣлать попытки къ улучшеніямъ разнаго рода, а улучшенія требовались въ сферахъ—и въ учебной, и воспитательной. Одно изъ самыхъ важныхъ препятствій, стоявшихъ на пути успѣшнаго хода преподаванія, представляла обширная программа 3-го класса, вслѣдствіе которой почти половина учениковъ оказывалась въ немъ малоуспѣвающею (около 45%). Нужно было подумать объ облегченіи учащихся, и вотъ Совѣтъ 2-й гимназіи дѣлаетъ слѣд. постановленіе: «Принимая во вниманіе, что преподаваніе русской исторіи при одномъ урокѣ въ недѣлю ограничивается только краткимъ и сухимъ изложеніемъ главныхъ фактовъ, обременяющихъ память и легко забываемыхъ,—предметъ этотъ слѣдуетъ преподавать въ видѣ біографическихъ разсказовъ о главнѣйшихъ дѣятеляхъ». (На этомъ и обрывается отрывокъ).

ЖЕРТВЫ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ.

Анатоль Свидницькый. «Люборацьки». Семейна хроника. Кыивъ, 1901 р. VII+326. Цина 65 к., на веленев.—80 к.

«Литературная новинка какого-то начинающаго автора въ украинской литературѣ», подумаетъ почти каждый, кому попадется въ руки этотъ изящно изданный томикъ съ хорошо исполненнымъ портретомъ въ высшей степени симпатичной личности автора въ студенческомъ мундирѣ. Но стоитъ только открыть первую страницу книги, чтобы изъ небольшого предисловія, предпосланнаго покойнымъ уже А. Я. Конисскимъ, убѣдиться въ совершенно противоположномъ: и произведеніе давнее, и авторъ его давно уже сошелъ въ могилу, настолько давно, что въ 1901 г.,—которымъ помѣчено первое изданіе повѣсти въ Россіи, исполнилась тридцатая годовщина смерти его. На судьбѣ этого выдающагося произведенія и его автора со всей силой отразилась судьба всей украинской литературы и общественности, а потому и оно само, и авторъ его заслуживаютъ того, чтобы о нихъ сказать больше, чѣмъ обыкновенно говорится въ библіографической замѣткѣ по поводу появленія новой книги. Въ виду же изданія повѣсти въ тридцатую годовщину со дня смерти автора ея, настоящая замѣтка будетъ, кстати, скромнымъ, хотя и запоздалымъ листкомъ въ вѣнокъ на мало кому извѣстную могилу безвременно угасшаго крупнаго таланта.

Къ сожалѣнію мы располагаемъ лишь самымъ скуднымъ біографическимъ матеріаломъ о личности Свидницкаго, и не можемъ, поэтому, не выразить своего глубокаго сожалѣнія по поводу равнодушнаго отношенія родственниковъ, друзей и современниковъ къ памяти покойнаго писателя, на которыхъ лежитъ обязанность подѣлиться своими воспоминаніями и свѣдѣніями о Свидницкомъ въ интересахъ и общества, и будущихъ біографовъ и историковъ нашей общественности, почему весьма желательно было бы, чтобы наша скромная замѣтка послужила починомъ въ дѣлѣ ознакомленія съ личностью и жизнью талантливаго нашего беллетриста, которыя интересны какъ сами по себѣ, такъ и по причинамъ общаго характера.

А. Свидницкій, сынъ священника Подольской губ., родился 3 іюня 1834 г. въ с. Маньковкѣ, Гайсинскаго у. Уже въ раннемъ дѣтствѣ мальчикъ обнаруживалъ выдающіяся способности: онъ выучился, напримѣръ, грамотѣ почти самостоятельно, слушая только, какъ учили его старшаго брата. На десятомъ году (1843) его опредѣлили въ духовное училище, по окончаніи котораго онъ поступилъ въ 1851 г. въ духовную семинарію въ Каменцѣ, гдѣ все время шелъ первымъ ученикомъ. За годъ до окончанія курса Свидницкій рѣшаетъ бросить семинарію и идти въ университетъ. Безжизненная, сухая семинарская наука, очевидно, не въ состояніи была удовлетворить пытливаго ума талантливаго юноши, да къ тому же—тяжелое матеріальное и нравственное положеніе сельскаго священника не могло сулить благъ въ будущемъ честному и съ широкими запросами ума юношѣ. Отецъ Свидницкаго, мечтавшій уже видѣть своего сына, въ виду его способностей, бакалавромъ академіи, а потомъ и въ архіерейской митрѣ, рѣшительно воспротивился намѣренію юноши вырваться изъ тѣсныхъ, тяжелыхъ, сковывающихъ умъ и сердце рамокъ богословскаго образованія, но сынъ не сдавался, результатомъ чего былъ полный разрывъ отношеній до проклятій включительно. Несмотря на это, въ 1856 г. Свидницкій былъ уже студентомъ Кіевскаго университета.

Поступивъ въ университетъ противъ воли отца, 22 лѣтній, не окрѣпшій ни физически ни нравственно юноша, съ первыхъ же дней студенчества очутился въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Трудность борьбы съ нуждою вынуждаетъ Свидницкаго бросить университетъ въ 1860 г. до окончанія полнаго курса его. Сдавши въ декабрѣ 1860 г. экзаменъ на званіе учителя уѣзднаго училища, Свидницкій получаетъ мѣсто учителя въ Миргородѣ, Полтавской г., но въ 1862 г. бросаетъ учительство, поступаетъ въ Козелецъ по акцизу и женится. Къ сожалѣнію женитьба была не изъ счастливыхъ и повлекла за собою только лишь усиленіе той роковой страсти, отъ которой погибло и гибнетъ такъ много выдающихся талантовъ и силъ въ Россіи,—страсти къ рюмкѣ, начавшейся, безъ сомнѣнія, еще въ бурсѣ и семинаріи. Лѣтомъ 1868 г. Свидницкій теряетъ службу въ акцизѣ, переѣзжаетъ въ Кіевъ, гдѣ терпитъ страшную нужду, и только спустя годъ получаетъ мѣсто въ центральномъ архивѣ при «Археологической Комиссіи» съ окладомъ жалованья въ 514 р. въ годъ. Скудный бюджетъ свой Свидницкій дополняетъ литературнымъ заработкомъ, помѣщая свои разсказы и повѣсти на страницахъ «Кіевлянина» того времени. Тяжесть матеріальной нужды приводитъ больного, страдающаго галлюцинаціями Свидницкаго, къ мысли стать священникомъ. И вотъ лѣтомъ 1870 г. Свидницкій отправляется въ Каменецъ—къ архіерею съ цѣлью получить приходъ, но ему отказываютъ въ просьбѣ, а черезъ годъ, лѣтомъ 1871 г., Свидницкій умираетъ въ томъ возрастѣ, когда, обыкновенно, человѣкъ вступаетъ въ періодъ расцвѣта своихъ силъ.

Такова фактическая сторона недолгой, но многострадальной жизни этого, безспорно, талантливаго писателя. Литературное наслѣдіе, оставшееся послѣ него, правда, не велико, но оно достаточно вполнѣ для того, чтобы въ авторѣ его признать крупную литературную силу, угасшую, прежде, чѣмъ она успѣла разцвѣсти. Кромѣ вышедшей впервые у насъ хроники «Люборацки» (въ Галиціи она появилась около 20 лѣтъ тому назадъ), г. Конисскій насчитываетъ до 14 небольшихъ разсказовъ Свидницкаго, напечатанныхъ имъ между 1869—1871 г.г. въ «Кіевлянинѣ». Изъ

очень краткаго біографическаго очерка, предпосланнаго къ вышедшей хроникѣ покойнымъ Конисскимъ, мы, наконецъ, узнаемъ, что Свидницкій является авторомъ двухъ популярнѣйшихъ пѣсенъ на Украинѣ, а именно: «Вже більше литъ двисти» и «Въ поли доля стояла», успѣвшихъ стать очень распространенными уже ко времени первой встрѣчи Конисскаго съ Свидницкимъ въ 1861 г.

Мы не станемъ утруждать вниманіе читателя подробной передачей содержанія произведенія Свидницкаго и отсылаемъ интересующихся къ самой повѣсти, такъ какъ главный интересъ и, такъ сказать, центръ тяжести ея заключается не въ фабулѣ и не въ судьбѣ выведенныхъ въ ней лицъ, подавляющей читателя чрезмѣрнымъ трагизмомъ развязки, составляющей, къ слову сказать, едва ли не единственное слабое мѣсто въ этой прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ хроникѣ, а совершенно въ другомъ. Интересъ «Люборацькыхъ» заключается въ глубоко задуманной и прекрасно выполненной авторомъ художественной картинѣ, представляющей правдивую, яркую характеристику быта духовенства на Подоліи въ первой половинѣ истекшаго столѣтія въ связи и зависимости съ общими культурно-историческими и соціально-экономическими условіями и факторами жизни; живую и рельефную характеристику постановки образованія и воспитанія въ духовныхъ школахъ «добраго стараго времени», въ этихъ своеобразныхъ разсадникахъ просвѣщенія и фабрикованія служителей церкви и просвѣтителей темной народной массы уже болѣе новой формаціи, явившихся на смѣну прежнимъ пастырямъ, образованіе которыхъ не выходило за предѣлы простой грамотности, и устанавливавшихъ свои отношенія къ народу уже не на прежнихъ основахъ непосредственнаго міровоззрѣнія, а на началахъ, привитыхъ системой бурсацко-семинарскаго образованія и воспитанія. Въ этомъ именно послѣднемъ отношеніи повѣсть Свидницкаго является болѣе всего интересною и цѣнною, поскольку она вѣрно и живо воспроизводитъ картину смѣны старыхъ, отжившихъ формъ жизни и отношеній и возникновенія на развалинахъ ихъ новыхъ. Тотъ или иной ходъ этого вполнѣ естественнаго и исторически-необходимаго процесса зависитъ отъ

цѣлаго ряда тѣсно-связанныхъ и переплетающихся другъ съ другомъ условій и обстоятельствъ. При комбинаціи ихъ, благопріятной естественному ходу процесса, послѣдній проходитъ сравнительно быстро и безболѣзненно и наоборотъ—при комбинаціи неблагопріятной процессъ этотъ въ соціологическомъ организмѣ сопровождается цѣлымъ рядомъ печальныхъ, уродливыхъ и болѣзненныхъ явленій. Изображенію такого именно болѣзненнаго процесса эволюціонирующихъ формъ жизни и уясненію главнѣйшихъ причинъ его, источникъ которыхъ лежитъ въ денаціонализаціи и деморализующемъ вліяніи школы, чуждой истинныхъ общественныхъ интересовъ и задачъ, авторомъ отведено значительное мѣсто въ повѣсти. Вотъ почему повѣсть Свидницкаго сохранила и до настоящаго времени живой интересъ, несмотря на то, что написана она давно.

Авторъ вводитъ насъ въ семью священника с. Солодьокъ, Подольской губерніи, о. Гервасія Люборацькаго, состоящую изъ матушки, трехъ дочерей: Маси, Орыси и Текли и сына Антося.

Батюшка Люборацькій среди своихъ сотоварищей по профессіи не представляетъ собою чего-либо выдающагося. Онъ, какъ и большинство священниковъ первой половины XIX ст., даже не окончилъ курса семинаріи не потому, чтобы не могъ, а потому, что въ этомъ не было необходимости: въ то время можно было, не обременяя своего ума изученіемъ богословско-семинарской премудрости, быть «пастыремъ словеснаго стада», прошедши только у какого-нибудь бакаляра курсъ пѣнія по обиходу, псалтирь и часословъ. Начиная прохожденіе степеней церковнослуженія съ чтенія и пѣнія на клиросѣ еще въ дѣтскіе годы, будущій кандидатъ священства проходилъ постепенно должности пономаря, дьячка, діакона и, наконецъ, къ годамъ тридцати-сорока дѣлался священникомъ. Такимъ образомъ, сама жизнь была школой будущихъ священниковъ того времени, которые и по тѣлу и по духу были дѣтьми своего народа, органически-тѣсно связанными съ нимъ, а потому—понимающими его и понимаемыми имъ.

О. Люборацькій былъ именно такимъ типичнымъ священникомъ. «О. Гервасій,—говоритъ авторъ,—бувъ зъ тыхъ старыхъ

ще панъ-отцивъ, що въ бакаляривъ вчылысь; писля самъ бакалярувавъ, а тамъ помаленьку и до попивства дійшовъ... и выйшовъ панъ-отцемъ простымъ, людянымъ, почувався украинцемъ и держався старосвитчыны, та не знавъ больше свита, що въ викни».

Но хорошо ли это?—спроситъ читатель.—Таковы ли должны быть руководители народа въ его духовной и религіозно-нравственной жизни? Не слѣдуетъ ли радоваться, что подобные наставники народа сдѣлались уже достояніемъ исторіи, и что ихъ мѣста заняли прошедшіе духовную среднюю и высшую школу, образованные люди, стоящіе по своему уму и образованію не на одномъ уровнѣ съ пасомыми, а выше ихъ головой?

Свидницкій, несомнѣнно, предвидя возможность подобныхъ вопросовъ говоритъ: «Дывни дила твоя, Господы! Здается отси вчени та товчени панъ-отци повынни бъ лучче громади подобатысь: и больше чытавъ, и больше вчывся,—хочъ зъ кныжокъ та свитъ повыненъ-бы знаты и себе спизнаты. А пиды-жъ! выйде—наче зъ лиса, и въ дяка вчиться правыты, и въ старосты хазяйнуваты. А въ громаду выйде, що ясне сонце—высоко—высоко; якъ не вклонысь, не догледыть. Все мабуть якысь велыки та высоки думы думають, що й пидъ ногы не дывыться. А що зъ того? Ни за собою, ни передъ собою,—дарма тилькы батькы кошты несуть... На простого чоловика погляне,—то наче ворога въ ёму пизнавъ. Чы така вже наука, чы такый свитъ наставъ?»

Какъ видитъ читатель изъ приведенной нами выдержки, достаточно ярко характеризующей священниковъ новой формаціи и ихъ отношенія къ простому народу, симпатіи автора цѣликомъ на сторонѣ прежнихъ, хотя и необразованныхъ, но близкихъ къ народу «старосвицькихъ батюшекъ». Источникъ этихъ симпатій лежитъ не въ романтическомъ отношеніи къ «старосвитчинѣ» и идеализированіи ея, независимо отъ того, худа или хороша она была, и не въ отрицательномъ отношеніи къ наукѣ вообще, къ которой такъ усиленно стремился самъ Свидницкій, а въ отрицательномъ отношеніи къ строю, духу и направленію духовной школы. Эта школа, не давая ровно ничего или слишкомъ мало для умственнаго развитія своихъ питомцевъ, внося нравственное

разложеніе въ ихъ духовно-моральный обликъ, лишала ихъ и того непосредственнаго достоянія, какимъ они обладали до того момента, когда переступали черезъ порогъ бурсы. Эта школа, не только не дававшая ничего, что важно и необходимо знать каждому образованному человѣку, а даже убивавшая въ самомъ корнѣ способности къ познанію всего, что важно и нужно въ общечеловѣческомъ смыслѣ, менѣе всего, конечно, могла подготовлять своихъ питомцевъ, какъ и теперь она безусловно неспособна этого дѣлать, къ особливо высокому служенію священника, по самому существу своему требующему особенной умственной и нравственной подготовки. Но объ этомъ намъ придется еще говорить далѣе.

Жена о. Гервасія, добрая сердечная, простая, даже совершенно неграмотная женщина, домовитая хозяйка, чадолюбивая мать. Она вся ушла въ заботы по хозяйству, которымъ и исчерпывается кругъ ея жизненныхъ интересовъ. Какъ по своимъ интересамъ, такъ и по умственному развитію, она стояла на одномъ уровнѣ съ сельскими бабами, и была довольна и рада ихъ обществу, такъ же, какъ и онѣ ея; общество иныхъ людей было бы для нея тяжело, и она не знала бы какъ держать себя въ немъ; въ то время какъ темъ для разговоровъ съ «молодычкамы» у нея было безконечное количество: «то дивування згадають, то се, то те, то про лыху долю не наговорятся,—и ще добре якъ скинчать на спивахъ, а то й до плачу не разъ доходыть». Случалось, что матушка и выпьетъ съ собесѣдницами, но—говоритъ авторъ—«се не то, щобъ пани-матка та любыла торкнуты, а такъ соби:—частуючы робитныка та дякуючы, що послухалы». Умѣнье обойтись съ простымъ человѣкомъ, понимать его, видѣть въ немъ такого же человѣка, какъ и ты самъ, ничего кромѣ глубокой симпатіи и любви, не вызывало въ сердцахъ прихожанокъ. «Спасыби вамъ, мамуню! Дай вамъ, Боже, и на рикъ маты, а намъ у васъ робыть диждаты».

Взаимныя отношенія членовъ семьи Люборацькихъ другъ къ другу, родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, отношенія

къ прихожанамъ запечатлѣны чертамы патріархальной простоты и непосредственности, являющимися характерными для описываемой эпохи. Всѣ члены семьи живутъ въ дружномъ согласіи съ установившимися «споконъ вику» нравами, обычаями, взглядами и традиціями, покоящимися на крѣпко стоящихъ основахъ непосредственнаго, полнаго наивной простоты міросозерцанія, къ которому не успѣлъ еще прикоснуться духъ критики и анализа. Для иллюстраціи сказаннаго нами предоставимъ слово самому автору, рукою мастера-художника бросившему нѣсколько штриховъ, ярко характеризующихъ несложную систему міросозерцанія Люборацькихъ.

— Ни вже, що не кажы, а анцыхрыстъ або вже народывся, або скоро народыться!—заговорыла пани-матка.—Де таке выдано, щобъ дивчатъ учылы, якъ хлопцивъ? Ни вже, вже останни часы наблыжаются!

— Дурна ты та нерозумна зъ своимы часамы останнимы! сказавъ панъ-отець.

. . . . . .

— Та пуста ричъ сказаты: дурна, дурень. Ще я—ну, хай и дурна, а що мои татуньо покійни, то дуже розумни булы.

О. Гервасій засміявся.

— Ты сміешся? А ну жъ скажы кому въ пекли буде найгирше?

— Тому, хто найбильше нагришыть.

— А хто жъ найбильше нагришыть?

— Отъ тоби й разъ!.. А почимъ мени знаты?

— Бачъ, не знаешъ. а покійни татуньо той зналы: пипъ найбильше нагришыть!.. А который такъ не служыть, не щыро правыть, а тилькы языкомъ меле, тому языкъ выситеме ажъ до пояса, та такый чорный! И чорты гакамы тягтымуть ёго за языкъ... Онъ-то якъ!.. Э, якъ бы мои татуньо всталы!—додала, кываючы головою.

— То щобъ? то щобъ?—забалакавъ панъ-отець.

— Воны все бъ розтолкувалы, що до чого йде... Отъ я дывлюсь теперъ на свитъ, то наче ихъ речи слухаю. Кажуть

було: монахы жытымуть, якъ мыряне: а мыряне, якъ невира. Хиба жъ теперъ не такъ?—Кажуть було, що якъ зблыжыться страшный судъ, то люде поробляться скнарымы, та гроны любытымуть; одынъ ривъ будуть засуваты, а другый копаты; лисы пообкопують!.. А теперъ хиба не такъ?—Та нихто не бачыть. Женытымуться, кажуть було татуньо, веселытымуться до останнёи годыны; никому и въ голову не прыйде, що ангелъ иде и печати несе; кохатымуться, женыхатымуться и гадкы не матымуть: ослипыть сатана. И блаженъ тилькы той, кого обрящеть бдяща,—закинчыла пани-матка и зложыла рукы до Бога.

Дійшло до смаку панъ-отцеви, винъ и озвався.

— Та й Мартынъ Задека пыше багато. Винъ каже, що Москва взойдеть на высочайшый градусъ; що духовное владеніе прыйдеть во изможденіе, и законы ослабіють. Воно-бъ, бачся, й такъ! Та ще жыдовы чымало на свити зосталось, а въ останни часы воны вси выхрестяться... Отъ що! То я й думаю, що до того ще далеко!

— Безпрестанно молитеся, пышется въ письми святимъ, заговорыла пани-матка,—майтесь на осторожносты, бо не висте ни дня, ни часа, въ огонь же сынъ человѣческый прыидеть...

— Въ якый огонь? То въ «онь же»!—поправывъ панъ-отець.

— Говоры!—озвалась пани-матка.—Хиба ты розумнійшый одъ мого татуня? А воны, покійни, було чытають въ «огонь же».

— Та я тоби книжку покажу.

— Якъ бы я вмила прочытаты, то що иншого... Та й те сказать, що теперешни книжкы перепорчени;—давнихъ, правдывыхъ нема, попереводылы.

— Бачъ, тоби погано, що не вміешъ чытаты, а Масю до наукы не хочешъ весты.

— Вона жъ уже вміе по книжци молытысь, то чогожъ бильше?

— Сёго мало по теперешнёму свити. Отъ послухала бъ йесы Росолинського, то не такъ бы заговорыла.

— А винъ хиба зъ Богомъ говорывъ?

— Та дурна твоя голова жиноча! Хиба якъ зъ Богомъ не говорывъ, то вже й виры ёму не няты?

— А чого жъ ты вирышъ въ ёго, якъ турчынъ въ мисяць? Хиба винъ знае, куды до раю новпростець?

— Этъ! Кому що, а курци просо,—заговорывъ панъ-отець изъ серцемъ, и ажъ сплюнувъ».

Семья эта счастлива по-своему, конечно, какъ могутъ быть счастливы люди средняго достатка, небогатые, но и не терпящіе матеріальной нужды, физически здоровые, живущіе жизнію близкою къ природѣ, съ самымъ минимальнымъ количествомъ умственныхъ запросовъ, удовлетворяемыхъ свѣдѣніями, находящимися въ календарѣ, за которымъ нужно, впрочемъ, въ случаѣ надобности, обращаться къ пану Росолинському, дидычу въ с. Солодькахъ, да твореніями знаменитаго Мартына Задеки.

Воспитаніе дѣтей въ этой патріархальной семьѣ, отличавшейся отъ любой крестьянской семьи только лишь сравнительнымъ матеріальнымъ достаткомъ, ни чѣмъ не разнилось отъ воспитанія крестьянами своихъ дѣтей. Женская половина семьи съ юныхъ лѣтъ являлась дѣятельной помощницей матушки-матери въ ея хозяйственныхъ работахъ. Четырнадцатилѣтняя Мася въ семьѣ Люборацькихъ выполняла всю черную работу по хозяйству наравнѣ съ прислугой, нисколько не тяготясь этой работой и не стыдясь ея. Въ свободное же отъ работы время, или въ праздникъ, дочери батюшки проводили время въ тѣхъ же развлеченіяхъ, что и ихъ сверстницы, сельскія дѣвушки.

Въ воспитаніи мальчиковъ была лишь одна особенность: подготовляя ихъ къ наслѣдственной профессіи священно и церковно-служителей, отцы къ десяти-двѣнадцати годамъ выучивали ихъ грамотѣ, т. е. умѣнью читать по псалтыри, часослову и пѣть по обиходу.

Но вотъ подъ вліяніемъ незамѣтно начавшихъ измѣняться условій жизни и формъ патріархальнаго быта, мало-по-малу начинаютъ въ ровный, ничѣмъ особеннымъ, кромѣ общихъ всѣмъ хозяевамъ-земледѣльцамъ заботъ, ненарушаемый спокойный ходъ жизни съ большей или меньшей силой вторгаться новыя понятія

и взгляды, а вмѣстѣ съ ними возникаютъ и новыя требованія, не идти на встрѣчу которымъ нельзя. Въ ряду ихъ первое мѣсто принадлежитъ вопросу объ образованіи дѣтей въ школѣ.

Сознаніе невозможности бороться противъ новыхъ требованій жизни, съ одной стороны, а съ другой—естественное желаніе родителей видѣть своихъ дѣтей счастливыми, заставляетъ Люборацькихъ подчиниться требованію духовныхъ властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духу времени. Но если о. Гервасій, съ свойственной мужскому сердцу твердостью, подчиняется необходимости, скрѣпя лишь сердце, то матушка Люборацькая не можетъ не дать воли материнскимъ слезамъ. Причиной горькихъ слезъ ея кромѣ печальной необходимости разстаться на продолжительное время съ малюткой-сыномъ, было то, что съ представленіемъ о наукѣ въ ея понятіяхъ тѣсно связывалось представленіе и о мукѣ, какая ждетъ неминуемо ребенка, а затѣмъ суевѣрный страхъ въ виду несомнѣнныхъ предзнаменованій скораго пришествія антихриста, съ такою яркостью нарисованныхъ отцомъ ея, въ необычайную мудрость и провидѣніе котораго она безусловно вѣрила. «То-то вже плачу було!—говоритъ Свидницкій.—Не такъ хто плакавъ, якъ маты. Згадала покійника тата свого, що все, було, розсказуе,—зъ якыхсь книжокъ вычытувавъ,—що пидъ кинецъ свита, якъ вже матыме анцыхрыстъ народытысь, всюды будуть ученыкы и учытели; а то не учытели будуть, а мучытели; не ученыкы, а мученыкы; на маму дывлячысь и дочкы слизьмы залывалысь. Панъ-отецъ лышъ сопъ—не такъ за чымъ, якъ треба було грошы везты то учителямъ, то—що».

Но если вѣра матушки въ скорое пришествіе антихриста, хотя бы и основанная на указаніи несомнѣнныхъ признаковъ ея покойнымъ отцомъ, не имѣла подъ собой достаточныхъ основаній въ дѣйствительности, то смутныя предчувствія материнскаго сердца на счетъ обученія Антося въ школѣ, нисколько не обманывали ее, даже больше того,—живая дѣйствительность была далеко жестче, суровѣе и ужаснѣе, чѣмъ тѣ картины, какія рисовало воображеніе Люборацькой. Материнское сердце ея заранѣе обливалось кровью при мысли, что Антосью будетъ недосыпать, не

доѣдать, будетъ бить и учителями и взрослыми учениками, но всего этого было слишкомъ и слишкомъ недостаточно еще для того, чтобы представить себѣ весь ужасъ бурсацкой науки, бурсацкаго быта и нравовъ.

Надѣемся, что читатели не будутъ на насъ въ большой претензіи, если мы позволимъ себѣ здѣсь сдѣлать значительное отступленіе, точнѣе сказать—экскурсъ въ область исторіи русской литературы, въ виду важности преслѣдуемыхъ этимъ экскурсомъ цѣлей. А именно. Однимъ изъ историковъ украинской литературы былъ повторенъ ходячій взглядъ на процессъ развитія украинской литературы, по которому эта послѣдняя, лишенная всякой самостоятельности и самобытнаго творчества, представляла и представляетъ собою подголосокъ и чуть-ли не рабское слѣдованіе образцамъ болѣе богатой и количественно и качественно, родственной литературы, великорусской. Желаніе во чтобы то ни стало подогнать подъ заранѣе поставленную тенденціозную мѣрку литературные факты довело ученаго до способности видѣть въ «Перебендѣ» Шевченка «Пророка» Пушкина, въ «Иванѣ Гусѣ»—подражаніе «Клеветникамъ Россіи», а въ «Наймычкѣ»—повтореніе мотива «Подъ вечеръ осенью ненастной». Хотя тенденціозность подобнаго взгляда была прекрасно опровергнута другимъ ученымъ, тѣмъ не менѣе ходячій взглядъ продолжаетъ существовать и вносить путаницу и въ безъ того спутанныя, вообще, а на счетъ украинской литературы въ особенности, понятія общества, и до сихъ поръ. Въ хроникѣ Свидницкаго значительная часть ея, посвященная описанію ученическихъ лѣтъ Антося то въ бурсѣ, то въ семинаріи, заключаетъ въ себѣ много яркихъ очерковъ до-форменной бурсы, быта, нравовъ и ученія въ ней. Чтобы предостеречь читателей, руководствующихся ходячими взглядами при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, отъ возможности и въ данномъ случаѣ впасть въ ошибку на счетъ рабскаго слѣдованія украинской литературы по стопамъ великорусской въ виду существованія въ послѣдней знаменитыхъ «Очерковъ бурсы» Помяловскаго, мы должны сказать, что «Люборацьки» написаны Свидницкимъ если

не раньше, чѣмъ появились «Очерки» Помяловскаго, то во всякомъ случаѣ не позже. Дата «Миргородъ», стоящая въ автографѣ подъ первой частью хроники, даетъ знать, что «Люборацьки» написаны не позже начала 1862 г., т. е. одновременно съ первыми «Очерками» Помяловскаго. Какъ видитъ читатель, эти два такъ близкія другъ къ другу по содержанію произведенія, писались одновременно двумя писателями, не знавшими друга друга, и, такимъ образомъ, о подражаніи не можетъ быть здѣсь и рѣчи, хотя между появленіемъ ихъ въ печати и лежитъ значительный промежутокъ времени.

Среди современныхъ читателей мало уже найдется такихъ, которые бы сами были свидѣтелями и очевидцами той бури негодованія, какая поднялась противъ автора «Очерковъ бурсы» въ духовныхъ сферахъ административной и педагогической. Змѣиное шипѣнье до-реформенныхъ педагоговъ, ревниво охранявшихъ неприкосновенность смрадныхъ своихъ болотъ «отъ призора людскихъ очесъ», превратилось въ настоящій вой, когда вдобавокъ къ этому появилась извѣстная статья, начинавшаго приковывать къ себѣ общественное вниманіе Писарева, подъ заглавіемъ «Погибшіе и погибающіе». Статья эта, какъ извѣстно, была вызвана одновременнымъ появленіемъ въ печати «Очерковъ бурсы» Помяловскаго и «Записокъ изъ мертваго дома» Достоевскаго. Писаревъ провелъ между бурсой и «мертвымъ домомъ» блестящую параллель, причемъ, какъ, безъ сомнѣнія, помнитъ читатель, окончательные выводы оказались далеко не въ пользу бурсы: Писаревъ насчиталъ до десятка подмѣченныхъ имъ въ произведеніи Достоевскаго хорошихъ, симпатичныхъ чертъ, присущихъ обитателямъ «мертваго дома», между тѣмъ какъ въ обитателяхъ бурсы онъ не нашелъ ни одной хорошей черты, ни одного что называется, живого мѣста въ этомъ больномъ организмѣ.

«Въ бурсѣ, описанной Помяловскимъ,—говоритъ Писаревъ,—я не замѣтилъ такихъ задатковъ развитія (какъ въ «Мертвомъ

домѣ»). Начальство можетъ, конечно, замѣнить розги карцеромъ, карцеръ—еще какимъ-нибудь другимъ болѣе деликатнымъ наказаніемъ. Начальство можетъ улучшить столъ воспитанниковъ, истребить сырость и грязь, вентилировать комнаты и зажигать лампы на цѣлый вечеръ. Все это, конечно, значительно облегчитъ участь бурсаковъ, но основное зло бурсы останется нетронутымъ, потому что оно *неизлѣчимо*. Это основное зло заключается въ той антипатіи, которая существуетъ между умами учениковъ и бурсацкой наукой. Эту антипатію невозможно искоренить, потому что бурсацкую науку невозможно сдѣлать привлекательной. Всѣ лучшія силы общества устремлены совсѣмъ не на тѣ знанія, которыя могутъ сформировать хорошихъ бурсацкихъ преподавателей. То, что оставляется безъ вниманія лучшими умами, по неволѣ облекается въ такія сухія и черствыя формы, которыя никому не могутъ нравиться и которыя приходится навязывать ученикамъ насильно... Ученики воспринимаютъ неохотно, забываютъ немедленно и выносятъ съ собою въ жизнь вмѣсто полезныхъ знаній отвращеніе къ умственному труду».

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти мысли вылились изъ-подъ пера Писарева, но съ тѣмъ большимъ удивленіемъ и вмѣстѣ уваженіемъ мы останавливаемся предъ силой его ума и ясностью мысли. Дѣйствительно, со времени Помяловскаго и Свидницкаго бурса подверглась значительнымъ перемѣнамъ и реформамъ въ тѣхъ отношеніяхъ, на возможность которыхъ указывалъ Писаревъ, т. е. уничтоженія розогъ, улучшенія стола, уменьшенія грязи и т. п., но все это очень мало помогло горю, размѣры котораго страшны для общества, если принять во вниманіе общее число бурсъ и семинарій и количество гибнущихъ въ нихъ силъ, такъ какъ основное зло бурсы осталось нетронутымъ и до сихъ поръ, а въ послѣднее время усиливается и охраняется съ большою ревнивостью иногда по соображеніямъ особаго рода, иногда же и вовсе безъ всякихъ соображеній.

Вотъ въ этотъ-то «мертвый домъ» должны были отвезти маленькаго Антося Люборацькіе. Прихвативъ съ собою все необходимое, что полагалось при «явкѣ» къ училищному начальству,

какъ-то: «пару калачивъ що и въ решети не вмистятся, пляшку вына и тры карбованци гришмы, матушка повела сына «являтысь». При приближеніи къ училищу ее охватилъ невыразимый страхъ; когда же она встрѣтила какого-то незнакомаго батюшку, пришедшаго сюда также съ сыномъ, лицо котораго было покрыто смертельной блѣдностью, тогда она вся стала олицетвореніемъ чувства страха. «Бидни диты,—думае вона,—не дарма мои татуньо було кажуть, що будуть не ученыкы, а мученыкы, не учытели, а мучытели»... «Скилькы тутъ (у дверей смотрителя, куда пришла матушка съ Антосёмъ) молылося, зитхало! скилькы плакало, рыдало! Нема того, щобъ переличывъ. Топтавсь и я тутъ»...—прибавляетъ авторъ. «Здается зъ меньшымъ страхомъ ставалы люде передъ судомъ инквизиціи, якъ оттутъ. Душа, було, завмре, зовсимъ завмре, якъ муха въ осены. И земли пидъ собою не чуешъ, и свита передъ собою не бачышъ, тилькы въ ухахъ шумыть та серце бьется, якъ рыбка на гачку. Вертаешся, було, то наче зъ-заду чортъ доганяе,—такъ помыкаешъ. Ажъ тоди трохы видійде на серци, якъ за ворота выйдешъ та оглянешся, що нема никого за тобою».

Описать ярче и картиннѣе чувство дѣтскаго страха, охватывающаго все существо ребенка отъ головы до ногъ, трудно. Одинъ внѣшній видъ смотрителя могъ навести страхъ не только на робкую дѣтскую душу, но и на взрослаго человѣка.

«Нисъ ёму карлючкою, а очи свитятся, якъ у кота,—здается, отъ и кынется, якъ китъ на мышу».—

Послѣ аудіенціи у этого изверга-педагога матушка Люборацькая къ обычному своему причитанію насчетъ учителей, добавила: «Не одному дытяти за наши грихы тутъ вика вкоротять».

— А що не одного талану позбавлять, то й Богъ забувъ,— додавъ панъ-отець.

Вліяніе бурсы быстро сказалось на юномъ физическомъ и нравственномъ обликѣ Антося: за время пребыванія въ школѣ до праздниковъ Рождества, Антось успѣлъ одичать настолько, что

потерялъ способность отвѣчать на сердечныя привѣтствія соскучившихся по немъ родныхъ.

«Прывытавшысь, ставъ неборакъ пидъ грубою. А батько пидійшовъ до ёго, погладывъ по голови й каже:

— Змерзъ, га?

Антось ничого не видказавъ и навить не подывывсь на батька.

— Та подывысь бо на мене!—каже тато и взявъ ёго рукою пидъ бороду тай пиднявъ голову. Та голова пидвелась, а очи въ землю дывылысь, або по бокахъ.

— То й не подывышся на батька?—каже панъ-отець».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ умѣлою кистью талантливаго художника кладетъ штрихъ за штрихомъ на задуманной имъ картинѣ постепеннаго процесса утраты естественныхъ, симпатичныхъ свойствъ человѣческой души и искусственнаго привитія противуестественныхъ глубоко-отталкивающихъ чувствъ, мыслей, желаній и поступковъ подъ вліяніемъ ужасной атмосферы бурсацкаго быта... Отсылая интересующихся подробностями къ самой книгѣ, мы остановимъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ лишь пунктахъ.

Въ параллели, проведенной Писаревымъ между бурсой и «мертвымъ домомъ» многіе видѣли, а нѣкоторые и до нынѣ продолжаютъ видѣть, грубую, тенденціозную натяжку, подтасовку и и безцеремонное пристегиваніе фактовъ подъ извѣстную тенденцію, проще—обвиняли автора (Писарева) въ злостной клеветѣ. Появись повѣсть Свидницкаго своевременно, это обвиненіе, несомнѣнно, встрѣтило бы въ ней сильный отпоръ общественнаго мнѣнія. Предъ глазами читателя проходитъ цѣлый рядъ живо, талантливо написанныхъ картинъ, ярко и рельефно обрисовывающихъ различныя стороны быта дореформенной бурсы. Вотъ, напримѣръ, авторъ нѣсколькими удачными штрихами характеризуетъ намъ обстановку ежедневной жизни учениковъ духовной школы на частныхъ общихъ квартирахъ у хозяевъ и хозяекъ, пользующихся особымъ расположеніемъ училищнаго начальства по причинамъ, неимѣющимъ ничего общаго ни съ выгодами учениковъ, ни съ педагогическими зада-

чами, въ обстановкѣ совершенно антигигіенической и антипедагогической. Далѣе идетъ цѣлый рядъ удачно схваченныхъ сценъ, ярко обрисовывающихъ бурсацкую среду въ ея взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, какъ членовъ одной корпораціи, къ начальству и къ учителямъ. Это по истинѣ «мертвый домъ», это—«міръ отверженныхъ». Анализируя эту среду съ точки зрѣнія примѣненія къ ней уголовнаго уложенія, легко убѣдиться, что ни одна изъ статей уложенія не рискуетъ остаться безъ примѣненія: тутъ дѣйствительное царство преступленій и пороковъ, въ формахъ: воровства, обмана, членовредительства, причиненія страданій, угрожающихъ здоровью и даже жизни; о нанесеніи оскорбленій мы даже не упоминаемъ. Что касается отношеній бурсы къ педагогическому персоналу, то они могутъ быть характеризованы краткой и вполнѣ уже установившейся у насъ формулой—отношенія двухъ враждебныхъ, ведущихъ борьбу не на жизнь, а на смерть лагерей, давно несчитающихся, да врядъ ли когда-нибудь и считавшихся, съ элементарными началами даже военной этики. Какъ съ той такъ и съ другой стороны всѣ находящіеся въ распоряженіи человѣка способы и средства борьбы признаны и освящены и общественнымъ мнѣніемъ міра отверженныхъ, и исторіей, и преданіемъ его. Нечего и говорить, конечно, о томъ, что употребительнѣйшимъ средствомъ борьбы съ преступной средой бурсаковъ въ рукахъ начальства является пресловутая порка во всѣхъ формахъ и видахъ. Хотя объ этомъ способѣ педагогическаго воздѣйствія, примѣнявшагося не только въ злополучныхъ и прославленныхъ бурсахъ, но и въ гимназіяхъ и даже въ университетахъ, говорилось и писалось у насъ не мало, но мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ пунктѣ въ виду того, что въ повѣсти Свидницкаго находимъ относительно порки интересные факты и наблюденія, а затѣмъ—и въ интересахъ современности и своевременности сказать по этому поводу нѣсколько словъ: великія истины, какъ говорятъ, слѣдуетъ повторять почаще, иначе онѣ забываются.

Въ этомъ царствѣ розги и кулачнаго внѣдренія началъ науки и добродѣтели создался особый культъ розги съ соотвѣтствующимъ

ритуаломъ: существовалъ, на подобіе класса жрецовъ, классъ палачей, носившихъ громкое классическое названіе «цензоровъ» или библейское—«спекулаторовъ». Въ «спекулаторы» посвящались самими учителями «ледачи и здорови», которыхъ уже никогда не били, такъ какъ ихъ, какъ отпѣтыхъ, никогда не «спрашивали». Пріобрѣтеніе розогъ совершалось за счетъ истязуемыхъ: «На ризкы тамъ складалыся: коженъ по шагу: а давалы й побильше, щобъ прыдобрытысь цензорови». Это, какъ видите, были sui generis религіозныя жертвы. И какъ истинно правовѣрнымъ можетъ считаться лишь побывавшій въ Меккѣ, такъ и настоящимъ бурсакомъ имѣлъ лишь право называться тотъ, кого пороли. А чтобы никто не лишенъ былъ почетнаго званія бурсака, то учителя строго блюли, чтобы ни одна душа, исповѣдывавшая бурсацкую вѣру, не осталась безъ порки. «Нема такого, щобъ небытымъ выйшовъ зъ духовныхъ школъ,—не за одно, то за друге, або просто за те, що небытый, ростягнуть и дадуть, ажъ не прысядешъ». Въ одинъ пріемъ давали до пятидесяти и шестидесяти и даже до ста ударовъ. «Заторськый,—учытель латыни,—сикъ, докы теплый». Но въ тотъ же самый день, того же бурсака могъ подвергнуть поркѣ и другой преподаватель, наконецъ, третій; что въ дѣйствительности и бывало нерѣдко. Помяловскій также говоритъ о подобныхъ фактахъ. Писаревъ, останавливаясь на этихъ ужасныхъ фактахъ дикой, превышающей способность человѣческаго пониманія жестокости, и сравнивая положеніе бурсака съ положеніемъ арестанта, говоритъ: «при такой раздробительной системѣ наказанія на долю одного бурсака можетъ придтись въ одинъ день по нѣсколько сѣченій, чего съ арестантомъ уже никакимъ образомъ случиться не можетъ, такъ такъ въ острогѣ право казнить принадлежитъ одному начальству, а въ бурсѣ это право распредѣляется между многими учителями».

Въ бурсѣ, описываемой Свидницкимъ, какъ и въ другихъ бурсахъ существовали знаменитыя «субиткы». Онѣ были особенно страшны еще и потому, что въ этотъ день раздавали «оккупаціи», т. е. письменныя работы, плохое исполненіе которыхъ усиливало обычную порку, а посему удесятеряло страхъ предъ наступле-

ніемъ этого, по истинѣ суднаго дня. Въ ожиданіи его бурсаки трепетали съ вечера и по сновидѣніямъ пытались отгадать тотъ или иной исходъ его для себя.

— «Чого ты плачешъ?» — спрашиваютъ соквартиранты проснувшагося въ субботу утромъ товарища.

— «Эге, чого! Кони снылысь!—видказуе».

«И нихто не подывуе, що того плачешъ, бо коженъ зна, що́ вищуе такый сонъ, бо й самому не разъ таке снылось. Кажуть: «не вирь въ сонъ». Ни, въ сонъ треба вирыты!—скаже коженъ школярь. Я вже, скаже, самъ перевирывсь, що якъ сняться мидни грошы, або що яйце йисы, або яблука, вышни,—то будуть быты. Ще се иноди вищуе тилькы слёзы, що «въ пáлю» дадуть, або на колина поставлять; а вже якъ прыснытся заець, або весилля, або кони, то такыхъ дадуть гарячыхъ!.. И вже заразъ знаты, кому таке снылось: *якъ звареный иде въ класъ*. Другый бидняка не выдержыть и втиче зъ классу; то дывысь—прыведуть, и збудется сонъ».

Но вотъ входитъ учитель-инквизиторъ.

«Загрукотало, що вси на ногы схопылысь, и одынъ якъ дзвинокъ прочытавъ: «Царю небесный»... Хто, кажуть, не бувъ на мори, той не молывся. Нитъ! мабуть и морякы не молятся такъ щыро, якъ отся бидна дитвора. Йесть и таки, що ввійшовшы въ классъ бьють поклоны, щобъ Господь помылувавъ. А вже якъ чытають «Царю небесный», то й передъ смертію щырище не помолышся».

При одномъ чтеніи описанія этихъ ужасовъ, цѣлая буря смѣшанныхъ чувствъ негодованія, глубокаго отвращенія и желанія, если хотите, мести и кары, къ этимъ палачамъ-педагогамъ поднимается въ вашей душѣ за безпрерывное, систематическое, безсердечное, дикое истязаніе дѣтскихъ тѣлъ и душъ, топтаніе въ грязь человѣческой личности. Что же долженъ былъ испытывать несчастный бурсакъ? Несомнѣнно, что на первыхъ порахъ тѣ же чувства должны были клокотать и, какъ говоритъ авторъ, дѣйствительно клокотали и въ душѣ бурсака, но... срокъ обученія въ бурсѣ тянулся отъ шести до двѣнадцати лѣтъ. Согласитесь, что

сохранить способность реагировать на ежедневную порку въ теченіе такого времени, невозможно. Чувствительность дѣтскаго сердца притуплялась вмѣстѣ съ чувствительностію тѣла и, наконецъ, совершенно исчезала, атрофировалась: бурсакъ переставалъ бояться розги, и вообще всякихъ побоевъ, онъ дѣлался къ нимъ нечувствительнымъ ни физически, ни нравственно. Наряду съ этимъ происходило совершенное одичаніе и глубокое ожесточеніе, озвѣреніе дѣтской души. Разрушать, уничтожать бить все и всѣхъ, къ чему только можетъ прикоснуться человѣческая рука, дѣлается потребностью этой ожесточенной, искалѣченной въ ужасной атмосферѣ, души. Сначала эта потребность объясняется естественнымъ желаніемъ выместить на комъ-нибудь или на чемъ-нибудь всю горечь накипѣвшей обиды и злобы, а потомъ—потомъ эта потребность превращается въ органическую, до тѣхъ поръ, пока не получитъ характера автоматически выполняемыхъ движеній рукъ и ногъ. Бурсаки били другъ друга, били мѣщанъ и мѣщанскихъ дѣтей, били гимназистовъ, мучили животныхъ, били и разрушали все, что попадется подъ руку, били безъ злобы, а просто «такъ».

И нашъ бѣдный Антось прошелъ всѣ эти ступени постепеннаго одичанія и озвѣренія человѣческой души. До поступленія въ училище Антось былъ рѣзвымъ, веселымъ, привѣтливымъ мальчикомъ. Цѣлые дни онъ проводилъ въ дѣтскихъ играхъ съ крестьянскими мальчиками, своими сверстниками. Теперь же нѣсколько лѣтъ пребыванія въ бурсѣ сдѣлали изъ него вотъ что.

«Якъ прыйихавъ Антосьо до-дому—разсказываетъ авторъ—то вже... не побигъ, выгадуючы, а все наче боявся, наче соромывся, наче одуривъ. Ставъ соби коло порога, та й стоитъ, обдертый, обшарпаный, лышъ чухается.

— Чого ты наче чужый?—пытается маты.

Лупнувъ неборакъ очыма и мовчыть.

— Антосьо! Чы чуешъ?—заговорыла Текля, веселенька та здоровенька, ластючысь коло матери.

— А винъ все мовчыть, лышъ очыма поведе... Выйшовъ соби на двиръ, та й сивъ на прызьби,... та побачывъ хворостъ

на куни.... кынувсь до хворосту и почавъ пруття вытягаты. Веселый навибиравъ повну жменю, звязавъ ихъ у ризку и ставъ быты по прызьби, та все прыговорюе: «А будешъ учытыся? а будешъ? ото тебѣ: учись!» И другымъ голосомъ, наче плаче: «Буду, господинъ учитель! ей-Богу, буду!» И зновъ першымъ голосомъ: «Я знаю, что будешъ! Сѣки его! лучче-лучче-лучче-лучче!» И тымъ другымъ: «Ой-ой-ой! ой-ой-ой! господинъ учитель, помилуйте! ой-ой-ой». Якъ набьется вдоволь, то й крыкне: «Довольно!... слѣдующій!». И почавъ, наче бъ-то той просыться: «Господинъ учитель, я вже буду учиться!» Та такы не помылувавъ: почавъ сикты та прыговорюваты; тамъ—«слѣдующаго» позвавъ и бывъ та й бывъ. Зъ прызьбы шматкамы глына летыть, а винъ прымовляе: «ото тебѣ знай! ото учись! А то вы ужъ разобрали себѣ!» И на сей ладъ балакаючы, зновъ звяже ризку и зновъ те жъ почынается».

За порчу заваленки Антосю сначала дѣлали замѣчаніе, а потомъ, наконецъ, сестра не выдержала и ударила его, но онъ, «що той вилъ, лышъ бокамы поведе якъ ёго штовхнуть».

Въ такомъ развлеченіи провелъ мальчикъ всѣ каникулы.

«Тилькы и роботы мавъ Антосьо за вси вакаціи, що хлёставъ та й хлёставъ. Було иноди и выйде зъ подвирья. Ну, думаютъ, на баштанъ потягъ. Вышлютъ чы вечеряты, чы обидаты, а ёго тамъ и не було: якъ не въ лозахъ ризкы плете, то де-небудь зарыется въ солому и пухне.

— Чому ты не пидешъ, не побавышся, якъ торикъ!—каже маты.

— Не хочу я,—озветься Антосьо,—зъ мужыкамы заходыты и пиде на тикъ, щобъ зъ очей зійты, або й на баштанъ потягне на яку годыну, та й тамъ хлёста, ажъ яры въ земли повыбывавъ. Здычавивъ хлопець,—думалы вдома. А стара не забула спогадать свого покійного татуня, зитхне и каже: не даремно покійни було розсказують що то будуть не учытели, а мучытели! Отсе такъ вымучылы всю жвависть зъ дытыны. А яка хороша була та жвава яка!»

Въ бурсѣ съ товарищами Антосьо держалъ себя иначе: пока онъ былъ въ младшихъ классахъ, онъ являлся лучшимъ испол-

нителемъ всевозможныхъ замысловъ бурсаковъ старшихъ классовъ. Хитрыя и ловкія продѣлки Антося вызывали въ товарищахъ удивленіе и снискивали ему похвалы и уваженіе, такъ что когда онъ перешелъ въ старшій классъ, то кандидатура его на мѣсто «ватажка-коновода» бурсацкой банды, была, такъ сказать, внѣ конкурса. Послѣдствіемъ этого были болѣе частыя и усиленныя порки, «переселеніе на Кавказъ», т. е. на послѣднюю скамью, гдѣ сидѣли «отпѣтые», а съ другой стороны—развитіе особаго рода высокомѣрія и презрительнаго отношенія ко всѣмъ, не исключая сестеръ и даже матери.

Одичаніе мальчика и отчужденіе его отъ родныхъ, постепенно переходитъ въ немъ въ отношенія, отмѣченныя характеромъ необычайной грубости, жестокости и безсердечія. Нужно сказать, что отецъ Антося умеръ черезъ два года послѣ поступленія его въ училище. Естественно, что матеріальное положеніе семьи отъ этого сильно пошатнулось. Антосьо не хочетъ этого понимать и грубо требуетъ отъ матери денегъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ именно онъ хочетъ, такъ какъ къ этому времени онъ началъ пить и «франтить», а когда мать отказываетъ ему въ этомъ то онъ крадетъ послѣдніе сто рублей и уѣзжаетъ. Вотъ одна изъ характерныхъ сценъ.—Антосьо пріѣзжаетъ домой.

— «Позносышь!—сказавъ Антосьо хурманови зъ такою миною, наче тамъ у ёго казенни грошы або що, и пишовъ выступци, поволикъ чоботы. Осмихнувся хурманъ и пойихавъ на тикъ, бо въ брычци, окримъ кылымка, подушкы, та двохъ-трохъ паръ шмаття, ничого не було. Хиба ще книжка яка. Ввійшовъ Антось до хаты и важно-преважно поклонывся, наче аршынъ проковтнувъ и не може головы зигнуты, такъ-же важно поклавъ свій кашкетъ на столыку коло дверей и почавъ вытатысь зъ мамою, зъ сестрамы та все мовчкы. Потимъ... выйнявъ хустыну зъ кышени,—якъ онуча,—и ставъ вытераты лыце передъ дзеркаломъ.

— Ухъ,—каже,—какъ я зашмалился! а пыли сколько!

— Якъ на свынячимъ стегни,—озвалась Мася.

— Ну-да. т. е. какъ у тебя на шеѣ, ты хотѣла сказать!—озвався Антосьо.

— Зовсимъ нитъ,—каже Мася,—въ мене шыя чыста: я щодня мыю, хиба вже премъ часу не маю.

— Гдѣ видано, гдѣ чувано, чтобы свиндя,—на се слово налигъ голосомъ,—та шею себѣ умывала?—каже Антосьо.

— Тожъ—свыня, а то—Мася,—озвалась Орыся.

— А я между вами не различаю,—Антосьо каже:—и то свиндя, и то свиндя.

— То свыня жъ ты самъ!—За щожъ ты мене свынею нарикаешъ?—озвалась Орыся.

— Бо ты свындя, просто свындя, еще и бурая, тупорылая. Вотъ тебѣ—ей-Богу!

— Навчывся!—каже Текля.

— И ты, поросенокъ, смѣешъ? Такъ и дамъ!—И замахнувся кулакомъ.

— А зась! не знаешъ?—озвалася Орыся.

— Чого ты? чого ты? я и тебе по «макоѣдахъ!»

Антосьо и въ кулакъ вже наплювавъ, щобъ такъ и трахнуть, та ввійшла маты.

— Що, вже заходылысь воюватыся?—заговорыла вона.

— А чего жъ они, дряни, смѣютъ возвышать свой нелѣпый голосъ противъ меня?

— Такъ якъ же зъ тебе не сміятысь?—каже маты.—Та подывысь самъ на себе! И засміялась.

— Tu quoque, Brute!—заговорывъ Антосьо и додавъ:—а развѣ я самъ на себя стараюсь? Если я смѣшной, то вы съ себя смѣйтесь, что такъ меня убираете.

И ставъ ходыты по хати та рукамы розмахуваты.

— Якъ не буде мени сиртука,—почавъ дали Антосьо,—то хату рознесу.—И стукнувъ кулакомъ въ стилъ.

— Де я тоби визьму тыхъ грошей?—сказувалась маты.

— А меня гдѣ взяли? Тамъ и денегъ возьмите.

— Отсе бида мене опала зъ тымы чужоземцямы!—каже соби стара.—То ляшка вдалася, сей москалемъ ставъ! Ото понаучувалысь! Цуръ ёму зъ тымы школамы.

Чтобы оцѣнить всю горечь скорби, заключающуюся въ послѣднихъ словахъ старухи и понять тяжесть ея горя, нужно обратиться къ прерванному нами изложенію содержанія повѣсти.

Помѣщикъ с. Солодьокъ, шляхтичъ Росолинскій, съ которымъ о. Гервасій поддерживалъ хорошія отношенія, такъ какъ пользовался отъ него то дровами, то выпасомъ, и у котораго нерѣдко бывалъ, неоднократно заводилъ разговоръ съ о. Гервасіемъ о томъ, что старшей дочери, Масѣ, необходимо дать образованіе, для чего рекомендовалъ «пансіонъ» пани Печержинской, въ которомъ получали образованіе дочери нѣкоторыхъ священниковъ и даже дочь о. благочиннаго. Долго о. Гервасій не поддавался увѣщаніямъ пана Росолинскаго, но ядовитыя насмѣшки надъ «мужичествомъ» Маси, надъ тѣмъ, что она ничѣмъ не отличается отъ «хамокъ», сдѣлали свое дѣло, и о. Гервасій рѣшилъ отдать Масю въ науку къ пани Печержинской. Какъ ни противилась этому матушка, но въ концѣ концовъ и она уступила послѣ ряда продолжительныхъ объясненій съ батюшкой.

«Довго пани-матка не прыставала виддаты Масю въ науку, а ще до ляхивкы: «На́що, каже ій та наука? Щей виры видцурается!» И вмовлявъ о. Гервасій и все. И ёму, правду сказать, не наукы бажалось для дочкы, не освиты; а хотилось, щобъ и вона була, якъ людськи дочкы, якъ всяка панянка: чы навчыться, чы ни—абы въ учытелькы була, та по-лядськы цвенькала, бо зъ «хамською», хлопською мовою, мовлявъ Росолинськый, теперъ вже никуды соватысь. Такый, значыть, свитъ наставъ»....

Результаты обученія въ пансіонѣ пани Печержинской сказались скорѣе, чѣмъ можно даже было ожидать. Мася скоро прониклась презрительнымъ отношеніемъ къ средѣ, изъ которой вышла, къ простому народу, къ родному языку и религіи, внушеннымъ ей пани Печержинской и ея системой воспитанія. Система же эта заключалась вотъ въ чемъ: «Не разъ Мася на-вколишкы стояла, не разъ и въ руку брала... Всёго було! Було й те, що черезъ ослинчыкъ перегынали за размову зъ хлопкамы, за размову на своій ридній мови. Всёго, кажу, було, нижъ Мася узвычаилась по-польскы балакаты, по-католыцькы молытысь—и «Zdrowas

Marijo», и Ojcze nasz», и Wierzę w Boga Ojca», зъ погордою спомынаты батька-попа, матку-попадю, хлопивъ, хлопську мову и хлопську церкву».

И наука эта скоро сказалась. Вотъ какъ встрѣтила Мася мать, пріѣхавшую забрать ее на праздники домой.

— «Ktoś idzie! ktoś idzie—закрычалы панянкы, завважывшы, якъ ишла Масина маты черезъ подвирья. Глянула Мася въ викно, та й каже:

— To moja popadia płącze się.

— Jaka popadia?—пытають.

— Luboracka, a jaka ż!—видказала Мася».

— Niby to matka twoja?—кажуть.

— Jaż mówię, że moja popadia,—озвалася Мася.

Отпуская Масю съ матерью домой, п. Печержинська даетъ ей наставленіе «съ хлопкамы не сходиться».

— «То соромъ,—каже,—то встыдъ; а по-хлопськы побалакавшы,—каже,—такъ пыскы заогыдышъ, що й свяченою водою не сполощешъ, ни окропомъ не видпарышъ. Та ще й маму напросыла, щобъ пыльнувала, щобъ доглядала Маси, абы на-ново не «zchłopiała».

И чѣмъ больше продолжалась наука Маси у пани Печержинською, тѣмъ разлагающее вліяніе ея сказывалось съ большей силой. Мася сдѣлалась просто неузнаваемой. Изъ простой, работящей дѣвушки, послушной и доброй дочери, она сдѣлалась капризной бѣлоручкой, жестокой, грубой и нетерпимой, особенно по отношенію къ матери, которую она третировала и оскорбляла на каждомъ шагу. Особенно много пришлось матери вынести оскорбленій отъ Маси по смерти о. Гервасія, когда отъ согласія Маси выйти замужъ за богослова зависѣла участь семьи. Мася наотрѣзъ, грубо и оскорбительно отказалась выйти когда бы то ни было за попа. Осиротѣвшую семью поддержалъ братъ матушки, добрый о. Якимъ, согласившійся наблюдать приходъ до пріисканія жениха младшей дочери, Орысѣ. Чрезъ нѣкоторое время женихъ нашелся. Это былъ «тульской духовной семинаріи кончившій курсъ Тимоха, Егоровъ сынъ, Петропавловскій»,—какъ отрекомендовался

онъ, прибывъ въ домъ Люборацкихъ, присланный дядюшкой—архіереемъ въ качествѣ жениха и кандидата на приходъ. Мы не станемъ здѣсь воспроизводить мастерски описанной Свидницкимъ сцены появленія этого кандидата во священство въ с. Солодькахъ, «смотринъ» невѣстъ и т. д, скажемъ только, что всѣ: и дядя невѣсты, благодушный о. Якимъ, и невѣста, и даже мать, такъ желавшая выхода дочери замужъ, видѣли, что Тимоха, Егоровъ сынъ, Петропавловскій совсѣмъ не пара Орысѣ. Его некультурность, безцеремонность, граничившая съ грубостью и нахальствомъ, неуваженіе къ людямъ, у которыхъ онъ является гостемъ, третированіе ихъ «хахлами»,—все это не предвѣщало счастья супружеской жизни. Но, съ одной стороны, боязнь «оскорбить» начальство въ лицѣ архіерея отказомъ въ выходѣ замужъ за его племянника, а съ другой—страхъ остаться въ дѣвушкахъ да еще сиротой, заставляютъ податливую, симпатичную Орысю дать свое согласіе. Нравъ Тимохи, сына Егорова, скоро сказался: онъ оказался плохимъ и мужемъ, и священникомъ. Рѣзкой чертой его вообще несимпатичнаго характера является полнѣйшее отсутствіе способности уважать чужую личность, признавать права индивидуальности. Здѣсь сказались результаты семинарскаго образованія, осложненные, кромѣ того, чертами національнаго свойства. Такимъ же характеромъ нетерпимости и высокомѣрно-презрительнаго отношенія къ тому, что бы мы назвали общественнымъ мнѣніемъ, отмѣчены и его отношенія къ прихожанамъ, какъ общественной единицѣ. Обычная же склонность къ чрезмѣрному употребленію водки еще увеличивала тяжесть сожительства съ этимъ дикимъ, невоспитаннымъ характеромъ. Орыся терпѣливо, не жалуясь, несла, какъ говорятъ, свой крестъ. Но наблюдательный глазъ матери и безъ ея жалобъ видѣлъ всю глубину страданій молодой, загубленной жизни, и материнское сердце ея болѣло и страдало за дочь, тѣмъ болѣе, что цѣной этой жертвы не достигнуто было и то условное счастіе, ради котораго, собственно, и приносилась эта жертва, т. е. матеріальное обезпеченіе осиротѣвшей семьи, такъ какъ зять все «прибравъ до рукъ» и выселилъ тещу съ ея семьей изъ квартиры священника.

Антосьо въ это время уже окончилъ духовное училище и поступилъ въ семинарію.

Мы не будемъ долго останавливаться на годахъ ученія Антося въ семинаріи и на характеристикѣ быта, жизни и ученья семинаристовъ, такъ какъ тутъ пришлось бы повторять многое изъ того, что сказано нами о бурсѣ. Къ сказанному о бурсѣ слѣдуетъ прибавить лишь нѣсколько словъ, а именно, что задатки, пріобрѣтенные тамъ, здѣсь только культивировались, и достигали высшаго развитія и совершенства формъ, такъ какъ семинаріи управлялись и вдохновлялись педагогами, выковывавшимися и шлифовавшимися въ томъ же горнилѣ, въ той же кузницѣ, что и педагоги бурсъ. Атмосфера и отношенія здѣсь существовали тѣ же, что и въ бурсѣ. Такъ, описывая зданіе семинаріи въ Каменцѣ и мѣстоположеніе ея, авторъ говоритъ: «найхутче пизнаты ін можна по тому, що учители лаются, якъ салдатва». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «урядъ такъ держыть себе, що легше до скаженого вовка прыступыты». Наряду съ олимпійскимъ величіемъ, съ какимъ держатъ себя «профессора» и начальство семинаріи, авторъ отмѣчаетъ другую интересную черту въ поведеніи педагоговъ—какого то сладострастнаго злорадства въ выслѣживаніи своихъ питомцевъ за занятіями, наказуемыми по уложенію о наказаніяхъ, дѣйствующему въ семинаріяхъ. Говоря объ о. инспекторѣ, особенно любившемъ предаваться удовольствіямъ ловли и охоты за семинаристами, авторъ говоритъ, что «очи ёму свитятся несказанною радистю» въ случаѣ удачной охоты. При такой системѣ воспитанія, при непрырывномъ гнетѣ такого режима удивительно было бы видѣть семинаристовъ бодрыми, жизнерадостными, веселыми, открытыми юношами, горячо откликающимися на все, что способно дѣйствовать такъ или иначе на душу человѣка. И Свидницкій, описывая внѣшній обликъ питомцевъ семинаріи, говоритъ: «Вси наче на ввесь свитъ сердылысь, наче въ биду попалысь... Зглыньтесь на семинарыста! Замлиле, заплисниле, на людей позыра, якъ дычакъ якый, и життя ёму не въ жыття, а нудьга, скорбота». Эту «нудьгу и скорботу» помимо всего прочаго создаетъ ужасная, одуряющая зубрежка того, что никому

не нужно, что на каждомъ шагу противорѣчитъ и здравому смыслу и нормальному нравственному чутью. «Якъ скинчу,—докы жытыму и въ рукы николы книжкы не визьму»,—даетъ клятву одинъ изъ семинаристовъ, швыряя съ остервенѣніемъ какой-то патристикой или догматикой въ уголъ. Зубрежка безжизненнаго схоластическаго хлама вызываетъ полную антипатію къ наукѣ вообще и апатичное отношеніе къ жизни, къ вопросамъ современности. «Нема того въ семынаріи, щобъ хто думавъ зъ наукы, зъ книжокъ розуму набратысь, а вчаться, щобъ скинчыты курсъ; кинчають курсъ, щобъ забратысь на село; забираються на село, щобъ залягты, якъ рыба на дощъ, щобъ ни гримъ, ни туча зъ мисця не зрушилы» и т. д. «Та кому те зубриння не дойисть до жывыхъ печинокъ?»—спрашиваетъ авторъ.—«Душа жъ жыва, тилькы наче обмерла, наче въ шкарлупи, якъ курча въ яйци,—то вже хиба и ій не треба ульгы?» Этимъ присутствіемъ остатковъ «живой души» и потребностью «ульгы» въ семинаристахъ авторъ объясняетъ и оправдываетъ и попойки семинаристовъ и ихъ продѣлки съ начальствомъ, хотя какъ за то, такъ и за другое жестоко приходится расплачиваться, такъ какъ семинарское начальство широко пользуется всегда однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ средствъ выслѣживанія, которыя въ корнѣ подтачиваютъ и разъѣдаютъ всякій общественный организмъ,—доносомъ товарищей: оно его создаетъ и всячески поощряетъ.

Въ семинаріи такъ же, какъ и въ бурсѣ, способный Антосьо учился не дурно. Спасли его здѣсь отъ окончательной, преждевременной гибели первая, чистая, пылкая юношеская любовь къ внучкѣ сосѣдняго священника, Галѣ, а затѣмъ—скрипка, игрѣ на которой Антосьо предавался со свойственной его пылкой натурѣ страстью. Незадолго до окончанія курса Антосьомъ, въ семьѣ ихъ происходятъ событія, оставляющія глубокій слѣдъ въ душѣ Антося, пробуждающія въ немъ самосознаніе, заставляющія его окинуть внимательнымъ взоромъ себя и вокругъ себя. Чувствуется, что явись въ этотъ моментъ своевременная и крѣпкая нравственная поддержка, и Антосьо былъ бы спасенъ въ томъ смыслѣ, что сталъ бы полезнымъ и хорошимъ членомъ общества,

но... такой поддержки не оказалось. Звѣрское обращеніе Тимохи съ Орысей, отъ которой, по выраженію автора, только «тинь ін ходыла»,—возбуждало негодованіе прихожанъ. Наконецъ, прихожане, бывшіе свидѣтелями безобразной кулачной расправы ихъ священника съ тещей, матушкой Люборацкой, рѣшаютъ «выгнать такого попа». Ихъ рѣшеніе встрѣчаетъ сочувствіе и поддержку въ панахъ и окружныхъ священникахъ, не любившихъ Петропавловскаго за его высокомѣрное отношеніе къ нимъ, въ основѣ котораго лежало сознаніе своей принадлежности къ господствующей націи, а затѣмъ—близость къ архіерею-дядюшкѣ. Прихожане побили Петропавловскаго на сходѣ за своевольную, безъ вѣдома громады, покупку колокола, написали жалобу новому архіерею, результатомъ которой было заточеніе Петропавловскаго на девять мѣсяцевъ въ монастырь. По возвращеніи изъ ссылки Петропавловскій въ состояніи опьяненія ударомъ бутылки въ високъ убилъ Орысю.

Антосьо окончивъ курсъ семинаріи, радостный ѣхалъ въ это время въ родныя Солодьки, не зная о трагической смерти несчастной Орыси. Надмогильный новый крестъ, замѣченный имъ при въѣздѣ во дворъ, говорилъ о чемъ-то недобромъ. Скоро несчастная, убитая горемъ, мать разсказала сыну обо всемъ. Тутъ же Антосьо узналъ, что Мася, вышедшая замужъ за шляхтича Кулинскаго, бывшаго экономомъ у пана Росолинскаго, бросила Солодьки, выѣхавъ съ мужемъ подальше отъ шокировавшихъ ее родныхъ.

Антосьо, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что сообщенныхъ ему страшныхъ новостей, самъ уже стоя у открывающихся передъ нимъ дверей дѣйствительной, самостоятельной жизни, глубоко задумался надъ вопросами жизни, рѣшеніе которыхъ стояло на ближайшей очереди, какъ-то: женитьба, семейная жизнь, священство, простой народъ.

«Чы й зъ мене, моя Галочко, выйде такый же азіятъ?»—мысленно спрашиваетъ себя, обращаясь къ своей Галѣ, Антосьо, въ размышленіяхъ по поводу жестокихъ отношеній Тимохи къ Орысѣ.—«О, ни! Я знаю, що то жинка!.. Ты въ мене будешъ щаслыва—увѣряетъ онъ себя.

«А пастыри яки! Боже мылосердный! Насмишныкы, а не пастыри... Отъ я выйду на попа, то заразъ школу заведу, учытыму дитей, стоятыму за громаду передъ паномъ, передъ судомъ, передъ царемъ. Зайидять? То що? Хрыстосъ давъ намъ взиръ собою... На що воны зважають? «Образъ будьте стаду»—имъ говорится, а воны «безобразіе» стаду. И самы якъ стадо яке: тилькы йидять, йидять та множатся... Та и стадо не такъ, бо хочъ купы держаться, а воны—росполохане стадо, та не овець безсловесныхъ, а свыней... Господы мій! Невжежъ и я такый буду? Не дай мени загынуты... Я буду добрымъ попомъ!..»

Вскорѣ послѣдовавшее затѣмъ свиданіе Антося съ Галей, признаніе ей въ любви, горячій отвѣтъ на его чувства съ ея стороны, согласіе родителей на ихъ бракъ и надежда на занятіе прихода въ родныхъ Солодькахъ,—все это окрыляетъ мечты молодого человѣка и наполняетъ сердце его сладостью надежды.

Но не суждено было сбыться мечтамъ Антося. Судьба готовила ему жестокій ударъ, нанесенный ему рукою семинарскаго начальства, избавленію отъ котораго Антосьо такъ былъ радъ, что даже составилъ по этому поводу спеціальную молитву. Когда Антосьо былъ уже въ богословскомъ классѣ, семинаристы «выслѣдили» одного товарища, бывшаго шпіономъ у о. инспектора. По иниціативѣ Антося, взявшаго на себя руководство семинаристами въ этомъ дѣлѣ, семинаристы потребовали у о. ректора увольненія шпіона Робусинського. Ректоръ настоялъ на увольненіи обвиняемаго, не по принципу, впрочемъ, а «впику» о. инспектору, съ которымъ онъ враждовалъ. Семинаристы торжествовали. Антосьо, конечно больше другихъ. Надъ уволеннымъ, кромѣ того, устроенъ былъ жестокій самосудъ, лишившій уродливаго и некрасиваго, Робусинськаго и тѣхъ остатковъ образа и подобія человѣческаго, какія онъ сохранилъ. О. инспекторъ, ставши вскорѣ ректоромъ, вмѣстѣ съ Робусинськимъ отомстили за себя. Первый и главный ударъ ихъ мести, конечно, долженъ былъ пасть на голову зачинщика, т. е. Антося. Неокончившему курса Робусинському, по просьбѣ и рекомендаціи о. ректора, архіерей предоставляетъ священническое мѣсто въ Солодькахъ, а Антося выпускаютъ

изъ семинаріи «внѣ разряда». Антосьо, ничего не зная, является въ Каменецъ за полученіемъ аттестата и разрѣшеніемъ архіерея на занятіе отцовскаго прихода и тутъ узнаетъ о совершенной надъ нимъ жестокой несправедливости. Архіерей сначала предлагаетъ ему дьячковское мѣсто и только послѣ долгихъ просьбъ соглашается дать ему приходъ, но подъ условіемъ, что онъ прежде пробудетъ нѣкоторое время на испытаніи или въ консисторіи или въ монастырѣ. Антосьо выбираетъ консисторію и пишетъ письмо невѣстѣ о постигшемъ его несчастіи. Но Робусинській успѣлъ уже сосватать Галю и занять приходъ въ Солодькахъ. Антосьо, оскорбленный, обманутый, соглашается занять приходъ предоставленный ему архіереемъ, подъ условіемъ женитьбы его на старой, безобразной сестрѣ архіерейскаго діакона. Сдѣлавшись священникомъ, Антосьо скрашиваетъ свою такъ грустно сложившуюся жизнь игрой на скрипкѣ и... рюмкой, и вскорѣ получаетъ чахотку. Умирая онъ говоритъ: «Не своею я смертію вмираю: мене вбыла семынарія, та»... Авторъ не говоритъ, что именно то другое, что убило несчастнаго Антося.

Судьба остальныхъ членовъ безталанной семьи Люборацкихъ не менѣе печальна. Текля уходитъ въ монастырь подъ вліяніемъ тяжкихъ ударовъ судьбы, такъ безжалостно жестоко преслѣдовавшей членовъ ихъ семьи.

Несчастной матери суждено было перенести всѣ эти удары судьбы и взять на себя заботы по воспитанію внука Фони, оставшагося на ея рукахъ по смерти Орыси. Съ старухой Люборацкой, сопровождавшей послѣ каникулъ пѣшкомъ своего внука въ городъ, и остановившейся отдохнуть въ корчмѣ, встрѣчается священникъ, товарищъ Антося по бурсѣ, узнаетъ, кто она и разсказомъ о трагической смерти старшей ея дочери, Маси, покончившей жизнь самоубійствомъ, наноситъ послѣдній ударъ въ это изстрадавшееся сердце: старушка умираетъ при этомъ страшномъ извѣстіи. Здѣсь ее возлѣ корчмы и погребаютъ.

Таково содержаніе этой прекрасной хроники. Изложеніе ея не страдаетъ присущими многимъ беллетристамъ длиннотами. Во всей повѣсти нельзя указать страницы, даже строчки, о которой

можно было бы сказать, что она лишняя. Даже, напротивъ: авторъ вездѣ настолько кратокъ, что иногда приходится жалѣть о томъ, что онъ не далъ развитія брошенной мысли, или намѣченной двумя-тремя штрихами картинкѣ, благодаря выдающейся наблюдательности его глаза. Языкъ его сжатый, образный, нѣсколько съ оттѣнкомъ подольскаго говора, что мѣстами, въ свою очередь, сообщаетъ ему своеобразную прелесть силы и выразительности.

Указанныя нами достоинства повѣсти Свидницкаго, безъ сомнѣнія поставившія бы его въ ряды выдающихся писателей и болѣе богатой литературы, чѣмъ украинская, вызываютъ въ насъ смѣшанныя чувства сожалѣнія и радости,—сожалѣнія по поводу того, что такое прекрасное произведеніе, имѣющее не только мѣстный, окраинный, но и общій интересъ по глубинѣ и важности затрагиваемыхъ имъ вопросовъ, оставалось такъ долго неизвѣстнымъ нашей читающей публикѣ, и радости по поводу выхода, хотя и поздняго, этой повѣсти. Чтобы рельефнѣе отмѣтить достоинства ея, необходимо помнить, что Свидницкій выступилъ на литературное поприще въ то время, когда въ великорусской литературѣ утвердилось направленіе, созданное Пушкинымъ и Гоголемъ, а въ украинской—Шевченкомъ, направленіе глубоко реальное, жизненное, открывавшее возможность всесторонняго, правдиваго изображенія жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Но въ то время, какъ въ великорусской литературѣ по новому пути, открытому двумя названными нами колумбами литературы, пошли цѣлые десятки болѣе или менѣе крупныхъ дарованій, въ литературѣ украинской, которая еще до сего дня вынуждена отстаивать права на признаніе, отваживались идти только одиночки, посвящая при томъ ей не всѣ свои силы, не дѣлая ее призваніемъ своей жизни и дѣятельности, а только диллетантствуя въ ней. Естественно, что при такомъ положеніи литературы и отношеніи къ ней какъ общества, такъ и самыхъ авторовъ, не могло быть и рѣчи о безповоротномъ утвержденіи новаго направленія въ молодой литературѣ и о господствѣ того, что называется «литера-

турной школой». Вотъ почему мы и наблюдаемъ въ исторіи развитія украинской литературы факты, если такъ можно выразиться, атавизма, воскрешенія повидимому отошедшихъ уже въ область исторіи и сданныхъ въ архивъ литературныхъ теченій то романтизма, то сентиментализма въ произведеніяхъ даже такихъ крупныхъ дарованій, какъ Квитка, Кулишъ и Марко Вовчокъ. Свидницкій, выступившій на литературное поприще въ очень молодыхъ, еще студенческихъ годахъ, твердой ногой становится сразу на почву строго реальную. Авторъ повѣсти, несмотря на свои молодые годы, несмотря на то, что эта хроника является едва-ли не первымъ его опытомъ въ беллетристикѣ, сумѣлъ, кромѣ того, поставить факты пережитой и наблюдаемой имъ дѣйствительности на широкую соціально-бытовую почву, поставить эти факты въ связь съ общими условіями жизни и быта, уяснить ихъ съ точки зрѣнія этихъ общихъ началъ въ прекрасной, художественной формѣ. Это обстоятельство служитъ самымъ вѣскимъ доказательствомъ наличности крупнаго литературнаго таланта въ безвременно погибшемъ Свидницкомъ, такъ какъ оставаться все время на высотѣ художественнаго творчества, открывая предъ взоромъ читателя картину за картиной изъ пережитой и выстраданной самимъ авторомъ дѣйствительности, не сбиться съ тона и не сойти на скользкую почву публицистики въ изображеніи явленій и фактовъ, являющихся наболѣвшимъ мѣстомъ, легкое прикосновеніе къ которому отзывается мучительной острой болью въ изстрадавшемся сердцѣ,—безъ сомнѣнія способенъ только крупный художникъ, обладающій чувствомъ художественнаго чутья и мѣры. Таковымъ, дѣйствительно, и является Свидницкій передъ глазами, не ошибемся, если скажемъ, даже самаго взыскательнаго читателя, такъ что съ увѣренностью можно сказать, что сложись его жизнь счастливѣе, поставь она его въ условія, благопріятствовавшія развитію его крупнаго дарованія, не прервись, наконецъ, она въ то самое время, когда талантъ достигаетъ своего расцвѣта, украинская литература обогатилась бы не

однимъ произведеніемъ, подобнымъ хроникѣ. Но, къ сожалѣнію, Свидницкому, какъ и многимъ другимъ даровитымъ украинскимъ писателямъ (Стороженко, Номисъ, Манжура), суждено было быть жертвой того тяжелаго безвременья, которое длится и до нашихъ дней, отнимая одну за другой наши литературныя силы.

Ф. Матушевскій.

СЫЛА И КРАСА.

I.

Тыхо-тыхо въ Сонгороди. Тыхо въ ёму, якъ и дощыкъ сиче день и ничъ, якъ и снигъ трищыть пидъ ногою, тыхо й тоди, якъ соловейко залывается писнею-коханнямъ по садахъ, по гаяхъ, по зеленыхъ дибровахъ. А надто тыхо въ литній, робочый день. Тыхо на улыцяхъ зъ плетеными тынамы, тыхо на головній вулыци зъ неодминною полицыею, управою и будынкомъ про арештантивъ, тыхо коло крамныць на базари,—скризь тыхо. Выйдешъ на головну вулыцю, що гинъ на трое тягнется зъ одного кинця миста до другого, подывышся праворучъ—тыхо, пусто и никого нема; глянешъ ливоручъ—тынъ, дереза и никого нема; куды не глянешъ—тыхо, пусто, тилькы витеръ тыхенько шелестыть та грается лыстямъ. Де-колы пройде закутаный въ сирый балахонъ урядныкъ зъ лошямъ позаду, зжене горобцивъ, що купалыся въ мьякому, гарячому по́роси на шляху, проплентается жыдъ на биди, пробижыть якый-небудь Сирко зъ репъяхамы въ хвости, скакаючы на трёхъ ногахъ и ховаючы голову по затинкахъ, выткне голову зъ рову свыня, важко зитхне, хрюкне и зновъ заховается; и знову все стыхне, знову засне, тилькы налякани горобци позлитають зъ тынивъ на горячый порохъ та витрець тыхенько шепочется зъ лыстямы.

Край миста на гори, на самому выгони, стоить маленька, старенька хатынка. Биля неи на подвирьи все пошарпане, поруйноване,—клуня обидрана, хливець безъ покривли похылився, тынъ ледве держыться и сама вона тежъ похылылась, покрывылась, облупылась и якось сумно дывыться маленькымы виконцямы на городъ. Спытайте кого хочете въ Сонгороди, чыя то хата, и кожный вамъ скаже, що то—хата Илька Чубатого, хочъ и молодого, але першого злодія на цилый Сонгородъ,—злодія, котрого самъ батько одцурався, а добри люде десятою вулыцею обмынають, зъ котрымъ мають дило тилькы ёго прыятели, таки жъ якъ и винъ злодіи: Андрій Голубъ, Марко Чумарченко, дочка Марка. Мотря, де-килькы голодрабцивъ и весь той людъ, що не мае въ души Бога й не боится ни тучи, ни грому. Кожный вамъ скаже, що Илько вже сыдивъ въ губерніи въ тюрми, що мало, якъ два разы на тыждень сыдыть винъ на этапи, що сходъ збирается ёго выслаты «на поселення», та Илько на се не вважае: у ночи грабуе—палыть, а въ день або спыть, або гуляе.

Сонце стоить на пивдни. Тыхо на вулыци. Далеко видніется цилe мисто таке невелычке, що скорище бъ можна назвать ёго велыкымъ селомъ. Шыроко розляглося воно соломьянымы покривлямы, зеленымы садкамы, далекымы лугамы. Тилькы по середыни вьется стежка зъ зализныхъ покрывль—то крамныци та казенни будынкы.

Схылывся Илько на тынъ и замеръ,—ни думокъ, ни бажань, навить дыхання не почувавъ винъ въ соби, тилькы чувъ, якъ сонце грило-пекло въ спыну, якъ розлывало якись линощи по тили и байдужисть до всёго. Байдуже дывывся винъ, якъ пиднявся выхоръ, закрутывъ соломою, розигнавъ горобцивъ, попхнувъ до тыну якусь курку, що розипьяла хвоста, мовъ віяло; байдуже слухавъ, якъ хтось десь за горо́домъ гукавъ: «Явдо́-о-о-хо!.. Явдохо́-о-о́!!...» Тилькы якъ сонце сховалось за хмару й на вулыци потемнишало, подвився, зитхнувъ и пишовъ до хаты. Пройшла жъ хмара, выглянуло сонце—Илько розлигся на шырокій прызьби и зновъ почувъ ёго на соби, зновъ почувъ линощи й байдужисть.

— Драстуй. Ильку!—вмыть почувъ винъ коло себе. Илько здригнувсь, росплющывъ очи й пидвився.

— Ти! злякала,—промовывъ винъ, зновъ лягаючы й закыдаючы рукы за голову.—Мотря.... думавъ, хто такый... Драстуй!

— Не пизнавъ?—пидхопыла Мотря, якось нервово й швыдко зрываючы зъ головы хустку и прыглажуючы тремтячою рукою чорне, якъ сажа, волосся, що высмыкувалось на вси бокы.—Давно бачылысь! якъ въ гороси, такъ и доси!

— Ажъ здригнувся—позихаючы, промовывъ Илько.

— Такъ злякала? Ха-ха-ха! Хиба й злодіи уміють лякаться? Отъ-то!

Илько здывовано подывився на неи.

— Чого дывышся? Не пизнавъ, може, ще й доси? Я—Мотря! Мотря, Мотря! Твоя полюбовныця... ха-ха-ха! Чудно, правда?... Ну й душно!... Та чого дывышся? Не бачивъ? Може поцилуешъ? Ха-ха-ха! А Андрій за це мене ще буде быть.. Винъ мене тилькы що зновъ бывъ.. Дывы, о... сынякъ вже набигъ... А ты поцилуй! Ты жъ тежъ полюбовныкъ, ха-ха-ха! Одынъ бье, а другый цилуе. Ось винъ заразъ прыйде сюды, а я на злисть ёму прыбигла до тебе... Ты, може, думаешъ, що я тебе люблю? Пхи! Я ёго люблю, а тебе ни!..

— Слухай,—пидвившись, поважно промовывъ Илько,—ты, ій-Богу, здурила.

— Ха-ха-ха-ха!!

— Може выпыла?

— А вже-жъ выпыла! а то жъ якъ! Полюбовныкы пьють, а полюбовныци то й не можна?! Ха-ха-ха! Дурный ты!.. Ну, й душно! Чы й тоби душно?... Та! я й забула, що ты, якъ кавунъ, на сонци...

Мотря махнула на себе хусткою, сила на прызьби и задумалась. Илько, пыльно слидкуючы за нею, проты воли задывывся на красу іи, що теперъ ще якось выразнище выявлялась на сиромy тли стины,—на ту красу, що не бье въ вичи, що на перший поглядъ ледве прымитна, а тилькы въ неи вдывывшыся, можна впыться й очамы, й серцемъ, всею истотою. То була краса,

що выкохуется тилькы на Украини, але не така, якъ малюють де-якы зъ нащыхъ пысьменныкивъ. Не було у неи ни «губокъ, якъ пупьянокъ, червоныхъ, якъ добре намысто», ни «пидборидця, якъ горишокъ», ни «щокъ, якъ повная рожа», и сама вона не «вылискувалась, якъ макивка на городи». Чорна, безъ блыску, товста коса; невысокый, трохы выпнутый лобъ; нисъ тонкый, ривный, зъ жывымы пиздрямы; свижи, наче дытячи губы, що якось мыло загыналысь на кинцяхъ; легка смага на матовыхъ, наче марморовыхъ щокахъ и велыки, надзвычайно велыки. зъ довгымы віямы, темно-сири очи, зъ котрыхъ, здавалось, дывлячысь, наче лывся якыйсь тыхый, мнякый, ласкавый свитъ,—то була й уся краса цієи дивчыны.

— Та-а-къ...—протягнувъ Илько, не зводячы зъ неи очей и прыслухаючысь, якъ у грудяхъ у ёго щось то захолоне, то зомліе зъ одного погляду въ іи очи, въ той глыбокый, чаруючый поглядъ.

— Га?—мовъ прокынулась Мотря.—Шо ты кажешъ?

— Ничого... Чого ты така? Та й гарна жъ, ій-Богу!—перебывъ себе Илько.

— Хиба гарна?—пидхопыла Мотря.—Дуже? Га? Ты бъ, правда, не вдарывъ-бы, пожаливъ? Ха-ха-ха! Та куды тоби! Ще бъ я тебе набыла, якъ бы схотила. Ты тилькы жыдивъ и вміешъ быть. А здоровый!...

— А ну, дай, зацидю,—побачышъ, чы вмію!

— Ну-да «дай»! А крыкны на тебе—то й сховаешъ хвоста... Хиба ты посміешъ? Отъ Андрій... дывы... о!. о!.. ось!—розстибнувшы кохточку, не соромлячысь, наче поспишаючы куды, показала вона чотыри круглыхъ сынякы.—Це такъ ухопывъ рукою!

— Ого!—засміявся Илько,—а ну, пидожды..., та стій. я подывлюсь.

— Этъ! одчепысь!—одпихнула вона ёго руку й закрылась.

— Та за вищо жъ то?—роблено позихнувъ Илько,—може й ёму руку одпыхала? За це стóить!

— Сто́ить?—пиднялась Мотря и трохы одкынулась высокымъ тонкымъ станомъ назадъ,—стоить, говорышъ?

— Та чого жъ? абы й видъ мене була у тебе дытына, то й я бывъ бы, якъ бы одпыхала. Не задавайся!

— Не задавайся?—дывлячысь пыльно на ёго, перепытала Мотря.

— А то жъ! Звязалась и мовчы!

— Мовчы?

— А мовчы, бо й не те ще буде!

— Буде?

— Тю! та ты здурила!.. Та чого такъ дывышся на мене? Не бачыла?

Мотря всмихнулась, накынула хустку на голову и, роздывляючысь на Илька, промовыла:

— Бачыла.. пхи! такого добра!... Дывлюсь на тебе, що ты такый дурный и... гарный. Ха-ха-ха!

— А хиба поганый? Гыдче й за Андрія бъ то?

— За Андрія? О, ни, ни!.. Э якъ бы Андрій такый, якъ ты! Якъ бы Андріеви ци кучери, ци бровы, очи, однымъ словомъ, якъ бы винъ бувъ твоеи красы! А все такы люблю Андрія. Не вирышъ?.. усмихаешся?

— Ни, чого жъ, на здоровья...

— А ну васъ къ чорту! Ты, краще, знаешъ що?—зразу змынила вона тонъ,—заховай мене де-небудь. Ій Богу! А то винъ заразъ прыйде сюды и побачыть... Заховай, Ильку!..

— Та хай бачыть, хиба це первына, чы що, що ты у мене?—знехотя пидвився Илько.—Куды жъ тебе заховать?—повивъ винъ очыма навкругы,—нема де... Хиба въ хати?

— Ни, въ хати побачыть... Та й правда: хиба первына? Не треба!—махнула рукою Мотря и, щось надумавшы, побигла до воритъ.—Ще нема!—вернувшысь, промовыла вона,—а буде, заразъ буде! О, то-сатана! хытра тварюка!... А що́ винъ тоби говорыть про мене?

— Ничого не говорыть.

— Якъ «ничого»! Щось же та говорыть?

— Ничого. Мовчыть усе.

— О! потаенный, чортъ! Куды тоби!! Плохый ты проты ёго... Винъ заразъ прыйде. Все одно дознався бъ, що я тутъ. Ну, та не хай бачыть! Дытыну вбье? Хай убывае... Клопитъ!.. Меньче морокы!...

— Та за вищо жъ винъ сёгодчя бывъ тебе?—позихнувъ Илько, зновъ сидаючы на прызьби.

— За що?—перепытала Мотря, пыльно дывлячысь на ёго.—Сказать?.. За те, що була у тебе вчора, за те, що задывляюсь на тебе, за те, що цилую и ёго, и тебе! За те, що одъ ёго бижу до тебе!

Илько всмихнувся.

— Правда, гыдка я? Якъ сама послидня?.. Отъ-то! Нехай!..

— Та чого винъ зъ тобою не одружытся?—поважно промовывъ Илько.

— Бо я не хочу!

— И до мене бъ тоди не ходыла бъ, и не бывъ бы. Чы ходыла бъ? Га?

— Ну, то вже дулю зйивъ бы!—гордо блыснула очыма Мотря.—То вже чорта пухлого!

— Хиба?.. Хм..., а мени здается, що ходыла бъ.

— Ну, то побачылы-бъ!—кынула вона.

— А якъ бы Андрія піймалы й засадылы въ тюрму?

— То до тебе, думаешъ, побигла-бъ?... А хиба не бигаю? Ха—ха—ха! Слухай, ты заховай мене, ій-Богу,—винъ убье мене... Заховай, голубе, заховай! Винъ заразъ прыйде...—и, оглядаючысь навкругы, Мотря нервово потягнула Илька за руку зъ прызьбы.

— Та не вбье, одчепысь!... Заступлюсь.

— Хто? ты?—пустывшы ёго руку, зареготала Мотря:—проты Андрія? Ой, Господы!

— То бъ то не подужаю?—всмихаючысь, потягся Илько и, выривнявшы могутный, ривный, высокый станъ, глянувъ на себе зъ горы.—Не подужаю? Я?

— Та... подужаешъ, та що зъ того? Винъ тебе однымы словамы... Та ни! ты й рукы не смитымешъ пиднять на ёго. Винъ тилькы подывыться на тебе, то ты й прысядешъ.

— Я?—знову задоволено всмихаючысь, повивъ Илько очыма видъ чобитъ до грудей. – Я прысяду? Хиба буду нижче видъ ёго? А подывысь!

Илько провивъ рукою по темныхъ, шовковыхъ вусахъ, пиднявъ гарну свою голову, трохы прыщурывъ чорни, оксамытни очи, выставывъ впередъ высоки, дужи груды и всмихнувся. Мотря знехотя подывылась, заразъ же одвернулась и буркнула:

— Та тилькы й того, що гарный та здоровый!

— А мало хиба?

— Та...—и не договорыла.

— А мало хиба? Га?—пахыляючысь до неи и, стыха обнимаючы, прошепотивъ Илько.

— Одчепысь, побачять...—безсыло одпыхаючы, задывляючысь въ темни, глыбоки очи ёго, ледве вымовыла вона.

— Правда жъ, доволи? правда, не мало?—прыгортаючы и и щыльнище прытуплюючысь, ледве чутно говорывъ винъ.

— Доволи?—скынула вона очыма на ёго—доволи? Ой, ни, ни!..

— А що жъ тоби?

— Що?... що?... А хто ёго зна... Ой, не тулы такъ—побачять.

— Якый чортъ! теперъ и собакы на улыци нема. А то ходимъ у хату... Га?

— Ни, ни, не треба. Такъ краще... Ты теперъ такый хорошый... Стій, я подывлюсь... Знаешъ, якъ я дывлюсь на тебе, мени якось робытся... якось.., ну, якъ бы тоби сказать... весело. Прямо якось весело, якъ я дывлюсь на тебе!...

Илько мовчавъ и почувавъ, якъ молоде, гнучке іи тило тремтило пидъ ёго рукою, що лежала на стани, якъ тепло цёго тила переходыло на ёго; якъ зъ кожнымъ обіймомъ, зъ кожнымъ поглядомъ въ іи очи, що любовалы зъ ёго, серце ёго все бильшъ замырало и стукало до болю въ грудяхъ...

— Пидожды я тоби розправлю вуса... стій... отъ такъ... Ой, не тулы такъ,—и такъ душно. Ну тебе, я разъ-у-разъ тилькы роспаскужуюсь коло тебе... Нема того, щобъ тыхо та любо по-

сыдить... Онъ якый вже! Пусты! Хочъ и гарный, а пусты... Чуешъ?... Ну, щожъ мовчышъ? Пусты!

И важко дыхаючы, розчервонившысь, схопылась вона и стала коло Илька, котрый похмурывся и дывывсь кудысь на улыцю. «Чортова дивка,—подумалось ёму,—покы не дывышся на неи—лыпне: самъ почнешъ лыпнуть—одлыпа».

— Та й чудни вы бабы!—усмихаючысь, вымовывъ винъ.

— Чого такъ?—трохы здывувавшысь, спытала Мотря.

— Та того: покы зъ вамы, якъ зъ собакою, поты й хороши, ставъ за панибрата—собакою зробышся...

— Хм... А ты женысь, то разъ-у-разъ хороши будуть,—тыхо кынула Мотря и вдумлыво подывылась на ёго.

Илько нычого не видповивъ, тилькы подывывся на неи й одвернувся.

— А справди, слухай, одружывся-бъ ты зо мною?—якось жваво запытала вона и заразъ же, поспишаючысь додала:—тилькы не думай, що я справди хочу,—я тилькы пытаю.

— Про всякый, значыться случай?—усмихнувся Илько.

— Та то... вже...

— Чы оженывся-бъ я зъ тобою?—протягнувъ винъ и, пыльно удумавшысь, подывывся на неи. И за сымъ поглядомъ, видъ думкы самои про шлюбъ зъ нею, винъ почувъ, якъ чогось очи ии зробылысь не такымы вже гарнымы, якъ груды, коса, станъ, губы, нисъ сталы зразу такымы знаёмымы, самымы звычайнымы, якъ весь вплывъ красы ии кудысь зныкъ и замисць ёго стала якась ніяковисть и навить нудьга.

— Хто ёго зна...—ніяково всмихнувся винъ и, удаючы зъ себе веселого, додавъ:—А хто жъ тоди злодійствувать буде? Вже жъ треба тоди покынуть гульню?

— Такъ не оженывся-бъ?

— Та на вищо тоби знать?

— Ну, я хочу!... Не оженывся-бъ? Ну, говоры!

— Комедія! Ну..., не оженывся-бъ... Та на вищо тоби выходыть замижъ? Хиба такъ погано?

— Я такъ, хотила тилькы довидатысь,—сухо кынула Мотря и задумалась. Илько помовчавъ и тыхо лигъ на прызьби.

— Тилькы ты не думай, що я набываюсь, або що!—стрепенувшысь засміялась Мотря.—Може, не выйшла-бъ за тебе, якъ бы ты й хотивъ.—Я такъ тилькы... Стій, стій,—перебыла вона себе и стала прыслухатысь. Улыцею, выдко, наблыжався хтось, спиваючы.

— Ій-Богу, Андрій!—зблидла Мотря и нервово усмихнулась.—О! хытрый чортъ! наче винъ такъ соби... Ну, и я заспиваю... Нехай! Пхи!...

«Ой, не ходы, козаче, до мене,
Буде слава на тебе й на мене»...

взяла вона мнякымъ, грудным сопрано, и сумни згукы чуло розпеслысь по кутку и обизвалысь мижъ высокымы вербамы горо́дивъ. Чоловичый голосъ заразъ же змовкъ и черезъ де-килька хвылынъ коло воритъ показався середнёго зросту парубокъ рокивъ трыдцяты, въ клитчатыхъ вузькыхъ, на выпускъ, штаняхъ, въ такимъ же самимъ пиджаку, въ картузи, яки носять ляшкы-прыкащыкы по экономыяхъ, и въ черевыкахъ на такыхъ рыпахъ, що ихъ було чуть ще тоди, якъ самого хазяина ихъ ще й въ вичи не выдаты.

— Я-жъ казала, що Андрій!—прошепотила Мотря и, наче не прымичаючы ёго, весело й швыдко заговорыла до Илька, котрый пидвився й закрываючы очи видъ сонця, ласкаво й прывитно всмихавсь до Андрія. А Андрій, знявшы картуза, вытыравъ червоненькою хусткою билый-билый, высокый лобъ, обведеный сызою смугою видъ картуза, веснянкувате, зъ шырокымы выльцямы, лыце зъ червонымы плямамы тамъ, де у инчихъ бувае смага; протыравъ видъ пороху маленьки, сиреньки, зъ билымы віямы, очи, яки бувають у молодыхъ, билыхъ поросятъ; протыравъ руди, коротки, кудлати вуса,—и роблячы се все повагомъ, не поспишаючы, й соби весело-прывитно посмихався й наблыжавсь до ныхъ.

— А! и Андрій сюды!—наче тилькы що побачывшы ёго, повернулась Мотря и весело заговорыла до ёго:—А я оце йшла до титкы, та й зайшла, знаешъ, сюды...

— Драстуй, Ильку,—перебывъ ій Андрій—гріешся все на сонечку? Ахъ, ты жъ, лодарю! А въ вечери...

И не договорывъ: поривнявшысь зъ Мотрею, вмыть зупынывся, блыснувъ очима, замахнувся кулакомъ, и Мотря, скрыкнувшы, захыталась, закрылась рукамы и звалылась, якъ снипъ. Якъ дыкый звиръ накынувся винъ на неи и почавъ топтать ій ногамы, быть передкамы черевыкивъ у бокы, въ спыну, въ жывитъ, шарпаючы за косы, зъ пиною на губахъ, зъ якымсь хрыплымъ ревомъ прымовляючы:

— А—а—а—э—э!... Сміешся! А! сміешся ще! Э—э! Тикать?... Отъ!... отъ!... Э!

А Мотря, закрывшы щыльно рукамы лыце, зигнувшысь якось на бикъ, тилькы здригувалась, посовувалась пидъ ударамы и не плакала, не крычала, навить не застогнала й разу.

— Та що ты, Андрію! Тю! Та годи, здуривъ!—схаменувся сторопилый Илько.—Убьешъ же! Годи!—и потягнувъ за руку.

— Ильку!! не въ свое дило не мишайсь!—прохрыпивъ Андрій, зупынывшысь и повернувшысь до Илька.—Заступныкивъ не треба!

Розпатлана, зъ збытою на бикъ хусткою, зъ сынимы губамы, зъ темно-червоною плямою на ливій щоци, зъ пыломъ и смиттямъ, що поналыпалы на другій, розхристана, важко дыхаючы, пидняласъ Мотря и впылася очыма въ Илька.

— Та убьешъ!... Хыба жъ можна такъ?—одступывъ трохы Илько.

— Не твое дило!!

— Та про мене!—здвыгнувъ Илько плечыма, нахыляючы голову на бикъ и махнувшы рукою.—Вбьешъ, самъ одвичать будешъ...

— Ха—ха—ха—ха! Заступывсь, заступывсь!—зареготала Мотря и, схопывшысь, пидбигла до Илька.—Такъ ось же тоби, тьфу! тьфу! тьфу у саму твою гарну морду! Тьфу на тебе! «Я

заступлюсь!» каже. Ха—ха—ха! Ты?! Проты ёго?! У, паршывый, никчемный! Тьфу! Ось тоби, о, на́!

— Ну, ты...—одхыляючысь одъ ін дуль, муркнувъ Илько,—бо якъ дамъ...

— Ха—ха—ха! Ты? дасы? А ну, спробуй, а ну, а нужъ, ну! Чого ты? На́ ще, на́! Бый же! Тьфу на тебе! Тьфу у сами твои гарни очи!... У, паршывый!.. А ты, сатано руда, не посмихайсь, не задавайсь! Ты думаешъ, я не знаю твоихъ думокъ? Знаю, знаю! Тилькы ты не задавайся. Я ёму плюю въ морду и пиду до ёго и буду ходыть, на зло тоби буду ходыть, бо винъ—гарный, а ты—рудый! И ось вамъ обомъ прокляти, ось!—и тыкнувшы зъ ненавыстю дви дули, блыснула очыма, насунула хустку й швыдко пишла зъ двору.

— Скажена баба, ій-Богу!—ніяково всмихаючысь, промовывъ Илько, сидаючы на прызьбу. Андрій мовчкы всмихнувся, пиднявъ зъ земли соломынку и сивъ рядомъ. Навкругы писля галасу зробылось наче ще тыхище, тилькы десь далеко-далеко гавкалы собакы та витеръ злегка шелестивъ соломою.

— Пидешъ завтра на ярмарокъ?—помовчавшы трохы, спытавъ Илько.

— Небезпреминно. А ты?—пидвивъ голову Андрій.

— Та хто ёго зна...

— Гайда вдвохъ!

— Чого?

— Поможешъ мени.

— Та у тебе жъ Остапъ йе.

— Та ну ёго къ бису—самого Остапа: винъ або спыть, або пье... Та й чортъ ёго зна, де ёго шукать. Гайда ты... Га?

— Та хто ёго зна.., ій Богу..,—замнявся Илько.

— «Та хто ёго зна»! А що жъ ты завтра робытымешъ? Колы жъ и заробыть, якъ не завтра? Та й «робота» жъ яка: пидійшовъ до того, кого покажу, роспытавсь, назвавсь родычемъ и пишовъ зъ нымъ въ пывну... Хе—хе—хе! Робота! А въ кышени вже и йе десятка... Га? А ще розумный хлопець!

— Та я розумію; чого-жъ?—образывшысь трохы, промовывъ Илько,—що-жъ тутъ не розумить? Звисно, можна заробыть. Але... не люблю я ходы—ы—ыть, та говоры—ы—ыть, та пиддурювать. По моёму: побачывъ, взявъ та й герехтъ!... Або якъ що—въ морду, въ ухо...

— А потимъ побачылы, взялы—и въ тюрму. Такъ?

— Ну!...

— Отъ то́ то-жъ бо й йе, що «ну»! А тутъ, братъ, прыйшовъ, побалакавъ, зробывся родычемъ и йды въ пывну и не одвичаешъ!

— Та воно такъ,—згодывся Илько,—колы-жъ... Ну, а якъ винъ не повирыть и не захоче одійты одъ воза?

— Ну, якъ такы не повирыть? Повирыть! Мурло дурне, зрадіе...

— Ну-да, зрадіе... А якъ ёго зъ имъ балакать?

— Прямо говоры, що знавъ ёго батька, брата, чы що... Прыплеты сюды свого дида, бабу...

— Та хто ёго зна... Ни, ій-Богу, Андрію, я не можу. Що друге, знаешъ, я можу... Хыба жъ я колы одказувавъ? Чы пидпалыть жыда—палывъ; чы розбыть кого—бывъ.—А це, прыставляться... Не можу!

— Скажы, що не хочешъ,—усмихнувся Андрій.

— Ну, отъ ще!

Змовклы.

— Чого-то вчора до тебе батько твій прыходывъ?—трохы згодомъ промовывъ Андрій.

— Та звисно чого!—засміявся Илько,—умовляты, щобъ я кынувъ гулять та за роботу взявся.

— Ну?

— Ну, а я ёму сказавъ, що тоди буду робыть, якъ буде робыть Клейтухъ, Тартаковськый и уси багачи.

— А винъ?

— «Такъ воны, каже, не грабують». И я, кажу, не грабую. «Брешешъ, каже, ты, каже, тымъ и жывешъ!» Ба ни, кажу, якъ

на те пишло, то воны саме й грабують, бо деруть и зъ слабого, и зъ бидного: а я зъ бидного не деру...

— Бо чортма чого драть!—хытро пидморгнувшы, усмихнувся Андрій.

— Ну-да!—зареготався Илько —на чорта́ мороку зачипать зъ бидным, якъ на багатому можна пойихать?...

— Хоча бидного все-такы жаль...

— Та ну-да жаль!—пидхопывъ Илько и подывывся пыльно на Андрія,—звисно, бидный що? заразъ заплаче..

— Ну, а батько жъ що?

— Та що? «За це, каже, на тимъ свити зъ тебе будуть шкуру драть.» Эге! кажу, до того свиту далеко, а якъ други тутъ деруть, то чого жъ я не можу зъ ныхъ подрать?

— А винъ що?

— Плюнувъ та й пишовъ до-дому.

— Ну-да,—почавъ Андрій—то все, бачышъ, такъ. Колы жъ одне... Багачи, бачъ, якъ деруть, то хочъ не бьють. А ты ще й бьешъ.

— Ну, що тамъ! ударю разъ, два...

— Ого! добре разъ, два—засміявся Андрій,—а якъ тому ковбасныкови щелепы звернувъ?

— А чого лизъ?—зареготався Илько—я ёму...

— Бачъ, якъ-бы ты робывъ такъ якъ я,—перебывъ Андрій,—не бывъ, не заводывся, а тыхо та любо, то й було-бъ, що й ты не грабуешъ...

— Ну-да,—муркнувъ Илько.

— А то ты и змалечку усе бьешся. И тоби достается. Памьятаешъ, якъ разъ тебе трохы не вбылы на базари? Якъ-бы не я, то й убылы-бъ мабуть.

— То коло Хаимовського?

— Эге-жъ.

— Ну, такъ ихъ же було зъ трыдцятеро, а я самъ.

— Та то все одно, а вбылы-бъ.

— А вбылы-бъ, гаспиды!—зареготавсь Илько,—якъ-бы не пидскочывъ ты, убылы-бъ!

— А якъ хлопцямы ще булы,—пидхопывъ Андрій—то разъ-у-разъ же я тебе вызволявъ, бо то зъ тымъ, то зъ другымъ заведешся...

— Та и въ школи...

— А якъ на ставку? Жыденята? Та и въ школи... А якъ зъ школы зъ тобою тикалы, памьятаешъ? Ты, бувало, ховавъ книжкы биля Рывкы у бурьянъ. А, знаешъ, тоди якось веселище було!—ожывывся Илько.—Бувало, памьятаешъ, цилый день на рычци... товарыши...

— Хм!...—гирко усмихнувся Андрій,—то правда, що тоди тилькы й товарыши, якъ самому бида... А теперъ якъ допомогты тому самому товарышови, то й нема... Эхъ!...

— Та чудный ты, ій-Богу, Андрію!—вынувато глянувъ Илько,—хыба жъ я не хочу?

— Та ну-да не хочешъ! Тутъ же нычого важкого нема.

— То тилькы, говорышъ, пидговорыты у пывну?

— Бильше нычого! Тамъ вже я самъ зъ Грышкою.

— Та я пиду... А десятка-жъ буде?

— Якъ удачна робота буде, то й дви дамъ!

— Ну?!

— Ій-Богу! Такъ обищаешъ?

— Обищаю.

— Ій-Богу?

— Ій-Богу.

— Ну, гляды-жъ!—вставъ Андрій.

— О! Куды-жъ ты? Посыдь ще, побалакаемъ. Усе згадалось... Вставъ и Илько, кысло вытягнувшы лыце.

— Ни, николы... Треба ще... Такъ не обманешъ?

— Та вже сказавъ... Та посыдь, поговорылы-бъ...

— Ну, гляды! Прощай!

«А все-такы до Остапа треба зайты, прыготовыть про всякый случай»,—выходячы зъ двору,—подумавъ Андрій и тыхо пишовъ улыцею, що спускалась у яръ, потимъ ишла на другу гору и пропадала мижъ хатамы.

На самому дни яру, биля крыныци зъ велыкымъ журавлемъ, обсажена навкругы садкомъ, стояла хата Марка Чумарченка, батька Мотрыного, удовця-звощыка, гиркого пьяныци, прыятеля Илькового и Андріёвого. Поривнявшысь зъ хатою, Андрій спынывся и глянувъ черезъ тынъ. На прызьби сыдила Мотря, склавшы рукы й дывлячысь замыслено кудысь у бикъ. Андрій постоявъ трохы, подумавъ, крыво-ніяково всмихнувся и ставъ перелазыть черезъ тынъ. Почувшы шарудиння, Мотря повернула голову, пошукала очыма и, забачывшы Андрія, похмурылась и одвернулась.

— Болыть и доси?—тыхо спытавъ Андрій, сидаючы биля неи и беручы за ликоть. Мотря, не повертаючы головы, шарпнула руку и зновъ склала на колина.

— Дуже болыть?— ще тыхше спытавъ Андрій. И въ тыхому сёму пытанни, наче въ розбытому голоси було стилькы теплои ласкы, стилькы благання й жалю вынуватого, що у Мотри наче морозъ пройшовъ по тилу, а серце здавылось страшнымъ до мукы жалемъ до Андрія, до себе, до своеи щокы, що й доси ще палала, до побытыхъ рукъ, нигъ, до всёго свого понивеченого жыття. И Андрій почувъ, якъ та рука, що перше пручалась, задрижала въ ёго руци, побачывъ, якъ велыки ии очи налылысь слизьмы, якъ губы якось по-дытячому скрывылысь и затремтило пидборидця. Андрій похоловъ, замеръ. Си очи, що налылыся слизьмы, си горди губы, що скрывылысь по-дытячому, се урывчасте хлыпання, се тремтиння тила, се тяжке рыдання Мотри,— тои Мотри, що тилькы злистно-весело сміялась разъ-у-разъ на вси ёго бійки та гордо всмихалася на вси ёго скажени речи, у котрои винъ николы не бачывъ и не думавъ побачыть сыхъ слизъ, сыхъ скрывленыхъ губъ,—се все було такъ несподиване, такъ дывно, такъ невымовно чудно, пронызало ёго такымъ гострымъ болемъ жалощивъ, що спершу винъ ничого не мигъ вымовыть, тилькы якось пиднявшы бровы, зблидшы, ніяково скрывывшы губы въ усмишку, сылкувався пиднять ии голову, одтулыть одъ лыця ии рукы, заспокоить, потишыть. И вже якъ рыдання сталы зтыхать, а рукы перестали давыть ёго шыю, винъ змигъ пробурмотать:

— Отъ!... хм! Ты дывы... Отъ нещастя... Ну, буде, ну годи... Отъ-то! Та Богъ зъ тобою... Отъ-то! Ну, годи-жъ... Отъ-то... Ты дывы...

И тилькы, якъ Мотря мижъ хлыпаннямъ вымовыла: «Тилькы... не кыдай... мене»... заговорывъ розумно, и зъ такымъ запаломъ невымовнои любовы, зъ такою сылою чуття, що Мотря заразъ же стыхла, пидняла голову и очамы, на якыхъ блыщалы ще слёзы, радистно, зъ любовю дывылась на ёго. Андрій змовкъ. Мотря нахылыла голову й задумалась.

На улыци по малу прокыдалось жыття: заревла череда, замекалы вивци, заляскалы батогамы пастухы, заторохкотилы потроху возы, заскрыпивъ журавель биля крыныци, задымылысь дымари, почулыся писни.

— Андрію!—тыхо промовыла Мотря, не пиднимаючы головы. Андрій одвивъ свій поглядъ одъ червоныхъ останнихъ промынныкъ сонця й мовчкы повернувъ до неи голову.

— Засылай старостивъ—ще тыхище додала Мотря и ще нижче нахылыла голову.

— Якъ! що?—не ймучы своимъ ушамъ виры скрыкнувъ Андрій.—Ты кажешъ, щобъ я засылавъ до тебе старостивъ? А ты жъ... Та брешешъ!

— Ій-Богу. Годи вже..., не можу...

Андрій одхылывся трохы, пидпявъ іи голову и пыльно подывывся ій у вичи.

— Ни, здается, не бреше... Правда?

— Правда, Андрію!—усмихнулась Мотря,—ій-Богу, правда. Оця бійка, сварка..., дытына... Годи вже... засылай старостивъ...

— Й Илька кынешъ?—Здержуючысь и трохы тыхище запытавъ винъ. Мотря крыво всмихнулась и, нахылывшысь, мовчкы хытнула головою.

— Зовсимъ? Не пидешъ никóлы?

Мотря легше хытнула.

— Николы не поцилуешъ, николы не дасы ёму й рукы до тебе простягнуть? Николы?

Мотря тилькы мовчала.

— Илька?.. Подумай: ты и торикъ це жъ саме говорыла и на другый же день побигла... Подумай, удумайся... Я жъ и теперъ скажу не быть буду, а убью, якъ побижышъ жинкою!

— Знаешъ що, Андрію,—ніяково всмихаючысь, не дывлячысь на ёго, пидняла голову Мотря,—я... ще... подумаю. Я скажу вже потимъ... Ну, въ четверъ скажу...

— Ага!—зъ злистю муркнувъ Андрій,—я такъ и знавъ. Ухъ, ты, хвойда проклята!— зъ зневагою, зъ ненавыстю кынувъ винъ и, одныхнувшы ій руку, що лежала на колини у ёго насунувъ картуза и вставъ.

— Пидожды!—зблидла Мотря,—куды жъ ты? Я жъ не сказала, що не пиду за тебе...

— Такъ скажешъ, все одно. Прощай!..

— Ну, ни, пидожды... Я жъ... ты жъ... Ты жъ самъ говорышъ «подумай». Я пиду за тебе, я подумаю. Ты жъ... я жъ тоби николы ничого не казала, якъ ты позаторикъ не хотивъ брать мене, якъ я хотила; я жъ мовчала.

— Бо не любыла!

— Якъ не любыла? А якъ же?—здывувалась Мотря.

— Такъ прямо...

— И дытына тилькы такъ?—глухо, нахмурывшысь, запытала вона.

— И дытына...

— И въ тюрму до тебе бигала що-дня тилькы такъ?

Андрій махнувъ рукою, але не сказавъ ничого.

— И кулакы твои два рокы зношу тилькы такъ? Чого жъ мовчышъ? На якого жъ чорта ты мени рудый здався, якъ я могла кращыхъ знаты? Га?.. Ухъ, ты!!

— А хиба не знайшла? А Илько? Ще задаётся... Прощай!— ненавыстно выговорывъ винъ за однымъ духомъ и, повернувшысь, швыдко пидійшовъ до тыну, перелизъ и пишовъ по улыци.

— А въ четверъ прыбижышъ!—навздогинци кынула, смiючысь, Мотря.

— Не диждешъ гадыно!

— Ой, прыбижышъ!

Андрій гыдко на всю улыцю, не вважаючы на людей, вылаявсь до Мотри.

— Прыбижышъ, прыбижышъ, бо въ четверъ всю правду скажу!—почувся ще разъ голосъ Мотри и за нымъ якыйсь нервовый, голосный ій смихъ. Андрій ще разъ вылаявсь и швыдче пишовъ одъ хаты, видъ якои наумысне-голосно, якось первово почулось:

А я славы тои не боюся,
Зъ кымъ люблюся,—не наговорюся.

II.

Прокынувся Сонгородъ. Ярмарокъ. На улыцяхъ стоить туманъ пылу; торохкотять возы зъ прывьязанымы до ныхъ киньмы, воламы, коровамы, телятамы: литае солома, шерстъ; «дядькы», поспускавшы зъ полудрабкивъ ногы, по тры, по чотыры, а то й цилымы купамы поспишають до базарю. А на базари галасъ, регитъ, ревъ, выкрыкування, заклыкання, гукання; ряды возивъ, ряды перекупокъ, жыдивъ, кацапивъ, ряды шатривъ зъ хусткамы, намыстамы, кожухамы, ряды зъ рыбою, ряды зъ паляныцямы, ряды зъ дёхтемъ, саломъ, силью. И туманъ пылу по всёму.

Тыхый, спокійный, навить флегматычный украинськый ярмарокъ. Нема въ ёму ни зайвои турботы, ни зайвого крыку, ни зайвои биганыны: мырно, спокійно,—и легкый колёръ флегмы на всёму. Тилькы коло жыдивъ, бублейныць та цыганъ и почуешъ несамовыти крыкы, безсоромну брехню, тилькы коло ныхъ побачышъ бійку, иноди кровъ и разъ-у-разъ полицію.

— Бублычкы! бублычкы гарячи! на сали, на масли, на всимъ продовольстви! Пьять копіёкъ за тры пары, симъ—десятокъ! Добирайте, дядькы, молодыци, гарненьки дивчатка!

И пидійде дядько зъ батогомъ въ рукахъ, уважно обдывыться бублыкы, калачы, паляныци, спытае по чому, подумае трохы, поторкае обережно пальцемъ и мовчкы одійде соби.

— Куды жъ вы, дядечку? Паляныци жъ, якъ сахарь. Десять копіёкъ, дядю! Ну, за девьять оддамъ!

— Знаемъ вашъ сахарь! – бовкне соби пидъ нисъ «дядько» и такъ само пиде дали, прошговхуючысь, роздывляючысь, обмацуючы й одходячы...

— Ахъ, какыи вы сталы скупыи?—докирлыво хытае головою молодый жыдокъ засмаленій, товстопыцій дивци, що роздывлялась на червону зъ зеленымы квиткамы хустку.—Самая петербурская матéрія!.. По самой первой моди!.. Ахъ, скупыи, барышня... Это нé хорошо!

— Дамъ трыцять пьять!—пиднима голову дивка, не выпускаючы хусткы.

— Меньше, какъ шезьдéсять, накажи минé Господь нé можна!. Вамъ какихъ нытокъ?.. Какыи вы скупыи! Такая багатая и красивая барышня и только трыцять пьять... Здачи? Суре, гибъ имъ здачи... Нету?.. Вотъ я чичасъ дамъ здачи, одну мынуточку... Если вы хотите купить этотъ платокъ я вамъ для васъ можý отдать за 50 копéёкъ... По знакомству...

Мовчкы, довго роздывляючысь, стоить дивка биля хусткы и нарешти розвьязуе край своеи хусточкы, выймае грошы, довго личыть ихъ, оддаé жыдкови, пыльно-обережно склада хустку и одходыть тыхо, спокійно, задоволено.

А ще тыхище, ще спокійнище ярмаркують на воловій та кинній.

Веде пару сиренькыхъ, невелычкыхъ бычкивъ худенькый, маленькый, трохы сывенькый «дядечко», зъ одною выпущеною штанынною зъ полотняною латкою на колини, въ брыли, зъ такымъ носомъ, що, здавалося, сей дядечко ще змалечку не цурався чарочкы.

— Що за бычкы, сыній нисъ?

Мовчокъ, тилькы суворый поглядъ зъ пидъ сывенькыхъ бривъ и сердыте «гей!».

— Дядькý! земляку зъ буряковымъ дюхачемъ! Що за бычкы дамъ?

— Зашмаруй напередъ ряботыння!—одмовляе сынiй нисъ,—а тоди й пытайсь про бычкивъ,—полякаются! И задоволено всмихаючысь, прямуе соби дали и такъ само скризь розмовляе, задоволено посмихается и ходыть доты, покы жинка не одниме воливъ, не продасть ихъ кумови и тымъ самымъ не одбере у ёго спроможносты ходыть, перекыдаться гострымы словамы, тымъ самымъ не одбере всю мету ёго ярмаркування.

А сонце пече, розлыва по тили якусь млявисть; пахтыть кинськымъ гноемъ, молодымы огиркамы, жытнимъ хлибомъ, таранею, дёгтемъ. Въ довгiй, вузькiй вулычци возивъ затовпленiй киньмы, воламы, людьмы чуты регитъ, сварку, торгування; на возахъ, заваленыхъ лантухамы, синомъ, свижою травою, свыткамы, голосно перегукуются молодыцы, дивчата, невелычки хлопчыкы; на выгони плаца, пидгукуючы, пидкыдаючы ликтямы, хлопчыкы сылкуются удать зъ себе Шмуливъ, буланыхъ, кацапивъ то-що: коло ричкы выбрыкуючы, похнюпывшысь, весело ржучы, товплятся кони, коровы, волы.

Але торгъ провадыться повагомъ, не хапаючысь, не передыраючысь одынъ передъ другымъ; торгуются спокiйно, поважно, де-не-де зъ смишкомъ, зъ тонкою ironiею, зъ коментарiямы до товару; торгуются безъ выдырання очей, безъ дыкого запалу, безъ хытрощивъ, але зъ тонкымъ пидходомъ. Надходыть поважный «дядько» въ новiй свыти, въ картузи, зъ маленькымы очыма пидъ густымы бровамы, зъ тонкымы губамы и невелычкымъ ряботыннямъ по худому лыци; пидступае вимъ до купкы, що стоить, поспиравшысь на коней и розмовляючы тыхо та мырно. Навкругы, звычайно, кони, люде; вси товплятся, штовхаются, пролазять мижъ киньмы, перегукуются, регочуть. Дядько розводыть дви спыны коней, просовуется и, потягнувшы злегка за картуза, промовляе:

— Драстуйте! Боже поможы!

— Спасыби!—одзываются де-котри и, не переминяючы поставъ, слухають дали якого небудь оповидача. Дядько те-жъ постоить, послухае, подывыться иноди на конячокъ и, намитывшы якунебудь вороненьку зъ худымы бокамы, зъ вытертымъ чубкомъ и

повысмыкуванымъ хвостомъ, наче знехотя ткне батогомъ у бикъ и тежъ знехотя, ни до кого властыве не звертаючысь, бовкне:

— А що просыть?

Конячка крутне хвостомъ, переступыть на другу ногу, зитхне зъ прысвыстомъ и зновъ похылыться; а хазяинъ ii, одвернувшысь трохы одъ оповидача и, мицнище упершысь ликтемъ, тежъ наче знехотя муркне:

— Тры красни.

— ... Ну, та й говорю ёму, значыть тому таки панови,— чуется зъ купкы—«змылуйтесь, ваше благородіе, я жъ тутъ хиба якъ? хиба я що?» А винъ, чортъ ёго-зна, чы вже таке зроду погане, чы.... якъ заверещыть: «на неделю у тюрму!»...

— А дви?—зновъ торкае пужалномъ конячынку дядько. Коняка зновъ крутыть хвостомъ, зитхае и переминяе ногу; хазяинъ зновъ трохы одвертается, зновъ умощуется зручнійшъ на спыни и одповидае:

— Двадцять симъ дають.

— Та мабуть невелычкыхъ?

— Чого? Хиба не стоить? Кинь, якъ кинь.

— Та вже-жъ! И голова, и вуха йе... Дви берете?

— Та що вы, землякъ! всмихается хазяинъ и повертается вже зовсимъ до дядька.—Хиба вже я якъ? у Бога теля зйивъ, чы що? Узять дви, якъ до ихъ дають ще симъ!

— Та й берить!

— Та й визьму!

— Та й держить!

— Та й вдержу!

Дядько одходыть трохы, повештается навколо, потыкае въ бокы де-якыхъ конячокъ и наче зовсимъ ненавмысне опынытся коло вороненькои:

— А що держыте?—ледве всмихаючысь, кыдае винъ до хазяина конячкы.

— Держу.

— А поснидалы добре?

— До обиду не далеко.

— Ну, то... зверху додамъ два.

— Ни, буде холодно. Коняка добра... молода.

Дядько пидходыть блыжче, мовчкы пиднима голову вороненькій, розтуляе рота й дывыться въ зубы.

— Та що тамъ?—всмихается хазяинъ—хочъ дывиться, хочъ ни, а бильшъ пьяты не дасте.

Дядько, не видповидаючы обходыть навкругы, пиднима ногы, маца бокы, тягне за грыву, бье по клубахъ и, наче твердо обмиркувавшы, ришае:

— Ну, то отъ-такъ... Держить руку... Двадцять пьять и (бье зъ повагомъ) крышка!

— Ни,—хова руку хазяинъ,—якъ не тры, то й не тратьте, куме, сылы.

— То такъ такы й тры?

— Та такъ.

— Ну, а такъ, щобъ продать?

— Щобъ продать?—замыслюется хазяинъ—такъ, щобъ, продать, то отъ-що: дасте двадцать висимъ и берить. Хай вже...

— А якъ по Божому?

— Та що вы, дядьку, торгуетесь?—вмишуется одынъ зъ купкы въ выпрочennому брыли, зъ веселымъ, лукавымъ поглядомъ.—Крыця, не лопыця: бижыть-дрожить, упаде,—лежить. Сестра ии въ Кыиви зъ горы бигае.

Въ купци посмихаются, дядько поважно обдывляется, хазяинъ пыльнуе ёго.

— Ну, двадцять шисть.. Держить руку!

— Двадцять висимъ!

— Двадцять шисть!

— Двадцять висимъ!

— Ще й цыбулю на хвистъ—додае брыль.

— Ну, то щобъ не по вашому и не по моёму.

— Держить руку... Держить. Двадцять симъ!

— Та давай, Даныло,—радыть брыль,—бо вороненька вже стелется.

— Ще бъ полтыныка... чухается Даныло.

— Э—э...—докирлыво хытае головою дядько, выймаючы грошы й одличуючы 27 карбованцивъ,—ще мало вамъ.. Берить!

— Ну, хай иде.. Давайте.. Хай вамъ Богъ помага, а конячынка, ій Богу,-добра!—переличуючы грошы, ховаючы у кышеню й передаючы оброть дядькови, зитха Данило.—Якъ бы не така скрута... Эхъ!..

— Прощавайте!

— Щаслыво.

— Но!

И скоса поглядаючы на вороненьку, посмыкуючы часамы за оброть, пропыхаючысь мижъ купамы людей и рядамы коней, прямуе соби дядько до воза. Але, зустрившысь изъ землякамы, спынытся, розбалакается, обипрется тежъ на спыну вороненькій и, слухаючы якого небудь оповидача, поважно на запыты покупцивъ одповидае:

— Не продажня.

Тилькы жъ вмишается де жыдъ, або цыганъ, тамъ спокій сей зминяется на крыкъ, на гвалтъ, сварку, иноди и на бійку. И набига полиція, збигаются люде, пидимается галасъ и нарешти трое або четверо дядькивъ попадають въ холодну, тягнучы за собою цыгана й жыда.

На воловій, биля купкы людей, въ темному пиджаку, такыхъ же штаняхъ, въ глаженій сорочци й новому картузи, стоявъ Андрій. Биля ёго, перемынаючысь зъ ногы на ногу, часто поглядаючы черезъ головы людей до крамныцѣ, крутывся невелычкый парубокъ зъ прыщоватымы щокамы и сыненькымы, полыпялымы оченяткамы.

— Та ёго, Андрій Панасовычъ, не буде, ій-Богу, не буде,—заглядаючы въ вичи, вымовывъ нарешти винъ.—Винъ мабуть де-сь уже запывъ.. Хе—хе—хе!

Андрій погано вылаявсь.

— Хе—хе—хе! А я ще вчора ёго пытавъ: —«Будешъ, кажу, на ярмарку»? «Буду»,—каже.

— Ты ось що,—почавъ Андрій,—бижы.... того ёлопа, правда, все одно не буде, ты бижы заразъ до Берка й пошукай тамъ Остапа,—винъ тамъ повыненъ буть. Скажы, що я ёго клычу.

— Робота буде, хе—хе—хе!

— А якъ не буде у Берка, бижы до Тартаковського. Знаешъ?

— Ну, отъ! Скажу, що йе хороша работа...

— Цёго не кажы! Прямо скажы: Голубъ клыче.. Пидожды.. А самъ до мене потимъ не пидходь. Чуешъ?

— Ну-да, бо; звисно...

— Та не перебывай! Не тямышъ и мовчы!

Прыщуватый ніяково всмихнувся и вынувато глянувъ Андріеви въ вичи.

— До мене не пидходь, а якъ побачышъ, що Остапъ поведе онъ-тыхъ хлопцивъ до пывнои.. Бачышъ якыхъ?

— Бачу, бачу: одынъ у брыли, а другый безъ шапкы, волыкы коло ихъ.

— Этъ! дурне! кажу, слухай! Дывысь: бачышъ червону гарбу экономыческыу? Та куды лупаешъ! Он-он-но!

— Ага, бачу!

— Бачышъ-же?

— Ій-Богу, бачу. Здорови, сири волы коло неи... Парубкы сыдять биля вія.. йидять щось. О! одынъ уставъ.

— Ну, такъ. Такъ якъ побачышъ, що воны пидуть зъ Остапомъ, иды заразъ же до гарбы, сидай коло неи и... сыды. Сыды та й годи.

— Ну-да, розумѣеця..

— А якъ пидійду я зъ кымъ-небудь, скыпешъ шапку й будешъ звать мене паномъ...

— Хе-хе-хе! Ну-да, бо панамъ, сто бисивъ ихъ матери, разъуразъ дешевше уступають.

— Та ни! Ну й дурный же ты, Грышка, Господь зъ тобою!—усмихнувся Андрій.

— Я не купувать, а продавать ти волы буду. Чуешъ, розумієшъ, капустяна голово?

— Ага.

— И ты не чужый мени, а мій наймытъ, зъ села Лементаривкы..

— Ну-да, такъ.. Мы зъ экономіи... Ага-а-а!!—прояснивъ вмыть Грышка й зереготався.

— Розибравъ? Ну, такъ бижы.. Твои тры карбованци и пивкварты. Та швыдко! Пидожды, пидожды. А Остапови скажы, щобъ тежъ до мене не пидходывъ, а прямо йшовъ до хлопцивъ... Той уже зна, куды ихъ весты. Ну, гайда!

Прыщуватый весело насунувъ картуза на лоба, штовхнувъ якогось дядька, крыкнувъ «а ну, мурло, зъ дорогы!» и пропавъ середъ натовпу.

— Нема Илька, обманувъ,—майнула въ Андрія думка.— Дурень... А!! Може винъ у Мотри? Он-що! А я думаю... О, хвойда проклята.! То жъ то вона ще хотила подумать... Та ни, на вищо бъ говорыть, що пиде за мене?.. Такъ он-що! Ну, добре, добре!... Це батька нема, такъ вона прямо въ хати обнимае.. Якъ бы знавъ, якъ бы я догадався ранище, я бъ... Упустю жъ таку рыбку... Чы може плюнуть? Ни, нехай..., не треба думать...

— Отъ якъ бы застать, тыхенько пидійты й накрыть... Чы воны въ горныци, чы въ кухни? Мабуть въ кухни, обидать варыть.! Ни, сёгодня недиля.. А може вона пишла до церквы?... Ну-да,. гм... Я думаю, що пишла до церквы.. Гм... отъ не подумавъ! Той може теперъ десь на роботи, когось уже облапошывъ, а я казюсь.. Ще прогавлю сёго дидэ. Чы не прогавывъ?.. Ни ще стоять; дававъ девяносто одынъ..., карбованцивъ зъ сотню мае.. Ще чого доброго купыть волы... А тутъ ще, чы найде того Остапа.. Ну-да, мабуть до церквы, хм... такъ я й знавъ... Ну-да.— недиля... хмъ...

Биля Андрія зупынылась купка людей. По середыни, то прыскакуючы до молодого парубка, то одскакуючы, шарпаючы за собою малесеньку конячынку, гарячывся высокый, гарный цыганъ. Парубокъ, спершысь на буланого, молодого, стрункого конька, спокійно, навить насмишкувато всмихаючысь, хытавъ тилькы головою й иноди порывався йты. Мижъ нымы въ розхристаній сорочци, безъ шапкы, ледве дывлячысь, заточувався якыйсь пьяный «землякъ».

— Бій, бій!! Не хочешъ? не хочешъ? Жалить будешъ!

Парубокъ всмихнувся и, подывывшись на конячку, иронычно спытавъ:

— Вона жъ хочъ витеръ повезе?

— Ха!—стрыбнувъ цыганъ.—Дывы! Вона справыться за трёхъ такыхъ, якъ твій. Ты дывы, о! и не вгнется!—и стрыбнувшы, винъ вмыть опынывся на шкапынци, котра, не сподивавшысь такого, перелякалась хытнулась и ледве не впала.

— Ну й «лошадь»!

— Вогонь!

— Ты нею ладанъ возы!

— Миняйсь, Сыдоре, диты кататымутся!

— Та щьо ви сміетесь, щьо ви сміетесь?!—не зважаючы на регитъ, пидбигъ цыганъ до купкы.—А давай на щьо, щьо випередыть хочъ яку! Давай! Ага! боитесь? Та по ій выдно... Ти дывышся, щьо вона мала? Ха-ха-ха! Та це жъ кыргызка, сама чистокровна кыргызка! Що жъ би то й була за кыргызка, якъ бы вона не мала була... Ну, берешъ пьять додачи? Ни? Шисть берешъ? А симъ?.. Ну, то йды къ чорту! Но!!...

Цыганъ швыдко повернувся, шарпнувъ шкапынку, ступывъ ступнивъ изъ пьять и, хутко повернувшысь, пидбигъ до парубка, схопывъ за руку и, наче пускаючысь на-одчай, крыкнувъ:

— Ну, чортъ ёго беры! На висимъ, давай буланого. Хай мое пропада! Бій!

— Та я не хочу миняться! Вдесяте кажу!

— И висимъ не хочешъ? Дурный же ты! Будешъ жалить, схочешъ вернуть, та пизно буде. Беры, покы дають! Говорю тоби, золото берешъ, а не коня!

— Ни.

— Эхъ! пропадать, такъ пропадать! Держи руку, держи руку.

— Та не хочу!

— Держи! Даю девьять! Бій!!

— Бый, Даныло, б-б-бый,—заговорывъ вмыть «землякъ», що доты мовчкы хытався и слухавъ ледве поводячы очимы.

— Та то, дядьку, не Даныло.

— Ну, то... Иванъ..

— И не Иванъ.

Ну, то... йды пидъ тры чорты! Не зъ тобою говорю! Свын-ня!.. Ты, Гаврыло, б-б-бый.. або знаешъ що? не б-б-бый..

— Не мишайте, дядьку!—одипхнувъ ёго цыганъ. Дядько замовкъ, похытнувся, хотивъ провесты рукою по вусахъ и, мацнувшы тилькы по мокрыхъ губахъ, хытнувсь въ другый бикъ и зупыпывъ свій важкый, затуманеный поглядъ на цыганови.

— Держи руку! Держи! Девьять!!

— Ни.

— Ну, чортъ же зъ тобою и зъ твоимъ буланымъ! Зъ дурнемъ дило мать!... Но!... Берешъ девьять?

— Ни.

— Но!!

Але одійшовшы трохы, вмыть повернувся, пидійшовъ до парубка, взявъ за руку, подывывсь ёму въ вичи, всмихнувсь и, зитхнувшы, полизъ у кышеню. промовляючы до купкы:

— Прыйдется дать, ничого не вдіешъ... Бачу, десятку хоче..

— Та не выймайте,—сказавъ парубокъ,—я не помиияюсь... Комедія, ій-Богу!

Але цыганъ, наче не чуючы, выпявъ гаманця й почавъ личыть.

— Та не давайте, не визьму!

— Сорокъ пьять... До пари мени буланый... шистдесятъ...

— Та я жъ вамъ говорю, що не помиияюсь. Ну, й...

— Девяносто пьять.. Оце висимъ... Висемдесятъ... десять! На, беры!—Махнувшы рукою, скинчывъ цыганъ.

— Та я жъ вамъ говорю, що не миняюсь.. Но!! Гайда. Мыкыто!

Цыганъ спершу мовчкы трохы подывывся парубкови вслидъ. потимъ вылаявсь на всю губу.

Уся валка, сміючысь, разбрелась на вси бокы.

— Тьфу, чортъ!—схаменувся Андрій,—заслухався чортового цыгана и мабуть прогавывъ дида... Ну-да.. Ни, слава Богу. стоить... Що жъ Грышка?.. Ни, й той вже лежыть...

Грышка дійсно лежавъ вже биля гарбы й иноди поглядавъ у той бикъ, де стоявъ Андрій.

— Ну, пора!—ришивъ Андрій и, обдывывшысь на себе, линыво, наче гуляючы, ставъ наблыжаться до купкы селянъ, що стоялы коло пары здоровыхъ, круторогыхъ воливъ.

— Ій-Богу, не можна, чоловиче добрый! Отъ якъ передъ Господомъ мылосерднымъ, самъ торикъ давъ девяносто пьять... Волы, говорю вамъ, таки, що.. а—а! Тутъ же и робота, и сыла, и подывыться йе на що.. Рогы, гляньте, яки... Хрыстомъ-Богомъ завиряю, що самъ давъ девяносто пьять.

— Та воно та-а-къ,—схылывъ голову на бикъ и розвивъ рукамы прыстаркуватый чоловичокъ зъ сывенькою, риденькою боридкою колы жъ... дорого.

— Не дорого, землякъ, ій-же Богу, не дорого!

— Драстуйте, мужичкы—прывитно всмихаючысь, промовывъ, пидходячы, Андрій. Де-котри познималы картузы, де-котри тилькы потягнулы за козырькы й одказалы разомъ:

— Доброго здоровья.

— Торгуетесь? Хе—хе—хе! Торгуйтесь, торгуйтесь.. Волыкы хорошыи. Да, дѣйстлительно, волыкы не плохыи.. Да, да.. Скилькы просять?

— Не дорого, господинъ... девяносто пьять?

— Ну-да, оно.. собственно... А даютъ?

— А даю девяносто два,—промовывъ чоловичокъ.

— Гм... Волыкы ничево сибѣ... Тольки, хе—хе—хе, знаете, усякому свое. Той, значыть, любыть такое, а иной уже сякое.. Отъ, скажемъ, прымѣромъ, за мине. Люблю волыкы, ій Богу, люблю!.. Я самъ помѣщыкъ, имѣю землю... Да... А вотъ, какъ повидю волыкы, такъ прямо и бирёть охота... Выдѣлъ я тольки што волыкы. А—а—а, ть—ть! Прямо золото... И отъ же, преобразить сибѣ, не дорого, ій-Богу, не дорого. Такъ будь деньги, такъ и купывъ бы. И немного: девяносто рублей... Тольки жъ и волыкы.. И ето волыкы хорошыи, но тѣи будуть какъ будто полѣпше... Тольки жъ опьять скажу, хто што любыть...

Отъ скажемъ, прымѣромъ, етотъ мужычокъ. Онъ по выдимости больше любыть... не такыи, какъ ето волы. Такъ мужичокъ?

— Та, знаете—усмихнувся «мужычокъ»—не такъ любышъ, якъ треба.

— Э, ни!—добродушно пидхопывъ Андрій,—не скажить, не скажить... То такы, значыть, нада—што нада, то нада!—а то такы и... какъ бы вамъ по простому изъяснить?... и охота, чы што. Охота, знаете, большое дѣло.

— Ну-да, звисно, що охота...

— О! о! Хе-хе-хе! Я вже знаю!. Ето и по наукахъ звѣсно. Охота, пышется въ книгѣ, пособныця на работу. Хе-хе-хе-хе!

— А вже безъ охоты за роботу не берысь—згодывся одынъ зъ купы, зитхнувшы.

— Ну, купуйте, купуйте, не буду мишать—наче схаменувшысь, промовывъ Андрій и нацилывся йты.—Волыкы хорошыи, купуйте, дядьку... А я пойду посмотрю на тѣи волыкы... Люблю, хе-хе-хе... Прощайте! Ходю сибѣ, знаете, та всё разсматрюю. Натомышся за недѣлю въ економіи, ну—и... хе-хе-хе... дозволишъ сибѣ погулять у воскресеніе. Досвиданіе!

— Щаслыво... прощавайте...—потягнулы дядькы за козырькы, и Андрій заразъ же почувъ:

— Такъ берете девяносто два?

— Чоловиче добрый! Якъ бы можна було хиба бъ я торгувався!

— Ну, то якъ хочете... Пиду. Прощавайте.

— Куды жъ ты, Тарасе?

Тарасъ махнувъ рукою и, не поспишаючы, ставъ доганяты Андрія, который линыво, потыхеньку пробирався мижъ людьмы. Поривнявшысь зъ нымъ, Тарасъ ставъ мовчкы йты рядомъ, похлёскуючы иноди батогомъ.

— О! и вы!—наче тилькы що побачывшы, трохы згодомъ промовывъ Андрій,—не сторгувалысь?

— Дорого; волыкы-бъ и ничого, та...

— Волыкы... да... Тилькы знаете, я вамъ такъ скажу: лучче купы то, што нравытся, чымъ то, што не нравытся. Отъ хочъ бы

й я: имѣю волы; волы, не скажу, щобъ плохыи, но... не правлятся..., прямо не люблю! Я, знаете, челаекъ простой,—минѣ не нада тамъ усякыхъ панськыхъ выгадокъ, хочъ самъ я и, можна сказать, не зъ прóстыхъ. Ты минѣ дай, щобъ челаекъ былъ хароший и... словомъ, хароший... Минѣ все одно, чы ты мужыкъ, чы панъ... абы въ тибѣ душа была, абы ты не обыдилъ блыжнёго. Сказано «любы блыжнёго, какъ самого сибе».

— По Евангеллю, значыть, жывы... А далеко ти волыкы, що вы говорылы?

— Да, да! Не обманы и не украдь!... А он-о-нó и волыкы тѣи. А, волыкы, золото! Отъ пройдёмъ отъ тутъ мижъ возамы, оно выйдёть блыжче... А отъ ето и мои волы... Що, Грышка, наповавъ волы?

— Наповавъ, пане!—схопывся Грышка и знявъ картуза.

— Пылы добре?

— Добре, пане.

— Пидкынь же синця... Ну, щó,—повернувся Андрій до Тараса,—ничево волыкы? Тольки куды имъ до тыхъ. Вы подывится на тыхъ... Вы посмотрить... Отъ отцеда лучче выдно... Мордочкы какыи... Ахъ, вы жъ мои!... Эхъ! знаете, если бъ хто далъ сичасъ минѣ за мои восимдесятъ, доложылъ бы десять и купылъ бы! Накажы мине Богъ, купылъ-бы... Тольки што-жъ? не дадуть за мои восимдесятъ... А тутъ зъ дому не взялъ... Узялъ на всякыи покупкы, та што-жъ? за пятнадцать рублей не купышъ ихъ! Пойдёмъ, посмотрыте...

— Та чого вы думаете, що за ваши не дадуть висимдесять?—розглядаючы волы, промовывъ Тарасъ.

— Ха—ха—ха! А, бодай васъ!—наче розуміючы жарты, добродушно ударывъ Андрій по плечу дядька, але заразъ-же поважнійшъ додавъ:—Хоча, положыть, волыкы ничево сибѣ... Тольки-жъ посмотрить на ти, куды-жъ етымъ!

А ци волыкы булы здорови, сыти, крутороги волы, зъ мицнымы, здоровымы ногамы, зъ дужымы, шырокымы грудямы: «золоти» жъ волы булы здоровенькы, звычайни волыкы. Тарасъ подывывся на ти, на си, пыльно глянувъ на добродушну и навить

дурненьку посмишку Андріёву, постёгавъ трохы замыслено батогомъ по колесахъ и промовывъ:

— А все-такы, я думаю, що й за ваши можна дать висимдесятъ... Пидождить, що вы сміетесь! То волы хороши, воны такы й лучче цихъ—що правда, то правда! але-жъ и цина за ихъ лучча! Що луччи воны, то луччи, що й говорыть, але-жъ и ци ничого. Ось вы знаете що? не смійтесь, а оддавайте мени ваши волыкы... Вамъ ти прыйшлысь до души, а мени ци... Га?

— Та що вы?!

— А отъ же ій-Богу!

— За мои даете висимдесятъ?!

— Даю.

— И заразъ грошы?!

— И заразъ грошы!.. «Та й дурни жъ ци панкы, просты Господы!»—мовывъ соби въ думци Тарасъ.

— Значыть, я можу заразъ и ти волыкы купыть?—радисно скрыкнувъ Андрій,—Господы! Та ни, вы... шуткуете.

— Ну, отъ!...

— Грышка, чуешъ? Заразъ купымъ ти волыкы. Ну, спасыби вамъ, спасыби велыке, Тарасъ... Тарасъ... звынить, не знаю, какъ по батюшкѣ...

— Семеновычъ.

— Тарасъ Семеновычъ. Спасыби, ій Богу, выручылы. На радощахъ выпью прямо, хочъ вже мисяця два якъ не пывъ... Заразъ-же могорыча вамъ, Тарасъ Семеновычъ... Грышка, бижы въ монополькy и таскай сюды пивкварты... Пидожды... грошы-жъ на... Купышъ дви чверткы,—вже пошѣпкы и зъ выду гризно додавъ Андрій,—и въ одну выллешъ зъ цёго слоика... Чуешъ? Не бійсь, це—сонни капли... На. Та беры такъ, щобъ той не бачывъ. Та гляды, якъ будешъ налывать намъ, не налый мени зъ тои чверткы... Назначы ій якъ-небудь, надирвы бумажку, що налиплена, чы-що... Иды!!.. Та не барысь, Грышо!—се вже въ голосъ говорывъ Андрій.—Купышъ тамъ и ковбаскы й палянычкы... Пидожды! Прынесешъ ето всё туды на берегъ за очеретомъ, мы будемъ пидъ вербою... Знаете, усё такы какъ-тось непрылично

пидъ возомъ, чы знакомыи какыи помѣщыкы, чы штось такое... А тамъ никада никого не буваеть, не повыдять и не такъ душно,— травычка, ставочокъ, вербычка, хе—хе—хе!

— Ну-да, пидъ вербою, якъ той казавъ, и йистся смашнище.

А пидъ вербою, що стояла на берези ставка далеко одъ водопою, за очеретомъ, справди було краще: травычка, очеретъ, ставочокъ, тинь и... ни души навкругы. Незабаромъ пидоспивъ и Грышка; налылы, закусылы и бесида ще теплище, ще щырище полылась мижъ недавнимы прыятелямы. Налылы зновъ, закусылы, поговорылы; налылы по третій, четвертій, пьятій...

— Вы вже той... звынить, я трошкы ляжу... Натомывся, ходячы, та щось до сну клоныть,—прымощуючысь, промовывъ писля шостои Тарасъ и вже пьяненько осмихнувся.

— Ничого, ничого... Звисно, наморышся... Отъ хочъ бы, прымѣромъ... Отъ сюды лягайте головою, тутъ наче горбыкъ... А я вже вамъ договорю такы за свого дядька. Ну, то й пишовъ винъ до тои, выходыть, барыни, ёго родычкы. Входыть до неи у комнату, а тамъ уже сыдыть той, що перепынявъ дядька... Отъ преобразить соби, Тарасе Семеновычу, таку штуку: тутъ значыть...

Тарасъ Семеновычъ трохы росплющывъ очи, мугыкнувъ щось, заплющывъ зновъ, ще разъ тыхо мугыкнувъ и, схылывшы голову на ликоть, спокійно й тыхо заснувъ.

— Спыть вже,— прошепотивъ Грышка, що весь часъ слидкувавъ за нымъ. Андрій, розповидаючы все-такы якусь нисенитныцю, вырвавъ очеретыну, облущывъ ии й дуже хлёснувъ Тараса по пальцяхъ. Той не зворухнувся.

— Ну, йды стань тамъ и дывысь,—повернувся Андрій до Грышкы,—якъ буде хто йты, кашлянешъ.

Грышка, весело смихнувшысь и поглядаючы назадъ, пишовъ и ставъ на поворотци.

— Що за чортъ! нема!—хапаючысь, и поглядаючы на Грышку, шепотивъ Андрій.—И за пазухою нема... Невже брехавъ... Убью гада! Ну, повертайсь... Щось въ цій кышени,... завьязано...

Розирвавшы очкуръ, Андрій налапавъ щось тверде, схопывъ зъ травы ножыка и одризавъ всю кышеню. Зъ розгорнутои кышени глянулы стари бумажкы, пьятырублёвкы, десяткы и прости срибни карбованци.

— А що, багато?—пидбигъ Грышка.

— Есть. Ты-жъ позакыдай ци пляшкы, або я й самъ це зроблю... Закынь и ковбасу, а то собакы набижять и ще розбудять... Ну, гайда! У вечери прыходь до Эстеркы—тамъ пьятёрку получышъ... А теперъ пидожды трохы, не йды за мною.

— Андрій Панасовычъ!...—несмилыво й ніяково посмихаючысь, промовывъ Грышка, йдучы за Андріемъ—якъ-бы заразъ... Сёгодня-жъ недиля...

— Н-ну!!—гризно крыкнувъ Андрій и зупынывъ сиреньки, гостри свои очи на Грышци,—сказавъ у вечери... Чого-жъ ще!

Грышка здвыгнувъ плечыма, зигнувся, пидождавъ трохы, подывывся на Тараса, усмихнувся й тыхо пишовъ за Андріемъ...

А черезъ годыну отовпленый великою валкою людей, розхристаный, блидый, зъ сынимы губамы, Тарасъ зъ дыкымъ одчаемъ и слёзамы въ очахъ розсказувавъ все урядныкови, котрый поважно й суворо слухавъ ёго.

— Це Голубъ! Це нихто, якъ Андрій! Гайда вси до ёго!—заревлы де-котри зъ купы.—Ходимъ до ёго, однимемъ! Це-жъ розбій!

И вся валка, зъ поважнымъ урядныкомъ и зигнутымъ, блидымъ Тарасомъ попереду, гучно посунула по головній улыци.

III.

— Куды, Ильку?... Драстуй! Ишъ! надивъ нового пиджака та й не пизнае вже...

Илько повернувся,—коло тыну, трохы перехылывшысь на улыцю, стояла Мотря й граючы очыма ласкаво всмихалася.

— Не бачывъ,—пидходячы до неи, усмихнувся й Илько.—Драстуй.

— А може ще й доси сердышся?

— За що?

— А за те, що... тоди...

— Ну, отъ!—зновъ усмихнувся Илько, нахылывшы голову й розглядаючы чобитъ,—хыба-жъ це первына?

— Ни, а справди не сердышся? Га?—заглядаючы въ вичи и якось тепло-ласкаво дывлячысь на ёго, спытала Мотря.

— Та й чудна!—пиднявъ голову Илько,—говорю ни, то й ни... Чого це ты такъ убралась: кохточка, нова спидныця... ху, ты!

— А тебе ждала, ха—ха—ха! Ни, ій-Богу, думала тебе побачыть... Та чого стоишъ тамъ, перелазь,—та гайда въ садокъ.

— Ни, треба йты на ярмарокъ. Андрій дожыдае.

— Хиба й ты зъ нымъ на «роботу»?

— А то-жъ!

— И пидешъ такы?

— Та пиду-жъ.

— А може не пидешъ... Га? А я бъ тоби щось сказала, росказа-а-ала. Га?

— Ни, ни... Андрій сердыться буде. Пропаде «робота». Мени, положымъ, вона не до души, але... обищавъ. Прощай!

— Та пидожды!—схопыла ёго за рукавъ Мотря.—Самъ каже, що не до души и йде... Андрій соби знайде, а ты посыдь зо мною. Батька нема, на быржи. А Андрій знайде...

— Та хто ёго зна...—почухався Илько.

— Та перелазь, перелазь! А я щось розскажу хороше-хоро-оше. Ты, ій-Богу, Ильку, чудный: самому не до души, а йдешъ. Тебе разъ-у-разъ уговорыть можна, не можешъ ты по своёму зробыть. А Андрій то—чортъ! А я бъ щось розсказала... Перелазь! Я ій-Богу, скучыла за тобою... А цикаве-бъ розсказала... Отъ побачышъ!

Илько подывывся на Мотрю; дывно хороша вона була, хороша, якъ радисть, якъ молоде, тепле чуття, хороша якъ мрія бажанна. Глянувъ Илько у велыкіи очи, зустрився зъ глыбокымъ поглядомъ, котрый обицявъ щось, про щось говорывъ, чогось про-

хавъ,—зитхнувъ, почухався, ще разъ глянувъ на ласкаву ій усмишку и... поставывъ ногу на тынъ.

— А справди-жъ щось скаженъ цикаве?—спыняючысь, спытавъ винъ.

— Ій-Богу, ій-Богу розскажу!... Отъ такы-жъ пиде за мною!—додала вона въ думци.

— Ну, якъ такъ...—не договорывъ Илько и ставъ перелазыть черезъ тынъ зъ такымъ выдомъ, наче-бъ, хотивъ сказаты: «Отъ-же лизу черезъ те тилькы, що треба послухать щось цикаве, а инакше ни за що въ свити не полизъ-бы!»

Винъ перелизъ, стрыбнувъ и, щобъ не впасты, ухопывся за Мотрю й, обнявшы ій, прыгорнувъ до себе.

— Гайда на прызьбу!—прытуляючысь до ёго и одхыляючы виты вышень, промовыла вона й тыхо пишла впередъ.

— Ну, що-жъ тамъ цикаве?

— А тоби дуже хочется знать?

— Якъ... якъ оце заразъ поцилувать тебе!

— Ну? скажы якый! Ха-ха-ха!

— Та говоры!

— Ну, слухай,—не повертаючысь до ёго и пахыляючысь одъ витей, тыхо вымовыла вона,—выходю замижъ за... Андрія.

— Та ну?!—спынывшысь, скрыкнувъ Илько,—брешешъ!

— Ій-Богу, правда!—повернулась Мотря и пыльно глянула на Илька, що нибы ажъ зблидъ трохы.

— И такы не брешешъ?—крыво всмихнувся винъ.

— Въ четверъ и рушныкы подамъ.

— Онъ якъ...—тыхо промовывъ винъ и мовчкы пишовъ до прызьбы.

— Правда цикаве?—сміючысь, спытала Мотря, сидаючы биля ёго.

Илько ничого не одказавъ и мовчкы замыслено ставъ дывытысь кудысь черезъ тынъ. На серци щось страшенно болило й нудно-нудно стало.

— Такъ онъ-якъ!—дывлячысь на неи, зновъ крыво усмихнувся винъ и зновъ одвернувся.

— А такъ...—тежъ крыво всмихаючысь, прошепотила Мотря й зупынула свій поглядъ на ёму.

«Такъ онъ-що, замижъ за Андрія!—крутылось зъ сымъ тяжкымъ щемлиннямъ у Илька.—Це, значыть, прощайся вже зъ нею, прощайсь зъ тымы тыхымы, любымы вечорамы, зъ тымы мылымы розмовамы, прощайсь зъ ридною, едыною людыною, зъ цымъ стрункымъ, гнучкымъ станомъ, палкымы губамы, глыбокымы очыма, зъ цымы гарнымы дорогымы, чудовымы очамы»... Си думы не мыслывъ винъ, не высловлювавъ, не складавъ ихъ.—метнулысь воны въ ёго зъ сымъ щемлиннямъ, съ сымъ якымсь чудно-тяжкымъ чуттямъ. Винъ зновъ глянувъ на неи, прыдывывся й почувъ, яки сталы далеки и дороги, люби, хороши си таки знаёми ёму бровы, губы палкіи, очи чудови.

А Мотря все дывылась на ёго и тежъ прыслухалась, якъ щось давыло-щемило на серци. И хотилось ій, дуже хотилось, обнять ёго, прыгорнуться, замерты коло дужои рукы ёго, заглянуты въ вичи й дывыться-дывыться на чудову красу ёго, на чорніи бровы, у каріи очи. И почувала вона, якъ боляче холонуло у неи у грудяхъ зъ самои думкы, що не прыйдется ій бильшъ цилувать ёго, цилувать найлюбійше мисце, що одтинялось чорнымъ вусомъ; не прыйдется бильшъ дратувать-розпалять палкымъ поцилункомъ и любоваты, якъ зачервоніется злегка лыце ёго, якъ краса ёго ще выразнищъ, ще дужче стане передъ нею й захвылюе, захопыть и іи...

— А ты не выходь замижъ,—тыхо промовывъ Илько, колупаючы палычкою стежку, що йшла по-падъ прызьбою. Мотря одвела свій поглядъ, зитхнула й хоча чула ёго слова, але, не встыгшы вызволытысь видъ вплыву своихъ думокъ, перепытала:

— Що ты сказавъ?

— Я кажу, щобъ ты не выходыла зовсимъ замижъ.

— Не выходыть зовсимъ?—сумно усмихнулась вона.—Не можу Ильку, ій-Богу, не можу. Дытына росте, треба батька... Та й самій... Ну, хиба-жъ се добре, що я бигаю до тебе, що винъ мене бье разъ-у-разъ... Ни, рышыла, такъ и буде. А тобижъ хиба що?

— Та такъ...—нахылився зновъ Илько—якось... Чортъ ёго зна... думаю про це... и якось, знаешъ, скучно... Буде скучно безъ тебе.

— Та и мени, ось дывлюсь на тебе, тежъ якось скучно...

Замовклы зновъ. Тыхо було въ садку. Сонце ледве пробывалось кризь лыстя и грало на колини въ Илька; цвиринькалы й былысь горобци на вышняхъ, та за тыномъ по улыци йшлы люде до церквы.

— А за мене пишла-бъ?—ніяково всмихаючысь и старанно перепыняючы червоненькій козявци дорогу, тыхо спытавъ Илько.

— За тебе?—наче сподиваючысь сёго пытання й дывлячысь на козявку, котра зашамоталась и полизла вливо, перепытала Мотря.—За тебе? А Андрій же якъ?

— А Андріеви можна дать одъ коша.

— Та буде такъ, якъ учора?

— Ну!—пиднявъ голову Илько и махнувъ палычкою. Козявка покрутыла вусыкамы, повернула въ бикъ, перелизла стежку и сховалася въ трави.

— Ну, що-жъ «ну!»—усмихнулась Мотря, переводячы очи зъ козявкы на Илька.

— А то «ну», що теперъ не дамъ быть тебе... Вчора то винъ мавъ право, а теперъ бы... вже... Та побачыла-бъ!

— Эхъ. Ильку, Ильку,—захытала головою Мотря,— бачыла я вже вчора... Пидожды, не перебывай. Я вчора умысне прыбигла до тебе, хотилось ще разъ спробуваты тебе и що-жъ побачыла? Ты не змигъ питы проты Андрія.

— Та то-жъ, кажу, вчора, а теперъ хай-бы посунувся!

— Эхъ, не задавайся, Ильку! побачышъ Андрія и прысядешъ зновъ. Ты, знаешъ, такый: ты тилькы не сердься; я цилу ничъ думала про це й рипыла сказать усю правду. Якъ-бы не побачыла оце тебе, побигла-бъ до тебе... Ты, бачъ, такый: якъ зо мною говорышъ, ты мене слухаешъ, зъ кымъ другымъ—того слухаешъ. Якъ-то кажуть: «куды витеръ віе, туды я хылюся»... Ты-жъ не сердься!... Ось теперъ Андріеви обищавъ помогты, а зо мною сыдышъ, бо я уговорыла. Такъ и тоди буде, якъ выйду

за тебе: покы будешъ зо мною, будешъ мій, а выйшовъ зъ дому—и вже чыйсь. А Андрій вже не те. Андрій той ще самъ, кого хочешъ, подужае... Та й то взять: ну, отъ ты сыдышъ передо мною, я любую зъ тебе и якъ «оченашъ» знаю тебе. А Андрія то вже й самъ чортъ не взнае,—сёгодни винъ такый, завтра такый, тоди онъ-якый... Проты ёго я прямо не можу йты. Ну, выйшла-бъ я за тебе, пожыла-бъ и заскучала. А Андрій—то и розскаже, и побье, и насмишыть, и налякае, и розсердыть.

Илько мовчавъ и пысавъ палычкою по запорошеному чоботи.

— Ты й добрищый за Андрія. Ты отъ чы «заробышъ» де, чы якъ тамъ, заразъ роздасы, прогуляешъ... Хиба ты матымешъ колы що? Ни. Ну, я выйду за тебе, чы ты-жъ кынешъ гулять, будешъ годувать мене? Хиба-жъ ты зможешъ? Правда-жъ ни?

Илько тилькы колупнувъ палычкою.

— Отъ, бачъ, мовчышъ. А Андрій той и теперъ грошы мае, за тымъ я не пропаду. Та й Иваську... Хиба ты ёго любытымешъ, такъ якъ Андрій,—не твій сынъ...

Илько мовчавъ. Замовкла и Мотря, тилькы горобци наче ще голоснище цвиринькалы мижъ лыстямы.

— Колы-жъ якъ подумаю,—тыхо зновъ почала Мотря,—що прыйдется не бачыться зъ тобою, сумно стае. Прывыкла до тебе, чы-що? Тры рокы... Та й до Андрія прывыкла... Це вже, значыть, годи,—не прыйду я вже до тебе, не буду любоваты зъ тебе...

Илько пиднявъ голову, хотивъ щось сказать и... зновъ похылывсь.

— Страшно жалько...—наче думала въ голосъ Мотря.—Подумаю кынуть Андрія—я вже думала багато вчора—такъ якось совсимъ и жыть не хочется... И тебе жалько... Якъ-бы можна за двохъ выйты!—засміялась вона и заразъ-же сумно замыслылась.

— А ты ще подумай,—проговорывъ тыхо Илько и тыхо глянувъ на неи.

— Я сама такъ думаю.

— А колы скажешъ?

— Колы?... колы?... Ій-Богу, не знаю. Андріеви обищалась въ четверъ... скажу тоби въ середу... Добре? Ты-жъ не сердышся на мене? Га?—ласкаво заглянула вона въ вичи й прыхылылась до ёго.

— Чого-жъ сердыться?—усмихнувся Илько и тыхо обнявъ ій, прытулывшы щильно-щильно, до болю, до себе.

— Не тулы такъ...—прошепотила Мотря, зчервонившы трохы.

— Чого?—нахылывся винъ до неи,—може-жъ бильше не прыйдется... Здается, задавывъ-бы тебе!...

Мотря зитхнула, одкынула голову, подумала и, палко обнявшы, стала цилувать въ губы, въ очи, щоку, найлюбійше мисце надъ чорнымъ, мнякымъ вусомъ.

— Не пидешъ за Андрія?—не пидешъ?—шепотивъ Илько.

— Не знаю, не знаю! Я не знаю, за кого я пиду. Обнимы, обнимы мене!... Прощай, мій хорошый, мій гарный... Обнимы...

IV.

Гучно було въ пывній у Мошка, якъ увійшовъ туды Илько. Доли валялысь лушпайкы зъ огиркивъ, кисточкы зъ рыбы, стоялы калюжы пыва; кругъ столивъ сыдилы пьяни, спитнили, червони лыця: смердило потомъ, чобитьмы, махоркою.

— А! Илько!—почулось зъ-за одного столу, занятого якымысь парубкамы въ пиджакахъ и червоныхъ сорочкахъ.—Иды до насъ!

Илько обдывывсь навкругы й сивъ коло якогось дядька, що вже бувъ пьяный и щось спивавъ разомъ зъ другымъ дядькомъ; той сыдивъ проты ёго и що-хвылыны перепынявъ писню гыкавкою. Мижъ нымы сыдила якась жинка, тверeза, гарно одягнена й сумно, безнадійно поглядала на дядькивъ.

— Мошку!—гукнувъ Илько.

Видъ стойкы одскочывъ жвавый, маленькый жыдокъ и шлёпаючы калошамы, пидбигъ до столу.

— Пару пыва!

— И больше ничево?

— Ничого.

Черезъ хвылыну холодне пыво стояло передъ Илькомъ. Выпывшы жадибно пидъ-рядъ тры склянкы, Илько утерся, сумно схылывъ голову на руку и задумався.

«За-а-аблистѣ-е-ела зорька-а-а-а»... почувъ винъ коло себе и повернувъ голову до дядька.

— Семене! та побійся-жъ Бога!—благаючы, заговорыла жинка—пойидемъ до-дому... Кони-жъ морени стоять... Куме! хоть вы вже зглянытеся!...

Кумъ тилькы гыкнувъ, замовкъ и безсыло схылывъ голову на стилъ.

— Жинко!—мыролюбно заговорывъ Семенъ, ловлячы рукамы пляшку,—и ты... и... я... свыни... Выпый!...

— Та Богъ зъ тобою! Не хочу... Пойидемъ... кони-жъ морени.

— Кони? И ко-о-ни постоять... «За-а-блистѣ-е-е-ла зо-о-рька-а-а...

— За-а-...—гыкнувъ кумъ и пиднявъ голову.

— Ну, що ты въ свити Божому будешъ робыты?—трохы не плачучы, здвыгнула плечыма жинка.

Илько одвернувся й налывъ въ склянку пыва.

— Господинъ!—торкнувъ ёго Семенъ,—какъ... Зъ недѣлёю васъ!

— И васъ,—знехотя всмихаючысь, видповивъ Илько.

— Спасыби, спасыби... Отъ спасыби, такъ спасыби!.. Куме, дай пляшку, выпью... отъ зъ господиномъ.

Кумъ мацнувъ рукою по пляшци, ледве не звалывъ ін та такъ и застыгъ.

— Семене!—благала жинка, пидхоплюючы пляшку.

— Дай сюды пыво!—безсыло простягнувъ руку Семенъ.

— Пойидемъ до-дому.

— Дай сюды пыво...

— Отъ наказаніе Господне!—зитхнула жинка и подала пыво. Семенъ взявъ, поважно налывъ въ склянкы, пиднисъ, розхлюпуючы, одну Илькови, другу взявъ самъ и промовывъ:

— Доброго здоровья...

Илько выпывъ. Семенъ поставывъ свою склянку, взявъ Илька за руку, довго дывывся ёму въ вичи, обнявъ, поцилувавъ и зараз-же выпывъ свое пыво.

— Бо... люблю! - повернувся винъ до жинкы,—и не мишайсь... Уторгувавъ, продавъ волы и буду гулять... Такъ, господинъ?

— Такъ, такъ!—усмихнувся Илько.—А за багато продалы?

— За сто та ще й двадцять!... О!...—выпявъ винъ червону хустку, помахавъ якымся вузломъ на ній и ставъ пыльно запыхать зновъ у кышеню зъ того боку, де сыдивъ Илько. Илько прыдывывсь, одвернувсь и почавъ покволомъ пыть пыво. Черезъ десять хвылынъ воны булы вже щырымы прыятелямы, обнималысь, выпывалы, цилувалысь и сміялысь зъ благання жинкы.

Мошку, пыва!—гукнувъ Илько.

Мошку!... жыде!... пыва!!—стукнувъ кулакомъ Семенъ и полизъ въ кышеню за хусткою.

— Та не треба, не треба!—затурбовався Илько.—я самъ заплатю, я самъ... Нехай.., нехай...

— Ни!... Ого! Семенъ Торба не може пыва купыть... Фюфю! Ого!... Де-жъ це грошы?... Ого! Я не можу... Де-жъ це?...

— Та ты-жъ у ту кышеню поклавъ,—промовыла жинка. Семенъ ставъ шукать и въ другій кышени, але й тамъ не було нычого.

— Чы не выпалы?—поблидлы, встала жинка и почала дывыться пидъ стилъ, пидъ лавы. Вставъ и Семенъ, мацаючы по кышеняхъ, вставъ и Илько, зазыраючы тежъ и пидъ стилъ и пидъ лаву; сыдивъ тилькы кумъ, навить кризь сонъ погыкуючы.

— Нема! Ой, Господы!—скрыкнула жинка.

Де-хто повернувся, коло сусидъ замовкло, пидбигъ Мошко.

— Та я-жъ у цю кышеню поклавъ,—розумнище трохы промовывъ Семенъ и глянувъ на Илька, котрый пыльно заглядавъ пидъ стилъ, пиднимавъ пляшкы на столи и озырався навкругы.

— Це-жъ оцей вытягнувъ у ёго!—обмацавшы, обшукавшы всёго Семена, крыкнула жинка й показала на Илька. Илько блыснувъ очыма, вставъ и взявъ зъ столу картузъ.

— Ни, господинъ, пидождить трохы,—схопывъ ёго за руку Семенъ, —я той...

— Иды пидъ тры чорты, мурло! Не бачывъ я твоихъ грошей.

Въ пывній зтыхло и коло Семена поставало вже де-килькы дядькивъ.

— Люде добри! скрыкнула жинка,—вы-жъ бачылы, що воны пылы вдвохъ. Тамъ же вси грошы... Теперъ и за пыво нема чымъ росчытаться.

— Вы, Илько, послушайте,—затурбовався Мошко,—може, ежели вы взяли.. Минѣ какое дѣло, нехай минѣ за пыво... Я въ палиція...

— Та якого вамъ чорта!—повертаючысь иты, крыкнувъ Илько.—Не бачывъ я ніякыхъ грошей! У ёго ихъ и не було.

— Брешешъ, собачый сыну, брешешъ! Булы! Ты самъ бачывъ ихъ, цей ёлопъ тоби жъ и показувавъ!— закрычала жинка.

— Оддай грошы!—тыхо, але выразно промовывъ Семенъ.

Илько здвыгнувъ плечыма, всмихнувся, глянувъ на дядькивъ, котри мовчкы и суворо дывылысь на се, и повернувся.

— Нѣтъ, позвольте,—выкрыкнувъ Мошко и ухватывсь за Илька,—такъ пидзя.. Дай минѣ за пыво... Хае бѣгáй за палицейськымъ!

— Оддай грошы!—зробывшы килька ступнивъ до Илька пропидывъ Семенъ и сципывъ зубы.

— А вже-жъ оддай... Що жъ це!—почулось мижъ дядькамы. Илько сипнувъ руку, крутнувъ Мошкомъ й ступывъ до дверей.

— Оддай грошы!—заревивъ Семенъ и кынувся на Илька зъ пиднятымъ кулакомъ. Илько повернувсь, одхылывсь, якъ дыкый звиръ наскочывъ на Семена й повалывъ ёго на стилъ, зъ страшною сылою опускаючы кулакы на голову, жывитъ, груды. Жинка крыкнула й кынулась до ныхъ, але заразъ же одлетила и впала пидъ стилъ, облываючысь кровю; посунулысь, було, де-хто зъ гурту, але тежъ де-яки полетилы на лавы, а де-яки сами похо-валысь одъ страху, глянувшы тилькы на червоного, страшного, зъ пиною на губахъ, Илька.

— Повбываю!!—хрыпло крыкнувъ винъ, блыскаючы очыма й хапаючы рукою зъ стола пляшку. Але не встыгъ винъ й вымовыть, якъ захытався, махнувъ рукою й гепнувъ до-долу лыцемъ.

— Теперъ быйте ёго!! — крыкнувъ Мошко, выскакуючы зъ-за Илька й держучы ёго за ногы. Зъ крыкомъ кынулысь уси на Илька насилы и... поднялысь разомъ зъ нымъ.

— Держите, держите! я одберу у ёго деньги!... вотъ, вотъ они!—выскакуючы зъ гурту, крыкнувъ Мошко и помахавъ червоною хусткою. Жинка зъ обмазанымъ кровю лицемъ и сынiй, побытый Семенъ заразъ же кынулысь до ёго. Илько скажено заревивъ, крутнувсь, когось вкусывъ, когось пацнувъ, рванувся й, тягнучы за собою всю валку, выскочывъ на улыцю.

V.

Сумно въ Сонгороди въ-осены. Нызьке темно-сире небо: не то ранокъ, не то вечиръ цилый день; пронызуватый, холодный витеръ, купы пожовклого, мокрого лыстя и дощыкъ, дощыкъ и дощыкъ. Плачуть пидъ нымъ викна, плачуть стрихы, плачуть деревья, тыны, кони, плаче навить картузъ звощыка, що, закутавшысь, схылывся на передку. На улыцяхъ ни души, тилькы дене-де перебижыть черезъ дорогу яка-небудь баба, пиднявшы спидныцю на голову, просуне важкымъ ходомъ жыдивська балагура, та звощыкъ розибье блыскучу, сталёву грязюку ривненькою стежкою. Сумно. А ще сумнище въ темный, довгый, холодный вечиръ. Витеръ, наче сказыться,—то стогне, то плаче, то регить пидниме, то стыха, поволи застука по виконыцяхъ запертыхъ, то зновъ заскыглыть, завые, заплаче й сыпне, и сыпне дрибненькымъ дощемъ. Пусто страшенно, безлюдно, тилькы тополи неначе зъ докоромъ хытають чорнымы вершечкамы, мовъ дывуючысь, якъ такы можна вылазыть на улыцю въ такую негоду.

Ледве блыщыть лямпочка въ камери «слѣдственныхъ» Сонгородського «арестнаго помѣщенiя». Тхне потомъ, парашою, махоркою и кыслою капустою. Посхылявшысь надъ койкою, пры-

слухаючысь иноди до дверей, розмовляючы по-шепкы, грають въ карты рештанты. Чуты: «краля зверху!», «симка хвалыть», «запышы хвалёну, «выпо-козырь»; иноди по-шепкы, але выразно прокочуется лайка.

По темныхъ куткахъ сплять.

Щось тыхо застукало зъ улыци въ викно. Андрій вставъ, положывъ карты, прошепотивъ «безъ мене грайте» и пидійшовъ до викна. Якась темна жиночка постатать, освичена свитломъ одного зъ двохъ на циле мисто лыхтаривъ (другый биля полиціи), стояла нахылывшы голову.

— Ты, Мотре?—одчыняючы злегка викно, прошепотивъ Андрій.

Постать пидняла голову, трохы розмотала товсту хустку, й на Андрія глянулы велыки, глыбоки Мотрыни очи.

— Я. На...

Андрій простягнувъ руку кризь кграткы и взявъ невелычкый клупочокъ.

— Тамъ десятокъ пырижкивъ и курка,—додала Мотря.

— Добре... чого вчора не прыйшла?

— Ты сердышся?

— Я пытаю, чого вчора не прыйшла,—сухо прошепотивъ Андрій.

— Не можна було.

— Не брешы!

— Ну отъ «не брешы»! Батька не було до пивночи, дытына сама, а я оце побигла бъ до тебе.

— Де жъ батько бувъ?

— На «роботи».

— Де?

— Розбылы лавку старого Хаима. Знаешъ?

— Знаю. Багато?

— Рубливъ на пьядесять, казалы. Илько насылу вписъ лантухъ.

— А! онъ-що! Хм...—злистно всмихнувся Андрій.—Тамъ булы Илья Ивановычъ! Ну, теперъ я знаю...

Мотря мовчкы нахылыла голову.

— Може не пускалы Илья Ивановычъ? Воны жъ тежъ на лыніи соломьяного женыха. Чы въ проходку зъ нымы ходылы? Га?.. Чого жъ мовчышъ, суко!—гризно прошепотивъ Андрій,—похвалысь же!

Мотря мовчала.

— Говоры жъ!.. Може вже рушныкы подавала?

— Ну, отъ-ще!—пидняла голову Мотря и знов нахылылась.

— Гляды, гадыно!—сціпывъ зубы Андрій,—обманула, обищалась сказать правду, тягнешъ и доси... гляды, тилькы подумаешъ выйты за Илька, убью. Чуешъ? убью першои жъ ночи! Я николы на витеръ не говорю. Не дуры!

Витеръ, що затыхъ на хвылыну, мовъ прыслухавшысь, засвыстивъ, загудивъ, засыпавъ густымъ дощемъ и трохы не попхнувъ Мотри.

— Не змерзла?—помочавшы, буркнувъ Андрей.

— Ни.

— Що? Та пиднимы голову, чого нахылылась?

— Не змерзла,—промовыла Мотря й несмило подывылась ёму въ вичи. Замовклы. Чуть було ляпання заялозяныхъ картъ, «выно свитыть» и дриботиння дощу по викни. Мотря куталась.

— Не бачыла Ныкодыма?

— Бачыла.

— Що, не говорывъ ничого?

— Про тебе?

— Ну-да.

— Лается... На що ты ёго такъ?.. Бидуе страшно.

— А такъ паршывому й треба, хай не задается! Думае, якъ надзыратель, то й цяця велыка!—зъ злистю прошепотивъ Андрій.

— Винъ каже, що зовсимъ и не хотивъ тебе лаять.

— Бреше гадъ! Ты знаешъ, якъ все це було?

— Та говорывъ винъ щось... Розскажы ты... Знаю, що черезъ тебе...

— От-то нехай не задается и знае, кого зачипае!

— Якъ же це выйшло?

— Такъ винъ каже, що й не лаявъ?

— И не думавъ, каже.

— Гм... Ишъ, мурло прокляте!

— А лаявъ?

— Та того мало, а ще захотивъ штовхатся. Я, бачъ, не давъ ёму разъ горилки, що ты мени передала. Такъ образылысь... И отто разъ прычепывся до мене, щобъ у ка́мору йшовъ. «Ще рано, кажу, не пиду!» «Ну, не розсказувать!» Я й вылаявъ ёго... Винъ зо всіеи сылы трахъ! у груды мене... Хотивъ я ёго задушыть тамъ же, та здержався, тилькы сказавъ: «гляды, Никодыме, це даромъ не мынется тоби. Знай, кого быть!» «Плювать, каже, я на тебе хотивъ и хочу. Страшный вовкъ у лиси, а въ тенетахъ тьху!» Ну, добре, нехай такъ. —побачымо. Пройшло, мабуть, зъ тыждень. Я зъ нымъ наче помырывсь, выпывавъ попрыятельськы, одпымъ словомъ... ну, помырылысь, наче того й не було. А от-то въ той понедилокъ кажу ёму: «попросы смотрытеля, щобъ пустывъ мене зъ тобою въ цылюрню,—мене тутъ пускають,—поставлю, кажу, пивкварты». Попросывъ винъ; пишлы. Прыйшлы до Васькы—знаешъ? Я тому заразъ моргъ! Той туды, сюды, и покы мене пострыглы, Никодымъ уже бувъ пьяный, якъ свыня... Тилькы й розуму, що дывытся... Кынувь я ёго, прыйшовъ до смотрытеля та й кажу: «Такъ и такъ, ваше благородіе, надзырателъ Никодымъ, который мине водилъ у цылюрню, напился пьяный и не спольняетъ своей службы. Я могъ бы утикты»... Той, звисно, перелякався, дякуе мени та заразъ за Никодымомъ—и прогнавъ... Не задавайся и знай, зъ кымъ дило маешъ!

— И ты не втикъ?—похопылась Мотря,—отъ-то! чого жъ ты?

— Тикать не треба.

— Якъ?

— А такъ: якъ бы я втикъ, ёго не выгналы бъ зъ службы, бо винъ сказавъ бы, що я чы побигъ, чы якъ-небудь... А такъ—я самъ прыйшовъ безъ ёго, тутъ уже оправдания нема... Нехай теперъ безъ заробитку поскаче...

— Диты жъ маленькы у ёго... жинка...

— А другe те, що мени нема для чого й тикать: все одно оправдають. Це, що я не втикъ, буде ще одне доказательство, що я не выненъ. Абы то я выманывъ грошы у того мужыка, абы я, значыть, бувъ выненъ, дакъ хиба бъ я не втикъ, колы такый случай пидійшовъ? Га?

— Ну-да, але-жъ...

— «Але-жъ!»—перебывъ Андрій.—У суди, абы щось представывъ такого, якъ се, то й оправдають.

— А якъ засудять?

— Плювать я на ихъ хочу! Хто докаже, що то я бувъ? Мало, що такый и такый! Ты прямо докажы, що бачывъ, якъ я бувъ зъ нымъ и грошы бравъ. А може хто схожый зо мною?.. А ще жъ ты будешъ говорыть, що я у тебе бувъ тоди та й герехтъ.

— А якъ Илько покаже, що тебе не було... Винъ теперъ ненавыдыть тебе, то може...

— Хм... якъ зробывся женыхомъ, такъ и ненавыдыть ставъ,— саркастычно всмихнувся Андрій.—Ну, такъ я жъ ёго не боюсь.

— Якъ? А якъ винъ скаже, що винъ бувъ у мене весь часъ и не бачывъ тебе.. А ёго у мене бачыла Хведора,—нахылывшы голову, тыхище додала Мотря.

— Хм... мылувалысь... И все такы плювать! Абы ты показала. А хиба я повыненъ предъ нымъ сыдить? Скажешъ, що пьяный спавъ цилый день у повитци. Отъ и все... Та ёго й пытать не будуть, а самъ напросыться—побоиться мене... Винъ тоди саме, якъ мое дило буде розбираться, буде сыдить тутъ. Перекажешъ ёму, що черезъ тыждень винъ уже буде тутъ. Той подавъ на ёго... буде одвичать за «буйство и покушеніе на грабижъ». Смотрытель казавъ...

— Черезъ тыждень?—перепытала Мотря.

— А що, тоби жаль? Такъ чого жъ—прошу-жъ тебе—украдь хочъ у ціеи Хведоры курку, піймайся нарочыто, полайся— и посадять... И не будешъ розлучаться зъ нымъ.,. А то жъ жаль!..

Мотря промовчала.

— ... Та що похылылась?... Говоры жъ щось, якого жъ чорта прыйшла!

— Скучыла!—пиднявшы голову, прывитно дывлячысь на ёго, прошопотила Мотря.

— И за Илькомъ скучышъ?

Мотря почала кутаться.

— А ще довго до суда тоби?

— Та ты зубы не заговорюй,—мымо воли всмихнувся Андрій,—а говоры те, що пытають.

— Та я не чула зовсимъ, що ты говорывъ.

— Эхъ! не чула...

— Холодно, Андрію, уся змокла... Я вже пиду...

— Убирайсь къ чорту, чого жъ стоишъ!

— Ну, то я зостанусь,—ты сердышся...

— Иды, йды...

— Ни, ты сердышся... Скажы, що не сердышся...

— Та йды, простудышся. Прощай.

— Прощай. А завтра прыйты?

— Якъ хочешъ,—зачыняючы викно, сухо видповивъ Андрій и, наче зачепывшысь, возывсь коло защинкы.

— Я прыйду.

— Прыходь,—байдуже муркнувъ винъ и защиннувъ викно. Мотря ще трохы постояла, подывылась на викно, зитхнула и, щильнище закутавшысь, тыхо пишла въ темный, глухый переулокъ.

И дійсно, черезъ тыждень Илько вже сыдивъ въ камери «срочныхъ» мижъ штундарямы, посадовленымы за збиркы, дрибнымы злодіямы и «буянамы». Заразъ же винъ звеливъ всимъ подилыться гришмы, побывъ одного, що хотивъ зъ нымъ змагаться, посыдивъ тры дни въ карцери, але вернувшысь, повытягавъ у ночи гаманци у багатыхъ, подилывъ ривно на всихъ и напоивъ усю камеру квартою «монополькы», яку невидомо де роздобувъ. Дозорци, та й самъ смотрытель навить, наче ничого не бачылы, не бажаючы черезъ якый часъ маты соби страшного ворога на воли.

А ще черезъ тыждень вводылы въ ворота Мотрю, закутану, зъ дытыною на рукахъ, трохы блиду, але черезъ се ще кращу. Въ той саме часъ Андрій сыдивъ на призьби. Побачывшы ии, винъ спершу зблидъ, потимъ почервонивъ, зновъ зблидъ и, не миняючы позы зъ ненавыстю буркнувъ, якъ вона поривнялася зъ нымъ, весело посмихаючысь до ёго:

— У! паскудо!.. мовчала! Прыбигла такы за Илькомъ!!

— Ба за тобою!—радисно дывлячысь на ёго й, наче чекаючы сёго пытання, жваво видповила Мотря. Але Андрій вылаявся, сципывъ зубы, одвернувсь, пишовъ у камеру й пьять день не показувався. А якъ и выходывъ на хвылыну—до Мотри не заговорювавъ; колы вона вынувато благаючы ёго зачипала, винъ тилькы лаявся зневажливо й наче не добачавъ ии. Мотря зблидла, схудла, благала ёго черезъ сторожывъ, простоювала цилымы вечорамы пидъ викномъ ёго камеры, а зъ Илькомъ и не говорыла, навить разъ вырвалась и плюнула, якъ той хотивъ обнять ии. Андрій змылувався—и звеселила Мотря: заспивала, засміялась, обцилувала Иваська и на другый день вже жартувала и сміялась до Илька. Зновъ зминывсь Андрій, але вже не ховавсь въ камери, не тикавъ одъ розмовъ зъ Мотрею, тилькы говорывъ зъ нею такъ холодно, такъ якось по чужому, дывывсь на неи такъ чудно, що Мотри' зъ нымъ було и важко, й ніяково, а на самоти якось пусто, пудно и сумно, до смерты сумно. Зновъ почалысь благання, зновъ Илько остогыдъ, зновъ осмихнувсь «по ридному» Андрій—и зновъ звеселила Мотря, тилькы вже пры Андріеви розмовляла зъ Илькомъ безъ смиху, безъ жартивъ,—безъ Андрія жъ пыльнувала, щобъ все зналы тилькы вона та Илько. Илько жъ хоча и всмихавсь до Андрія и самъ заговорювавъ до ёго,—пры Мотри махавъ кулакамы и... щыро задавався.

Выдався теплый, ясный день, одынъ зъ тыхъ днивъ, колы лито наче вырывается зъ мокрыхъ, холодныхъ обіймивъ осены, спишыть попрощаться зъ людьмы, всмихнуться тепло—ласкаво въ-останне й покорыться доли. Сонце грило—пекло, грало въ калюжахъ, що займалы трохы не пивъ двора, жваво цвиринькалы горобци, трипалысь куры, лазыла по двори свыня зъ порося-

тамы, тилькы деревья оголени якось сумно выставлялы зъ саду голи свои виты та тужливо хыталы вершечкамы. Зъ камеръ повысыпа́лы рештанты, порозсидалысь биля дверей, повыносылы койкы зъ тоненькымы синнькамы, порозвишувалы мокри спидныци, сорочкы, онучи; де-хто зтыха заводывъ писни, де-хто борюкався, а де-хто прямо сыдивъ, грився и смаковыто хмурывсь на сонце. Навить Степанъ, старшый дозорець,—«соціялыстъ», якъ звавъ товарышъ ёго Гаврыло за те, що той не постывъ у Петривку, йивъ въ недилю до звону, не хотивъ чытать а-ни буквы зъ Библіи и не любывъ багато балакать,—навить Степанъ вылизъ зъ темнои сторожкы, сивъ на корыдори, надивъ окуляры и ставъ читать «Путешествіе по рѣкѣ Оранжевой и ея притокамъ», що вже рокивъ зо тры, якъ винъ ёго почавъ чытать. Биля тыну, проты сонця, на койци сыдивъ старый Демьянъ, ватажокъ штундаривъ, зъ симпатычнымъ лыцемъ и добрымы очыма, дидочокъ. Поручъ сыдилы «браты» ёго, се-бъ то однои зъ нымъ виры дядькы,—одынъ рудый, бородатый, огрядный; другый носатый, чорный и худый. Проты ихъ, на другій койци, сыдивъ Гаврыло, «челаекъ зъ понятіемъ»—высокый, худый и тонкый, схожый, якъ самъ про себе не безъ зъ гордощивъ казавъ, на святого Антонія, чудотворця Печерського. Гаврыло не пропускавъ ни однои церковнои службы, харчувався самою цыбулею й жытнимъ хлибомъ и въ розмови закыдавъ «по вченому». Биля Гаврыла, прымостывшысь на цеглынахъ, пысавъ на койци лыста худенькый чоловикъ, старанно выводячы буквы, поводячы за рукою кинчыкомъ высунутого языка, и черезъ кожни тры хвылыны повертаючысь до Гаврыла за порадою. Дали, ступнивъ на тры, на голобляхъ тачкы сыдила Мотря, а на самій тачци, пацаючы ногамы и вставляючы иноди й свое до балачкы, прыбраный и веселый Илько.

Зайшла религійна суперечка. Демьянъ говорывъ спокійно, навить весело, Гаврыло иронычно всмихався, худый де-колы додававъ свого гострого и «зъ перцемъ» слова; рудый, добродушно ростягнувшы рота въ усмишку, однаково пыльно слухавъ и Демьяна й Гаврыла и однаково, якъ выдно було, не разумивъ ни того, ни другого, але самый процессъ суперечкы, очевыдячкы, ёму стра-

шенно подобався. Середъ двору, махаючы шапкою, посвыстуючы, ганявъ смотрытельскыхъ голубивъ Андрій, похмуро часамы поглядаючы на Илька й Мотрю.

— Ха-ха-ха! — зареготався Гаврыло, одкынувшысь назадъ.— Такъ по вашему выходыть, що церквы не нада?! Ето—фактъ!.. Ха-ха-ха!. Ну, а де-жъ, прымѣромъ сказать, должны нахадыться усякыи богослужебныи вещи, ну сказать, чы чаши усякыи, чы... ну хоча бъ и чаша? Де по вашому?

— Будли-де,—усмихнувся Демьянъ,—можна и въ скрыню покласты.

— Ето, значыть, тамъ, де штаны, сорочкы. Ха-ха-ха! Тамъ и воши, и блохы...

— Вошы тежъ одъ Бога.

— Ну!..

— Хоча чаши передъ службою мыються передъ всима, такъ, щобъ вси бачылы. А що роблять ваши попы, вы не знаете. Отъ-що!

— Хто жъ то мые? Пипъ вашъ?

— У насъ попивъ нема, а мые той, хто у той разъ службу служыть.

— Ну, такъ! Пидождить,—ухопывся Гаврыло,—вы говорыте, що «той, хто службу служыть». А винъ же мае право?

— Мае.

— Хто жъ ёму ёго давъ?

— Мы.

— Ето фактъ! А вы жъ маете право давать право?

— Таке жъ саме, якъ вашъ архыерей, або сынодъ.

— Ха-ха-ха! Иванъ, Степанъ, Денысъ—сынодъ! Ха-ха-ха! Славная препорція!..

— Отъ, Гаврыло Петровычъ,—перебывъ чоловичокъ, протягуючы лыста,—чы такъ? Бо той...

Гаврыло поважно взявъ и ставъ чытать:

— «Писмо пущено Мною Маркомъ Гаврыловычомъ къ жини Своій Параскы Мыхайловни прошу тебе». Ну, ето я вже чытавъ... «що Марко будь тобы Масло»...ето вже... Ага, отцеда: «Я

Марко Гаврыловычъ Прошу вашой мылосты вы выказуете шо я вамъ масло прынисъ а я никакого масла ны выдилъ и ны знаю и ны бачывъ и ны чувъ А вы якъ находыте на сибе прытенцію то дасте 5 рублей и будете одвичать сыльно строго якъ ны бачылы острога то побачыте»...

— А я такъ говорю,—почавъ тыхо Демьянъ, якъ чоловичокъ зновъ высунувъ языка, пахылывъ голову на бикъ и ставъ выводыть буквы,—бидному чоловикови й копійка багато значыть. Вы визьмить те: чы въ тебе родытся, чы помре, чы свято яке, чы штось такое,—уже платы! Платы попови, бо—грихъ.

— А въ Пысаніи що сказано?—поважно и навить строго перебывъ Гаврыло: —«шедше убо научать уси языкы, крестяще ихъ во имия Отца и Сына и Св. Духа, аминь».—Га? То какой фактъ? То, значыть, що самъ Исусъ Хрыстосъ постановывъ, щобъ булы священыкы. А вы жъ тилькы Евангеллю вирыте,—це жъ по Евангеллю...

— Та не сказано, щобъ за те воны и зъ жывого и зъ мертвого шкуру дерлы,—вставывъ худый, не зводячы очей зъ Гаврыла. Рудый добродушно засміявся.

— Воны й не деруть, а беруть те, що дають.

— Та вы Гаврыла хлибомъ не кормить, а попивъ не чипайте!—крыкнувъ, сміючысь Илько. Гаврыло хытнувъ головою и зневажлыво, але такъ, щобъ не бачывъ и не чувъ Илько, скрывывшы губы, пробубонивъ:

— Дурный пипъ, дурна ёго й молытва!

Помовчалы.

— Не даромъ кажуть,—почавъ, зитхнувшы Демьянъ,—«чыи ворота мынешъ, а поповыхъ не мынешъ»... Деруть воны зъ васъ, якъ сами хотять.

— А ну, Гаврыло Петровычъ, прочытайте дали,—протягнувъ зновъ лыста чоловичокъ. Гаврыло хотивъ щось сказать Демьянови, але тилькы махнувъ рукою и взявъ лыста.

— ... и... то побачыте...—промымрывъ винъ, шукаючы нового—Ага!.. «И прошу вашой мылосты ны радийте моему гору»... «Какъ господь дасть мини благодать то якось воно буде. Мини

господь поможыть нещасному то якось воно буде А Я Марко Гаврыловычъ и такъ никогда слёзы ны высыхають у мине и прошу вашой мылосты ны оставте моий прозьбы изъ тымъ досвсвыдание остаюсь жывъ толькы здоровя у мене плохо потому што досадую Ну все байдуже якось воно буде Писмо пысавъ Марко Гаврыловычъ звыните»...

— Воны усе, значыть, мени масломъ дорикають,— пояснывъ чоловикъ,—а я того масла, такъ отъ не грихъ запрысягнуться, и не бачывъ, яке воно на выдъ...

Андрій вылаявся на весь двиръ. Вси повернулысь, —жовторябый, трубохвостый голубъ, не вважаючы на Андріивъ свыстъ, ляскання въ долони, ніякъ нехотивъ, пидниматься вгору до гурту и все перелитавъ то зъ хлива на лёхъ, то зъ лёху на хливъ.

— Пидожды жъ!—злистно просычавъ Андрій, пидкрадаючысь до лёху, де сивъ жовторябый,— политаешъ у мене!

— Параска каже: «прызнайсь, тоби легше буде». А въ чому я буду прызнаваться? Я того масла...

— Отъ вы говорыте,—перебывъ чоловика Демьянъ,—грихъ оконы палыть... А я на се можу сказать...

Жовторябый, ничого не гадаючы повернувся хвостомъ до краю и ставъ чепурыться. Мотря й Илько пыльно слидкувалы за Андріемъ, котрый, то присидаючы, то ледве ступаючы, наблыжався до лёху. Ось винъ уже биля дверей, ось загляда на голуба, ось... піймавъ!

— Та не бый!!—крыкнула Мотря.

Андрій навить не пиднявъ головы и ставъ злорадно быть по ногахъ, по крылахъ, по голови переляканого жовторябого.

— Та пусты, не мучъ!—крыкнувъ Илько.

Намиряючысь вже пустыть, Андрій по сыхъ словахъ мовчкы злистно глянувъ на Илька, усмихнувся й, схопывшы нижку жовторябого, крутнувъ. Почувся легенькый хрускъ, голубъ несамовыто забывся й затрипався,—Андрій зламавъ ёму нижку. Сей хрускъ, розкрытый вмыть ротъ жовторябого, безсыле ёго трипання,—все се наче морозомъ пройняло Илькови тило.

— Пусты!!—рявкнувъ винъ и кынувсь до Андрія. Мотря зблидла, схопылась и побигла до пыхъ. Штунда и Глзрыло змовклы и, не знаючы въ чому ричъ, сталы дывытысь въ ихъ бикъ.

— Пусты, не мучъ!..—глухо прохрыпивъ червоный, зъ пиною на губахъ, важко дыхаючы, Илько.

— А тоби яке дило?!—блидый, ажъ жовтый, зъ сынимы губамы глянувъ на ёго ненавыстно Андрій, не выпускаючы голуба.

— Та чого ты прысикався до ёго?—сухо промовыла Мотря,—выпустыть!.. Якый сердобольный!..

— А! такъ ты за Андрія!!—блыснувъ на неи очыма Илько и ступывъ до Андрія:—Пусты, говорю!

Андрій мовчкы, дрижачою рукою ставъ щось шукать у кышени.

— Плювать мени на твій пижъ! Не пустышъ?!!

Андрій важко дыхавъ, зъ прызырствомъ усмихався и мовчкы копався въ кышени, не выпускаючы голуба.

— Такъ отъ же!!—розмахнувся Илько и, не сподиваючысь сёго, не вспывшы прыгнуться, Андрій спиткнувся, зачепывсь и впавъ, выпустывшы голуба.

— Ахъ, ты жъ!!—тилькы скрыкнула Мотря и, якъ вовчыця, вйилась зубамы Илькови въ руку; але заразъ же почула, якъ щось важке ударыло іи въ перенисся; въ голови страшенно зашумило, мыгнувъ въ очахъ жовтый тынъ и, хытаючысь, вона впала до-долу.

— Стережысь, Илько!!!—вмыть пронеслось по двори зъ десятокъ несамовытыхъ, переляканыхъ голосивъ. Илько здригнувсь, хотивъ повернуться до Андрія и, крыкнувшы якось «у-е!» скрывывсь, схылывсь и, скоцюбывшысь, упавъ рядомъ зъ Мотрею. Кровъ выразною червоною стежкою полылась зъ розпоротого жывота, полылась по колинахъ, по чоботяхъ, и стала всмоктуваться въ билый, сухый писокъ.

Пройшовъ рикъ. Илько хутко писля того выдужавъ, одбувъ строкъ, выйшовъ зъ буцыгарни, ще гирше запывъ, загулявъ, піймавсь на «роботи» й попавъ у губернію въ тюрму, звидкиль вже не вертавсь. А Мотря зъ батькомъ, зъ сыномъ, зъ старою матирью Андрія, спродавшы свою й Андріеву хаты й грунтъ, заразъ же, якъ повезлы Андрія въ тюрму, пойихала за нымъ, повинчалась, и вси выйихалы «на поселенія», куды прысудылы Андрія за «покушеніе на убійство».

В. Винниченко.

Памяти В. В. Тарновскаго, А. М. Лазаревскаго и Н. В. Шугурова.

(Къ рисунку).

Эти три лица, такъ близко стоявшія къ редакціи нашего журнала, очень быстро, въ три года, сошли въ могилу одинъ за другимъ... В. В. Тарновскій хоть болѣлъ долго, смерть подтачивала его организмъ постепенно. Кончина же А. М. Лазаревскаго и Н. В. Шугурова для всѣхъ была полной неожиданностью...

Они не были друзьями въ томъ смыслѣ, чтобы чувствовать постоянную потребность одинъ въ другомъ. Среда, въ которой они выросли, воспитались, весь складъ ихъ жизни и обычныхъ житейскихъ интересовъ у каждаго былъ свой, особенный. Они могли мѣсяцы, даже годы не видѣть другъ друга, но эта разлука никогда не оставляла и признаковъ отчужденія. Они всегда радостно встрѣчались и до смерти были близкими людьми. Какъ только поздней осенью В. В. Тарновскій возвращался изъ деревни или въ послѣдніе годы изъ Наугейма, гдѣ онъ лѣчился отъ подтачивавшей его постепенно болѣзни, какъ только по городу начинали бѣгать въ разныя стороны посланные въ извѣстныхъ всему Кіеву малорусскихъ козакинахъ, одинъ изъ первыхъ прибѣгалъ непремѣнно къ А. М. Лазаревскому извѣстить, что «Василь Васильевичъ сегодня уже пріѣхали». Въ два часа дня—время обычной своей прогулки—А. М. Лазаревскій непремѣнно

забѣгалъ уже на Большую Владимирскую, гдѣ въ послѣдніе годы жилъ В. В. Тарновскій. Не успѣвалъ или не могъ зайти Ал. М—чъ, навѣрно вечеромъ того дня, послѣ 10 часовъ, когда Ал. М—чъ подумывалъ уже о снѣ, у подъѣзда его останавливалась карета, запряженная парой темносѣрыхъ лошадей, и В. В. Тарновскій, больной, едва передвигавшій ноги, но постоянно сердившійся за то, что его поддерживаютъ, медленно взбирался на второй этажъ, чтобы полчасика, часокъ провести съ Ал. М—чемъ и похвалиться, а иногда и похвастаться своими новыми пріобрѣтеніями для историческаго музея и для Шевченковской коллекціи.

Александръ Матвѣевичъ никогда не тяготился этими поздними посѣщеніями В. В. Тарновскаго. Бывало, раздается звонокъ у парадныхъ дверей въ половинѣ одиннадцатаго вечера, Ал. М—чъ прислушается. «Это Тарновскій»—скажетъ онъ, улыбаясь, хватаетъ со стола свѣчку и бѣжитъ навстрѣчу отворять входную дверь и затѣмъ все время, пока взбирается В. В. Тарновскій, Ал. М—чъ стоитъ на верхней ступенькѣ лѣстницы и шутитъ. Съ людьми, къ которымъ онъ чувствовалъ пріязнь, которыхъ считалъ близкими себѣ, онъ всегда шутилъ, при чемъ шутка эта, при всей иногда свойственной Ал. М—чу рѣзкости, отличалась удивительной мягкостью и деликатностью.

Иногда В. В. Тарновскій привозилъ Ал. М—чу вновь пріобрѣтенныя вещи для музея показать, похвастаться, и Ал. М—чъ съ обычной ему шутливостью начиналъ разсматривать и критиковать ихъ.

«Это, чортъ знаетъ, что-съ»! Это Васъ надули-съ»!—останавливалъ онъ вдругъ вниманіе на какой-нибудь вещи, которою больше всего былъ заинтересованъ В. В. Тарновскій.

— Отчего?—смущенно, съ недоумѣніемъ и какъ бы виновато спрашивалъ тотъ.

— Оттого, что это поддѣлка, это—чортъ знаетъ что; это надулъ Васъ мошенникъ***», и А. М. называлъ при этомъ имя одного изъ антикваріемъ—торговцевъ, который частенько заходилъ къ В. В. Тарновскому и сбылъ ему не мало разнаго хлама

и негодныхъ вещей за дорогую цѣну. Иногда В. В. Тарновскій слушался Александра Матвѣевича. Благодаря, напр., ему, Василій Васильевичъ не купилъ въ свой музей поддѣльной чаши Богдана Хмельницкаго. Правда, онъ долго колебался, слишкомъ была заманчива покупка, и только замѣтка А. М. Лазаревскаго объ этой чашѣ, напечатанная въ «Кіевской Старинѣ» предупредила В. В. Тарновскаго отъ безполезной и значительной затраты, на которую подбивалъ его одинъ изъ кіевскихъ антикваріевъ—продавцовъ.

Роль Алек. М. Лазаревскаго при составленіи музея В. В. Тарновскаго, вообще должна быть признана, особенно за послѣднее время, очень значительный. Онъ являлся главнымъ совѣтчикомъ В. В. Тарновскаго, онъ далъ ему много автографовъ, гравюръ, нѣкоторые изъ старинныхъ потретовъ, онъ побуждалъ В. В. Тарновскаго составить при музеѣ библіотеку и помогалъ ему въ этомъ, слѣдилъ за работой по описанію музея при жизни В. В. Тарновскаго, редактировалъ и корректировалъ каталогъ Шевченковской коллекціи; ему же принадлежитъ мысль передать музей Черниговскому земству, куда, послѣ долгихъ колебаній, и завѣщалъ его В. В. Тарновскій.

Знакомство Ал. М—ча Лазаревскаго съ В. В. Тарновскимъ, было давнее, еще съ молодыхъ лѣтъ. Они познакомились, кажется, въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ то время, когда оба близко стояли къ крестьянскому дѣлу. Съ Николаемъ Васильевичемъ Шугуровымъ Ал. М—чъ познакомился позже, въ 1880-хъ уже годахъ, когда Н. В. Шугуровъ былъ назначенъ членомъ Кіевской Судебной Палаты. «Это я обрѣлъ его»—говорилъ Ал. М—чъ. До тѣхъ поръ Н. В. Шугоровъ былъ товарищемъ предсѣдателя окружного суда въ одномъ изъ захолустныхъ городовъ Черниговской губ.—Стародубѣ.

По окончаніи Московскаго университета Н. В. Шугуровымъ судьба было улыбнулась ему, онъ быстро сдѣлалъ карьеру, былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя одесскаго окружного суда и затѣмъ вдругъ переведенъ въ Стародубъ, забытъ, какъ человѣкъ безъ всякой протекціи, и въ такомъ забытьи прожилъ больше

десяти лѣтъ, если не пятнадцать. А. М. Лазаревскій зналъ о Н. В. Шугуровѣ по слухамъ, по разсказамъ людей близкихъ, или которымъ онъ довѣрялъ. О Шугуровѣ много ему разсказывалъ другъ его, покойный П. Г. Васьковъ, землякъ и университетскій товарищъ Н. В. Шугурова; его хорошо зналъ и А. С. Лашкевичъ, покойный редакторъ-издатель «Кіевской Старины»; знали и многіе въ Черниговской губ., съ которыми приходилось сталкиваться А. М. Лазаревскому; читалъ онъ, наконецъ, и статьи Н. В. Шугурова. Все это вмѣстѣ уже напередъ располагало къ нему А. М. Лазаревскаго. Ал. М—чъ предложилъ Шугурова въ члены Кіевской Судебной Палаты и поддержалъ его кандидатуру въ Общемъ Собраніи. Оттого онъ и говорилъ иногда, что «это онъ обрѣлъ Николая Васильевича». Дѣйствительно, не будь Александра Матвѣевича, скромный Николай Васильевичъ, быть можетъ, и дни свои кончилъ бы товарищемъ предсѣдателя суда, все въ томъ же Стародубѣ. Теперь же онъ умеръ предсѣдателемъ Нѣжинскаго окружного суда.

А. М. Лазаревскій всегда очень много придавалъ значенія первому впечатлѣнію, которое производилъ на него человѣкъ. Умный, скромный, молчаливый, горячо любящій свою родину и науку, Н. В. Шугуровъ сразу же завоевалъ для себя всѣ симпатіи А. М. Лазаревскаго и сразу же сдѣлался близкимъ человѣкомъ, не сослуживцемъ только, а человѣкомъ, съ которымъ не только Ал. М—чъ Лазаревскій, но и многіе изъ пріятелей Ал. М—ча почувствовали свое духовное сродство. Въ семьѣ Ал. М—ча Лазаревскаго Н. В. Шугуровъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. Большую часть жизни Н. В. Шугуровъ прожилъ одинокимъ человѣкомъ и только подъ конецъ дней ему улыбнулось семейное счастье. Но не на долго: смерть скоро похитила его. Раньше, когда онъ былъ одинокимъ, когда наступали каникулы, праздники, онъ уѣзжалъ на нѣсколько дней въ д. Коренекъ, глуховскаго уѣзда, навѣстить старушку мать и такъ дѣлалъ всегда до самой смерти матери. Ничто не останавливало его, никакая погода, и часто 70 верстъ тащился онъ отъ желѣзной дороги по весенней распутицѣ, чтобы провести пасху съ старушкой-ма-

терью. Отъ матери онъ уѣзжалъ куда-нибудь по бѣлу свѣту: въ Петербургъ, Финляндію, на Кавказъ. Онъ любилъ ѣздить, и какъ разъ предъ смертью посѣтилъ Днѣпровскіе пороги. Но за послѣдніе годы дальнія поѣздки на каникулахъ дѣлались все рѣже и рѣже. Н. В. Шугуровъ любилъ на каникулахъ заѣхать въ Подлипное (конотоп. уѣзда) къ А. М. Лазаревскому, прожить тамъ недѣльку, другую, а то и мѣсяцъ, и тамъ провести большую часть своихъ каникулъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ гостей, которые не могли стѣснить, не могли выбить хозяевъ изъ колеи, создать для нихъ излишнюю суету, нарушить теченіе обычной жизни и тѣмъ сдѣлать свое пребываніе въ гостяхъ тягостнымъ. Н. В. Шугуровъ могъ по цѣлымъ днямъ оставаться одинъ, по цѣлымъ днямъ молчать, ходить, про него можно было и забыть совсѣмъ, а когда онъ появлялся къ обѣду, чаю, ужину, онъ былъ всегда желаннымъ членомъ дома. Вотъ почему А. М. Лазаревскій, отдыхавшій у себя въ Подлипномъ отъ городской суеты и людей, любившій деревенскую свободу, покой, любившій проводить лѣто въ кругу только своей семьи, всегда звалъ къ себѣ на лѣто Н. В. Шугурова. И Н. В. Шугуровъ ѣздилъ, за послѣдніе годы чуть ли не каждое лѣто, и подолгу живалъ въ Подлипномъ. Очевидно, ему, одинокому, хорошо, тепло жилось и чувствовалось въ семьѣ А. М. Лазаревскаго.

Ал. М—чъ любилъ Николая Васильевича за его душевную чистоту, не позволявшую и, можно смѣло сказать, не позволившую ему когда-нибудь поступиться своими основными убѣжденіями. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова честный человѣкъ, честный гражданинъ честный судья; при томъ же Николай Васильевичъ горячо любилъ свою родину и науку,—словомъ, у Н. В. Шугурова была наличность всѣхъ тѣхъ заповѣдей, исполненія которыхъ А. М. Лазаревскій требовалъ отъ близкихъ къ себѣ людей и прежде всего отъ самого, конечно, себя.

А. М. Лазаревскій былъ человѣкъ довольно замкнутый и очень туго сближавшійся. Въ судебной палатѣ у него было много знакомыхъ, даже хорошихъ знакомыхъ среди сослуживцевъ, но близкимъ былъ одинъ Н. В. Шугуровъ. Съ нимъ онъ схо-

дился во взглядахъ, съ нимъ любилъ обсуждать новости и мѣропріятія по министерству юстиціи или разныя событія въ жизни кіевской суд. палаты. Оба они были закоренѣлыми приверженцами суда присяжныхъ, несмѣняемости судей, выборнаго начала и вообще основъ судебныхъ уставовъ 1864 года: оба были противниками новѣйшихъ мѣропріятій по министерству юстиціи, смѣшенія суда и администраціи, противниками карьеризма, который дѣлался характернымъ явленіемъ въ судебномъ мірѣ за послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ, когда особенно стали расшатываться лучшія судебныя традиціи 1860-хъ годовъ. Иногда, подъ вліяніемъ какой-нибудь новости въ этомъ родѣ, А. М—чъ забѣгалъ въ воскресенье по пути съ Подола, гдѣ онъ просматривалъ книги у букинистовъ, къ Н. В. Шугурову и здѣсь отводилъ свою душу. Хозяинъ сидѣлъ въ это время въ креслѣ, молчалъ. Кругомъ на столахъ были разбросаны новые журналы, преимущественно, иллюстрированные. Ал. М-чъ, по своей живости, не могъ никогда усидѣть на одномъ мѣстѣ при разговорѣ, вѣчно бѣгалъ, пересѣдалъ съ одного стула на другой... Вдругъ глаза его упали на какой-нибудь журналъ, заинтересовала статья, рисунокъ относящійся къ Малороссіи...

— Вы бы, Николай Васильевичъ—написали объ этомъ для «Кіевской Старины».

— Да, у меня еще есть матеріалы... И Николай Васильевичъ начиналъ выкладывать одну папку за другой. Недавнія огорченія на время забыты, и Ал. М-чъ поглощенъ разсматриваніемъ матеріаловъ, собранныхъ Н. В. Шугуровымъ, дивится ихъ богатству, рѣдкости. Ал. М-чъ массу зналъ, удивить его какой-нибудь статьей, книгой по исторіи Малороссіи было трудно, но у Н. В. Шугурова онъ всегда много находилъ новаго для себя. Нужно сказать, впрочемъ, что главной областью, которой интересовался Н. В. Шугуровъ, была область искусства вообще, и малорусскаго въ частности, и въ этомъ отношеніи имъ собрано не мало интереснаго. Къ сожалѣнію, сравнительно рѣдко Н. В. Шугуровъ брался за перо, да и то въ большинствѣ случаевъ А. М. Лазаревскій побуждалъ его подѣлиться съ читателями бога-

тыми свѣдѣніями, которыми, несомнѣнно, обладалъ Н. В. Шугуровъ и которыя онъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ неиспользованными унесъ съ собой въ могилу.

Чрезъ А. М. Лазаревскаго Н. В. Шугуровъ познакомился и съ В. В. Тарновскимъ и затѣлъ сблизился съ нимъ. Насколько Н. В. Шугуровъ цѣнилъ В. В. Тарновскаго, это онъ высказалъ въ одной изъ своихъ статей, «Памяти В. В Тарновскаго», помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» и подписанной иниціалами Н. Ш—въ, какъ обыкновенно подписывалъ свои мелкія статьи Н. В. Шугуровъ.

А. М. Лазаревскаго, Н. В. Шугурова и В. В. Тарновскаго связывало вмѣстѣ одно главное чувство—любовь къ своей родинѣ—Малороссіи и желаніе быть ей, такъ или иначе, полезнымъ, и каждый изъ нихъ, по своему, удовлетворялъ этому желанію. А. М. Лазаревскій занимался разработкой исторіи ея и составилъ себѣ на этомъ поприщѣ крупное научное имя, собралъ много рукописей, библіотеку, которою обогатилъ кіевскій университетъ. Н. В. Шугуровъ поработалъ также не мало для исторіи Малороссіи и составилъ также цѣнное собраніе матеріаловъ и библіотеку, которая пока еще, благодаря отсутствію завѣщанія, не нашла себѣ пристанища. Имя В. В. Тарновскаго хорошо извѣстно въ Малороссіи, какъ человѣка, составившаго богатѣйшій музей малорусскихъ древностей и какъ глубокаго почитателя таланта и личности незабвеннаго Кобзаря Украины Тараса Григорьевича Шевченка.

Шевченко для В. В. Тарновскаго былъ своего рода культъ. Онъ дорожилъ каждой мелочью, каждымъ пустякомъ, относившимся къ личности поэта и его біографіи. Кто хоть разъ видѣлъ В. В. Тарновскаго за работой въ его кабинетѣ, тотъ никогда не забудетъ и съ умиленіемъ будетъ вспоминать этого поломаннаго тяжкою болѣзнію, едва стоявшаго на ногахъ старика, съ замѣчательно своеобразнымъ красивымъ малорусскимъ лицомъ, всецѣло погруженнаго въ разборку, сортировку, подклейку своихъ драгоцѣнностей—вырѣзокъ изъ газетъ и журналовъ, картинокъ и бумажекъ, относящихся къ памяти Т. Г. Шевченка. Для В. В. Тар-

новскаго все было цѣнно, гдѣ стояло имя Т. Г. Шевченка, даже простое объявленіе о панихидѣ въ память его, все было дорого. Такъ бываетъ намъ дорогъ всякій пустякъ, на которомъ только стоитъ имя любимаго человѣка...

В. В. Тарновскаго всегда очень огорчало, что надъ именемъ Шевченка стоялъ въ Кіевѣ запретъ, нельзя было по немъ ни панихиды служить, ни публично чествовать его память. Долго онъ добивался снятія запрета, и, наконецъ, бывшій Кіевскій генералъ-губернаторъ графъ А. П. Игнатьевъ снялъ его. Лица, бывавшія на Шевченковскихъ вечерахъ въ залѣ литературно-артистическаго Общества въ Кіевѣ, на Рогнѣдинской, хорошо помнятъ, что, пока былъ живъ В. В. Тарновскій, ни одинъ изъ вечеровъ не обходился безъ его присутствія. Чествовали тамъ же столѣтіе появленія «Энеиды» И. П. Котляревскаго, т. е. другими словами столѣтіе новой малорусской литературы, В. В. Тарновскій былъ и на этомъ чествованіи. Больной, опираясь на палку, поддерживаемый двумя лакеями, едва передвигавшій ноги, взбирался онъ на второй этажъ и, несмотря на видимую усталость, высиживалъ чествованіе до конца. Жаль, больно было смотрѣть на стоявшаго у края могилы старика, но вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно и для многихъ, если хотите, было и поучительно его присутствіе. Болѣзнь не останавливала его передъ памятью Шевченка, и въ послѣдніе годы своей жизни В. В. Тарновскій почти ежегодно совершалъ паломничество въ Каневъ, на могилу незабвеннаго поэта. Нанимался особый пароходъ: своя семья, нѣсколько близкихъ знакомыхъ, почитателей Т. Г. Шевченка—въ такомъ обществѣ ѣздилъ В. В. Тарновскій на могилу, чтобы провести тамъ нѣсколько часовъ вблизи останковъ человѣка, почитаніе памяти котораго сдѣлалось въ концѣ концовъ чуть ли не содержаніемъ послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Въ с. Качановкѣ, борзенскаго уѣзда, черниг. губ., въ бывшемъ имѣніи В. В. Тарновскаго, не одинъ разъ гостилъ Т. Г. Шевченко, когда В. В. Тарновскій былъ еще студентомъ, совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Въ Качановкѣ Василій Васильевичъ и позна-

комился съ нимъ въ одинъ изъ его пріѣздовъ. Пока имѣніе оставалось въ рукахъ В. В. Тарновскаго, много уголковъ въ паркѣ было связано съ именемъ Шевченка: тамъ Шевченко сидѣлъ, тамъ кавуны ѣлъ... А. М. Лазаревскій частенько подтрунивалъ надъ этими воспоминаніями, надъ этими достопримѣчательностями, которыя хозяинъ любилъ показывать своимъ гостямъ. На одномъ изъ этихъ достопримѣчательныхъ мѣстъ висѣлъ и медальонъ Т. Г. Шевченка.

В. В. Тарновскій любилъ иногда мечтать. То ему мечталось, что онъ на своемъ еще вѣку увидитъ въ Кіевѣ памятникъ украинскому народному поэту. Онъ уже и мѣсто для него назначалъ, на Бибиковскомъ Бульварѣ, противъ 1-й гимназіи, съ лицемъ, обращеннымъ къ Большой Владимірской улицѣ. То мечталось еще сдѣлать изъ своей Качановки какую-то малорусскую національную святыню, перевезти туда и похоронить тѣла всѣхъ видныхъ малороссіянъ: Шевченка, Костомарова, Квитку, Котляревскаго и др., насыпавъ надъ ними высокія могилы, какая насыпана была имъ надъ могилой друга Шевченка, художника Честаховскаго, въ послѣдніе годы часто проживавшаго у В. В. Тарновскаго въ Качановкѣ и похороненнаго въ качановскомъ паркѣ. Можетъ быть, эти мечты были однѣ смѣшны, другія только несбыточны, но онѣ показываютъ въ какомъ направленіи работала мысль В. В. Тарновскаго: хотѣлось что-то еще сдѣлать для родины хорошаго.

Музей малорусскихъ историческихъ древностей В. В. Тарновскаго и его Шевченковская коллекція—это не праздная забава собирателей рѣдкостей. Это—глубоко-національное дѣло, выполненное В. В. Тарновскимъ предъ родиной. Что такъ онъ самъ смотрѣлъ на свой музей, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что онъ никогда не считалъ музея своимъ фамильнымъ имуществомъ. Въ музеѣ онъ всегда видѣлъ общественное достояніе, долго не могъ онъ остановиться на учрежденіи, которому онъ со спокойной совѣстью довѣрилъ бы свое любимое дѣтище, учрежденіи, которое бы уберегло его, какъ національную собственность, не позволило бы увезти музей и Шевченковскую коллекцію изъ Ма-

лороссіи, гдѣ они только и имѣютъ смыслъ. Такимъ учрежденіемъ, по совѣту А. М. Лазаревскаго, явилось какъ извѣстно, Черниговское Губернское Земство. Туда поступилъ уже музей малорусскихъ древностей, туда поступила и Шевченковская коллекція. Въ сущности, оба эти отдѣла составляютъ неразрывное цѣлое. Трудно прослѣдить генезисъ музея В. В. Тарновскаго, одно несомнѣнно, имъ всегда руководилъ духъ Шевченка...

Прилагаемый рисунокъ сдѣланъ со случайной любительской фотографіи, снятой въ с. Качановкѣ, въ одно изъ послѣднихъ посѣщеній ея А. М. Лазаревскимъ и Н. В. Шугуровымъ. Посрединѣ сидитъ В. В. Тарновскій, по лѣвую руку отъ него А. М. Лазаревскій, по правую—Н. В. Шугуровъ.

Качановка—одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Малороссіи: громадный 600-десятинный паркъ, приведенный въ образцовый порядокъ покойнымъ В. В. Тарновскимъ, пруды, масса зелени, видовъ, одинъ другого красивѣе и разнообразнѣе... В. В. Тарновскій долго лелѣялъ, долго оберегалъ свою Качановку. Къ сожалѣнію, подъ конецъ жизни денежныя обстоятельства заставили его продать ее П. И. Харитоненку.

А. М. Лазаревскій, обыкновенно рѣдко когда-нибудь выѣзжавшій лѣтомъ изъ своего Подлипнаго, въ послѣдніе годы жизни В. В. Тарновскаго въ Качановкѣ, почти ежегодно бывалъ тамъ. Качановка нравилась ему своей красотой, своей прелестью. Гостепріимство хозяина, радушіе его, возможность уйти въ паркъ, остаться одинокимъ, когда хочется, никому не мѣшать—все это подкупало Александра Матвѣевича, и онъ охотно ѣхалъ туда, чаще всего съ Н. В. Шугуровымъ, когда тотъ лѣтомъ гостилъ у него. Въ Качановкѣ В. В. Тарновскій жилъ въ барскихъ двухэтажныхъ, еще при Румянцевѣ выстроенныхъ хоромахъ, съ безконечнымъ количествомъ комнатъ. Надъ домомъ на флагштокѣ развѣвался обыкновенно флагъ съ гербомъ Тарновскихъ—знакъ, что хозяинъ дома. Но рядомъ съ этими хоромами, среди зелени парка, для забавъ дѣтей была выстроена бѣленькая малорусская хатка съ соломенной крышей, характернымъ малорусскимъ перелазомъ

чрезъ плетень; на огородѣ—гарбузы; внутри хатки—черепяная посуда на полыцяхъ, на покути—икона вся заквитчана и убрана малорусскими рушныками, простой столъ, накрытый малорусской скатертью и лавки кругомъ...

На призьбѣ у этой хатки Н. Ф. Бѣляшевскій случайно и снялъ на память потомству трехъ, теперь уже дорогихъ покойниковъ... Не случайно они только были вмѣстѣ...

Документы, извѣстія и замѣтки.

Какъ вводилось оспопрививаніе въ Уманскомъ уѣздѣ сто лѣтъ назадъ. Въ іюнѣ 1803 года кіевскій гражданскій губернаторъ Петръ Прокопьевичъ Панкратьевъ обратился къ митрополиту Гавріилу съ отношеніемъ, въ которомъ яркими красками рисовалъ бѣдствія, наносимыя роду человѣческому натуральной оспой. «Довольно извѣстно—писалъ онъ,—сколько пагубны для человѣческаго рода слѣдствія натуральной оспы, отъ которой множество народа еще въ младенчествѣ и въ цвѣтущемъ состояніи лишаются жизни. Для отвращенія сего зла изобрѣтено весьма полезное и спасительное для человѣчества средство прививать всѣмъ младенцамъ, у которыхъ натуральной оспы не было, коровью; и какъ средство сіе распространилось и употребляется уже съ наилучшимъ успѣхомъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, да и въ Россіи многіе благомыслящіе люди начинаютъ уже стараться вводить его въ употребленіе, то, послѣдуя сему примѣру, и графъ Станиславъ Потоцкій, которому почти весь Уманскій сей губерніи повѣтъ принадлежитъ, для предохраненія крестьянъ своихъ отъ сей гибельной язвы, приказалъ управителю имѣній его всѣмъ малолѣтнимъ дѣтямъ привить коровью оспу, для чего прислалъ туда и нарочито искусныхъ докторовъ; но крестьяне, узнавъ о томъ, по невѣжеству своему, не только не соглашаются допустить для прививанія дѣтямъ своимъ оспы и *прячутся съ ними въ лѣса*, но даже явно противу сего ропщутъ и толкуютъ сіе благодѣтельное для нихъ средство совсѣмъ въ противную сторону, выдумывая смѣху достойныя басни,—во прекращеніе чего предписано отъ меня тамошнему земскому начальству,

чтобъ присланные отъ графа Потоцкаго доктора насильно къ тому никого не принуждали, а сдѣлали бы сію операцію только надъ тѣми дѣтьми, которыхъ родители сами на то изъявятъ свое согласіе». Усердно желая, чтобы «сіе спасительное средство скорѣе было введено и въ здѣшнемъ краѣ» и будучи увѣренъ, что приходскіе священники «большую имѣютъ довѣренность и уваженіе своихъ прихожанъ», Панкратьевъ обратился къ митрополиту съ просьбой дать всѣмъ приходскимъ Кіевской губерніи священникамъ предписаніе, «дабы они съ своей стороны, яко люди благомыслящіе, вразумляли и истолковывали поселянамъ, что прививаніе дѣтямъ ихъ коровьей оспы не только не противно закону Божію, но, напротивъ, есть дѣйствіе человѣколюбія и самое полезнѣйшее для избавленія людей отъ пагубныхъ слѣдствій натуральной оспы, чрезъ которую такъ много истребляется дѣтей и вообще народа». Само собою разумѣется, митрополитъ не отказался предписать всѣмъ духовнымъ правленіямъ Кіевской губерніи, «дабы они приказали приходскимъ священникамъ располагать своихъ прихожанъ къ принятію, гдѣ нужда требуетъ, сего спасительнаго средства противъ гибельной оспы, опровергая пустые и неосновательные толки противъ коровьей оспы, отъ простолюдиновъ выдуманные»...

Спустя два года мы наталкиваемся на оспопрививательную дѣятельность въ уманскомъ уѣздѣ одного изъ «нарочито искусныхъ докторовъ»—штабъ-лѣкаря 8 класса Трофима Ноздри. Въ іюлѣ 1805 года онъ отправилъ въ Уманскій нижній земскій судъ сообщеніе, что, «вслѣдствіе полученныхъ имъ изъ государственной медицинской и Кіевской врачебныхъ управъ его императорскаго величества указовъ, имѣетъ приступить по данному ему печатному наставленію и особому по наукѣ его искуствѣ (!) къ прививанію малолѣтнимъ дѣтямъ коровьей оспы, на которыхъ еще не было оной, служащей ко истребленію вовсе отъ заразы натуральной оспы—*безъ всякой заплаты, но единственно изъ человѣколюбія* къ роду человѣческому», и требовалъ со стороны суда оповѣстить всѣхъ жителей Уманскаго уѣзда, что «какъ сей способъ всѣми медицинскими чинами признанъ справедливымъ ко истребленію погубляющей многимъ числомъ родъ человѣческій натуральной оспы и не наноситъ малолѣтнимъ дѣтямъ никакихъ сумнительныхъ послѣдствій, то и не отваживался бы никто при начинаніи сего спасительнаго дѣла сопротивляться и дѣлаться ослушнымъ». По справкѣ въ Уманскомъ земскомъ судѣ оказалось, что въ минувшемъ 1804 году «по случаю начинанія прививаться той оспы, во всемъ здѣшнемъ

повѣтѣ простолюдины, не понимая сей спасительной для ихъ собственной пользы, пришли было до такого смятенія, что нѣкоторые производили разныя нелѣпыя умствованія, *молились въ церквахъ отъ избавленія дѣтямъ ихъ отъ сею прививанія*, а многіе готовы защищаться непозволительнымъ образомъ; жены же съ малолѣтними дѣтьми *скрывались въ лѣсахъ и степахъ*, даже до того, что земская полиція принуждена была оставить дѣйствія сего прививанія, а черезъ священниковъ велѣно прежде внушить сему народу, какую приноситъ пользу сіе прививаніе, и привлечь ихъ къ тому посредствомъ наставленій и дѣйствіемъ, такъ чтобы *сперва прививаема была оспа дѣтямъ шляхетскимъ, священническимъ* и другого рода, а потомъ уже крестьянскимъ, и то, когда они согласятся добровольно, а принужденія отнюдь не дѣлать. Уповательно, что такимъ наставленіемъ и очевиднымъ опытомъ простолюдины до сего времени хотя не всѣ, но большею частью должны познать дѣйствія въ прививаніи оспы коровьей для нихъ полезными, для того господину штабъ-лѣкарю Ноздрѣ къ начинанію прививать ту оспу на вышеписанномъ основаніи не препятствовать и во извѣстіе о семъ распубликовать по всѣму повѣту, съ тѣмъ, чтобы не только священники каждаго селенія въ церквахъ и другихъ, гдѣ только прилично, мѣстахъ, на основаніи сдѣланныхъ имъ отъ начальства ихъ предписаній, но и сами помѣщики, посессоры и экономы старались выводить крестьянъ изъ сумнѣній по сему предмету содержимыхъ всякими удобовозможными средствами, и помянутому штабъ-лекарю Ноздрѣ къ распространенію оспопрививанія сколько можно въ большомъ числѣ дѣтямъ оказывали вспомоществованіе».

Къ сожалѣнію, о дальнѣйшей судьбѣ «человѣколюбивыхъ» намѣреній лѣкаря Ноздри и ему подобныхъ, свѣдѣній у насъ не имѣется. Во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что и въ послѣдующіе затѣмъ годы дѣло съ оспопрививаніемъ обстояло не лучше. Изъ имѣющейся у насъ копіи указа свят. Синода отъ $^{31}/_{VII}$ 1811 г. Кіевскому митрополиту Серапіону, по поводу учрежденія по всей Россіи оспопрививательныхъ комитетовъ (губернскихъ и уѣздныхъ), видно, что народъ по прежнему продолжаетъ недовѣрчиво относиться къ заботамъ объ его благополучіи. Въ пунктѣ 2-омъ указа говорится: «къ вящему же достиженію въ ономъ (оспопрививаніи) успѣха со стороны духовенства, и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто дѣйствуетъ болѣе на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благо-

разумное увѣщеніе, не безполезно кажется учинить, *чтобы дѣти, а особливо по деревнямъ,* у коихъ была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи, *приводимы были въ праздникъ или въ воскресный день,* смотря по удобности мѣстнаго разстоянія и въ самую хорошую лѣтнюю погоду, *въ церковь* для слушанія божественной литургіи, *коихъ и ставить впереди* на особенномъ имъ, отъ священника назначенномъ, мѣстѣ». *Пунктъ 3-й*: «Обязанность священника при семъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобы онъ, по окончаніи богослуженія, для подражанія другимъ, для увѣренія другихъ въ безопасности и пользѣ прививанія коровьей оспы, объявилъ имена выздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы, съ свойственнымъ пастырю духовному увѣщаніемъ, и о тѣхъ, гдѣ къ несчастью случится, кои потеряли бы по небреженію своему «сѣменнаго» человѣка отъ натуральной оспы»...

В. Доманицкій.

Священникъ, преданный суду за возмущеніе крестьянъ гр. Разумовскаго. Какъ извѣстно, терминъ «возмущеніе крестьянъ» необыкновенно щедро примѣнялся къ самымъ невиннымъ дѣйствіямъ сельскаго духовенства въ эпоху крѣпостного права. Стоило, напр., вольному человѣку, незаконно закрѣпощаемому помѣщикомъ, или крестьянину, угнетаемому паномъ, его управляющимъ или экономомъ, обратиться за совѣтомъ къ своему естественному совѣтчику—приходскому священнику и получить отъ него указаніе, гдѣ и какъ онъ можетъ найти защиту своихъ законныхъ правъ,—и поводъ для обвиненія священника въ «возмущеніи крестьянъ» былъ готовъ. Весьма вѣроятно, что и священникъ Петрашевскій, о которомъ идетъ рѣчь въ нашемъ документѣ, былъ повиненъ въ такомъ же дѣйствіи. Его обвинитель, графъ Левъ Кирилловичъ Разумовскій, былъ однимъ изъ шести сыновей бывшаго гетмана. По распредѣлительной записи послѣдняго, совершенной въ 1800 г. [1]), на долю Льва К-ча досталась «въ повѣтѣ полтавскомъ волость Карловская, съ принадлежащими къ ней селами, деревнями и хуторами, съ коннымъ заводомъ и всякими другими заведеніями и наличностію», а также заднѣпровскія дачи съ слободами Кириловою и Разумовою, и сверхъ того «оставшіяся отъ

---

[1]) Кіев. Старина, 1891 г.. августъ, стр. 317.

продажи Гадяцкого замка въ гадяцкомъ и зѣньковскомъ повѣтахъ» села: Комыши, Павловка, Павловочка и деревня Довжикъ съ хуторами Шиловскимъ и Шаповаловскимъ, да въ роменскомъ повѣтѣ с. Опанасовка съ коннымъ заводомъ и пр. Въ составъ Карловской волости входила и Ковалевка, на рч. Коломакѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Полтавы. Раньше это было козацкое село, входившее въ составъ одной изъ полтавскихъ сотенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ оно было пожаловано гетману, трудно было крестьянамъ и помышлять о возвращеніи былой вольности; но въ первые годы царствованія Александра I закрѣпощенные малороссіяне нерѣдко пытались хлопотать о возстановленіи старыхъ своихъ козацкихъ правъ. При тогдашнемъ живомъ общеніи прихожанъ съ духовенствомъ, кому было лучше вѣдомо, кто изъ нихъ происходилъ изъ козаковъ, а кто изъ посполитыхъ? Конечно, мѣстному причту, обыкновенно наслѣдственно занимавшему церковныя должности. Но тутъ духовенству предстояла трудная альтернатива: уклониться отъ совѣта и помощи прихожанамъ значило потерять ихъ расположеніе и уходить изъ прихода; дѣйствовать въ ихъ пользу—подвергнуться отвѣтственности за нарушеніе изданныхъ на сей предметъ указовъ. Эти обстоятельства до крайности затрудняли прежде столь простое и легкое прохожденіе приходской службы въ Малороссіи и немало способствовали разрыву прежняго нравственнаго единенія пастырей и пасомыхъ. *Ред.*

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Хорольскаго духовнаго правленія благочинному протоіерею Василію Городецкому. Въ указѣ изъ малороссійской Духовной Консисторіи, въ семъ правленіи настоящаго мѣсяца 24 числа полученномъ. изображено: въ оной духовной консисторіи, по прошенію его сіятельства графа Льва Кириловича Разумовскаго повѣреннаго Карловской волости, войскового товарища Калинника, пишется въ учиненіи изслѣдованія (о) возмущеніи Полтавскаго повѣта с. Ковалевки священникомъ Іоанномъ Петрашевскимъ тамошнихъ помянутаго графа Разумовскаго крестьянъ къ выискиванню ими козачества, поступленіи съ нимъ Петрашевскимъ по силѣ имяннаго Высочайшаго 1797 года генваря 20 дня состоявшогося и во всенародное извѣстіе при церквахъ публикованнаго указа опредѣлено и его высокопреосвященствомъ Сильвестромъ, епископомъ Малороссійскимъ, Переяславскимъ и ордена св. Анны 1-го класса кавалеромъ, утверждено: какъ указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго Синода по именному Высочайшему отъ

9 іюня 1800 года состоявшихся, (sic) предписано, что если кто изъ церковно и священнослужителей и за симъ окажется въ возмущеніи крестьянъ участникомъ, то таковаго, тотчасъ отрѣша отъ прихода и запретя священнослуженіе, отсылать къ сужденію въ мѣстное правительство съ тѣмъ, что буде по изслѣдованіи и по рѣшенію онаго признанъ будетъ виновнымъ, то, лиша званія его и отославъ въ то правительство для поступленія съ нимъ по законамъ, репортовать во извѣстіе святѣйшему Синоду немедленно; для того сообщить въ Малороссійское Полтавское губернское правленіе съ тѣмъ, чтобы отъ онаго предписано было кому слѣдуетъ, при депутатѣ со стороны духовной, учинить относительно наводимаго на священника Петрашевскаго подозрѣнія въ наклоненіи крестьянъ графа Разумовскаго къ возмущенію, изслѣдованія и рѣшенія и что потому окажется, дано бы знать оной Консисторіи обстоятельно къ должному объ немъ Петрашевскомъ разсмотрѣнію, и въ Полтавское духовное правленіе послать указъ, предписавъ въ ономъ, дабы, какъ скоро получено будетъ о высылкѣ онаго священника Петрашевскаго требованіе, по оному его для сужденія, по отрѣшеніи отъ прихода и запрещеніи священнослуженія, отослало бы, а равно и депутата для бытія при слѣдствіи объ немъ и рѣшеніи отрядило немедленно; дабы же всѣ подвѣдоміе оной Консисторіи священно- и церковно-служители ни подъ какимъ видомъ въ толь постыдніе и закону противные поступки не вмѣшивались, о подтвержденіи имъ о томъ съ подписками всѣмъ духовнымъ правленіямъ указами предписать. Во исполненіе котораго указа въ хорольскомъ духовномъ правленіи опредѣлено: послать благочиннымъ указы съ тѣмъ, дабы они всѣмъ подвѣдомымъ имъ священно и церковно-служителямъ строжайше подтвердили съ подписками, чтобы они въ толь постыдніе и законопротивніе поступки отнюдь не вмѣшивались, а затѣмъ оные подписки прислали бы въ сіе правленіе въ немедленномъ времени для храненія при дѣлѣ, очемъ и вамъ посилается. Сего 1803 года, октября 26 дня. (Изъ архива Георгіевской церкви г. Хорола).

Сообщ. **П. Китицынъ.**

Изъ прошлаго Полтавщины. *Города Ромны, Гадячъ, Миргородъ и ихъ уѣзды сто лѣтъ назадъ.* Въ предыдущей кн. «К. Ст.», сообщая статистическія свѣдѣнія о Кременчугѣ за 1804 г., мы кратко

указали и поводъ, по которому они были собраны, именно, что свѣдѣніями этими интересовался визитаторъ Харьковскаго учебнаго округа, проф. И. Ѳ. Тимковскій. Согласно выраженному имъ желанію, тогдашній Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Куракинъ предписалъ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ полтавской и черниговской губерній, доставить такія свѣдѣнія. Объ уѣздныхъ городахъ свѣдѣнія доставляли городничіе, а объ уѣздахъ—нижніе земскіе суды. Въ руководство имъ дана была цѣлая программа вопросовъ, по которой относительно уѣздовъ требовалось сообщить: 1) о числѣ жителей уѣзда, священно-церковно-служителяхъ, количествѣ монаховъ, количествѣ незаконнорожденныхъ, о семьяхъ, имѣвшихъ отъ восьми до десяти душъ дѣтей, 2) о селеніяхъ, гдѣ есть три церкви и болѣе, и какія деревни съ 1780 г. обратились въ села; 3) о каменоломняхъ, лѣсахъ, фруктовыхъ садахъ, о шелководствѣ, 4) о количествѣ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, о заводахъ, фабрикахъ, ярмаркахъ; 5) о количествѣ выбранныхъ паспортовъ и о мѣстахъ, куда населеніе отправляется лѣтомъ на заработки; 6) о врачахъ, богадѣльняхъ, о привитіи оспы; 7) о числѣ школъ въ селеніяхъ и о томъ, занимаются ли въ школѣ священники обученіемъ дѣтей, и, наконецъ, 8) о достопримѣчательностяхъ въ уѣздѣ и о томъ, были ли какія-либо бѣдствія, разрушенія, какъ то: наводненія, пожары и т. под.

Городничіе и нижніе земскіе суды отвѣтили по всѣмъ этимъ пунктамъ, но очень кратко, отрывочно; тѣмъ не менѣе и эти скудныя статистическія данныя могутъ представлять извѣстный историческій интересъ.

Г. Ромны и его повыть. Какова была площадь, занимаемая городомъ въ 1804 году, городничій затрудняется сообщить: «сколько десятинъ земли по новому плану,—пишетъ онъ,—здѣшній городъ занимать будетъ—знать не можно, поелику оный по плану еще не разбитъ, а по прежнему его положенію, занимаетъ земли 515 десятинъ». Когда онъ былъ основанъ, городничій тоже не знаетъ, такъ какъ объ этомъ «свѣдѣній по дѣламъ полиціи не имѣется». Всѣхъ дворовъ въ городѣ 445, въ которыхъ было только два каменныхъ дома, принадлежавшихъ дворянамъ. Болѣе 10% этого числа дворовъ принадлежали помѣщичьимъ крестьянамъ, а затѣмъ, наибольшее количество принадлежало козакамъ (117 двор.). Церквей въ городѣ было 5, изъ нихъ 3 каменныхъ. Всѣхъ жителей въ Ромнахъ было 4173 чел., изъ коихъ муж-

ского пола 1742., а женскаго 2431 (вѣроятно, городничій спуталъ цифры: мужчинъ было, безъ сомнѣнія, больше). Наибольшій контингентъ обывателей по сословіямъ составляли мѣщане—668 ч.; евреевъ было 125 ч., изъ нихъ одинъ былъ купецъ. Ремесленниковъ было всѣхъ 176 ч., изъ нихъ сапожниковъ 70 ч., остальные цеховъ кравецкаго, калашниковскаго, кузнечнаго, ткацкаго и мясницкаго. О цѣнахъ на продукты городничій говоритъ очень подробно; сообщаетъ ихъ по мѣсяцамъ. Изъ этого сообщенія видимъ, что четверть ржи въ 1802 и 1803 г.г. стоила отъ 1 р. 65 к. до 2 р. 25 к. Мясо продавалось по 4 к. ф. Помимо цѣнъ на эти продукты, городничій сообщаетъ о цѣнахъ на ягоды: въ 1800 г. былъ плохой ихъ урожай, и ведро вишенъ стоило отъ 50 к. до 80 к. ассиг., сливъ отъ 40 до 60 к., а въ 1801 г. ведро вишенъ стоило 10 к., что указываетъ на большой урожай. Всѣхъ ярмарокъ въ городѣ было 4, изъ которыхъ главной была Ильинская, переведенная въ 1852 г., при генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ, въ Полтаву. На ярмарку эту съѣзжалось очень много народа «изъ россійскихъ отдаленныхъ городовъ; цѣны квартиръ во время оной ярмарки возвышаются такъ высоко, что въ безъярморочное время можно заплатить ту цѣну квартиры за цѣлый годъ, какая бываетъ въ ярмарку на одну недѣлю». Но интересно, что, несмотря на дороговизну квартиръ и наплывъ пріѣзжихъ, цѣны на продукты во время ярмарки не повышались, а пріѣзжихъ, судя по количеству засвидѣтельствованныхъ паспортовъ и подорожнихъ въ 1802 году было 1158 чел... Роменскій городничій, какъ и всѣ городничіе другихъ уѣздовъ, очень аккуратно сообщаетъ о количествѣ арестованныхъ при полиціи. Въ 1797 году было ихъ 228 ч., а въ 1803 г. число ихъ достигло 427 чел., при чемъ городничій замѣчаетъ: «чтобъ же были въ сихъ годахъ крѣпостные люди, отъ помѣщиковъ къ наказанію или укрощенію какому-либо представляемыя, о семъ по дѣламъ полиціи свѣдѣній нѣтъ».

Таковы свѣдѣнія о самомъ городѣ. Что же касается уѣзда, то они еще отрывочнѣе и короче. Извлекаемъ наиболѣе интересныя данныя. Всего населенія въ роменскомъ уѣздѣ, по ревизіи 1795 г. было 52616 д. (разумѣется только мужского пола). Изъ нихъ купцовъ было 152, мѣщанъ 732, купцовъ-евреевъ 1, мѣщанъ-евреевъ 167, козаковъ 26668 д., казенныхъ крестьянъ 5036 д., помѣщичьихъ 19235 д. Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было 67, въ томъ числѣ 2 каменныхъ. Священниковъ всѣхъ было 115, церковно-служителей 223 ч. Евреевъ было 43 ч., цыганъ 211 ч. На заработки жители уѣзда от-

правлялись преимущественно въ Донскую область, не говоря о чумакахъ, которые были вездѣ, во всей губерніи, ѣздили за солью въ Крымъ. Школъ при церквахъ вовсе не было. Что касается народныхъ бѣдствій, наводненій и т. п., то городничій сообщаетъ очень интересный фактъ бывшаго въ уѣздѣ 24 окт. 1802 г. землетрясенія, «продолжавшагося черезъ три или четыре минуты часа». Объ этомъ землетрясеніи сообщали и изъ другихъ сосѣднихъ уѣздовъ. Селеній, гдѣ было три церкви, земскій судъ указываетъ только два: Глинскъ (заштатный городъ) и Смѣлое. Въ послѣднемъ было 6 тыс. слишкомъ жителей; «причина такого многолюдства», по объясненію городничаго, происходитъ «отъ древнято тамъ поселенія».

—

Г. Гадячъ и его повѣтъ. Гадячъ, расположенный на Пслѣ, въ 1804 г. занималъ площадь въ 55 десятинъ. О времени его основанія городничій отказался дать какое-либо свѣдѣніе, такъ какъ „по дѣламъ городническаго правленія никакого свѣдѣнія не оказалось“. Всѣхъ дворовъ въ городѣ было 480, изъ нихъ только одно зданіе было казенное, 25 принадлежали дворянамъ, а остальныя купцамъ, мѣщанамъ и др. Церквей было 6, считая въ томъ числѣ и кладбищенскую. Жителей было всего 3175 д., изъ нихъ мужского пола 1550, а женскаго—1625 д. Ремесленниковъ было 413; въ числѣ ихъ однихъ сапожниковъ,—чего не встрѣчаемъ въ другихъ уѣздныхъ городахъ,—было 161 ч. Цѣны на хлѣбъ были нѣсколько выше, чѣмъ въ другихъ городахъ; такъ, четверть муки стоила отъ 1 р. 60 к. до 4 р. 80., овесъ—отъ 80 к. до 2 р., мяса ф. 4 к., соль 1 пудъ—80 к., медъ—5 р., воскъ—22 р., (обыкновенная цѣна въ Малороссіи въ то время была: меда пудъ—4 р., а воска—20 р.). Ярмарки въ городахъ были очень многолюдны; на нихъ немало съѣзжалось народа изъ среднихъ губерній Россіи, бывали и изъ Московской. Однихъ паспортовъ пріѣзжихъ въ 1803 году было заявлено у городничаго 543, что рѣдко встрѣчалось въ другихъ уѣздахъ. Всѣхъ ярмарокъ было пять.

«Изъ важныхъ естественныхъ разрушеній», какъ писалъ городничій, здѣсь было въ 1802 году, 14 окт. землетрясеніе, «которое, начавшись въ 2 часа 30 минутъ по полудни, продолжалось и кончилось черезъ одну минуту и нѣсколько секундовъ, но отъ того никакого разрушенія не послѣдовало».

Всѣхъ жителей въ уѣздѣ, платившихъ подати, было въ 1804 году 43363 д., изъ коихъ купцовъ 72, мѣщанъ 828, козаковъ 16976,

помѣщицьихъ крестьянъ 17024 д. Были и евреи, но ни одинъ изъ нихъ не былъ приписанъ, а земскому нижнему суду извѣстно было, что муж. пола евревъ было отъ 150 до 180 ч., а женскаго отъ 160—200 д. Гадячскій уѣздъ въ то время былъ особенно богатъ хорошими помѣстьями; такъ, здѣсь владѣли имѣніями: гр. А. К. Разумовскій, И. А. Безбородько, Кочубей, гр. Гудовичъ, Неплюевъ, провіантмейстеръ-лейтенантъ Туманскій, Милорадовичъ, Чарнышъ (бывшій полт. губ. пред. дворянства, а затѣмъ генеральный судья), Масюковъ (фамилія существуетъ до сей поры). У Масюкова и Чарныша были въ имѣніяхъ каменные дома, у перваго въ два этажа. У нихъ же были и «капелліи музыкантовъ». У очень многихъ помѣщиковъ имѣлись винокуренные заводы,—ихъ было 55, и конскіе заводы, которыхъ было всего 5.

Церквей въ уѣздѣ было 52, изъ нихъ только двѣ каменныхъ. Въ 1799 г. въ уѣздѣ было нашествіе саранчи, истребившей всѣ посѣвы. На заработки населеніе, съ наступленіемъ лѣтняго времени, отправлялось, главнымъ образомъ, въ Екатеринославскую губернію; не мало ѣздило въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою.

Г. Миргородъ и его повѣтъ. Городъ Миргородъ, расположенный на ровномъ и низкомъ мѣстѣ, при рѣкѣ Хоролѣ, имѣлъ въ длину 2046, въ ширину 1279, а въ окружности 6865 трехъ-аршинныхъ сажней. «Сколько десятинъ,—замѣчаетъ при этомъ городничій,—занимаетъ городъ, сказать нельзя, но отлучкѣ въ губернскій городъ Полтаву землемѣра, а безъ него неудобно». Несмотря на малую площадь, въ городѣ было, по сообщенію городничаго, едва ли, впрочемъ, достовѣрному, 6334 д. жителей, изъ коихъ мужского пола 3315, а женскаго 3019 д. Всѣхъ дворовъ было 1027; дома были всѣ деревянные, не было ни одного каменнаго. Составъ населенія города, какъ и всѣхъ уѣздовъ того времени, состоялъ, главнымъ образомъ, изъ мѣщанъ, крестьянъ. Дворянъ, чиновниковъ, военныхъ было немного. Наиболѣе было владѣльческихъ крестьянъ—1200 чел. Евреевъ было 147 чел., ремесленниковъ—121 ч. Ярмарокъ было четыре. Со всѣхъ пріѣзжавшихъ на ярмарку взымалось, вѣроятно, за право торговли на площади, по 50 к. и съ каждой лошади по 25 к. Цѣны на продукты были: четверть ржи въ 1802 г.—1 р. 10 к. асс., въ 1803 г.—1 р. 80 к.; овса—1 р. 40 к., фунтъ мяса—3 к., свинины—1½ к., баранины—2 к., пудъ соли—60 к., пудъ меду—4 р.

Городничій, перечисляя роды ремеслъ, замѣчаетъ, что въ Миргородѣ «незаконнорожденыхъ не имѣется», а во всемъ уѣздѣ такихъ было—73 д.

Что касается свѣдѣній объ уѣздѣ, то онѣ очень кратки, отрывочны. Всего населенія въ миргор. уѣздѣ было 45120 чел. Изъ нихъ купцовъ—25, мѣщанъ,—290, мѣщанъ-евреевъ-147, козаковъ—24275, казенныхъ крестьянъ—425, помѣщичьихъ—19958 ч. Это свѣдѣніе по ревизіи 1795 года. Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было 45 и при нихъ священниковъ 63 и церковно-служителей 52. Селъ, гдѣ было болѣе трехъ церквей, всего три: Сорочинцы, Хомутецъ и Комышна. Въ Сорочинцахъ, одномъ изъ лучшихъ мѣстечекъ этого уѣзда, было жителей 4436 ч., въ Хомутцѣ—1513 и въ Комышнѣ—2175 ч. Каменная церковь была только одна въ уѣздѣ, въ с. Сорочинцахъ; здѣсь разумѣется, безъ сомнѣнія церковь Преображенія, существующая до сей поры. Она построена гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ, въ ней онъ и погребенъ. Сорочинцы и Хомутецъ принадлежали къ маетностямъ гетмана. Хомутецъ, послѣ прекращенія рода гетмана Д. Апостола, перешелъ къ его родственникамъ Муравьевымъ, принявшимъ фамилію Муравьевыхъ-Апостоловъ. Послѣдними представителями этого рода, нынѣ вымершаго, были сыновья Ивана Матвѣевича: Сергѣй, Ипполитъ, Матвѣй, бывшіе декабристы и Василій, владѣвшій въ Миргородскомъ уѣздѣ, до своей смерти въ 1866 г., 18 тыс. десятинъ земли. Нынѣ имѣнія Муравьевыхъ перешли въ разныя руки, а главное—Хомутецъ достался воспитанницѣ Василія Ивановича, по мужу Гартингъ. Въ имѣніи этомъ, по замѣчанію земскаго коммисара, была «капеллія музыкантовъ», при томъ единственная во всемъ уѣздѣ. Чѣмъ Миргор. уѣздъ рѣзко отличается отъ другихъ—это обиліемъ винокуренныхъ заводовъ (55) и пивоваренъ (10), а также конскихъ заводовъ. Послѣдніе были въ имѣніяхъ генералъ-аншефа Гудовича, подполковника Апостола (Муравьева), въ хуторѣ Столбиномъ (нынѣ принадлежитъ частью кн. Б. Б. Мещерскому, а часть пріобрѣтена великимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ), помѣщиковъ Лошковскихъ, Лапы-Данилевскаго, Маркова. На заработки населеніе отправлялось въ Екатеринославскую губернію; ѣздили въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою.

Главнымъ занятіемъ населенія было хлѣбопашество и скотоводство. Сообщая о занятіяхъ жителей хлѣбопашествомъ, земскій коммисаръ прибавляетъ, что «хозяевъ таковыхъ, которые лошадьми пашутъ, въ

селеніяхъ сего повѣта не имѣется». Пахали, какъ извѣстно, волами, лучшая пара ихъ стоила отъ 70 до 80 р. ассиг. Какихъ-либо бѣдствій, въ родѣ наводненій, пожаровъ, за послѣднія десять лѣтъ въ уѣздѣ не было, за исключеніемъ землетрясенія, бывшаго и здѣсь, какъ и въ другихъ уѣздахъ, въ окт. 1802 года, но сколько времени оно продолжалось, свѣдѣній не сообщается. Какихъ-либо достопримѣчательностей въ уѣздѣ нѣтъ, нѣтъ и «насыповъ»—замѣчаетъ коммисаръ,—а валы есть въ мѣстечкахъ Сорочинцахъ, Хомутцѣ, Комышнѣ, Устивицъ, Богачкѣ, Шышакахъ. Таковы отрывочныя свѣдѣнія о Миргородѣ и его уѣздѣ въ началѣ прошлаго столѣтія. (Арх. Полт. Губ. Правленія по описи № 200).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Прошеніе нѣжинскихъ купцовъ и мѣщанъ о воспрещеніи польскимъ и австрійскимъ евреямъ розничной торговли на ярмаркахъ въ Малороссіи. 1797 г. въ іюлѣ. Сіятельнѣйшему графу, высокоповелительному господину генералъ-фельдмаршалу... кіевскому военному губернатору, управляющему Малороссійскою губерніею, Ивану Петровичу его сіятельству Сальтикову (sic) прошеніе.

Высочайшимъ именнымъ Е. И. В. указомъ истекшаго 1796 года, ноября 30 числа изданнымъ, всемилостѣйше велѣно въ Малой Россіи возстановить правленіе и судопроизводство сообразно тому, какъ оное въ здѣшнемъ краѣ сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовало. По прежнымъ же обрядамъ, въ Малой Россіи изъ давныхъ лѣтъ заведеннимъ, и бывшимъ установленіямъ, жиды, или евреи, не только преже открытія въ Малой Россіи въ прошломъ 1782 году бывшихъ Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородско-Сѣверскаго Намѣстничествъ, и посля того даже до 795 года никакого въ оныхъ купеческаго произвожденія коммерціи не имѣли, но еще высочайшими указами, въ прошлыхъ 1727 апрѣля 26 и 728 годовъ октября 15 числъ послѣдовавшими, велѣно выслать ихъ изъ Россіи за границу. А хотя послѣднимъ указомъ дозволено было пріѣзжать имъ въ Малую Россію на ярмонки, но и то ради продажи единственно только товаровъ обтомъ, а не въ розь, локтемъ, и мѣрою, и для покупки на вырученныя денги въ Малой Россіи взаимообразно товаровъ; однако жъ и тутъ строжайше запрещено, чтобы они никакой россійской золотой и сребной монеты за границу ни подъ какимъ образомъ отнюдь не вы-

возили. Въ слѣдствіе чего и Ея Имп. Величество блаженныя памяти государыня императрица Елисаветъ Петровна, по вступленіи на всероссійскій престолъ, узнавъ происходимые отъ сихъ евреи различные злоупотребленія, соизволила указать выслать ихъ изъ Россіи. Нынѣ жъ сихъ евреи столь умножилось, что они, приѣзжая изъ Польши и другихъ заграничныхъ мѣстъ, а большею частію изъ кордона Цесарского, не только въ городахъ, но даже по мѣстечкахъ и селеніяхъ Малороссійской губерніи, собираясь превеликими партіями, по нѣсколько десятковъ лавокъ, подъ видомъ первой и второй гилдій, не только третой гилдіи, но даже мѣщане и различные рода ихъ художники, назвавъ первие сихъ послѣднихъ подъ именемъ своими прикащиками, производятъ купеческую коммерцію, продавая вывозимыя ими разнаго рода товары не обтомъ, но въ розь, аршиномъ и подробно вещми, дѣлаютъ какъ намъ знатной въ купечествѣ подривъ, такъ и казнѣ не малой ущербъ, особливо тѣмъ, что изъ сихъ самыхъ евреи взявъ на кредитъ не въ давномъ времени изъ иностранныхъ фабрикъ въ Бреславлѣ и въ Цесарской области на нѣсколько сотъ тысячъ рублей суконнаго и другаго товару, объявыли себя несостоятельными къ платежу долгу, почему и убѣждены, что фабриканты означенныхъ фабрикъ получатъ отъ нихъ частями по срокамъ на рубль только по тридцати копѣкъ, а они, прибравъ къ рукамъ своимъ столь на знатную сумму товаръ и вывозя оной частями на ярмонки въ Россію, продаютъ оной умышленно на подрывъ намъ самыми низкими ценами, не говоря о томъ, что они, собирая за продаваемой товаръ на нѣсколько тысячъ рублей мѣдные и ассигнаціями денги, промѣниваютъ оные на сребную и золотую россійскую монету и голландскіе червонцы и, уповательно, высилаютъ оные на покупку и паки въ иностранныхъ фабрикахъ товаровъ. Хотя жъ высочайшимъ указомъ прошлаго 1794 года, іюня 23 числа, дозволено евреямъ отправлять купеческіе и мѣщанскіе промисли въ губерніяхъ Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородско-Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической, записався, по городамъ въ мѣщанство и купечество, однако сіе дозволеніе можетъ ли распространяться и на здѣшную Малороссійскую губернію, тѣмъ наипаче съ одной стороны, что существо онаго указа разумѣемъ мы—произвожденіе мѣщанскихъ и купеческихъ евреямъ промысловъ единственно въ томъ мѣстѣ и однымъ тѣмъ евреямъ, гдѣ кто изъ нихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ запишется въ купечество и мѣщанство и

имѣтиметъ собственной свой домъ и жительство, ибо преимущество отдается только состоящимъ въ гражданствѣ, кто, по наставленію высочайшого 1766 года, декабря 14 числа указа, имѣетъ свой домъ или осѣдлость въ городѣ. Сіи жъ евреи не только не имѣютъ собственнаго своего помѣстія, но проживаютъ большею частію въ чужихъ, наемныхъ домахъ, и дальшой никакой степенности не имѣютъ, а потому, въ отвращеніе слѣдовать могущаго отъ нихъ россійскому купечеству подриву въ другихъ россійскихъ губерніяхъ, и торгу имѣть имъ означеннымъ 794 года указомъ вовся запрещено. А сверхъ того, и особымъ высочайшимъ указомъ, прошлаго 1791 декабря 23 числа изданнымъ, дозволено евреямъ правомъ гражданства пользоваться въ одныхъ только пограничныхъ Бѣлорускихъ и Екатеринославской губерніяхъ да въ области Таврической; а съ другой стороны, за силою выше подведеннаго высочайшаго, ноября 30 числа истекшаго 796 года послѣдовавшаго указа, могутъ ли тамъ евреи равномѣрно участвовать въ купеческихъ и мѣщанскихъ промыслахъ и выгодахъ, гдѣ Его Императорское Величество къ народу здѣшней Малороссійской губерніи особые излываетъ монаршіе милости? За всѣмъ же тѣмъ, о сихъ самыхъ евреяхъ въ выше подведенномъ 794 года, іюня 23 числа указѣ сказано: кто съ оныхъ еврей не похотитъ остатся въ россійскомъ подданствѣ, таковымъ, по заплатѣ трехлѣтной двойной подати, дозволяеться выехать съ Россійской Имперіи. Слѣдственно, прибравъ они къ рукамъ своимъ разными подобными неправильными промыслами знатную сумму капиталовъ, могутъ навсегда удалитъся съ Россіи въ разные иностранные государства, а мы, бывъ вѣчно вѣрно подданными Всероссійской Имперіи, можемъ причиною ихъ возчувствовать неизбѣжное въ купечествѣ разореніе и подвержены будемъ лишится кредиту и всякаго довѣрія.

И въ слѣдствіе того, поднося при семъ данное намъ отъ купцовъ и другихъ согражданъ Малороссійскаго города Нѣжина писменное уполномочіе, вашего сіятельства, какъ главнаго началъника здѣшней губерніи, нижайше просимъ: благоуваживъ предписанные обстоятельства, о запрещеніи евреямъ, приѣзжающимъ изъ Польши и другихъ мѣстъ на ярмонки въ повѣтовые города и другіе мѣста малороссійской губерніи, произвожденія розничной товаровъ продажи кому слѣдуетъ дать высокое ваше повелѣніе, о чемъ и Его Императорскому Величеству не оставте ваше сіятельство здѣлать всеподданнѣйшее

представленіе и тѣмъ не допустить насъ къ подрыву по коммерціи и неповинному разоренію.

Милость и благотвореніе вашего сіятельства обяжетъ насъ прославлять всегда высокую особу вашу.

1797 года, « » іюля. (Изъ бумагъ А. М. Лазаревскаго).

Посѣщеніе Кіева императрицею Александрою Ѳеодоровною въ сентябрѣ 1828 года Въ мѣстныхъ архивахъ имѣется два современныхъ описанія этого посѣщенія: одно было составлено по распоряженію тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора Желтухина, и другое—«съ благословенія» митрополита Евгенія. Помѣщаемъ оба эти описанія, такъ какъ они взаимно дополняютъ одно другое.

1) *Извѣстіе о пребываніи въ Кіевской губерніи Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.* Въ обратное путешествіе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Кіевская губернія удостоена особеннаго Всемилостивѣйшаго вниманія Ея Величества. 12 числа сентября въ 5 часу вечера Ея Величество изволила прибыть въ г. Умань и остановиться въ домѣ графовъ Потоцкихъ, убранномъ съ отличнымъ вкусомъ супругою генералъ-адъютанта Киселева, урожденною графинею Потоцкою; чрезъ полчаса Ея Величество изволила посѣтить Софіевку, прелестный садъ Потоцкихъ, гдѣ природа и искусство богатою рукою разсыпали очаровательныя картины и содѣлали Софіёвку извѣстною въ цѣлой Европѣ. 13 числа сентября Государыня Императрица изволила провесть въ Умани и еще разъ удостоила посѣтить Софіевку, а на другой день въ 11-мъ часу утра изволила отправиться ближайшею просёлочною дорогою въ мѣстечко Бѣлую-Церковь. Въ 6 часовъ вечера Государыня Императрица благополучно пріѣхала въ сіе мѣстечко и встрѣчена была тамъ оберъ-гофмейстериною графинею Браницкою, графинею Литта, оберъ-камергеромъ графомъ Литта, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ и другими почетными особами; иллюминація украшала часть сада Александріи, предъ павильономъ, назначеннымъ для пребыванія высокой путешественницы. Ея Величество изволила провести здѣсь три дня, посѣщала прекрасные сады графини Браницкой и удостоила оставить лестное для графини воспоминаніе, посадивъ собственными своими руками дерево, тамъ, гдѣ подобнымъ же

образомъ посажены деревья блаженныя памяти императоромъ Александромъ I и благополучно царствующимъ нынѣ государемъ императоромъ Николаемъ I.

17 числа сентября утромъ Государыня Императрица изволила отправиться въ Кіевъ, гдѣ въ 5 часовъ вечера у шлагбаума была встрѣчена кіевскимъ военнымъ губернаторомъ генералъ-лейтенантомъ Желтухинымъ, при многочисленномъ стеченіи народа. Прибытіе Ея Величества въ городъ возвѣщено было 101 пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпостныхъ бастіоновъ и колокольнымъ звономъ. Въ сопровожденіи г. военнаго губернатора, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, Ея Величество изволила прибыть прямо въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ встрѣчена была высокопреосвященнымъ Евгеніемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, военными и гражданскими чиновниками. По совершеніи церковной эктеніи и по провозглашеніи многолѣтія императорскому дому, Государыня Императрица изволила прикладываться къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и ко всѣмъ св. мощамъ, почивающимъ въ храмѣ. Изъ лавры Государыня Императрица изволила проѣхать въ Старый Кіевъ въ древній Софійскій Соборъ и тамъ, послѣ обычной встрѣчи духовенствомъ, прикладывалась къ св. иконамъ и мощамъ. Въ 7 часовъ Государыня Императрица изволила отправиться въ квартиру, гдѣ поставленъ былъ почетный караулъ, на правомъ флангѣ котораго находились всѣ господа генералы и штабъ-офицеры 4 пѣхотнаго корпуса и прочихъ командъ, въ Кіевѣ квартирующихъ. Чиновники сіи въ тотъ же вечеръ имѣли счастіе представляться Ея Величеству; между тѣмъ городъ былъ иллюминованъ. На другой день, 18 числа сентября, въ 10 часу утра, представлялись Ея Величеству гражданскіе чиновники первыхъ пяти классовъ; потомъ въ 10 часовъ высокопреосященнымъ митрополитомъ кіевскимъ съ духовенствомъ совершено было въ Софіевскомъ соборѣ, въ присутствіи Государыни Императрицы, благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, по случаю взятія крѣпости Ахалцыха. По окончаніи молебствія, Государыня Императрица изволила обозрѣвать всѣ достопримѣчательности Софійскаго собора. Въ 11-мъ часу Ея Величество изволила принимать духовенство и вслѣдъ за тѣмъ отправилась въ ближнія пещеры для поклоненія св. мощамъ; при чемъ Ея Величество изволила осматривать ризницу лаврскую, а на обратномъ пути изъ лавры Государыня Императрица посѣтила дворцовый садъ, и нѣсколько времени изволила

провести на устроенномъ въ видѣ эстрады, на концѣ сада, надъ Днѣпромъ, такъ называемомъ треугольникѣ, который нѣкогда удостоенъ былъ особеннаго вниманія императрицы Екатерины II-й. Съ треугольника открываются прекраснѣйшіе виды на Старый Кіевъ, на Кіево-Подолъ и, въ особенности, на Днѣпръ, протяженіе котораго видно на нѣсколько десятковъ верстъ. Государыня Императрица, замѣтивъ отсюда вдали на возвышенномъ берегу Днѣпра Вышгородъ, извѣстный въ исторіи нашей пребываніемъ тутъ св. благовѣрной княгини Ольги и многими другими происшествіями, изволила сдѣлать нѣсколько вопросовъ, относящихся къ историческимъ и церковнымъ событіямъ на семъ достопамятномъ мѣстѣ. Послѣ обѣда въ 5 часу Ея Величество изволила отправиться за Днѣпръ для обозрѣнія оттуда мѣстоположенія Кіева. Городъ сей съ предмѣстіями и садами расположенъ на пространствѣ 15 верстъ по чрезвычайно высокому берегу Днѣпра, и представляетъ изъ-за рѣки величественные и вмѣстѣ прекраснѣйшіе виды. На возвратномъ пути Государыня Императрица изволила проѣзжать городомъ, когда оный былъ уже иллюминованъ самымъ блестящимъ образомъ. Черезъ часъ Ея Величество снова изволила обозрѣвать иллюминацію, проѣзжая по городу въ открытомъ экипажѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, и въ 9 часовъ возвратилась на квартиру. 19 сентября въ 11 часовъ утра Ея Величество изволила быть въ Михайловскомъ монастырѣ, прикладывалась къ св. иконамъ и, въ особенности къ мощамъ св. великомученицы Варвары. Народъ съ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ на государыню, когда Ея Величество, въ христіанскомъ смиреніи, повергаясь предъ гробницею св. великомученицы, изволила надѣть на перстъ ея собственное свое кольцо и, освятивъ его таковымъ прикосновеніемъ къ святынѣ, возложила по прежнему на свою руку. Въ числѣ достопримѣчательностей сего храма Ея Величеству представлена икона архистратига Михаила, украшенная бриліантами и присланная Императоромъ Александромъ 1-мъ изъ Парижа. Послѣ сего Государыня Императрица изволила быть въ церкви св. Апостола Андрея Первозваннаго, воздвигнутой на самомъ высокомъ холмѣ. Здѣсь Ея Величество прикладывалась къ св. иконамъ и съ возвышенія изволила обозрѣвать окрестности Кіева, въ самомъ прелестномъ видѣ отсюда представляющіяся. Потомъ Ея Величество отправилась къ мѣсту древняго Десятиннаго храма, на фундаментѣ котораго воздвигается нынѣ новая церковь. Здѣсь Государыня Императрица, осматривая остатки прежняго зданія, изволила говорить съ

высокопреосвященнымъ митрополитомъ объ исторической древности сего знаменитаго храма. Отсюда, проѣзжая на Кіево-Подолъ, чрезъ Крещатикъ, Ея Величество изволила останавливаться близъ памятника, воздвигнутаго на берегу Днѣпра въ воспоминаніе бывшаго на семъ мѣстѣ крещенія народа въ княженіе св. благовѣрнаго князя Владимира. Изъ Кіево-Подола Ея Величество изволила отправиться въ Лавру и тамъ въ дальнихъ пещерахъ прикладывалась къ мощамъ св. печерскихъ угодниковъ. Въ то же время великая княжна Марія Николаевна изволила посѣтить ближнія пещеры и ризницу Кіево-печерской лавры въ сопровожденіи дѣйствительной статской совѣтницы Барановой. По возвращеніи въ квартиру, Ея Величество изволила 2 часа принимать дамъ первыхъ шести классовъ. Въ сей день приглашены были къ обѣденному столу Ея Величества знатнѣйшее духовенство, генералы и нѣкоторые гражданскіе чиновники и дамы. Въ 7 часовъ Государыня Императрица изволила удостоить своимъ посѣщеніемъ приготовленную дворянствомъ въ Государевомъ саду иллюминацію и тутъ же устроенный съ особеннымъ вкусомъ и тщаніемъ павильонъ, въ которомъ приготовлены были для Ея Величества чай и разные плоды. Садъ иллюминованъ былъ превосходнѣйшимъ образомъ: освѣщены были не только аллеи, но и самыя рощи, во многихъ мѣстахъ поставлены были ярко освѣщенныя пирамиды, которыя сквозь зелень деревъ дѣлали очаровательный видъ, оконечности аллеи украшены были прозрачными картинами, изъ которыхъ одна въ боку главной аллеи изображала на высокомъ пьедесталѣ бюстъ Государя Императора, по сторонамъ двѣ колонны, на которыхъ обозначены названія крѣпостей и городовъ, покоренныхъ въ послѣднія двѣ кампаніи; у у пьедестала Муза Исторіи рѣзцомъ своимъ изображаетъ потомству дѣянія и благость великаго Государя въ двухъ словахъ: Caesar et Pater (Государь и Отецъ). Изъ аллеи, ведущей къ павильону, видѣнъ былъ весь Старый Кіевъ, освѣщенный множествомъ огней. Ея Величество встрѣчена была въ воротахъ сада хозяиномъ праздника губернскимъ маршаломъ и знатнѣйшими военными и гражданскими чиновниками. Народъ привѣтствовалъ августѣйшую посѣтительницу громогласнымъ ура; музыка играла во многихъ мѣстахъ сада, и Государыня Императрица послѣ прогулки въ аллеяхъ изволила войти въ павильонъ. Отсюда Ея Величеству представился еще новый прекраснѣйшій видъ: противоположный берегъ Днѣпра и нѣкоторые острова были освѣщены большими огнями; самый Днѣпръ покрытъ былъ множествомъ иллюмино-

ванныхъ судовъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ гремѣла музыка. Въ 9 часу Государыня Императрица изволила отправиться обратно въ открытомъ экипажѣ. Шествіе Ея Величества отъ павильона уподоблялось торжественному тріумфу: народъ, окруживъ экипажъ Ея Величества, наполнялъ воздухъ радостными восклицаніями; на Дворцовой площади и въ Кловской улицѣ толпы народа еще болѣе стѣснились; экипажъ едва могъ подвигаться впередъ, восклицанія не прерывались ни на минуту и сопровождали Государыню до самой квартиры, гдѣ народъ оставался до 12 часа ночи, когда Ея Величество, изволила отойти во внутренніе покои. 20 сентября, въ день отъѣзда Ея Величества, усердные кіевляне стекались со всѣхъ сторонъ, одни къ квартирѣ Государыни Императрицы, другіе въ крѣпость, а нѣкоторые за Днѣпръ. Въ 10 часу утра Ея Величество изволила выѣхать въ Лавру. На дорогѣ, у воротъ Никольскаго монастыря, Государыня Императрица изволила остановиться и войти въ церковь, гдѣ прикладывалась къ св. иконамъ и потомъ прибыла въ Лавру. Здѣсь, послѣ напутственныхъ молитвъ и окропленія святою водою, Ея Величество снова прикладывалась къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и потомъ, удостоивъ принять завтракъ, приготовленный въ покояхъ высокопреосвященнаго митрополита, изволила отправиться въ 11 часовъ. Отбытіе Ея Величества возвѣщено пушечною пальбою съ бастіоновъ крѣпости и колокольнымъ звономъ. Отъ Лавры до другого берега Днѣпра Ея Величество была сопровождаема г. военнымъ губернаторомъ и почетнымъ отрядомъ городской кавалеріи; между тѣмъ народъ устремился за Днѣпръ и тамъ за чертою губерніи еще разъ привѣтствовалъ августѣйшую свою посѣтительницу громогласнымъ ура, которое повторялось на высотахъ противоположнаго берега, усыпанныхъ народомъ, долго еще сопровождавшимъ взорами высокую путешественницу. Въ половинѣ 12 часа Государыня Императрица изволила уже въѣхать въ предѣлы Черниговской губерніи; но здѣсь въ сердцѣ каждаго она оставила особенное чувство благоговѣнія къ христіанскому Ея благочестію и благодушію, съ которымъ Ея Величество во все время пребыванія своего въ Кіевѣ изволила являть любовь къ народу и состраданіе къ бѣднымъ, облегчивъ судьбу многихъ семействъ монаршими своими щедротами».

Въ архивномъ дѣлѣ имѣется помѣта, что это «Извѣстіе», составленное въ самый день отъѣзда Императрицы, 20 сентября 1828 г., немедленно было отправлено экстрапочтою въ обѣ столицы. 15-го ноября того же года генералъ Бенкендорфъ увѣдомилъ кіевскаго гене-

ралъ-губернатора, что присланное «Извѣстіе» доведено имъ до Высочайшаго свѣдѣнія и признано статьею «весьма приличною и полезною къ напечатанію».

---

2) *Описаніе встрѣчи Ея Императ. Величества Государыни Императрицы Александры Ѳедоровны и Ея Императ. Высочества великія княжны Маріи Николаевны.* 1828 года, сентября 17-го, Ея Императорское Величество съ Великою Княжною, проѣздомъ изъ Одессы, изволила прибыть въ Кіевъ въ 5 часу пополудни при колокольномъ звонѣ по всему городу и пушечной пальбѣ, сперва въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ при святыхъ вратахъ, на коврахъ, встрѣчена была его высокопреосвященствомъ митрополитомъ Евгеніемъ со святымъ крестомъ и святою водою и преосвященнымъ епископомъ викаріемъ Кирилломъ, въ саккосахъ, и всею монастырскою братіею въ облаченіяхъ съ хоругвями и кадилами. По цѣлованіи святого креста и окропленіи святою водою, Ея Императорское Величество и Великая Княжна, въ предшествіи братіи по два врядъ и архіереевъ, изволила шествовать по разостланному и прибитому сукну до великой церкви, предъ входомъ коей и до самаго церковнаго мѣста и иконостаса постланы были ковры. Митрополитъ, неся предъ Нею св. крестъ въ лѣвой рукѣ, правою рукою окроплялъ весь путь святою водою. Клирошане, идучи предъ архіереями, пѣли до церкви стихъ: «Днесь благодать св. Духа насъ собра». По вступленіи въ церковь, клирошане запѣли входное «Достойно есть», а митрополитъ проводилъ Ея Величество съ Великою Княжною до царскаго мѣста и потомъ съ викаріемъ сталъ посреди церкви безъ авмона. Потомъ начата сугубая эктенія и по окончаніи оной съ возгласомъ и многолѣтіемъ поднесенъ паки Ея Величеству и Великой Княжнѣ крестъ и окроплены св. водою. Послѣ того митрополитъ пригласилъ ихъ къ цѣлованію чудотворной иконы, а отъ нея къ мощамъ святого равноапостольнаго князя Владимира, оттуда къ мощамъ преподобнаго Ѳеодосія, потомъ всѣхъ печерскихъ преподобныхъ и митрополита Михаила. На возвратѣ къ царскому мѣсту Ея Величество и Ея Высочество цѣловали икону, оставленную въ Лаврѣ блаженныя памяти Государемъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Во время цѣлованія клирошане пѣли тропарь храму. По возвращеніи на царское мѣсто Ея Величество и Великая Княжна вышли изъ церкви къ экипажамъ, предшествуемыя тѣмъ же порядкомъ, какимъ встрѣчены, и митрополитъ осѣнилъ ихъ

при отпускѣ св. крестомъ. Народъ взывалъ «ура»! и поелику тогда уже смеркалось, то при выходѣ зажжена была по Лаврѣ, при святыхъ вратахъ и на колокольнѣ иллюминація. Въ то же время прямо изъ Лавры Ея Императорское Величество съ Великой Княжною изволила отправиться въ каѳедральный Софійскій соборъ, гдѣ собрано уже было въ ожиданіи все градское бѣлое духовенство, а митрополитъ, во всемъ облаченіи, сѣвши въ карету, упредилъ Ее для встрѣчи въ соборѣ. Встрѣча и провожаніе по разостланному сукну и коврамъ происходили тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ Лаврѣ. Ея Величество и Великая Княжна подходили къ цѣлованію мощей священномученика митрополита Макарія и потомъ къ ракѣ разныхъ св. мощей. Оттуда митрополитъ показывалъ Ей придѣлъ, гдѣ погребенъ Великій князь Ярославъ у другіе князья. Дворъ соборный и колокольня были иллюминованы. Послѣ сихъ встрѣчъ во всѣхъ церквахъ кіевскихъ принесено тогда же благодарственное моленіе о прибытіи Ея Величества, а въ каѳедральномъ соборѣ самимъ митрополитомъ. На другой день, 18 сентября, Ея Величество безъ Великой Княжны, по совершеніи митрополитомъ литургіи, въ 10 часовъ утра изволила прибыть паки въ Софійскій соборъ для слушанія благодарственнаго молебствія о взятіи турецкой крѣпости Ахалциха. Встрѣча и провожаніе были, какъ и въ первое посѣщеніе. Все градское духовенство собрано было на молебенъ. По отправленіи молебствія, во время многолѣтія всей императорской фамиліи, произведимъ былъ на колокольняхъ звонъ, а съ крѣпости пушечная пальба. По возвращеніи въ квартиру, въ 11 часовъ утра того же дня, Ея Величество съ Великою Княжною принимали митрополита, его викарія, настоятелей, присутствующихъ дикастеріи и флоровскою игуменію съ казначеею, эклезіархею и благочинною. При томъ Ея Величеству отъ Софійскаго собора поднесена храмовая икона, а отъ фроловскихъ двѣ иконы, Императрицѣ и Великой Княжнѣ. По отпускѣ духовенства, Ея Величество безъ Великой Княжны изволила въ 12 часу отправиться въ ближнія пещеры, гдѣ встрѣчена митрополитомъ безъ облаченія, а намѣстникомъ съ пещерною братіею въ облаченіи со св. крестомъ и св. водою. По сугубой же эктеніи и многолѣтіи въ пещерной Воздвиженской церкви, изъ оной поведена Ея Величество митрополитомъ для поклоненія въ пещеры. По выходѣ изъ пещеръ проведена до экипажа и изволила оттуда подъѣхать безъ всякой церемоніи въ Лавру, гдѣ, приложась къ чудотворной иконѣ, изволила осматривать всю церковь и архіерейскую ризницу, и потомъ пре-

провождена къ экипажу за святыя врата. 19 числа, въ 11 часовъ утра, послѣ литургіи, Ея Величество съ Великой княжною изволили прибыть въ Михайловскій монастырь къ мощамъ св. великомученицы Варвары, встрѣчены преосвященнымъ викаріемъ со св. крестомъ и святою водою въ полномъ облаченіи съ братіею при святыхъ вратахъ, въ присутствіи митрополита безъ облаченія, съ колокольнымъ звономъ, и по входѣ въ церковь предъ мощами слушала сугубую эктенію съ многолѣтіемъ, потомъ сама и Великая Княжна приложилися къ св. мощамъ, приняла поднесенныя Ей отъ викарія двѣ иконы, кольцы и кресты золотые съ мощей. Потомъ осматривала церковь и, приложась паки къ мощамъ, отправилась къ Андреевскому собору, гдѣ учинена Ей встрѣча протоіереемъ по вышеписаному же. По окончаніи многолѣтія и выходѣ изъ церкви, обошла около Андреевской церкви по галлереямъ и обозрѣвала подольскую часть города. Отъ Андреевской церкви отправилася къ мѣсту Десятинной церкви и такъ же обозрѣвала оное. По отъѣздѣ же отпустила съ Крещатикской улицы Великую Княжну въ Лавру для обозрѣванія церкви и ризницы и для поклоненія въ ближнія пещеры въ сопровожденіи по онымъ отъ намѣстника, а сама изволила отправиться на Подолъ для проѣзду. А вскорѣ затѣмъ Ея Величество прибыла на дальнія пещеры, гдѣ встрѣчена митрополитомъ безъ облаченія, а начальникомъ съ братіею въ облаченіи и по сугубой эктеніи и многолѣтіи митрополитомъ водима была по пещерамъ По выходѣ изъ оныхъ препровождена до экипажа. Въ сей день митрополитъ и его викарій удостоены приглашенія къ столу Ея Императорскаго Величества. 20 сентября, въ день отъѣзда Ея Величества, она съ Великою Княжною изволила по дорогѣ къ Лаврѣ посѣтить Николаевскій монастырь и встрѣчена архимандритомъ съ братіею за святыми вратами съ крестомъ и св. водою и препровождена въ церковь, гдѣ пѣта была сугубая эктенія и многолѣтіе. Оттуда изволила прибыть въ Лавру на отпускное моленіе въ 3 четверти 11-го часа по утру; встрѣчена и проведена митрополитомъ и викаріемъ съ лаврскою братіею въ облаченіяхъ до великія церкви, гдѣ изъ молебна о путешествующихъ проговорена эктенія и прочитана напутственная молитва съ колѣнопреклоненіемъ. Потомъ сама и Великая Княжна приложилися къ чудотворной иконѣ и приняли поднесенныя имъ двѣ иконы съ просфорою. Изъ церкви удостоили онѣ посѣщенія настоятельскіе покои, въ коихъ пріуготовленъ былъ завтракъ и пито всѣми за здравіе Ея Императорскаго Величества, а отъ Лавры под-

несенъ Императрицѣ патерикъ, а Великой Княжнѣ молитвенныя книжки. Изъ покоевъ архіереями въ мантіяхъ, а братіею въ облаченіяхъ препровождены они до святыхъ вратъ, къ экипажу, и по поднесеніи къ цѣлованію креста, отпущены съ колокольнымъ по всему городу звономъ и пушечною съ крѣпости пальбою».

Это «Описаніе» было доставлено генералъ-губернатору при письмѣ митрополита отъ 23 сентября, на которое П. Ѳ. Жеттухинъ отвѣчая, выразилъ, м. Евгенію сожалѣніе, что «изъ сего искусно составленнаго описанія онъ ничего заимствовать нѐ могъ», такъ какъ экстрапочта, уносившая въ столицу его собственное «Извѣстіе», была уже въ дорогѣ.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

По поводу „Новаго народнаго обычая“. Въ іюньской книжкѣ «Кіев. Стар.» помѣщена замѣтка со словъ корреспондента «Живоп. Россіи», объ установившемся въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерн., обычаѣ уплачивать за невѣсту извѣстную сумму денегъ, такъ назыв. «столовыхъ» (очевидно отъ выраженія «выйняты зъ кышени та покласты на стилъ»). Въ сущности этотъ «новый народный обычай» не такъ ужъ новъ среди нѣкоторой части украинскаго народа. Пишущему эти строки приходилось встрѣчаться съ этимъ обычаемъ еще въ 80-хъ годахъ, лѣтъ 18—20 тому назадъ, въ Бердянскомъ и Милитопольскомъ уѣздахъ Таврич. губ., гдѣ уплата за «молоду» этого своего рода «украинського калыма» составляетъ для жениха безъ различія соціально-экономическаго его положенія, начиная «зъ бидноты» и «до дукаривъ», непремѣнное условіе и главную заботу; при чемъ этотъ «калымъ» доходитъ тамъ иногда до цифры внушительныхъ размѣровъ 100 и больше рублей, смотря *по дородности* «дивчыны», и по состоянію «парубка». Откуда этотъ обычай заимствованъ населеніемъ Тавріи намъ неизвѣстно, но только въ тѣ уже годы онъ былъ широко распространенъ тамъ, и населеніе уже очевидно тяготилось имъ: неоднократно приходилось слышать изъ устъ народа такого рода разсужденія, конечно, со стороны жениха: «Добро панамъ, у ныхъ ще за молодою дають, а у насъ молоду треба купыты». Не безъ зависти дѣлаются такія-же ссылки и на Полтавскую губернію, гдѣ «за молодою дають прыдане», часто бываютъ случаи, что таврічане ѣздятъ «по молоду» въ Полтавщину, лишь бы избѣгнуть уплаты за невѣсту, или же женятся на

«наймычкахъ»—полтавкахъ. Мы склонны думать, что тавричане позаимствовали этотъ несимпатичный обычай или отъ поселенцевъ, м. б. болгаръ, а можетъ быть еще отъ ногайцевъ.

Г. Ков.-Кол.

„Изъ харьковскаго прошлаго“.—Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ № 156 «Харьк. Вѣдом.» замѣтка проф. Багалѣя. Приводимъ эту замѣтку дословно.

«Ниже мы печатаемъ весьма интересный документъ, открытый нами въ журналѣ «Украинскій Вѣстникъ», издававшемся въ Харьковѣ въ 1819 году. Говоримъ объ открытіи этого печатнаго документа потому, что ни въ одномъ харьковскомъ книгохранилищѣ не было той книжки журнала, гдѣ онъ помѣщенъ, и мы могли познакомиться съ нимъ только благодаря тому, что журналъ за этотъ годъ былъ выписанъ нами изъ Императорской публичной библіотеки. Перепечатывая его теперь, мы надѣемся, что, быть можетъ, онъ вызоветъ въ памяти кого-либо изъ харьковцевъ какія-нибудь преданія или воспоминанія, которыя помогутъ намъ разыскать упоминаемые въ немъ матеріалы. Опроверженія напечатаннаго тогда извѣстія не послѣдовало—это убѣждаетъ насъ въ томъ, что самый фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто и не былъ измышленъ, при томъ достовѣрность извѣстія подтверждается и самою редакціей его—общій тонъ разсказа производитъ впечатлѣніе правдиваго документальнаго свидѣтельства.

«При разбираніи здѣшней соборной старой колокольни въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ найдена потайная кладовая. Въ ней найдены кипы бумагъ и сундукъ съ надписью «по секрету». Теперь величайшее любопытство овладѣло всѣми узнать, что заключается въ сихъ бумагахъ? Ибо и сундукъ также съ бумагами. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ это любопытства! Нѣкоторые, бывшіе при открытіи сихъ бумагъ, видѣли на верху одной *1711 годъ*. Слѣдовательно заключить можно, что въ числѣ сихъ бумагъ находятся и бумаги XVII столѣтія, а можетъ быть, и еще древнѣе. Можетъ быть въ нихъ сокрыто основаніе Харькова, разряды и дѣла здѣсь въ древности существовавшихъ полковъ, даже историческія извѣстія о всемъ здѣшнемъ краѣ; даже какъ знать! и о древнемъ состояніи всей южной Россіи... Въ простонародіи пронесся уже слухъ, что тутъ скрыты сочиненія какого-то древняго архимандрита-алхимика. По сему, можетъ быть, слуху и забраны всѣ сіи

бумаги духовнымъ здѣшнимъ начальствомъ. Жаль, если не обратятъ на сіи бумаги другого вниманія—кромѣ, какъ розыска: не заключается ли въ нихъ чего противнаго христіанской вѣрѣ!? При томъ же все бы, кажется, приличнѣе было разсмотрѣть ихъ вообще здѣшнимъ начальствамъ: гражданскому, университету и духовному. Тогда бы древности историческія перешли въ вѣдѣніе университета для настоящей ихъ оцѣнки: происшествія касательно города, можетъ быть, права какія-нибудь гражданскія—по принадлежности гражданскому начальству; а метрическія книги—въ архивъ начальства духовнаго. Впрочемъ, какъ слышно, всѣмъ симъ бумагамъ дѣлается по заглавіямъ опись.

Большая часть сихъ бумагъ въ переплетѣ и всѣ онѣ пощажены совершенно временемъ—такъ что разбирать ихъ никакого не стало бы труда, кромѣ надлежащаго вниманія».

Текущія извѣстія.

Раскопки вблизи Екатеринослава. Въ половинѣ іюня А. Синявскимъ, вблизи Екатеринослава, произведены были обслѣдованія мѣстности и раскопки нѣсколькихъ кургановъ и валовъ у сс. Каменки, Поповки и Подгородней, Новомосковскаго уѣзда, по лѣвой сторонѣ Днѣпра, противъ Екатеринослава. Курганы были раскопаны у с. Каменки, городище и валы—у с. Подгородней. Задача изслѣдованій—собрать матеріалъ для опредѣленія древнѣйшихъ насельниковъ территоріи, ближайшей къ Екатеринославу, и установить, существовало-ли единство между правой и лѣвой стороной Днѣпра. Раскопки дали довольно цѣнные результаты. Найдено довольно много предметовъ, остатковъ посуды, 8 цѣлыхъ глиняныхъ сосудовъ, нѣсколько сосудовъ съ оригинальнымъ первобытнымъ орнаментомъ, два древнѣйшей формы съ круглымъ дномъ по типу первыхъ сосудовъ—череповъ животныхъ и людей. Раскопки велись попластно, что хотя удорожало стоимость раскопки, но обезпечивало большую ихъ научную цѣнность: открыто 8 цѣнныхъ погребальныхъ типовъ, изъ нихъ одинъ парный. Скелеты лежали къ югу въ согнутомъ положеніи, что въ связи съ другимъ обстоятельствомъ заставляло-бы ихъ отнести къ древнѣйшему погребальному типу. У головъ, а у нѣкоторыхъ и у ногъ, поставлены сосуды. Сосуды сдѣланы еще безъ помощи гончарнаго колеса и плохо обожжены, но нѣкоторые не лишены изящества. Черепа почти не сохра-

нились и даже не могли быть сфотографированы. Хотя въ нашей почвѣ первобытные черепа сохраняются тысячелѣтія, если не поддаются дѣйствію сырости, но въ данномъ случаѣ кости скелетовъ истлѣли совершенно, и едва сохранились только общія очертанія череповъ. Безъ особаго риска все же можно сказать, что данная курганная раса скорѣе брахоцефалическая, чѣмъ долехоцефалическая, и дать общіе выводы о данной курганной культурѣ было-бы поспѣшнымъ въ виду небольшого числа раскопокъ, но несомнѣнно то, что вскрытые курганы и городище (майданъ) принадлежали одному и тому же уже осѣдлому, достигшему извѣстной культуры, народу, жившему не менѣе чѣмъ 7 вѣковъ до нашей эры. Дальнѣйшія раскопки въ ближайшее время будутъ производиться у селъ, лежащихъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра, а также по правой и у Екатеринослава. Найденные при раскопкахъ предметы и сосуды помѣщены въ музей Научнаго Общества. («Екат. Лист.», № 65).

Работы музея Научнаго Общества въ Екатеринославѣ. «Вѣстн. Юга» (№ 123), отмѣчая энергичную дѣятельность г. Синявскаго, говоритъ, что до сихъ поръ раскопки производились преимущественно у Екатеринослава. Для полноты свѣдѣній о прошломъ всего юга Научное Общество вырабатываетъ нынѣ вопросные листки для всѣхъ интересующихся археологическими, этнографическими и бытовыми особенностями родного южнаго края. Несомнѣнно, что лица, получившія такой листокъ, добросовѣстно отнесутся къ предлагаемой задачѣ, осуществляя этимъ просвѣтительныя цѣли общества.

Наряду съ этимъ заслуживаетъ большого вниманія еще одна благодарная иниціатива—составить программу по этнографіи, исторіи, палеонтологіи, археологіи и пѣсенному творчеству мѣстнаго края, имѣя въ виду возможность, благодаря безплатному посѣщенію музея, дать публикѣ картинное представленіе о естественныхъ и историческихъ богатствахъ края, а также и о его историческомъ прошломъ. Такимъ образомъ, музей явится дополненіемъ къ школѣ, гдѣ можно будетъ учиться наглядным путемъ, на коллекціяхъ и образцахъ.

Нынѣ г. Синявскій занятъ составленіемъ каталога всѣхъ предметовъ музея, распредѣляя ихъ по отдѣламъ. Къ болѣе значительному отдѣлу относятся: каменный періодъ, затѣмъ—бронзовый, далѣе—козацкій и др. Въ достаточномъ количествѣ имѣются данныя о бытовыхъ особенностяхъ нѣкоторыхъ періодовъ,—картины, грамоты, книги. По естественной исторіи вполнѣ удовлетворяетъ недурная коллекція минераловъ, остатки мамонтовъ и проч. Къ великому сожалѣнію, при-

ходится отмѣтить индифферентное отношеніе къ музею и задачамъ научнаго общества со стороны нашей интеллигенціи. Весь трудъ по раскопкамъ кургановъ, составленію замѣтокъ о найденныхъ предметахъ, составленію программъ, каталоговъ и пр. и пр.,—вся эта сложная, имѣющая богатое общественное значеніе работа, всецѣло лежитъ на нѣсколькихъ лицахъ. А вѣдь сколько пользы въ данномъ дѣлѣ могла-бы принести наша интеллигентная молодежь!

Раскопки древнихъ могилъ въ Херсонскомъ уѣздѣ. Въ Херсонскомъ у., Любомирской вол., по р. Висуни, въ имѣніи г-на Высоцкаго были произведены раскопки подъ наблюденіемъ сына владѣльца. Найденныя древности г. В—ій передалъ въ Херсонскій археологическій музей, а свѣдѣнія о раскопкахъ доставилъ въ редакцію «Юга» (№ 1211).

Кладоискатели. Крестьяне Ольгопольскаго уѣзда Свиридъ и Ужвакъ, осенью прошлаго года явились въ селеніе Поборку, Гайсинскаго уѣзда, и предложили мѣстному крестьянину Зозулѣ разрѣшить имъ заняться раскопками въ его усадьбѣ, съ тѣмъ условіемъ, что если будетъ найденъ кладъ, о которомъ они имѣютъ свѣдѣніе, то подѣлятся съ нимъ поровну. Зозуля согласился, и искатели клада 15-го апрѣля, дѣйствительно, на глубинѣ 3 саженъ открыли квадратную, еще довольно сохранившуюся, комнату съ тонко обдѣланными каменными стѣнами, въ одной изъ которыхъ видна заложенная плоскимъ обдѣланнымъ камнемъ дверь, ведущая куда-то дальше Мѣстная власть воспретила, по словамъ «Одесск. Нов.», дальнѣйшую раскопку до особаго разрѣшенія. Въ виду этого, Свиридъ и Ужвакъ намѣрены подать въ археологическую коммиссію просьбу о разрѣшеніи имъ продолжать начатую работу. («Харьк. Вѣд.», № 128).

Программа для собиранія этнографическихъ предметовъ. Этнографическимъ отдѣломъ музея Императора Александра III опубликована программа для собиранія этнографическихъ предметовъ. Отдѣлъ обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, «близкимъ къ народной жизни какой-либо области Россіи», съ просьбою «не отказать въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи по составленію этнографическихъ коллекцій для будущаго музея этнографіи», а также по полученію свѣдѣній о частныхъ коллекціяхъ и о лицахъ, которыя могли

бы быть полезны отдѣлу въ этомъ отношеніи. Отдѣлъ обращается также ко всѣмъ интересующимся русской этнографіей съ просьбою о доставленіи своихъ замѣчаній по поводу отдѣльныхъ вопросовъ программы и по самой техникѣ собиранія этнографическихъ матеріаловъ. («Югъ», № 1222).

Художественно-литературное общество им. Гоголя въ Полтавѣ. По словамъ «Вѣстн. Юга» (№ 112) во время чествованія Гоголя, по иниціативѣ проживающаго въ Полтавѣ писателя Вл. Гал. Короленко, на одномъ изъ думскихъ засѣданій, было единогласно рѣшено учредить «Литературно-художественное Общество имени Н. В. Гоголя».

Проектъ устава сводитъ дѣятельность общества къ двумъ цѣлямъ: 1) изученіе произведеній Гоголя, собираніе и коллектированіе изданій его произведеній, а также и всего того, что имѣетъ отношеніе къ біографіи и литературной дѣятельности Гоголя; 2) сближеніе мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей съ лицами, интересующимися дѣломъ изученія родины и искусства. Для выполненія этихъ цѣлей общество проектируетъ пользоваться слѣдующими средствами: а) лекціи, публичныя чтенія, концерты, литературно-музыкальные вечера и спектакли; б) учрежденіе библіотеки съ спеціально гоголевскимъ отдѣломъ; в) художественныя выставки; г) изданіе книгъ и альманаховъ по вопросамъ, входящимъ въ кругъ интересовъ общества.

Лѣчебница имени Шевченка. Въ селѣ Кирилловкѣ, Тарасовской волости, Звенигородскаго уѣзда, состоялась на дняхъ закладка зданія сельской лѣчебницы имени Шевченка. Въ селѣ этомъ насчитывается свыше 5000 жителей. Сооруженіе зданія лѣчебницы обойдется до 12000 руб. изъ которыхъ 3000 рублей пожертвованы владѣльцемъ села Кирилловки Н. А. Терещенко. Въ селѣ Кирилловкѣ родился Т. Г. Шевченко. Здѣсь и теперь указываютъ избу, въ которой жилъ Шевченко, и дубъ, подъ которымъ онъ писалъ свои «вирши». Ближайшіе родственники родоначальника малорусской поэзіи и теперь продолжаютъ жить въ этомъ селѣ. («Харьк. Вѣд.», № 143).

Конкурсъ на словарь украинскаго языка. На премію имени Н. И. Костомарова за составленіе «Словаря малорусскаго нарѣчія», съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ, объявленъ академіею новый конкурсъ на три года: срокъ представленія трудовъ на этотъ кон-

курсъ назначенъ на 1 января 1905 года. Премія состоитъ изъ 4,000 руб. вмѣстѣ съ процентами, которые наростутъ на эту сумму съ 1881 г. по день присужденія преміи. («С.-Петерб. Вѣд.», № 147).

Даръ А. М. Лазаревскаго Кіевской публичной библіотекѣ и Музею древностей. Кіевскимъ окружнымъ судомъ утверждено къ исполненію духовное завѣщаніе извѣстнаго историка д. ст. сов. А. М. Лазаревскаго, который завѣщалъ кіевской городской публичной библіотекѣ всѣ книги, имѣющія на корешкахъ заглавія: «украинскія», «малороссійсскія», «малорусскіе сборники», которыхъ ко времени составленія завѣщанія имѣлось болѣе ста восьмидесяти томовъ, пять сборниковъ всякаго рода картинъ, наклеенныхъ на бумаги; сборники эти имѣютъ на корешкахъ заглавіе «Живописная Украина», рукопись съ картинами Деляфлиза, заключающую въ себѣ описаніе Кіевской губерніи, и сборникъ рисунковъ, его же, селъ Кіевской губерніи и всѣ губернскія вѣдомости, какія имѣются въ его библіотекѣ. («Южн. Кр.», № 7419).

Музею же наслѣдниками А. М Лазаревскаго, въ исполненіе воли покойнаго, переданы 3 портрета, а именно: кіевскаго воеводы Адама Киселя, матери Іереміи Вишневецкаго Раины Могилянки (двоюродной сестры митрополита Петра Могилы) и Кирилла Тарловскаго, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ «Дикаго попа». Портретъ послѣдняго представляетъ собой копію съ подлинника, находящагося въ Козелецкомъ соборѣ (Черниговской губ.). («Южн. Кр.», 7390).

Цѣнный даръ. Въ кіевскій музей, по словамъ «Нов.», на дняхъ поступила громадная коллекція историческихъ портретовъ, пожертвованная А. В. Толли, купившимъ громадныя помѣстья князей Вишневецкихъ. Одна часть портретовъ, писанныхъ съ натуры съ лицъ, игравшихъ видную роль въ исторіи Польши, уже выставлена для обозрѣнія публики, другая же часть требуетъ реставраціи и будетъ выставлена въ близкомъ будущемъ. Всѣхъ портретовъ болѣе четырехсотъ. («Южн. Кр.», № 7403).

Памятникъ Котляревскому. По словамъ «Полт. Вѣд.» (№ 109) работа по установкѣ постамента для памятника Котляревскому быстро подвигается впередъ и можно разсчитывать, что памятникъ будетъ окончательно готовъ до сентября. Вчера городской голова телеграфно

просилъ г. Позена, составлявшаго проектъ памятника, поторопиться высылкой барельефовъ и вѣнка для постамента.

Командировка для изслѣдованія говоровъ. Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ профессоръ Харьковскаго университета М. Г. Халанскій командированъ на лѣто въ Курскую, Черниговскую и Орловскую губерніи, гдѣ профессоръ предполагаетъ закончить начатыя имъ въ прошлые годы изслѣдованія народныхъ говоровъ. («Харьк. Вѣд.», № 132).

Къ 200-лѣтнему юбилею печати. 2-го января 1903 г. библіологическое общество по случаю исполняющагося 200-лѣтія печати рѣшило устроить торжественное собраніе въ залахъ академіи наукъ. Ко дню юбилея общество выпускаетъ слѣдующія изданія: «Сборникъ трудовъ по библіографіи печати и исторіи ея», «Художественный сборникъ», въ который войдутъ портреты редакторовъ и издателей, снимки съ заглавныхъ листовъ и шрифтовъ. Кромѣ того обществомъ будетъ изданъ сборникъ копій съ каррикатуръ прежнихъ временъ на печать, гдѣ печать явится въ собственномъ каррикатурномъ изображеніи. Помимо, этого ко дню юбилея будетъ издана книга «Русская періодическая печать», въ которой будутъ приведены подробныя данныя о постепенномъ ростѣ печати. Кромѣ того общество предполагаетъ устроить выставку журналовъ, газетъ и всего того, что относится къ журналистикѣ. («Рус. Вѣд.»).

Украинскій театръ.—По словамъ «Бирж. Вѣд.» (№ 143, 168. 180), труппа Суслова, играющая въ одномъ изъ садовъ Петербурга, пользуется большимъ успѣхомъ, несмотря даже на дурную погоду. Театральный рецензентъ особенно отмѣчаетъ игру Линицкой, Зарницкой, Суслова, Манько и др. Судя по словамъ рецензента, на сценѣ преобладаетъ репертуаръ веселаго характера: ставятся—Сорочинскій ярмарокъ, Вій. и т. д.

Съ конца іюня въ Харьковѣ открылись представленія труппы Кропивницкаго, Садовскаго и Саксаганскаго. Первой шла пьеса «Глытай». По словамъ Харьк. Вѣд. (№ 168) «первый спектакль былъ настоящимъ праздникомъ малороссовъ». Изъ дальнѣйшихъ сообщеній

той-же газеты (№ 172) видно, что вообще труппа пользуется большимъ успѣхомъ и театръ посѣщается усердно.

Въ Полтавѣ съ 20 іюня играетъ труппа Глазуненка.

Лѣтній садъ въ с. Диканькѣ. Интересную замѣтку находимъ въ Полт. Вѣд. (№ 113) о народномъ театрѣ въ с. Диканькѣ. Театральный вопросъ—по словамъ газеты—волнуетъ не только мѣстныхъ интеллигентовъ, которымъ принадлежитъ его иниціатива, но также и простой народъ, который принимаетъ активное участіе въ этомъ вопросѣ, давши разрѣшеніе построить на общественной землѣ спеціальное помѣщеніе для сцены. Благодаря этому разрѣшенію и дѣятельному участію мѣстныхъ любителей, здѣсь уже сооружается зданіе лѣтняго закрытаго театра и съ 9-го іюня откроется лѣтній сезонъ. Предполагается постановка цѣлаго ряда спектаклей, сборъ съ которыхъ цѣликомъ будетъ направленъ для завѣтной цѣли Диканьчанъ—постройки просвѣтительнаго народнаго дома.

Указавъ на назрѣвшую въ народѣ потребность въ хорошо-поставленномъ театрѣ и на готовность мѣстныхъ культурныхъ силъ идти на встрѣчу этой потребности, корреспондентъ говоритъ, что въ репертуаръ, на-ряду съ серьезными малорусскими пьесами, войдутъ русскія комедіи и фарсы, а также и пьесы обстановочнаго характера. Въ числѣ новинокъ драматическаго репертуара появится только что разрѣшенная къ постановкѣ комедія Я. И. У—ва «Брехунци».

Малорусскій литературно-вокальный вечеръ въ Томскѣ. Коммиссіей народныхъ развлеченій въ мартѣ былъ устроенъ вечеръ, прошедшій съ большимъ успѣхомъ. Самый шумный успѣхъ выпалъ на долю хора. Хоръ былъ смѣшанный. Одѣтый въ національные малороссійскіе костюмы, онъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на публику однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ. Онъ исполнилъ 3 номера по программѣ и нѣсколько номеровъ на бисъ. Мужской хоръ исполнилъ два раза знаменитую «Зозулю». Жаль только, что въ программѣ не было ни одного литературнаго номера и въ этомъ, какъ намъ передавали, виновата сама коммиссія.—Съ матеріальной стороны вечеръ также удался: залъ библіотеки былъ полонъ публики; сидѣли даже въ оркестрѣ.

Народныя пѣсни въ школахъ.—Циркуляромъ попечителямъ учебныхъ округовъ предложено, чтобы въ программы школьныхъ му-

зыкальныхъ собраній включались былины, духовные стихи и протяжныя народныя пѣсни. Признано также желательнымъ, чтобы въ хрестоматіяхъ помѣщались ноты народныхъ мелодій. («Южн. Кр.», № 7384).

Странная пропаганда „Славянскаго Вѣка“.—Офицеры екатеринославскаго гарнизона получили по почтѣ воззваніе Славянскаго общества въ Москвѣ съ предложеніемъ поддержать своей подпиской и сотрудничествомъ журналъ извѣстнаго г. Вергуна, издающійся въ Вѣнѣ—«Славянскій Вѣкъ». («Придн. Кр.», № 1501).

Могила И. Манжуры.—Въ № 199 «Придн. Края» напечатано слѣдующее письмо въ редакцію Гр. Чумаченка:

«Въ печати многократно говорилось о томъ равнодушіи и небрежности, съ какимъ мы, относимся къ памяти выдающихся людей нашей родины.

Вотъ еще одинъ фактъ, подтверждающій это мнѣніе.

Въ 1893 году въ Екатеринославѣ, въ земской больницѣ, умеръ малорусскій поэтъ и этнографъ И. И. Манжура и былъ похороненъ на Севастопольскомъ кладбищѣ. Провожалъ его одинъ больничный сторожъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Манжуры, нѣкоторыя лица, знавшія покойника лично, рѣшили поставить на его могилѣ крестъ, но оказалось, что могила его затеряна, и крестъ пришлось поставить по указанію больничнаго сторожа, увѣрявшаго, что онъ хорошо помнитъ мѣсто погребенія Манжуры.

Еще въ прошломъ году я читалъ въ газетѣ «Донская Рѣчь», что нѣкто посѣтилъ могилу поэта и видѣлъ на ней повалившійся на бокъ крестъ.

Наконецъ, въ этомъ году я самъ нѣсколько разъ посѣтилъ Севастопольское кладбище, съ цѣлью разыскать могилу поэта, но сколько я ни старался въ этомъ отношеніи, сколько ни разспрашивалъ роющихъ могилы на этомъ кладбищѣ, поиски мои не увѣнчались успѣхомъ. Потомъ я узналъ, что еще и другія лица пытались отыскать затерянную могилу и, какъ мнѣ извѣстно, не нашли. По всей вѣроятности, крестъ на могилѣ пришелъ въ ветхость и развалился.

Въ будущемъ 1903 году исполняется 10 лѣтъ со дня смерти И. И. Манжуры, и неужели не найдутся люди, знавшіе его лично, которые взяли бы на себя заботу отыскать могилу «небораки» и поставить на ней крестъ?»

М. М. Антокольскій. 26-го іюня въ Бадъ-Гомбургѣ скончался извѣстный скульпторъ, положившій реалистическое начало въ русской скульптурѣ, М. М. Антокольскій. Его рѣзцу принадлежитъ извѣстная статуя «Несторъ-Лѣтописецъ».

Отказъ въ выдачѣ о-ву „Просвіта“ субсидіи. Въ іюньской книжкѣ нашего журнала были отмѣчены плодотворные результаты необычайно энергичной дѣятельности общества «Просвіта» въ Галиціи при крайней ограниченности въ средствахъ, отпускаемыхъ правительствомъ въ пользу этого общества. Такая энергичная просвѣтительная дѣятельность молодой институціи на пользу украинской народности пришлась, очевидно, не по вкусу полякамъ, такъ какъ въ газетѣ «Діло» (№ 109) находимъ извѣстіе, что «Краевий Виділ» въ засѣданіи 14 мая отказалъ въ выдачѣ обществу «Просвіта» субсидіи въ количествѣ 6000 коронъ, ассигнованныхъ сеймомъ въ 1901 г., мотивируя свой отказъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ выданной «Просвітою» популярной брошюрѣ «Русь-Украіна і Московщина» пробиваются антипольскія тенденціи и встрѣчаются мѣста «въ высшей степени вредныя, возбуждающія къ національной враждѣ и нарушенію общественной гармоніи въ краѣ». Протестуя противъ этой мѣры, «Діло» съ чувствомъ горечи говоритъ, что поляки еще разъ дали доказательство того, что «украинскій народъ имѣетъ только одно право—платить подати», но не имѣетъ права даже въ микроскопической дозѣ пользоваться «зъ гроша, зложеного з його власної кервавиці», и въ подтвержденіе своей вполнѣ справедливой жалобы сопоставляетъ ничтожныя цыфры, особенно на первыхъ порахъ,—1000—1500 кор.—субсидій въ пользу «Просвіти» съ десятками тысячъ коронъ въ пользу «Mac cierr'и Polssk'y», «Wydawnictwa dzielek ludowych» Rótnicz'ago»' которые, взятые всѣ разомъ, не сдѣлали и десятой доли того для просвѣщенія и экономическаго поднятія широкой народной массы, несмотря на содѣйствіе «сполечнои гіерархіи и громадныя субсидіи, что успѣла сдѣлать «Просвіта». Горячо протестуя противъ этой мѣры, газета призываетъ народъ къ рѣшительному протесту какъ противъ самой мѣры, такъ и противъ мотивировки ея на томъ основаніи, во-первыхъ, что 4 милл. украинскаго народа имѣютъ право на субсидію въ десятки разъ большую, а во-вторыхъ,—что и изданія шовинистской шляхетско-клерикальной партіи не подчинены никакому контролю.

Отмѣчая этотъ печальный фактъ крайне-враждебнаго отношенія польскихъ станчиковъ къ совершенно естественному и справедливому стремленію зарубежныхъ русинъ къ свѣту и свободѣ, мы не можемъ обойти молчаніемъ факта значительной перемѣны во взглядахъ нѣкоторой части русскихъ поляковъ на польско-украинскія отношенія въ Галиціи. Быть можетъ голосъ поляковъ русскихъ, являющихся въ качествѣ объективныхъ зрителей обострившейся борьбы двухъ сродныхъ и тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ народностей, внесетъ коррективъ въ эти ненормальныя отношенія. Недавно «Kraj» посвятилъ большую статью вопросу о политической организаціи русинъ и подведенію итоговъ достигнутыхъ ими успѣховъ въ области просвѣщенія и культуры. Нарисовавъ картину группировки политическихъ партій русинскихъ, давъ оцѣнку каждой изъ нихъ и отмѣтивъ затѣмъ, результаты соединенной дѣятельности русинъ всѣхъ оттѣнковъ, на почвѣ стремленій къ своему національному возрожденію, «Kraj» въ концѣ концовъ долженъ былъ притти къ тому заключенію, что національная эволюція русинъ подвинулась настолько впередъ, что нынѣ русинскимъ движеніемъ нельзя ни пренебрегать, ни его не замѣчать. Русинскій вопросъ пересталъ быть, говоритъ «Kraj»,—«уголовнымъ», какъ его полстолѣтія тому назадъ назвалъ одинъ изъ нѣмецкихъ гофратовъ, а развился и сталъ синтезомъ культурныхъ стремленій всего трехмилліоннаго народа. Благодаря этому русины перешли границу, гдѣ оканчиваются многочисленныя теоретическія пожеланія, и вступили въ сферу практическихъ послѣдствій своего развитія. Однимъ изъ такихъ послѣдствій является вопросъ о русинскомъ университетѣ, вопросъ, который, несмотря на все легкомысліе (?) и нетактичность, съ которыми въ прошломъ году былъ возбужденъ, очень значителенъ и лучше всего свидѣтельствуетъ, что опредѣленіе пути, на которомъ долженъ быть урегулированъ національный вопросъ въ восточной Галиціи, становится все болѣе нетерпящимъ отлагательства. Думаемъ, что галицкіе русины согласятся расписаться въ полученіи аттестаціи «о легкомысліи и непрактичности» за признаніе со стороны польскаго «Kraj'а» неотложности рѣшенія вопроса объ украинскомъ университетѣ.

Выходъ буковинскихъ пословъ изъ сейма. Наши читатели безъ сомнѣнія помнятъ прошлогодній фактъ демонстративнаго выхода изъ зала сеймовыхъ засѣданій въ Галиціи русинскихъ пословъ, вызванный тѣмъ обстоятельствомъ, что галицко-польское большинство систематически трактовало представителей украинскаго народа, какъ что-то совсѣмъ не стоющее вниманія. Это большинство не только от-

казывало въ самыхъ минимальныхъ требованіяхъ чисто культурнаго характера со стороны русинскихъ пословъ, но не постѣснялось въ присутствіи этихъ самыхъ пословъ вносить проекты законовъ, направленныхъ прямо противъ украинскаго народа, какъ націи.

Тоже самое случилось въ нынѣшнюю сеймовую сессію въ Буковинѣ. 19 іюня (2 іюля по н. ст.) буковинскіе послы вынуждены были также оставить залъ засѣданій, такъ какъ нѣмецко-польско-румынская коалиція позволила себѣ пренебречь ихъ правами настолько, что сочла возможнымъ произвести выборы въ комиссіи представителей отъ русинъ безъ участія въ выборахъ русинскихъ пословъ. Посолъ проф. Смаль-Стоцкій заявилъ, что поведеніе большинства въ сеймѣ есть насиліе надъ правами русинъ, и что русины не примутъ участія въ совѣщаніяхъ до тѣхъ поръ, пока буковинскіе русины не получатъ сатисфакціи и вмѣстѣ съ послами Василькомъ, Левицкимъ и Пигулякомъ оставилъ залъ засѣданій.

«Буковина», оповѣстивши буковинскихъ русинъ объ этомъ фактѣ, обратилась къ нимъ съ слѣдующими словами: «Наступила минута чрезвычайно важная, но не грозная и не страшная, если украинскій народъ станетъ всей массой и смѣло за своими послами. Святой обязанностью всѣхъ сознательныхъ русиновъ является постараться собрать въ день Ивана Крестителя на народное вѣче тысячи народа». Буковинцы, очевидно, горячо откликнулись на призывъ стоять за свои права, такъ какъ въ № 140 «Діла» напечатана телеграмма изъ Черновцевъ, оповѣщающая о томъ, что 7 іюля по н. ст. состоялось небывалое вѣче, созванное послами-сецессіонистами, на которомъ было пять тысячъ народа, вполнѣ одобрившее поступокъ своихъ пословъ и выразившее свое презрѣніе тѣмъ посламъ другихъ народностей, которые будучи избраны буковинскимъ населеніемъ, заняли въ сеймѣ враждебную позицію противъ русинъ.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Подготовительныя работы къ предстоящему археологическому съѣзду въ Харьковѣ Къ предстоящему въ Харьковѣ археологическому съѣзду готовится цѣлый рядъ изданій. Нѣкоторыя изъ нихъ уже отпечатаны, другія печатаются и, къ открытію съѣзда, выйдутъ въ свѣтъ. Владѣлецъ картографическаго заведенія въ Петербургѣ, харьковскій уроженецъ, И. П. Поддубный издалъ на свой счетъ и преподнесъ предварительному комитету 130 экземпляровъ «Атласа Слободско-украинской губ.» 1802 года, хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ. Изданіе будетъ сопровождаться предисловіемъ проф. Д. И. Багалѣя. Харьковскій губернскій статистическій комитетъ заканчиваетъ изданіе «Атласа харьковскаго намѣстничества 1787 года», который до сихъ поръ хранился въ рукописи и теперь явится цѣннымъ вкладомъ въ южно-русскую картографію. Предварительный комитетъ выпустилъ въ свѣтъ «Южно-русскій орнаментъ» г-жи Литвиновой, съ предисловіемъ, проф. Е. К. Рѣдина. Проф. А. С. Лебедевъ заканчиваетъ печатаніемъ обширный трудъ о бѣлгородскихъ епископахъ, съ портретами этихъ послѣднихъ, который будетъ имѣть особенный интересъ, для Харькова, потому что харьковская епархія во 2-й половинѣ XVII и въ XVIII вв. входила въ составъ бѣлгородской. А. Н. Гусевъ издаетъ къ съѣзду иллюстрированный путеводитель по Харькову. Работы по устройству съѣзда теперь въ самомъ разгарѣ: устраиваются выставки, печатаются каталоги, два обширныхъ тома «Трудовъ предварительнаго комитета».

Вообще съѣздъ обѣщаетъ быть любопытнымъ и можно надѣяться, что имъ заинтересуются у насъ широкіе круги общества. Членами съѣзда могутъ быть всѣ желающіе (обоего пола), по внесеніи пятирублеваго членскаго взноса. Взносы принимаетъ секретарь комитета проф. Е. К. Рѣдинъ въ университетѣ, гдѣ теперь устраиваются выставки. На съѣздъ ожидается прибытіе многихъ извѣстныхъ ученыхъ не только изъ Россіи, но и изъ-за границы,—преимущественно славянскихъ земель. Нѣкоторые французскіе археологи сами уже заявили о своемъ желаніи пріѣхать въ Харьковъ. («Харьк. Вѣд.», № 153).

По вопросу объ участіи галицкихъ ученыхъ въ Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ намъ сообщены нѣкоторыя подробности, служащія продолженіемъ печальнаго инцидента, бывшаго на прошломъ Кіевскомъ съѣздѣ по поводу рефератовъ на малорусскомъ языкѣ.

Въ виду того, что въ теченіе всего времени подготовительныхъ работъ къ Харьковскому съѣзду ни Науковое Товариство имени Шевченка, ни отдѣльные члены его не получали никакихъ приглашеній отъ Московскаго организаціоннаго комитета, равно какъ и отъ Харьковскаго предварительнаго комитета съѣзда, вопросъ о степени участія въ съѣздѣ галицкихъ ученыхъ совсѣмъ не поднимался въ Галиціи. Только въ апрѣлѣ текущаго года Науковое Товариство получило запросъ отъ Московскаго археологич. общества, кто изъ галицкихъ ученыхъ и съ какими рефератами предполагаетъ прибыть на съѣздъ. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Науковое Товариство сообщило, что, не получая до сихъ поръ никакихъ приглашеній, а равно не зная, въ какомъ положеніи будетъ находиться на съѣздѣ вопросъ о чтеніи рефератовъ на малорусскомъ языкѣ, оно не занималось обсужденіемъ степени своего участія въ съѣздѣ, хотя въ «Товариствѣ» непрерывно идутъ работы въ областяхъ, соприкасающихся съ программой археологическихъ съѣздовъ, и если-бы приглашеніе прислано было раньше и была-бы у галицкихъ ученыхъ увѣренность, что они могутъ читать рефераты на своемъ родномъ языкѣ, то число рефератовъ изъ Галичины могло-бы быть значительно большимъ. Въ настоящее время имѣются готовыми слѣдующіе рефераты: 1) проф. М. Грушевскаго—два реферата объ остаткахъ древне-русскаго искусства въ Галиціи; 2) д-ра І. Франка—изслѣдованія объ украинской легендарной литературѣ; 3) д-ра Студинскаго—изъ исторіи полемической литературы; 4) д-ра Щурата—изъ исторіи Галичины XVIII в.; 5) д-ра Колессы—изъ украинской литературы XIX в.; 6) проф. Верхратскаго—изъ діалектологіи галицкой и угорской Руси. На это извѣщеніе не послѣдовало никакого отвѣта отъ Московскаго археологическаго общества, а только г.г. Верхратскій, Студинскій и Щуратъ получили программы Харьковскаго съѣзда, но они отвѣтили Московскому комитету, что имѣли намѣреніе принять участіе въ съѣздѣ, какъ члены Науковаго Товариства имени Шевченка; ввиду-же того, что послѣднее приглашенія участвовать въ съѣздѣ не получило, а также ввиду отсутствія свѣдѣній о допущеніи ихняго языка въ рефератахъ, они не могутъ принять участія въ съѣздѣ.

Въ настоящее время въ Харьковѣ ведутся спѣшныя работы по устройству археологической, исторической и этнографической выставки, открывающейся въ августѣ во время археологическаго съѣзда.

Въ историческомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе богатая коллекція церковныхъ древностей по преимуществу изъ сельскихъ

церквей Харьковской губерніи, а также изъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерній. Тутъ имѣются старинные иконостасы, хранившіеся въ сельскихъ церквахъ за ненадобностью на чердакахъ и колокольняхъ. Точно также оставшаяся уже давно безъ употребленія старинная церковная утварь изъ олова. Много имѣется разысканныхъ по сельскимъ церквамъ, у священниковъ и у обывателей иконъ древняго письма, восходящаго даже къ 16 вѣку. Есть нѣсколько священныхъ изваяній, между прочимъ фигура сидящаго Христа изъ дерева и раскрашенная; изваянія эти, найденныя въ православныхъ храмахъ, очевидно представляютъ остатки былого вліянія западной церкви на религіозный бытъ Малороссіи. Многія изображенія на древнихъ иконахъ, какъ по содержанію своему, такъ и по характеру письма также должны быть приписаны тому же вліянію католичества.

Такъ, напримѣръ, имѣется, между прочимъ, ультрареалистическое изображеніе дѣтства Христа: Іосифъ занятъ столярной работой и что то пилитъ; Матерь Божія сидитъ тутъ-же въ комнатѣ за рукодѣльемъ, а отрокъ Христосъ подметаетъ около нихъ полъ.

Интересно также изображеніе, извѣстное подъ названіемъ «Недреманное Око»—младенецъ Христосъ спитъ на крестѣ съ однимъ полуоткрытымъ глазомъ, а вокругъ Него изображены орудія предстоящихъ Ему страстей.

На ряду съ иконами у крестьянъ часто фигурируетъ въ божницахъ аллегорическое изображеніе бѣлой птицы, разрывающей себѣ клювомъ грудь и кровью своей кормящей птенцовъ; надъ птицей же изображено пылающее сердце. На картинѣ этой имѣется слѣдующая надпись: «Пеликанъ птица, не жалѣя себя, дѣтей своихъ питаетъ».

Одно изъ такихъ аллегорическихъ изображеній «Пеликана птицы» также доставлено на выставку.

Вообще для любителей и знатоковъ церковной древней живописи тутъ много интереснаго, а, быть можетъ, и рѣдкостнаго.

Въ собственно историческомъ отдѣлѣ экспонаты относятся къ исторіи Украйны.

Тутъ есть интересныя коллекціи оружія временъ козачества и гетманства; есть двѣ подлинныхъ гетманскихъ желѣзныхъ булавы, портреты цѣлаго ряда гетмановъ въ копіяхъ и рядъ подлинныхъ большихъ портретовъ масляными красками извѣстныхъ историческихъ дѣятелей Малороссіи.

Далѣе имѣется первая коллекція портретовъ харьковскихъ архіепископовъ съ 1802 г., т. е. съ основанія харьковской епархіи.

Есть довольно фантастическая картина, якобы портретъ не менѣе же фантастическаго казака Харько, основателя города Харькова.

Онъ изображенъ на конѣ, со щитомъ въ одной рукѣ, съ копьемъ въ другой и съ лукомъ и колчаномъ за плечами.

Затѣмъ имѣется нѣсколько видовъ г. Харькова и уличныхъ сценъ начала прошлаго вѣка.

Всѣ эти предметы частью уже установлены, частью еще устанавливаются.

Археологическій отдѣлъ выставки состоитъ изъ обильнѣйшихъ коллекцій древностей, найденныхъ при раскопкѣ въ харьковской губерніи могильныхъ кургановъ.

Очень интересенъ и представляетъ большую научную цѣнность очень хорошо сохранившійся костякъ древняго обитателя нашего края въ дубовомъ гробу.

Затѣмъ идетъ коллекція череповъ человѣческихъ.

Далѣе слѣдуютъ большія коллекціи глиняной посуды изъ могильниковъ же. Замѣчательно, что нынѣшній кувшинъ былъ точно такимъ же чуть ли не тысячелѣтія тому назадъ.

Богатыми и очень красивыми коллекціями представлены древнія украшенія въ видѣ бусъ и т. п. тоже изъ кургановъ; затѣмъ монеты, оружіе и т. д.

Вообще произведенныя прошлымъ лѣтомъ раскопки дали очень много, и, кажется совершенно неожиданно, весьма цѣннаго въ научномъ отношеніи, очень рѣдкостнаго и занимательнаго матеріала.

Этнографическій отдѣлъ съ возможной полнотою представляетъ современный бытъ харьковскаго крестьянства: тутъ одежда, жилище, ремесла, орудія сельскохозяйственныхъ работъ, наборы инструментовъ кустарныхъ производствъ, образцы кустарныхъ произведеній гончарныхъ, ткацкихъ, рукодѣлій.

Въ отдѣльномъ помѣщеніи построена въ натуральную величину малорусская хата подъ соломенной крышей, съ заваленкой, съ коморой и съ полнымъ внутреннимъ убранствомъ, начиная отъ типичной варистой печи и кончая божницами и кусками обоевъ на стѣнахъ въ переднемъ углу въ видѣ украшенія.

Рядомъ съ хатой имѣется модель пасѣки съ куренемъ дѣда-пасѣчника и съ самимъ дѣдомъ.

Есть полный наборъ рыболовной снасти до неуклюжаго «човна» изъ цѣлаго дуба включительно. («Харьк. Вѣд.», № 148, 11 іюня).

Изъ с. Казацкаго, Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, священникомъ мѣстной церкви присланы ризы и воздухи, подаренные нѣкогда въ эту церковь гетманомъ Самойловичемъ. Оттуда же при-

сланъ и поясъ, принадлежавшій Самойловичу, широкій, золотой, съ золотыми же кистями. Изъ Никополя поступили вещи, принадлежавшія нѣкогда кошевой церкви на Запорожьѣ. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе огромное евангеліе (1759 г.) вѣсомъ около двухъ пудовъ съ замѣчательнымъ серебянымъ окладомъ, вѣсящимъ 28 фунтовъ; дорогая, тяжеловѣсная риза, пріобрѣтенная кошемъ для своей церкви, плащаница изящной работы, съ вышитой на ней надписью: «сія плащаница Іоанна Гаркуши, курѣня Тимошѣвского»; затѣмъ серебряная кружка съ выбитыми на ней фигурами, отнятая запорожцами въ 1746 г. у какого-то нѣмца близъ Канева, во время гайдамацкаго наѣзда на польскую украину; медаль, пожалованная одному изъ запорожцевъ Императрицей Екатериною. Едва ли не самымъ интереснымъ изъ доставленныхъ на выставку предметовъ запорожской старины является аналой, присланный кошу въ даръ константинопольскимъ патріархомъ въ то время, когда послѣ участія въ неудачной измѣнѣ Мазепы запорожцы принуждены были поселиться внѣ тогдашнихъ предѣловъ русскаго государства (1709—1734 гг.). Аналой сдѣланъ изъ какого-то ахавскаго дерева и великолѣпно украшенъ черепахой, слоновой костью и перламутромъ. Аналой по матеріалу, изъ котораго онъ сдѣланъ, и по стилю напоминаетъ собою знаменитый амвонъ въ константинопольской патріаршей церкви.

Въ этомъ же церковномъ отдѣлѣ выставки обращаетъ на себя вниманіе деревянная статуя Христа. Христосъ изображенъ почти въ нормальный ростъ человѣка, въ сидячемъ положеніи съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о цѣломъ рядѣ статуй святыхъ и ангеловъ, собранныхъ въ разныхъ церквахъ нашего края и несомнѣнно указывающихъ на сильное вліяніе на южную Русь западнаго католицизма. («Южн. Кр.», 7402, 13 іюня).

О дѣятельности комиссіи при Полтавскомъ статистическомъ комитетѣ по подготовительнымъ работамъ къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ въ № 130 Полт. Вѣд. сообщается, что въ іюньскомъ засѣданіи комиссіи предположено размѣстить на выставкѣ экспонаты по отдѣламъ «предметовъ, при чемъ въ основу разграниченія отдѣловъ принята система удовлетворенія потребностей, какъ то: пища, одежда, жилище и т. д. съ подраздѣленіемъ каждаго изъ такихъ отдѣловъ на составляющія его группы.

Полтавская губернія на этнографической выставкѣ археологическаго съѣзда будетъ представлена разнообразными относящимися къ

характеристикѣ народнаго быта коллекціями естественноисторическаго музея Полтавскаго губернскаго земства, частью состоящими въ наличности, частью имѣющими быть собранными И. А. Зарѣцкимъ по выработанному музеемъ плану, одобренному губернскою управой и утвержденному губернскимъ земскимъ собраніемъ. Какъ результатъ дѣятельности комиссіи на этнографическую выставку будутъ представлены собранная экспедиціоннымъ путемъ коллекція разнообразныхъ дѣтскихъ игрушекъ, а также альбомъ фотографическихъ снимковъ представителей населенія губерніи въ типичномъ убранствѣ, типичныхъ жилищъ, игръ и т. д. Въ связи съ дѣятельностью комиссіи на выставку представлены будутъ относящіяся исключительно къ Золотоношскому уѣзду собранныя коллекціи предметовъ козацкаго и чумацкаго быта.

Затѣмъ, въ виду того, что Полтавская комиссія возникла въ іюлѣ 1900 года, какъ вспомогательная организація въ подготовительныхъ работахъ Харьковскаго археологическаго съѣзда, и главнымъ образомъ въ работахъ, касающихся этнографической выставки, въ виду приближенія съѣзда, представлялось необходимымъ сформулировать, въ чемъ выразилась дѣятельность комиссіи въ теченіе почти 2-хъ лѣтъ. Обобщая проявленія дѣятельности комиссіи, пришлось установить, что работы ея велись въ двухъ направленіяхъ: а) въ сношеніяхъ съ лицами съ цѣлью вызвать интересъ къ предстоящему археологическому съѣзду съ этнографической выставкой и побудить доставить комитету съѣзда при посредствѣ Полтавской комиссіи или непосредственно въ Харьковъ хранящіеся у частныхъ лицъ предметы старины и б) въ разработкѣ сообщенныхъ добровольными корреспондентами свѣдѣній по вопросамъ, касающимся мѣстной старины и мѣстнаго народнаго быта. Сношенія комиссіи отразились рядомъ печатныхъ обращеній къ интеллигентнымъ лицамъ въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи, связаннымъ съ представляющими интересъ для археологическаго съѣзда предметами или по своему происхожденію изъ старинныхъ малорусскихъ фамилій или засвидѣтельствовавшихъ свою близость къ такимъ предметамъ литературными работами, сообщеніемъ свѣдѣній о такихъ прометахъ и т. д. Завязывались сношенія съ лицами и при экскурсіи, обнявшей значительную часть губерніи и предпринятой для описанія древнихъ городищъ, земляныхъ валовъ, могильниковъ и другихъ памятниковъ древности, а также для обслѣдованія типичныхъ сторонъ современнаго народнаго быта вообще и дѣтскихъ игръ съ ихъ ар-

хаическими элементами въ частности. Результаты этой части работъ комиссіи скажутся на археологической и этнографической выставкахъ археологическаго съѣзда.

Работы литературнаго характера, предпринятыя отдѣльными членами комиссіи, выражаются въ докладахъ, изготовляемыхъ ими для археологическаго съѣзда».

«Генералъ Бранденбургъ производитъ раскопку древнихъ кургановъ близъ Триполья, въ 40 верстахъ ниже Кіева по Днѣпру. Раскопано пять могилъ, найдены костяки и интересные предметы скифской культуры и погребальнаго обряда VIII и X вв.» («Екат. Л.», № 52).

«Въ предварительный комитетъ по устройству XII археологическаго съѣзда поступили вещи изъ раскопокъ члена сотрудника Спб. археологическаго института поручика В. Р. Анухтина въ Болховскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ, Орловской губ., состоящія изъ издѣлій изъ глины, изъ кожи и бронзовая привѣска въ видѣ конька. Кромѣ того, В. Р. Анухтинъ принесъ въ даръ музею древностей при университетѣ образъ Іосафа, (Горленко), епископа Бѣлгородскаго, а родословное древо рода Анухтиныхъ письма начала XVIII в. для выставки во время съѣзда». («Южн. Кр.», 7409).

Екатеринославское Научное общество собираетъ матеріалы для рѣшенія двухъ, поставленныхъ съѣздомъ вопросовъ: о древнѣйшихъ насельникахъ прилегающей къ Екатеринославу мѣстности и для выясненія, какимъ народамъ принадлежатъ сохранившіяся донынѣ каменныя «бабы». Съ этой цѣлью въ теченіе іюня А. С. Синявскимъ, которому передано Императорской археологической комиссіей право производства раскопокъ въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи, были сдѣланы археологическія изслѣдованія и курганныя раскопки въ окрестностяхъ г. Екатеринослава, а также въ Бахмутскомъ, Верхнеднѣпровскомъ и Новомосковскомъ уѣздахъ: у дер. Ново-Александровки, Бахмутскаго уѣзда, у ст. Дебальцево, у с. Краснаго-Кута, въ урочищѣ Днѣпрово-Каменка, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, у д. Старыя-Кайдаки и другихъ мѣстностяхъ. Предположены раскопки въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ получены извѣстія о томъ, что донынѣ сохранились на курганахъ каменныя «бабы», въ цѣляхъ возможнаго опредѣленія по курганнымъ находкамъ и по характеру каменныхъ изваяній, какимъ народомъ ставились на могилахъ эти изображенія. Кромѣ того, къ съѣзду

изготовляются фотографическіе снимки со всѣхъ извѣстныхъ до сего времени каменныхъ «бабъ» Екатеринославской губерніи. («Екатер. Л.», № 19).

Подготовка къ этнографической выставкѣ. Въ двухъ обширныхъ залахъ библіотеки университета въ настоящее время идетъ разборка собранныхъ въ Харьковской губерніи этнографическихъ матеріаловъ. Въ одной комнатѣ построена малорусская хата въ натуральную величину и убрана въ обычныхъ формахъ быта; въ томъ же помѣщеніи сгруппированы, съ одной стороны, рыболовныя снасти и челнокъ съ Донца, съ другой—пасѣка съ принадлежностями пасѣчника, манекеномъ сторожа и пр. Тутъ же размѣщены планы дворовыхъ построекъ, модели и рисунки хатъ. Въ другой, болѣе просторной залѣ, съ одной стороны, на большихъ деревянныхъ задрапированныхъ щитахъ, размѣщаются по стѣнамъ гончарныя издѣлія, иструменты чеботарей, кузнецовъ, предметы куренія, съ другой—заготовлены щиты для тканей плахтъ, ковровъ, выбоекъ; внизу идутъ столы, полки и витрины съ головными уборами, обувью, издѣліями изъ дерева, коллекція предметовъ освѣщенія, коллекція чабанская, писанки, ритуальный отдѣлъ, лѣчебный отдѣлъ. Тутъ же стоитъ 30 манекеновъ, которые ко времени выставки будутъ одѣты въ крестьянскіе костюмы на лѣтнее время сохраняемые въ закрытыхъ сундукахъ. Мѣстный статистическій комитетъ представилъ множество плановъ селеній; мѣстные художники доставили уже значительное количество картинъ этнографическаго содержанія, для выбора и размѣщенія которыхъ избрана особая комиссія («Южн. Кр.» 7392).

Библіографія.

Александръ Яблоновскій. Очеркъ исторіи Кіево-Могилянской Академіи въ связи съ общимъ развитіемъ западной цивилизаціи на Руси. Краковъ, 1899—1900 г. Akademia Kijowsko-Mohilanska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi. Nakreslił Aleksander Jabłonowski. Krakow. 1899—1900.

Названная книга составляетъ пятый томъ въ серіи «Матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся исторіи высшихъ учебныхъ заведеній въ Польшѣ» и посвященныхъ краковскому университету по поводу его пятивѣкового юбилея. Хотя кіевская академія получила этотъ титулъ уже по отпаденіи Кіева отъ Польши, но латино-польскій характеръ преподаванія до того, очевидно, господствовалъ въ ней и до этого событія и послѣ него, что обойти ее, когда польская наука и общество собрались праздновать торжество польской культуры и ея древнѣйшаго очага, казалось немыслимымъ, тѣмъ болѣе, что кіевская академія, по словамъ г. Яблоновскаго, «была посредницей между западомъ и сѣверомъ, вносившей культуру западную, польскую въ міръ, иначе совершенно недоступный для послѣдней. Въ этомъ отношеніи она пріобрѣла обще-культурное значеніе, получила важную роль въ исторіи вліянія добытковъ западно-европейской цивилизаціи на зарубежныя ея области» (стр. 2).

Содержаніе книги слагается изъ слѣдующихъ десяти главъ: I. «Умственное и нравственное состояніе русскаго общества въ половинѣ XVI ст.» (стр. 13—44). II. «Остатки (pozostalosć) культуры старорусской въ связи съ борьбой и успѣхами польщизны» (45—62). III.

«Первыя православныя школы въ Кіевѣ»,—братская на Подолѣ и печерская—Петра Могилы (63—87). IV. «Братская кіевская коллегія при Петрѣ Могилѣ» (88—130). V. «Могилянская коллегія (академія) въ эпоху «Руины» (1650—1670,—стр. 131—157). VI. «Могилянская коллегія (академія) послѣ «Руины» до конца XVII в.» (158—205). VII. «Кіево-могилянская академія въ первую четверть XVIII в.» (206—228). VIII. «Кіевская академія послѣ 1725 г.» (до 1798 г.,—стр. 229—243). IX. «Культурное значеніе могилянской академіи» для Руси вообще и для московской Руси въ частности (244—255). X. «Вліяніе польщизны за Днѣпромъ», въ Заднѣпровьѣ и въ московской Руси (256—276). Первыя 12 страницъ отведены «вступленію», стр. 277—318—примѣчаніямъ и указателямъ личныхъ и географическихъ именъ и предметному.

Даже при бѣгломъ обзорѣ содержанія труда г. Яблоновскаго нельзя не обратить вниманіе на дробность дѣленія исторіи кіевской коллегіи-академіи на періоды. Она должна дѣйствовать на читателя очень утомительно да и не соотвѣтствуетъ существу дѣла. Вѣдь нѣтъ причинъ, первые 60—70 лѣтъ существованія коллегіи до ея преобразованія въ академію разбивать на три главы, когда въ теченіе ихъ не послѣдовало никакихъ смѣнъ во внутренней жизни заведенія, когда оно все это время жило при дѣйствіи одной и той же программы, дышало однимъ и тѣмъ же духомъ. Внѣшнія же благопріятныя и неблагопріятныя обстоятельства не касались ни этой программы, ни направленія коллегіи. Точно также нѣтъ основаній для дѣленія на періоды исторіи академіи за весь XVIII в., съ чѣмъ отчасти согласенъ и самъ авторъ (229, 230). Бросается затѣмъ въ глаза несоразмѣрность частей книги: тогда какъ первымъ 70-ти годамъ жизни коллегіи посвящено 118 страницъ, всему XVIII-му вѣку—только 38. Эту непропорціональность, намѣренную и оговоренную авторомъ (229) хорошо объясняетъ его рецензентъ г. Корбовякъ.

Можно было бы думать, что главный предметъ его—исторія кіевской коллегіи—академіи. Въ дѣйствительности авторъ болѣе занятъ судьбами польской культуры на Руси съ половины XVI ст. и до начала XIX-го. Уже въ первой главѣ онъ говоритъ о вліяніи на русское общество общественности (uspołecznienia) польской и объ этапахъ движенія польской культуры. Успѣхи ея онъ слѣдитъ и во всѣхъ послѣдующихъ главахъ. Всю же послѣднюю главу онъ посвящаетъ общему очерку хода «польщизны» въ Заднѣпровьѣ и въ восточной Рос-

сіи. Успѣхи этой польщизны г. Яблоновскій принимаетъ за идеалъ и за мѣрку для оцѣнки историческихъ явленій, связанныхъ съ исторіей кіевской академіи, и въ вѣрности ей поставляетъ самый смыслъ ея существованія. «Сама по себѣ коллегія въ дѣйствительности не имѣла ничего самобытнаго, ничего оригинальнаго» (стр. 2). Такова основная тенденція работы г. Яблоновскаго, опредѣлившая и содержаніе ея, и форму.

Но что такое эта польщизна, эта польская культура? Разумѣются ли тутъ всѣ проявленія польскаго генія и польской національной жизни въ пору высшаго ихъ расцвѣта, начиная съ промышленности и кончая формами государственнаго и общественнаго устройства, религіей и нравственностью, науками и искусствами? Нѣтъ, г. Яблоновскій имѣетъ въ виду преимущественно, почти исключительно, умственную ея сторону и, какъ высшее выраженіе ея, польскій и латинскій языкъ. Распространеніемъ среди русскаго общества знанія польскаго языка и вліяніемъ его на самый русскій языкъ авторъ занимается съ особенной любовью, въ каждой главѣ выдѣляя для него особые параграфы подъ заглавіями: «Wpływ polszczyzny», «Język polski» или «Moc kultury polskiej». При дробности дѣленія сочиненія на главы и отдѣлы главъ, эти заголовки попадаются очень часто, и нельзя не сказать, затемняютъ дѣло, особенно въ связи съ нѣкоторой поспѣшностью изложенія. Низшее, но все же видное мѣсто въ книгѣ удѣлено успѣхамъ латинскаго языка и литературы, игравшихъ въ польско-литовскомъ государствѣ XVI—XVII в. в. немалое значеніе. Съ этой стороны успѣхи «польской культуры» на Руси и роль въ нихъ кіевской коллегіи очерчены довольно полно, хотя, быть можетъ, и преувеличенно.

Но культура—не языкъ только, хотя въ немъ она яснѣе всего проявляется.

Авторъ коснулся только (а не обслѣдовалъ) религіозной стороны польско-латинскаго вліянія на западную Русь и на московскую. Вліяніе католической религіозной мысли и практики на православныя стали сказываться едва-ли не ранѣе всѣхъ прочихъ сторонъ латино-польской цивилизаціи и во всякомъ случаѣ задолго до начала XVI в. Тутъ мало было сказать, что въ XVI в. многіе православные отпали въ латинство,—нужно было выяснить успѣхи католичества и уніи въ русскомъ обществѣ и послѣ, и успѣхи не въ формѣ отпаденій только въ латинство, но и въ видѣ католическихъ обычаевъ и воззрѣній внутри

самого православнаго общества. Обрати авторъ больше вниманія на это, тогда яснѣе представилась бы роль религіи въ исторіи нашего западно-русскаго просвѣщенія и значеніе Кіева и его ученыхъ въ исторіи русской религіозной мысли и литургической практики. Особенности западно-русской церковной жизни XVII и слѣдующихъ вѣковъ созданы не только народнымъ характеромъ и исторіей, но и школой. Тѣмъ необходимѣе было заняться обойденнымъ авторомъ вопросомъ, что онъ отразился и на Москвѣ: и тамъ католическое вліяніе вызвало цѣлое движеніе, такъ называемую хлѣбопоклонную ересь. Объ этомъ движеніи и о связи его съ польскимъ культурнымъ вліяніемъ авторъ, конечно, знаетъ, но то, что написано имъ по этому вопросу, и слишкомъ общо, и возбуждаетъ недоумѣнія. Таковъ его выводъ изъ рѣчи о вліяніи различныхъ полонизующихъ факторовъ на московское общество въ XVII в. Таково же дальнѣйшее противоположеніе католическаго духа, характеризовавшаго высшую русскую іерархію еще въ началѣ XVIII в., вліянію нѣмецко-протестантскому. Здѣсь обязательно нужно бы выяснить, въ чемъ состояло то и другое, и какъ широко были распространены они (274, 275).

Авторъ, повидимому, мало интересуется религіозными вопросами и отношеніями; быть можетъ, поэтому онъ какъ-то мало сказалъ объ іезуитскихъ коллегіяхъ, носительницахъ какъ умственной, такъ и религіозной стороны польско-латинской культуры (22, 23, 97, 98, 125—127). Въ виду несомнѣнно важнаго значенія религіознаго элемента въ каждой культурѣ и въ виду признаваемаго самимъ авторомъ воздѣйствія іезуитскихъ школъ на могилянскую коллегію, ему слѣдовало бы подробнѣе остановиться на внутреннемъ строѣ іезуитскихъ учрежденій и указать способы—учебные и неучебные—распространенія ими среди русскаго населенія католичества и вообще польско-латинской культуры. Быть можетъ, тогда авторъ не утверждалъ бы настойчиво, что кіевская коллегія была строго вѣроисповѣднымъ училищемъ (4, 244): ея характеръ, какъ и характеръ ея прототипа—іезуитской школы, былъ формально-филологическій (слѣд. общеобразовательный); религіознымъ же былъ не столько ея учебный строй, сколько воспитательный.

Латинскій языкъ, католичество и іезуитская педагогика хотя довольно опредѣленно характеризуютъ польскую культуру XVI—XVII в. в., но все же не лишнимъ является вопросъ объ отношеніи послѣдней къ западно-европейской культурѣ вообще, тѣмъ болѣе, что

г. Яблоновскій много разъ говоритъ о несамостоятельности формъ и содержанія русской умственной жизни XVII—XVIII в. в. Существовала ли тогда оригинальная польская духовная культура? На стр. 115 авторъ касается этого вопроса, но только касается. «Культура польская,—говоритъ онъ,—первоначально проникла на Русь совсѣмъ не въ собственной своей оригинальной формѣ (wyraźnej postaci), которой тогда (когда?) и сама не имѣла, но въ латинской, западно-европейской, обще-европейской почти. Тогда каждое европейское общество, стремившееся къ усовершенствованію, должно было поддаться ей; поддалась потому этой латинской культурѣ и Русь, чрезъ союзъ съ Польшей и Литвой введенная въ семью западно-европейскихъ народовъ. Это еще не было подчиненіемъ культурѣ польской, дремавшей пока сномъ младенческимъ. Но пришелъ часъ сбросить путы латыни (łaciny), часъ расцвѣта самобытной культуры польской. Общество русское какъ въ Литвѣ, такъ и въ Коронѣ, неприготовленное для созданія собственной, отдѣльной цивилизаціи, тѣмъ охотнѣе замѣняетъ совершенно чуждую себѣ латинскую культуру на болѣе близкую польскую... и все-таки оно остается русскимъ обществомъ, такъ какъ отъ польскаго его отдѣляло вѣроисповѣданіе»... Положительно недоумѣваешь, о какихъ сторонахъ культуры говоритъ авторъ и о какихъ временахъ. Если подъ культурой разумѣетъ онъ только умственную, то когда же русское общество жило западно-европейской наукой и образованностью, наравнѣ съ польскимъ? И когда польская умственная культура сдѣлалась независимой отъ западно-европейской и перетянула къ себѣ отъ послѣдней русское общество?

То, что авторъ говоритъ о Кіевѣ и его коллегіи, какъ посредникахъ (только) въ дѣлѣ культурнаго воздѣйствія Европы на Русь, приложимо скорѣе къ Польшѣ: иногда думается, что весь смыслъ ея историческаго призванія заключался въ томъ, чтобы пересадить элементы западно-европейской гражданственности на пространства восточной Европы и—только...

Въ чемъ бы авторъ ни поставлялъ сущность польской культуры, носительницей которой была на восточной окраинѣ Польши русская школа, въ частности кіевская коллегія, и какъ бы ни представлялъ отношенія ея къ западно-европейской цивилизаціи, остается не яснымъ, сознавало ли само польское общество и правительство культивирующую роль училищъ, стояло ли оно само на высотѣ предполагаемой авторомъ міровой задачи Польши—служенія высшимъ идеаламъ и нача-

ламъ развитія европейскихъ народовъ? Дѣло въ томъ, что то содѣйствіе ихъ успѣхамъ кіевской коллегіи, о которомъ свидѣтельствуетъ г. Яблоновскій, не выражаетъ ихъ отношеній къ ней во всей полнотѣ. Польское правительство обычно утверждало права кіевской коллегіи (и другихъ православныхъ школъ) съ большой неохотой. И представители польскаго общества были также противъ усвоенія ей чертъ и особенностей латино-польскихъ училищъ, слѣдовательно, противъ расширенія ея образовательныхъ средствъ именно въ польскомъ смыслѣ. Эту сторону отношеній г. Яблоновскій обошелъ, а между тѣмъ она имѣетъ не только историческій интересъ, но и современный, въ виду совершенно противоположной политики европейскихъ правительствъ въ наши дни. Теперь считаютъ нужнымъ насильно навязывать подчиненнымъ народностямъ знакомство съ государственнымъ языкомъ и стѣсняютъ изученіе ихъ родныхъ нарѣчій (пруссаки въ Познани, поляки въ Галиціи); тогда польское правительство и общество усиливались удержать русскихъ на знакомствѣ съ русскимъ и греческимъ языками и ограничить научное изученіе государственныхъ (польскаго и латинскаго) языковъ. И это не потому, конечно, что знаніе послѣднихъ укрѣпляло будто бы конфессіональный характеръ православныхъ школъ и ставило ихъ во всеоружіи научныхъ средствъ противъ представителей государственной религіи. Напротивъ, религіозное сознаніе и настроеніе русскихъ укрѣплялось другими языками—славянскимъ, греческимъ. Поляки и уніаты относились несочувственно къ тѣмъ именно сторонамъ школьнаго образованія русскихъ, которыя дѣлали ихъ болѣе крѣпкими умственно и политически. Съ послѣдней, вѣдь, цѣлью (а не только съ церковно-религіозной) русскіе и основывали свои училища (см. въ Exesis'ѣ Сильвестра Коссова и въ Лиѳосѣ). Насколько не всегда на первомъ планѣ у устроителей русскихъ школъ стоялъ религіозный интересъ, видно изъ того, что они иногда пользу наукъ расширяли на все польское государство: «въ наукахъ—говорится въ «Унисѣ» кіевскаго братства (1615)—Рѣчи Посполитой крѣпкая защита и дивное украшеніе строится и цвѣтетъ». Но польское правительство и народъ (шляхта и духовенство), скупые вообще, когда дѣло касалось удѣленія правъ и благъ польской гражданственности русскому народу, были и противъ образованія его, хотя и въ польско-латинскомъ направленіи, но въ національныхъ школахъ, въ русскомъ духѣ.

Вѣроятно, г. Яблоновскій видѣлъ и понималъ несочувственное отношеніе латино-польскаго общества и правительства къ русскимъ школамъ, въ частности къ кіевской коллегіи, но онъ какъ-то обходитъ доказывающіе это факты и выдвигаетъ противоположные имъ. Напр., на стр. 2 онъ заявляетъ мимоходомъ, что кіевская коллегія была увѣнчана титуломъ академіи еще Рѣчью Посполитой. Но когда совершился этотъ фактъ и при какихъ условіяхъ? Писатели латино-уніатскаго лагеря (Квятковскій, Кулеша и Островскій) увѣряютъ, что въ 1633 г. король Владиславъ далъ было митр. Петру Могилѣ привилей на возведеніе кіевской коллегіи въ разрядъ университетовъ, но этого привилея не пожелали утвердить своими печатями ни канцлеръ коронный (холмскій бискупъ Задзикъ), ни подканцлеръ (Ѳома Замойскій). Какъ же относится къ этому свидѣтельству г. Яблоновскій? Онъ просто называетъ его неправдоподобнымъ (rzecz to nie pewna). Ему кажется болѣе вѣроятной его собственная догадка, что Петру Могилѣ отказалъ самъ король въ правѣ заложить академію, для чего были очень важныя причины. Можетъ быть, говоритъ авторъ, Владиславъ и согласился бы на это, особенно при своемъ желаніи овладѣть московскимъ престоломъ и пр. и пр. (?), но не могъ бы рѣшиться на этотъ шагъ въ виду заправлявшей политическими дѣлами, подъ конецъ жизни отца, партіи. Политикамъ этой партіи легче было согласиться на возстановленіе дизунитской митрополіи, чѣмъ на учрежденіе схизматической академіи, такъ какъ послѣдняя могла бы стать культурнымъ очагомъ схизмы и національной особности русской... Привилегіи ея исключали бы устройство рядомъ съ нею другихъ учебныхъ заведеній. Притомъ же съ недавняго времени для земель русскихъ была открыта замойская академія, такъ что кіевская академія казалась лишней... (92, 93). Но всѣ эти разсужденія только подтверждаютъ правдоподобность свидѣтельства объ отказѣ государственныхъ чиновъ именно, а не Владислава, дать кіевской коллегіи титулъ академіи и притомъ—по общекультурнымъ соображеніямъ, а не по религіознымъ только. Значенія этого вывода не уменьшаетъ и слѣдующее положеніе автора, что препятствія къ свободному своему развитію православныя братства и школы при Сигизмундѣ III встрѣчали совершенно не со стороны высшей, королевской власти, а въ лагерѣ религіозныхъ антагонистовъ (уніатовъ, іезуитовъ), въ самомъ обществѣ: правительство состояло изъ представителей того же шляхетскаго общества и направлялось къ извѣстной цѣли тѣми же іезуитами. Немного

мы знаемъ случаевъ, когда бы правительство польское удовлетворило жалобы православныхъ на притѣсненія и обиды ихъ школамъ со стороны католиковъ.

Но если не въ 1633 г., то когда же кіевская коллегія получила отъ польскаго правительства званіе академіи? Въ 1658-9 г.г. по Гадячскому договору? Но, мимоходомъ замѣтивши, что кіевская коллегія при сдѣланныхъ уже іезуитами на Украинѣ успѣхахъ, грозившихъ самому ея положенію, могла держаться и затѣмъ возвыситься до степени академіи только при помощи какой-ниб. соціально-политической революціи (132. Почему же не при нормальномъ положеніи вещей, при содѣйствіи самого правительства, а не вопреки ему?), г. Ябл-ій не останавливается долго и на Гадячскомъ договорѣ, когда, казалось, за коллегіей были упрочены имя и права высшаго учебнаго заведенія Изложивъ касающіеся коллегіи параграфы этого документа, «который принесъ, наконецъ, (?) коллегіи могилянской титулъ академіи», и высказавши предположеніе о томъ, какую роль играли при этомъ виднѣйшіе представители русскаго духовенства и русской шляхты, авторъ забылъ упомянуть о роли правительства въ судьбахъ Гадячскаго договора и, слѣдовательно, въ созданіи кіевской академіи, роли двуличной, неискренней (Костомаровъ, Гетманъ Иванъ Выговскій). Потому-то, вѣроятно, г. Яблоновскій, не выяснивъ, по какимъ причинамъ договоръ не осуществился, просто утѣшаетъ насъ тѣмъ, что онъ все же не прошелъ безъ значенія въ исторіи позднѣйшаго возвышенія кіевской коллегіи, такъ какъ съ этого времени титулъ академіи сдѣлался конечной цѣлью, къ которой коллегія постоянно стремилась, пока не получила, наконецъ, молчаливаго признанія его и со стороны московскаго правительства (135—137). Не сказалъ также г. Ябл-скій, какъ отнеслось польское правительство къ ходатайству козацкихъ пословъ въ 1670 г. о подтвержденіи Гадячскаго договора, въ частности параграфа, касающагося возведенія кіевской коллегіи въ разрядъ академій, и пословъ кіевской шляхты 1672 г. объ укрѣпленіи правъ кіевской академіи (141, 159). Если бы договоръ 1658-9 г. г. потерялъ свое реальное значеніе не по винѣ польскаго правительства, то какой прекрасный случай къ возстановленію его представлялся теперь! Между тѣмъ по отношеніи къ образованію Украины что же сдѣлало правительство? Король Михаилъ грамотами 1670 г. возстановилъ кіевскую *коллегію* въ ея усадьбахъ, грунтахъ и давнихъ фундаціяхъ и далъ право преподавать *начальные* предметы, науки и искусства,—и только. Объ

академіи—ни слова! Не потому ли г. Яблоновскій и обошелъ молчаніемъ эти грамоты?.. Впрочемъ, авторъ вообще не склоненъ винить польское правительство и общество за противодѣйствіе успѣхамъ кіевской коллегіи: можно подумать даже, что онъ самъ на сторонѣ этихъ враговъ православнаго просвѣщенія,—по крайней мѣрѣ онъ защищаетъ ихъ дѣло тѣми же самыми доводами, какіе были высказаны въ 30-хъ годахъ XVII ст. нѣкіимъ анонимомъ, опровергнутымъ тогда же Сильвестромъ Коссовымъ (стр. 90; ср. Голубевъ. Петръ Могила. II, 265—266).

Итакъ, въ томъ обстоятельствѣ, что кіевская коллегія сдѣлалась академіей лишь съ переходомъ Кіева подъ власть Москвы, нельзя не видѣть результата стремленій польскаго правительства *задержать* рость на Руси польско-латинской культуры. «Но, пишетъ авторъ, несмотря на то, что Кіевъ съ Заднѣпровьемъ уже принадлежалъ окончательно московскому государству, культура польская тамъ была уже такъ укоренена, идеалы ея такъ глубоко были тамъ почитаемы, что объ исканіи другихъ образцовъ цивилизаціи, сверхъ или кромѣ польскихъ, особенно въ области школьной, нельзя было даже думать». Этими высшими образцами для кіевской коллегіи конца XVII в. являются школы іезуитскія и піарскія, а затѣмъ—католическія академіи Польши (165). Съ этой стороны культурное значеніе Польши для Россіи имѣетъ отрицательный смыслъ. Устремивъ все вниманіе русскаго общества на старыя, средневѣковыя формы мысли и пути умственнаго развитія, она закрыла предъ нимъ тѣ идеи и пріобрѣтенія, какія сдѣлала въ послѣдніе два столѣтія европейская мысль, освобожденная гуманизмомъ и реформаціей отъ узъ мертвящаго схоластицизма. Можетъ быть русская (южно-русская и потомъ сѣверно-русская, школа и педагогика и должны были прожить ту стадію развитія, на которой стояла въ XVI—XVII в. в. польская католическая школа, но нельзя не признать, что эта стадія была переходной и долго останавливаться на ней—значило задерживать естественное развитіе ихъ. Тѣмъ и обусловливается, быть можетъ, констатируемое авторомъ ничтожное научное значеніе кіевской коллегіи и слабое національно-культурное вліяніе ея; если питомцы ея и явились лучшими сотрудниками Петра Великаго въ предпринятой имъ работѣ, то обнаружилась точно также и разница въ направленіи и способѣ ихъ мышленія съ мышленіемъ царя, планы, цѣли и намѣренія котораго были направлены къ практическому приложенію къ русской почвѣ идей и изобрѣтеній протестантскаго запада (2, 244. 245, 252).

Такъ какъ сочиненіе г. Яблоновскаго—въ нѣкоторомъ родѣ юбилейный панегирикъ польской культурѣ, то мы тѣмъ самымъ вызваны указать и на отрицательныя качества столь хвалимаго предмета. Обращаемъ потому вниманіе еще на то, что авторъ оставилъ въ тѣни соціальныя отношенія. Хотя г. Яблоновскій подъ культурой разумѣетъ преимущественно умственную культуру, тѣмъ не менѣе въ его книгѣ вопросъ объ этихъ отношеніяхъ не совершенно лишній. Вѣдь кіевская коллегія не совсѣмъ неповинна въ укрѣпленіи на Руси многихъ формъ польской общественности, въ томъ числѣ шляхетскихъ воззрѣній и отношеній. Въ то время, какъ братская школа конца XVI и начала XVII в. воспитывала и внушала чувства равенства и братства всѣхъ сословій народа и всѣхъ классовъ, въ кіевской коллегіи средины XVII ст. къ простому народу относились далеко не сочувственно. Вотъ что говоритъ проф. Сумцовъ объ одномъ изъ виднѣйшихъ представителей кіевской учености, питомцѣ и ректорѣ коллегіи, Іоанникіи Галятовскомъ. Его «Ключъ разумѣнія» возникъ въ бурное время южно-русской исторіи, когда «народъ, вынесшій тяжелую борьбу за свою національную самобытность и экономическую независимость отъ польскихъ пановъ и ихъ наперсниковъ евреевъ, жилъ полной героическою жизнью. И ничто не затронуло, не взволновало души кіевскаго ученаго казнодѣя Галятовскаго. Грозныя и многознаменательныя событія прошли мимо его, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой,—нимало не отразились въ «Ключѣ»... Галятовскій не отозвался на народныя думы, желанія и волненія, потому что видѣлъ въ крестьянахъ хамово отродіе»... (Іоанникій Галятовскій. 1884, Кіевъ, 36). Хотя категоричность всѣхъ этихъ утвержденій сильно ограничиваетъ г. Житецкій, видящій въ разсужденіи Галятовскаго объ отношеніяхъ посполитыхъ къ панамъ и духовенству не болѣе, какъ схоластическое пустословіе, поддерживаемое страстью ко всякаго рода риторическимъ «прикладамъ и подобенствамъ», однако и этотъ ученый сознается, что въ міровоззрѣніи русскихъ писателей XVII в. есть темное пятно—обладаніе «подданными»... (Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., 1889, 187 и дал.). Барановичъ, другой видный питомецъ кіевской коллегіи, ревнуя предъ Москвою о сохраненіи и умноженіи вольностей козачества, въ письмахъ къ близкимъ лицамъ называлъ, однако, козаковъ попросту разбойниками и даже бѣшеными собаками... (Эйнгорнъ, О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ москов. правительствомъ въ царство-

ваніе Алексѣя Михайловича. 482, 483). Это были какъ разъ тѣ взгляды и отношенія къ низшему классу народа, которые характеризовали «демократическую» Польшу, которыми возмущается еще Іоаннъ Вишенскій, и противъ которыхъ, наконецъ, поднимались козацкія возстанія.

О значеніи новыхъ русскихъ школъ въ дѣлѣ преобразованія общественныхъ понятій русскихъ образованныхъ классовъ, измѣненія ихъ вкусовъ и симпатій въ пользу Польши, говоритъ и самъ г. Яблоновскій, повторяя Кулиша (112, 113, 138, 139, 247, 257, 258). Но онъ, съ одной стороны, видитъ въ этомъ одно хорошее, такъ какъ малороссы, получивъ образованіе изъ польскаго источника, проникались-де польскими общественными идеалами и идеями красиваго и благороднаго, идеалами и идеями, которые могутъ разцвѣсть только на шляхетской почвѣ (257,—ср. Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, I, 108, 109); съ другой стороны, для г. Яблоновскаго «очевидно», что «протестъ противъ политическихъ и общественныхъ порядковъ Рѣчи-Посполитой, какой вспыхнулъ въ ея украинныхъ земляхъ именно подъ конецъ первой половины XVII в., не былъ всецѣло отрицаніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цивилизаціи польской (114). На стр. 133 онъ настойчиво повторяетъ, что «страшная соціально-политическая революція, сигналъ къ которой подалъ окончательно Богданъ Хмѣльницкій, и которая ударила также по струнамъ вѣры и народности, нисколько не повліяла собственно на дальнѣйшій характеръ культуры на Украинѣ: наоборотъ, революція эта, направленная противъ господствовавшихъ, въ Рѣчи Посполитой порядковъ, чѣмъ больше свирѣпствовала, тѣмъ выше, казалось, поднимала польскую культуру! Въ-третьихъ, г. Яблоновскій видитъ еще одну заслугу въ этой денаціонализующей дѣятельности кіевской коллегіи: онъ находитъ живительнымъ (życisdawne) вліяніе ея въ томъ отношеніи, что распространяемая ею польская культура не ополячила Украины, а охранила ее, помимо всего, отъ утраты чувства своей народности, чувства, угрожаемаго со стороны россійской ассимиляціи (248). Это отчужденіе малороссовъ отъ Москвы авторъ ставитъ въ плюсъ кіевской академіи и въ другихъ мѣстахъ своей книги, но не согласуетъ этотъ выводъ съ тѣми ея страницами, гдѣ говоритъ о слабомъ народномъ характерѣ коллегіи, объ отдаленіи ея отъ народа и чистаго малороссійскаго языка, языка чудныхъ произведеній южно-русской, лирическо-эпической поэзіи (245—249: ср. 104—107, 183).

Пренебреженіе къ народу, къ его интересамъ, его духовной жизни и языку создано, безъ сомнѣнія, польскимъ вліяніемъ какъ педагогическимъ, такъ и соціальнымъ. Имъ же создана одна непріятная особенность школьной и литературной дѣятельности кіевскихъ ученыхъ—наклонность къ виршеплетству и панегиризму, нашедшая себѣ выраженіе прежде всего въ формѣ посвященія книгъ высокороднымъ и высокостоящимъ людямъ. Обычай посвящать выпускаемыя книги тому или другому высокопоставленному покровителю (а иногда за разъ нѣсколькимъ, съ замѣной только выходныхъ листовъ и посвятительныхъ рѣчей и стиховъ) былъ столь общимъ въ XVII в., что при нѣкоторыхъ типографіяхъ состояли даже особые мастера составлять льстивыя вирши и посвященія. Шелъ онъ именно изъ Польши, гдѣ «удовлетворялъ господствовавшей среди поляковъ наклонности хвастать древностью и благородствомъ происхожденія. Развитію гербового панегиризма весьма содѣйствовали іезуиты, хорошо понимавшіе, что въ сердцѣ человѣческомъ для лести всегда найдется уголокъ. Православные писатели шли по слѣдамъ іезуитовъ... Панегирическое виршеплетство тѣмъ легче привилось къ кіевскимъ ученымъ, что они надлежащую къ нему подготовку получали въ поэтическомъ и риторическомъ классахъ коллегіи» (Н. Ѳ. Сумцовъ). Г. Яблоновскій слегка только касается этой воспитанной латино-польской школой страсти къ панегиризму и человѣкоугодничеству («сервилизму»,—113, 114; ср. 151, 184, 189, 152). А между тѣмъ—это довольно яркое проявленіе польской культуры и видная черта польскаго характера, и за усвоеніе ея русскими спасибо Польшѣ сказать нельзя.

О другихъ отрицательныхъ особенностяхъ польской школы, перешедшихъ въ кіевскую коллегію,—о формально-схоластическомъ преподаваніи, о преклоненіи предъ авторитетами въ области мысли, объ отсутсвіи духа критики и анализа, о суевѣрномъ направленіи религіознаго воспитанія, о безпринципности питомцевъ ея,—обо всемъ этомъ г. Яблоновскій говоритъ, только излагая взгляды Кулиша, гг. Сумцова и Ор. Левицкаго. Не будучи вполнѣ согласенъ съ ними, онъ смягчаетъ ихъ суровый судъ только замѣчаніемъ, что есть ученые, смотрящіе на воспитательное значеніе кіевской коллегіи лучше, и притомъ все же на Москвѣ было еще хуже! (188—190).

Отмѣтивши главную особенность труда г. Яблоновскаго—его пристрастно-преувеличенное отношеніе къ польской культурѣ и отрицательное—къ русской, перейдемъ къ частностямъ.

Авторъ самъ заявляетъ, что пишетъ свою книгу исключительно по печатнымъ матеріаламъ и лично не вноситъ въ фактическую исторію академіи ничего новаго, «за малыми исключеніями». Ни изъ вступленія, ни изъ текста не видно, въ чемъ состоятъ эти новыя извѣстія, и изъ какихъ, и гдѣ находящихся рукописей они заимствуются. Только изъ примѣчаній 528 и 529: «Odpis rękopism» читатель можетъ догадаться, что цифры студентовъ академіи, по классамъ, и имена профессоровъ ея за 1725 г. взяты авторомъ изъ какой-то рукописи... Но и то авторъ не изучилъ ея содержанія и не согласовалъ ея данныхъ съ заимствованными изъ Аскоченскаго. Такъ, напр., г. Яблоновскій на стр. 220 на основаніи своей рукописи называетъ Амвросія Дубневича префектомъ академіи подъ 1725 г. (стр. 233), а на 223 стр. началу префектуры его полагаетъ вслѣдъ за Аскоченскимъ въ 1727 г. Эта же рукопись Яблоновскаго относитъ къ 1725 г. ректорство Иларіона Левицкаго (220, 233), который въ дѣйствительности правилъ эту должность съ 1727 по 1731 г. Вѣроятно, свидѣтельство рукописи болѣе поздняго происхожденія, подобно указываемымъ г. Вишневскимъ (Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII ст.». Тр. Кіев. дух. акад., 1902, янв., 40, прим. 5). Послѣ всего сказаннаго можно только подивиться удачѣ г. Карбовяка, который въ книгѣ Яблоновскаго «на каждомъ шагу встрѣчался съ большимъ запасомъ новыхъ извѣстій» (Kwart. histor., 1900, III, 495).

Раздѣляя далѣе (9) сожалѣніе проф. Брикнера, что польскіе историки доселѣ почти не пользовались трудами русскихъ ученыхъ по исторіи кіевской академіи, авторъ еще болѣе скорбитъ, что его ученые сородичи въ изученіи этой исторіи дали себя опередить—«ба, не русинамъ даже (т. е. не галицко-русскимъ), а русскимъ имперіи!». Курьезное признаніе и сожалѣніе! Точно послѣдніе менѣе способны къ историческимъ трудамъ, или какъ будто легче было бы для сознанія поляковъ, если бы исторія кіевской академіи была разработана галицкими учеными! Г. Яблоновскій заявляетъ, однако, что волей-неволей, приходится теперь, оставивши гордость (zrzuciwszy pychę z serca), обращаться, главнымъ образомъ, къ работамъ русскихъ. «Пользоваться ими можно тѣмъ свободнѣе, что въ ближайшее къ намъ время они, даже профессора кіевской духовной академіи, въ своихъ трудахъ стараются быть, насколько это удается имъ, много болѣе объективными». Во всякомъ случаѣ авторъ удостовѣряетъ, что, несмотря на преимущественное пользованіе русинскими и русскими трудами, желательная

объективность его собственной работы не пострадала, напротивъ, даже выиграла, такъ какъ явилась возможность дѣлать ссылки на свидѣтельства и мнѣнія противниковъ (9, 11). Словомъ, авторъ какъ будто извиняется предъ кѣмъ-то за пользованіе русскими пособіями.

При всемъ томъ, книга Яблоновскаго написана въ такомъ положительномъ тонѣ, что существованія этихъ мнѣній и свидѣтельствъ русскихъ авторовъ незнакомый съ предметомъ читатель можетъ и не заподозрить: если не ошибаемся, авторъ только четыре раза указываетъ на несогласныя съ его взглядами убѣжденія «противниковъ», да и то почти безъ опроверженій (40, 65, 127—130, 188—190). Читая «Кіево-Могилянскую Академію», можно подумать, что не только не существуетъ въ исторіографіи никакихъ споровъ о судьбахъ кіевской академіи и по связаннымъ съ исторіей ея вопросамъ, но что ихъ никогда и не было.

Свой очеркъ г. Яблоновскій начинаетъ съ средины XVI ст., когда въ Южной Руси особенно усилилось польско-латинское культурное вліяніе, благодаря, главнымъ образомъ, люблинской и брестской уніи (12—17). Для автора, съ его точкой зрѣнія, можетъ быть, удобнѣе было бы начать много ранѣе, съ первоначальной эпохи культурныхъ взаимоотношеній между Польшей и Русью, а затѣмъ подробнѣе, чѣмъ сдѣлалъ авторъ (23—25), выяснить значеніе протестантства для польской (и русской) образованности. Такъ какъ, благодаря протестантамъ, именно польская литература, по словамъ Мацѣевскаго, перестала быть латинской и сдѣлалась народной, то начать книгу г. Яблоновскій долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, съ первыхъ успѣховъ реформаціи въ Польшѣ. Можно также не согласиться съ нимъ и относительно конечнаго пункта работы: и почему исторія учрежденія оканчивается 1798 г., и что это за высшее учебное заведеніе «въ Польшѣ», находящееся въ чужомъ государствѣ?

Неопредѣленность и неустановленность хронологическихъ рамокъ работы стоитъ въ связи съ географической неопредѣленностью: авторъ, повидимому, не выяснилъ себѣ объема и границъ той «Руси», о вліяніи на которую польской культуры онъ пишетъ. Говоря о Руси, нельзя опустить Вильно, столицы литовско-русскаго государства, и авторъ, дѣйствительно, не разъ касается ея. Между тѣмъ, при перечнѣ школъ протестантскихъ (24—25), виленская кальвинская гимназія, едва даже не сдѣлавшаяся академіей, не упомянута, какъ не названа и виленская лютеранская школа. Неустановившаяся точка зрѣнія автора видна

и изъ другихъ мѣстъ, гдѣ перечисляются школы и братства (22, 32, 33, 64).

Говоря объ участіи Константинопольскаго патріарха съ греками, болгаръ и волоховъ въ дѣлѣ возрожденія церковной жизни въ западной Россіи конца XVI в., авторъ (стр. 28) допускаетъ рискованную фразу: «Русскіе сами по себѣ не были уже способны проявить столько силы и энергіи». Мысль объ упадкѣ Руси и даже о началѣ ея разложенія высказывается и въ другихъ мѣстахъ книги (14). Но откуда этотъ упадокъ у народа свѣжаго и крѣпкаго, о мощи котораго говоритъ и самъ авторъ (104)? Не Русь ли защищала на южной окраинѣ государства самое Польшу отъ нападеній турокъ и татаръ, и русское населеніе ея не учило ли даже польскую шляхту подвигамъ героизма и рыцарства? А побѣды козачества надъ польскими войсками о чемъ говорятъ? Въ частности, что касается умственной стороны русской культуры въ данное время, то исторія учрежденія православныхъ братствъ, школъ и типографій не показываетъ ли, что иниціатива въ устройствѣ всѣхъ этихъ институтовъ принадлежала южно-руссамъ, въ грекахъ же они нашли только поддержку и нравственную помощь? Не о разложеніи русскаго народа въ концѣ XVI вѣка нужно бы говорить, а объ усыпленіи умственныхъ силъ его, между прочимъ по причинѣ неблагопріятныхъ политическихъ условій его жизни...

«Виленская братская школа, основанная послѣ 1589 г., не оказалась въ состояніи подняться на желанную высоту, и около 1630 г. по причинѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, склонилась къ упадку. Такими обстоятельствами можно признать: смерть Л. Каспровича (sic!), отступничество М. Смотрицкаго, выходъ изъ братства Л. Трофим. Козловскаго» (Стр. 36). Только свѣдущій читатель пойметъ, сколько путаницы въ этомъ коротенькомъ отрывкѣ, и можетъ сообразить, какъ много неточности въ слѣдующихъ словахъ автора: Константинъ Острожскій «приглашалъ въ учителя людей безъ выбора, такъ что большая часть ихъ слагалась изъ тайныхъ противниковъ греческой ортодоксіи, какими были, напр., Кириллъ Лукарисъ, Стефанъ Зизаній и др.».

Г. Яблоновскій доказываетъ (стр. 37) жалкое положеніе острожской школы тѣмъ, что ученики ея (Пузына, Мел. Смотрицкій) были отправлены въ заграничное ученіе. Что подумать о русскихъ университетахъ, посылающихъ лучшихъ изъ своихъ студентовъ въ заграничные университеты?

Откуда извѣстно автору (стр. 37 сл.), что Лаврентій Зизаній былъ питомецъ львовской братской школы, и что въ острожскомъ училищѣ учились Захарія Копыстенскій и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, и почему сомнѣвается онъ, что въ послѣдней школѣ учился гетманъ Сагайдачный?

Авторъ утверждаетъ (стр. 41—44, 245—248), что братская школа совершенно не имѣла народнаго направленія (dążności), въ нынѣшнемъ его значеніи, что она была ортодоксально-конфессіональной—и только, и что если православныя училища имѣли успѣхъ у русскаго народа преимущественно предъ уніатскими, то это потому, что они на своемъ знамени помѣстили громкій и яркій девизъ народный. Въ существѣ же, въ отношеніи культурно-народномъ, онѣ не отличались отъ прочихъ школъ Рѣчи Посполитой. Находя, что первоначальная уніатская школа была не менѣе русской, чѣмъ православная, а можетъ быть и болѣе, Яблоновскій пытается доказать это тѣмъ, что у первыхъ вождей уніи главный интересъ сосредоточивался на томъ, чтобы сохранить всю русскую, кіевскую церковь въ іерархическомъ единствѣ и предоставить ея владыкамъ равныя права съ латинскими, ввести ихъ, какъ представителей русскаго народа, въ сенатъ и пр.

Что у уніатовъ, на первыхъ порахъ, проявлялись русскія тенденціи въ школьной области, противъ того не споримъ, но не находимъ историческихъ подтвержденій того, что будто и онѣ, и сами уніатскіе вожди были болѣе русскими, чѣмъ православные: если нѣкоторая національная особность нужна была уніатамъ для того, чтобы добиться для своихъ владыкъ сенаторскихъ мѣстъ, то православныхъ все рѣшительно заставляло помнить и заявлять, что они русскіе: и вѣра, и кровь, и самое имя... Если въ уніатскихъ школахъ немножко изучался греческій языкъ и церковно-славянскій, то вспомнимъ, что въ нѣкоторыхъ православныхъ училищахъ изучался кромѣ того русскій языкъ, какъ отдѣльный отъ славянскаго.

Авторъ говоритъ (стр. 48), что къ концу XVI в. русскій языкъ такъ сильно проникся элементами польскаго, что послѣдніе казались уже собственностью русскаго, и ни въ комъ не возбуждали никакого удивленія и противодѣйствія .. Напомнимъ, однако, г. Яблоновскому окружное посланіе м. Михаила Рагозы 1592 (у автора стр. 66—67) и Перестороге: авторы обоихъ этихъ документовъ и констатируютъ польское вліяніе въ области языка, и возмущаются имъ.

По словамъ автора (стр. 50), Симонъ Будный свой извѣстный катихизисъ на русскомъ языкѣ (1562 г.) посвящаетъ кн. Радивилу, въ предисловіи же къ патр. Адріану говоритъ, что издалъ его въ противодѣйствіе лютеранамъ, которые стали печатать свои догматическія лжеученія на славянскомъ языкѣ... Какимъ образомъ Будный могъ обращаться къ Адріану, сдѣлавшемуся русскимъ патріархомъ чрезъ 128 лѣтъ?

Этотъ удивительный анахронизмъ впервые, кажется, допущенъ М. Вишневскимъ, которому нашъ авторъ слѣпо вѣритъ (Historya literatury polskiej, VIII, 412). Объяснить его происхожденіе нужно или можно тѣмъ, что Вишневскій принялъ рѣчь п. Адріана о катихизисѣ Буднаго (въ предисловіи къ «Православному Исповѣданію» Петра Могилы) за посвященіе ему катихизиса Буднымъ (А. Родосскій, описаніе 432 рукописей Спб. дух. академіи, 122).

Подобный недосмотръ повторяется и на стр. 53. Ссылаясь на Завитневича (стр. 313), г. Яблоновскій говоритъ, что Палинодія вышла въ свѣтъ въ 1627 г. Между тѣмъ Палинодія впервые напечатана только въ наши дни, въ IV т. Рус. Ист. Библіотеки, и на названной страницѣ у г. Завитневича сказано не то, что въ 1627 году Палинодія напечатана, а то, что нѣкоторыя изъ указываемыхъ учеными причинъ ненапечатанія Палинодіи могли имѣть силу только до этого года.—Г. Яблоновскій не дочиталъ.—Затѣмъ думаемъ, что едва ли можно утверждать безъ всякихъ оговорокъ, что приписываемая Захаріи Копыстенскому «Книга о вѣрѣ» издана въ 1602 и 1619 г.

Почему авторъ (стр. 54) называетъ Лавр. Зизанія подъ 1596 г. львовскимъ протоіереемъ? Онъ въ такомъ званіи никогда не былъ.

Г. Яблоновскій, говоря о характерѣ кіевской братской школы (стр. 66), объясняетъ преимущественное значеніе въ ней славянскаго языка тѣмъ, что вліятельные руководители дизунитовъ (т. е. православные) совсѣмъ не раздѣляли извѣстнаго утвержденія католиковъ, будто славянскій языкъ совершенно неправоспособенъ къ изложенію на немъ наукъ; напротивъ, они (З. Копыстенскій, напр.) провозглашали убѣжденіе, что славянскій языкъ равняется по силѣ и богатству съ греческимъ и превосходитъ латинскій. Между тѣмъ на стр. 103, очерчивая положеніе того же языка въ кіевской коллегіи спустя какихъ-либо 10 лѣтъ, авторъ заявляетъ: «языкъ церковно-славянскій, какъ таковой, не могъ стать языкомъ преподаванія въ школахъ: это дѣлали невозможнымъ какъ самая природа (istota) его, такъ и общее

тогдашнее представленіе о научности. Приведя затѣмъ изъ Скарги извѣстное мѣсто о невозможности для славянскаго языка сдѣлаться языкомъ науки, въ виду его полной неразработанности, Яблоновскій продолжаетъ: «Но подобнаго же мнѣнія были и образованные русскіе, даже ревностные дизуниты, въ частности основатели кіево-братской коллегіи». Но откуда же такая быстрая смѣна понятій, въ отношеніи къ церковно-славянскому языку у образованныхъ кіевлянъ? Почему они прежде не раздѣляли мнѣнія Скарги, а послѣ согласились съ нимъ?

Какой выводъ можно сдѣлать изъ того, что начальникъ извѣстнаго училища выпишетъ нѣсколько экземпляровъ какого-ниб. учебника? Скорѣе всего тотъ, что онъ заботится о преподаваніи извѣстнаго предмета, а не тотъ, что послѣдній преподается худо. Между тѣмъ послѣднее заключеніе дѣлаетъ нашъ авторъ (стр. 67) о постановкѣ греческаго языка въ кіевской школѣ изъ того факта, что ея ректоръ Іовъ Борецкій купилъ (въ долгъ) у львовскаго братства нѣсколько десятковъ экземпляровъ изданной имъ греческой грамматики.

Сомнѣваемся, можно ли безошибочно пользоваться свидѣтельствами, касающимися братскихъ школъ вообще, въ приложеніи къ кіевской (стр. 68). Извѣстно, что всѣ и каждая изъ этихъ школъ въ первое время своего существованія пережили переходъ отъ греко-славянскаго типа къ латино-польскому, но переходъ этотъ совершился не одновременно для всѣхъ ихъ и шелъ съ различной степенью скорости. Потому нужно говорить съ большой осторожностью о характерѣ братскихъ школъ въ то или другое время. Что касается, въ частности, кіевской школы, то такъ какъ она основалась позже, чѣмъ всѣ почти другія важнѣйшія братскія училища, успѣвшія до того сдѣлать извѣстные шаги въ своемъ преобразованіи, судить о ней по аналогіи съ прочими нужно съ тѣмъ большей осмотрительностью. На стр. 72 самому автору было извѣстно сильное польско-латинское направленіе кіевской школы въ области поэтики и риторики. Выясняя въ своемъ изслѣдованіи о западно-русскихъ братскихъ школахъ постепенность перехода каждой изъ нихъ отъ одного типа къ другому, мы нашли, что періодъ греко-славянскій въ нѣкоторыхъ изъ нихъ продолжался очень недолго. Потому очень удивились, встрѣтивши у г. Яблоновскаго на стр. 69 заявленіе, что наука въ братскихъ школахъ до-могилянской эпохи характеризуется преобладаніемъ стихіи славяно-греческой, но только подъ конецъ ея даютъ себя видѣть въ школьномъ изложеніи

сильные слѣды латино-польскаго вліянія (сл. 37, 67 ср. «полемику» автора съ г. Завитневичемъ по поводу заявленія послѣдняго, что система преподаванія въ братскихъ школахъ рѣзко различалась отъ системы схоластическихъ училищъ, въ частности кіево-могилянской коллегіи, стр. 40). Такое открытіе едва ли на руку автору, заинтересованному въ томъ, чтобы найти какъ можно раньше и какъ можно больше слѣдовъ латино-польскаго вліянія въ разныхъ областяхъ русской жизни, но съ другой стороны, оно позволяетъ тѣмъ ярче освѣтить заслуги предъ польщизной м. Петра Могилы, этого искренняго, хотя пріемнаго сына Рѣчи Посполитой и вѣрнаго питомца культуры польской (127). Но какъ Петръ Великій имѣлъ предшественниковъ въ сближеніи Россіи съ Европой, такъ и Петръ Могила лишь продолжилъ и завершилъ сближеніе православной школы русской съ латино-польской...

Какимъ образомъ г. Яблоновскій (стр. 68) насчиталъ шесть славянскихъ грамматикъ, изданныхъ, будто бы, въ зап. Россіи въ 1586—1621 г.г.? Изъ шести учебниковъ славянскаго языка, названныхъ у С. Т. Голубева, на котораго ссылается авторъ, одинъ—«Грамматика» 1621 г.—есть не болѣе какъ азбука, а другой—«Наука ку читаню» Ст. Зизанія 1596 г.—даже и не называется грамматикой.

Въ 1604 г. Іовъ Борецкій дѣлается учителемъ во львовской школѣ не латинскаго только языка, какъ говоритъ г. Яблоновскій (стр. 71) а и греческаго. Въ Кіевъ онъ перешелъ не въ 1615 г., а въ 1611—1613 г. «Вирши» Саковича датированы 1622, а не 1620 г.

Ректорство Мел. Смотрицкаго въ кіевской школѣ г. Яблоновскій (70, 73) относитъ, по примѣру г. Голубева, къ 1626—8 г.г., не дѣлая ни малѣйшаго намека на мнѣніе А. И. Соболевскаго, по которому годомъ ректорства Смотрицкаго былъ 1618—9 г., хотя о послѣднемъ авторъ могъ читать въ нашей книгѣ. Интересно, что г. Яблоновскій, во многомъ рабски копируя осуждаемаго имъ Аскоченскаго (дающаго въ своей исторіи академіи будто бы только одинъ сырой матеріалъ и обыденно-офиціальныя фразы, 11, 12), допускаетъ вслѣдъ за нимъ, что ученики кіево-братской школы изучали славянскій языкъ по грамматикѣ Смотрицкаго, когда послѣдній самъ велъ въ ней преподаваніе (103); между тѣмъ Аскоченскій въ примѣчаніи 204 къ цитуемой 146 страницѣ I тома предполагаетъ, что время учительства Смотрицкаго въ Кіевѣ относится къ концу перваго десятилѣтія XVII ст., когда, значитъ, грамматика не была еще напечатана.

Для г. Яблоновскаго руководимаго проф. Голубевымъ, нѣтъ сомнѣній (стр. 80), что Елисей Плетенецкій завелъ при Печерской лаврѣ школу. Въ своемъ изслѣдованіи, хорошо извѣстномъ автору, мы вслѣдъ за г. Соболевскимъ, высказали сильныя сомнѣнія въ этомъ (349—351).

Недостатки своихъ братскихъ школъ, сознавали сами православные: тѣмъ болѣе были они очевидны для уніатовъ (ссылка на М. Смотрицкаго), тѣмъ живѣе понималъ весь недостатокъ научныхъ средствъ православныхъ Петръ Могила.—Такъ повѣствуетъ г. Яблоновскій (стр. 81), предоставляя догадываться самому читателю, почему уніаты понимали недостатки братскихъ школъ яснѣе самихъ православныхъ, а Петръ Могила—яснѣе даже, чѣмъ уніаты.

Мотивируя необходимость патріаршаго благословенія для новой кіевской школы, г. Яблоновскій (стр. 82 и 85) опять слишкомъ преувеличиваетъ разницу между нею и старою братскою школою, которая, какъ мы уже сказали, съ первыхъ же лѣтъ (а можетъ быть и дней) своей жизни стала сближаться съ польско-латинской дидактикой и педагогикой. Съ другой стороны, авторъ невѣрно передалъ содержаніе патріаршей благословенной грамоты. «Что касается,—говоритъ онъ,—характера будущей печерской школы—патріархъ теперь принужденъ былъ благословить не иныя школы, какъ только «латинскихъ и польскихъ наукъ», а не греческихъ. Ибо не было тутъ другого исхода—неизбѣжность этого была ясна какъ на ладони». Между тѣмъ, Петръ Могила, извѣщая православную Русь объ этомъ благословеніи патр. Кирилла Лукариса, писалъ, что школа учреждается для преподаванія свободныхъ наукъ *на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ* языкахъ. И, дѣйствительно, существуетъ рядъ свидѣтельствъ изученія и употребленія въ кіевской коллегіи греческаго языка въ теченіе всего XVII ст. (Ср. у Яблоновскаго стр. 102—103, гдѣ онъ, цитируя голословное утвержденіе Аскоченскаго, называетъ въ числѣ воспитанниковъ могилянской коллегіи «еллинистовъ» Славинецкаго, Сатановскаго «и имъ подобныхъ». Кстати, г. Яблоновскому осталось неизвѣстнымъ заявленіе Сатановскаго о себѣ въ Москвѣ: «азъ по-гречески не умѣю»). Думаемъ, что г. Яблоновскаго обмануло позднѣйшее свидѣтельство Гавріила Домецкаго, по которому Петръ Могила, «ославъ къ св. патріарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ наукъ».

Въ отношеніи внутренней организаціи кіево-могилянская коллегія не могла разниться принципіально отъ общаго въ тогдашней Рѣчи

Посполитой типа коллегій другихъ исповѣданій уже по причинѣ поставленной ей основателемъ цѣли. Въ существѣ дѣла Могила взялъ за главный образецъ для своей коллегіи іезуитскія коллегіи, пользовавшіяся наибольшей извѣстностью. Вотъ мысли г. Яблоновскаго (97—98). Какой, кажется, прекрасный поводъ представлялся ему выяснить здѣсь именно типичный характеръ средней школы того времени, въ частности, іезуитской! Вѣдь этой школой жила нѣсколько вѣковъ вся Польша, школа эта служила, быть можетъ, высшимъ выраженіемъ всей польской культуры. Это требовалось и само по себѣ, главной задачей книги г. Яблоновскаго, посвященной исторіи на Руси этой культуры, и тѣмъ, что кіевская и другія западно-русскія коллегіи являлись носительницами и проводницами послѣдней только въ той степени, въ какой онѣ подражали польско-латинской школѣ. А между тѣмъ авторъ заявляетъ, что не только нѣтъ нужды здѣсь именно говорить о порядкахъ и организаціи тогдашнихъ коллегій съ конфессіональнымъ характеромъ въ виду ихъ извѣстности (кому?), но не зачѣмъ долго останавливаться и надъ рабскимъ подражаніемъ ихъ въ кіевской коллегіи! И, дѣйствительно, авторъ и тутъ, и вообще мало потрудился надъ выясненіемъ происхожденія дидактической и педагогической сторонъ въ коллегіи Петра Могилы, и вся его заслуга въ этомъ отдѣлѣ его книги заключается въ переводѣ на польскій языкъ извѣстій, взятыхъ у Аскоченскаго и проф. Петрова (стр. 97—100 и прим. 254—266). Но, судя по предисловію, авторъ не хотѣлъ, кажется, ограничиться такимъ отношеніемъ къ «россійскимъ» историкамъ. Повторяя иныя вещи по много разъ, здѣсь именно г. Яблоновскій скупъ на слова, предпочитая закрываться отъ любознательности читателя ширмами не только въ видѣ русскихъ изслѣдованій, но и въ видѣ сырого матеріала. Для ознакомленія читателя съ типичнымъ устройствомъ бурсъ онъ отсылаетъ его къ «Уставу краковской бурсы Іерусалимъ». Но видно ли изъ его книги, что Могила, слѣдуя вообще порядкамъ іезуитскихъ коллегій, для устройства своей бурсы обратился къ этому новому образцу? Не доказываетъ этого и ссылка г. Яблоновскаго на статью д-ра Карбовяка въ «Arch. do dziejów literatury i oswiaty w Polsce».

Или вотъ еще примѣръ скупости г. Яблоновскаго. На стр. 125—7 онъ, посвятивъ, по поводу устройства на Украинѣ трехъ новыхъ іезуитскихъ коллегій (еще при жизни Петра Могилы), 18 строкъ рѣчамъ о силѣ полонизующаго вліянія іезуитскихъ коллегій (съ ссыл-

кой на Кулиша), ни слова не сказалъ о средствахъ и способахъ этой полонизаціи, замѣтивъ только вмѣсто этого: «А какъ умѣли бороться іезуиты, свидѣтельствуетъ ихъ извѣстный споръ съ краковской академіей изъ-за права возвышенія львовской коллегіи на степень академіи», со ссылкой на Лукашевича. Если бы вмѣсто Лукашевича былъ указанъ новѣйшій историкъ краковскаго университета, то можно было бы подумать, что недомолвки Яблоновскаго, его краткія рѣчи о вещахъ, нуждающихся въ подробностяхъ, объясняются просто тѣмъ, что все это достаточно извѣстно; но когда цитуютъ сочиненія 50—60 лѣтней давности, то можно было бы быть обстоятельнѣе. A propos: упомянутый и другіе неупомянутые эпизоды борьбы краковскаго университета съ іезуитами и іезуитовъ со всѣми прочими образовательными учрежденіямн и системами, не даетъ ли какого нибудь отвѣта на вопросъ, поставленный нами выше: въ чемъ заключалась самостоятельная культура Польши? кто ее дѣлалъ и кто шелъ противъ нея?

Второе изданіе Лексикона Памвы Берынды—1653, а не 1633 г. Литургіаріонъ—1630, а не 1620 г. (стр. 104 и 116).

Отдѣлъ о первыхъ ректорахъ кіевской коллегіи (119—121) нуждается въ большихъ поправкахъ, между прочимъ, на основаніи работъ проф. Голубева, который доказываетъ, напр., что Исаія Трофимовичъ Козловскій былъ ректоромъ не до 1638 г., а только до 1635 г. (Тр. кіев. дух. акад., 1900, III, 599—601). Нуждаются въ просмотрѣ и и провѣркѣ данныя и о прочихъ учившихъ и учившихся въ кіевской коллегіи (стр. 122, 123, 144—157, 161—165, 191—199, 207—208, 221—228, 233, 234, 241, 242).

Въ отдѣлѣ о важнѣйшихъ питомцахъ кіево-могилянской коллегіи первой поры (121—122) г. Яблоновскій къ числу ихъ относитъ (вслѣдъ за Аскоченскимъ) Епиф. Славинецкаго, (котораго обычно считаютъ питомцемъ кіево-братскаго училища). Повторяя Аскоченскаго, г. Яблоновскій воспроизводитъ и его ошибки, а попытка отступить отъ Аскоченскаго привела къ новой ошибкѣ,—это поправка года смерти Славинецкаго у Аскоченскаго (1676) на 1674: Славинецкій скончался въ 1675 г.

Есть ли историческія данныя утверждать, что въ 1639 г. въ Гощу была перенесена винницкая школа (123 сл.). Въ Гощѣ школа могла быть фундована независимо отъ винницкой. Не доказано также, что гощская коллегія въ 1672 г. сгорѣла и прекратила свое существованіе. Напротивъ, о ней упоминается подъ 1687 г.

Принимаемая г. Яблоновскимъ (139, 144 сл.) дата удаленія Галятовскаго изъ Кіева во Львовъ—1665 г. должна быть исправлена на 1663—4 г., согласно разъясненіямъ проф. Голубева, который вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаетъ старое мнѣніе о разореніи Кіева и коллегіи въ 1651 и 1665 г.г. (Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII ст., 30—33).

Библіографическая сторона въ книгѣ г. Яблоновскаго вообще слабовата,—она не отличается ни полнотой, ни точностью. Вотъ, напр., что сказано у него (стр. 151) о «Ключѣ разумѣнія» Іоанникія Галятовскаго; «Klucz rozumienja 1659 i 1665 tudzież «Kazanja 1666 po rusku». Между тѣмъ Н. Ѳ. Сумцову, котораго онъ часто цитуетъ, извѣстны четыре изданія «Ключа разумѣнія»: кіевскія 1659 и 1660 гг. и львовскія 1663 и 1665 г. («Іоанникій Галятовскій», 22, 84 и Поправки). Впрочемъ, проф. Голубевъ говоритъ только о трехъ изданіяхъ: 1659, 1663 и 1665 гг. (ibid 32—33).

Кто такой Гедеонъ Оранскій, которому г. Яблоновскій дважды приписываетъ (предположительно) принадлежащія Галятовскому Fundamenta?—Книгѣ этой Яблоновскій даетъ различные заголовки и разныя даты: то 1683, то 1684 г. (стр. 152, 182, 204).

«Очень сомнительно,—говоритъ г. Яблоновскій о Полоцкомъ (154),—онъ ли былъ авторомъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, извѣстнаго фанатической жестокостью устава проектированной въ Москвѣ духовной академіи, которая одновременно имѣла быть чѣмъ-то въ родѣ религіозной инквизиціи». Голая ссылка на Костомарова («Русс. ист. въ жизн.», II, 417—19) не даетъ видѣть, почему такъ кажется автору. Послѣ работы г. Татарскаго о Полоцкомъ (Яблоновскій не цитуетъ ни ея, ни другой монографіи покойнаго Л. Н. Майкова, хотя для его темы онѣ дали бы немало) сомнѣваться въ принадлежности ему проекта едва ли можно. Кажется, г. Яблоновскій обошелъ дипломатически этотъ вопросъ, чтобы кто изъ читателей не подумалъ, что чувство «фанатической жестокости» было навѣяно на Полоцкаго въ тѣхъ польскихъ коллегіяхъ, гдѣ онъ воспринималъ латино-польскую культуру. Полоцкій умеръ въ 1680 г., тогда же и предположено было учредить академію въ Москвѣ, а не въ 1694 г. (173).

Принимаемое г. Яблоновскомъ (стр. 160) мнѣніе о преподавательствѣ въ Кіевѣ м. Паисія Лигарида не подтверждается документами и опровергается проф. Голубевымъ (ibid. 49—51).

161—171 страницы (о ректорахъ кіевской коллегіи послѣднія 30 лѣтъ XVII в. и о порядкахъ ея) составлены исключительно по Н. И. Петрову и, не давая ничего новаго, повторяютъ нѣкоторыя его ошибки, давно уже исправленныя рецензіей покойнаго профессора Малышевскаго (въ Протоколахъ кіев. дух. академіи за $189^5/_6$ уч. годъ) и послѣдними работами С. Т. Голубева. Странно, что г. Яблоновскій, говоря о порядкахъ кіевской коллегіи-академіи и о степени зависимости ея отъ современныхъ католическихъ заведеній Польши, не внесъ ничего новаго въ фактическую исторію школы, не смотря на то, что вмѣстѣ и одновремнно съ его трудомъ составлялась цѣлая серія изданій, вызванныхъ юбилеемъ общей всѣмъ имъ матери—краковской академіи. Что касается, въ частности, вліянія на организацію кіевской коллегіи піарскихъ школъ, то мы въ другомъ мѣстѣ оспариваемъ его на томъ основаніи, что и самое знакомство съ ними Петра Могилы не доказано, и появились онѣ въ Польшѣ уже послѣ учрежденія кіевской коллегіи, да и нѣтъ нужды считать ихъ образцомъ для послѣдней, наряду съ іезуитскими, когда сами онѣ создались по типу іезуитскихъ коллегій.

Страницы 174—178, 191—193 написаны почти исключительно по трудамъ Петрова и Аскоченскаго и нуждаются въ провѣркѣ строка за строкой, слово за словомъ.

Стр. 198, 199, 227, 228, 251—255, 263—276 содержатъ въ довольно безпорядочномъ видѣ мысли и факты культурнаго воздѣйствія Польши, главнымъ образомъ, чрезъ кіевскую коллегію, на московскую Русь. Именно, здѣсь говорится о вліяніи кіевской Руси на московскую во второй половинѣ XVII и въ первой четверти XVIII в., потомъ о цивилизующемъ значеніи могилянской коллегіи-академіи, начиная съ 1640 г. и особенно при Петрѣ Вел. и послѣ, для московской академіи, преимущественно. Въ послѣдней главѣ, послѣ общаго очерка вліянія польщизны на Заднѣпровье, содержится очеркъ вліянія на сѣверо-восточную Россію. Почему принятъ такой неудобный порядокъ въ изложеніи, при томъ не обезпечивающій ни рельефности, ни полноты въ передачѣ фактовъ культурнаго вліянія? Само собой понятно, что новаго и въ этотъ отдѣлъ авторъ не внесъ,—онъ даже не воспользовался готовыми изслѣдованіями, напр. В. О. Эйнгорна, А. И. Соболевскаго.

Помѣщенныя въ концѣ книги примѣчанія сильно затрудняютъ пользованіе ею. Ни одно изъ нихъ не занимаетъ болѣе двухъ строкъ

и ихъ очень удобно было бы помѣстить каждое на своемъ мѣстѣ, внизу страницы. Тогда читателю не пришлось бы 620 разъ трепать книгу, отыскивая нужную цитату. Отъ этого выигралъ бы и указатель лицъ, такъ какъ въ немъ были бы проставлены всѣ страницы, на которыхъ встрѣчаются цитуемые писатели, а не тѣ только, гдѣ послѣдніе названы въ текстѣ. Тогда, напр. противъ фамиліи проф. Петрова были бы означены не двѣ страницы, а около 50, а противъ Аскоченскаго не 4, а можетъ быть 84. А это послужило бы также внѣшней мѣрой для оцѣнки отношенія автора къ предшествующей литературѣ. Нельзя при этомъ не отмѣтить способа цитированія авторомъ пособій. Въ примѣчаніяхъ не однажды указываются не отдѣльныя страницы, а десятки ихъ. См. напр. прим. 50 (стр. 225—235, 277—287, не обозначаемъ названій такъ цитуемыхъ сочиненій); 61 (287—311); 65 (311—331); 66 (237—276); 68 и 69 (409, 417—421); 79 и 86 (459—473—476); 87 (489—524). Нужды нѣтъ, что на протяженіи этихъ десятковъ страницъ встрѣчаются мнѣнія, съ которыми авторъ не можетъ и не захочетъ согласиться. Авторъ просто излагаетъ, иногда въ нѣсколькихъ строкахъ, содержаніе цитуемыхъ десятковъ страницъ, безъ всякаго предупрежденія читателя объ этихъ противоположныхъ мнѣніяхъ, такъ что послѣдній безъ провѣрки не всегда можетъ рѣшить, за что стоитъ названный г. Яблоновскимъ писатель.

Къ книгѣ приложено нѣсколько хорошо исполненныхъ снимковъ съ неизвѣстно откуда взятыхъ портретовъ лицъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ кіевской коллегіи-академіи: м. Петра Могилы (2), Мелетія Смотрицкаго, кор. Владислава IV, печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля (съ панагіей на груди,—не ошибка ли?), архіеп. Іазаря Барановича, Іоанникія Галятовскаго, Симеона Полоцкаго, м. Димитрія Ростовскаго, м. Варлаама Ясинскаго, м. Іоасафа Краковскаго, гетмана Мазепы, Петра I, м. Рафаила Заборовскаго, уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Румскаго. Къ коллегіи кіевской послѣднее лицо имѣло отношеніе, но только косвенное: приписываемое ему злостное анонимное сочиненіе противъ нея вызвало появленіе столь важнаго для исторіи первыхъ лѣтъ жизни коллегіи Exegesis'a Сил. Коссова. Помѣщенъ въ книгѣ и снимокъ съ медали съ изображеніемъ Конст. Конст. Острожскаго. Не дурны также: общій видъ братскаго монастыря въ Кіевѣ на Подолѣ со зданіями академіи и изображенія верхняго и нижняго фронтоновъ братской церкви.

Заключая свой отзывъ о книгѣ г. Яблоновскаго, можемъ сказать, что ни со стороны фактической, ни въ смыслѣ критики извѣстій, она для исторіи кіевской академіи не даетъ ничего новаго, а допущенныя авторомъ ошибки отмѣчены выше.

К. Харламповичъ.

Статистическое Вюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Статистическій ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго Земства. *Полтава, 1901 г., 760 стр.*

Книга эта представляетъ обширный трудъ, касающійся весьма различныхъ сторонъ дѣятельности земства и жизни мѣстнаго населенія губерніи,—трудъ, интересное содержаніе котораго очень трудно исчерпать въ краткой библіографической замѣткѣ. Обратимъ вниманіе только на самое главное.

Изъ общаго числа 4.140.354 дес. земли въ губерніи на долю частнаго землевладѣнія приходилось въ 1898 г. 41,6%, на долю владѣній сельскихъ обществъ и товариществъ 57,4%, а на долю городовъ, учрежденій, монастырей, церквей и казны 1%. Въ 1878 году это распредѣленіе было нѣсколько инымъ, а именно первой группѣ принадлежало 49% земель, второй же 46,5%, слѣдовательно частное землевладѣніе замѣтно сократилось, тогда какъ землевладѣніе сельскихъ обществъ и товариществъ, наоборотъ, значительно увеличилось.

Распредѣленіе частной земельной собственности въ губерніи по главнымъ группамъ владѣнія въ настоящее время таково: на 9444 дворянскихъ владѣній, составляющихъ 39,3% всѣхъ владѣній въ губерніи, приходится 1.286.927 дес. или 74,7% площади частновладѣльческихъ земель при средней величинѣ владѣнія 136,3 дес. Слѣдующую по количеству земельной собственности группу представляютъ 3055 т. е. 12,7% козачьихъ владѣній съ 85603 дес. (5%) при среднемъ размѣрѣ 1 владѣнія въ 28 дес., затѣмъ идутъ купцы вмѣстѣ съ евреями—почетными гражданами, владѣющіе вмѣстѣ 104917 дес. или 6,1% всей площади частновладѣльческихъ земель.

Если сравнить нынѣшнее распредѣленіе частнаго землевладѣнія по сословіямъ и размѣрамъ владѣнія съ тѣмъ, какое было приблизительно 20 лѣтъ назадъ, то оказывается слѣдующее.

Мелкое дворянское землевладѣніе увеличивается въ числѣ владѣній и въ тоже время постепенно мельчаетъ. Среднее и крупное дворянское землевладѣніе тоже постепенно мельчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаясь въ числѣ владѣній. У духовенства число владѣній и площадь въ мелкомъ землевладѣніи остаются почти безъ измѣненій: въ среднемъ землевладѣніи происходитъ уменьшеніе и площади и числа владѣній, крупное же остается столь же незначительнымъ, какъ и раньше. У купцовъ съ евреями крупное землевладѣніе, расширяя площадь, въ тоже время уменьшается въ числѣ владѣній, благодаря сокращенію еврейскаго землевладѣнія подъ давленіемъ спеціальныхъ законовъ о еврейскомъ владѣніи; среднее же и мелкое землевладѣніе увеличивается у купеческаго сословія и въ числѣ владѣній. и въ площади. Благодаря, главнымъ образомъ, тѣмъ же законамъ о евреяхъ мѣщанское землевладѣніе даетъ въ послѣдніе годы убыль числа владѣній и площади по всѣмъ тремъ группамъ владѣнія: мелкому, среднему и крупному. Мелкое и среднее землевладѣніе у лицъ сельскихъ сословій, въ общемъ, возрастаетъ и въ площади, и въ числѣ владѣній, и въ среднихъ размѣрахъ владѣнія. Крупное—даетъ постепенный приростъ числа владѣній при нѣкоторомъ сокращеніи площади, т. е. наблюдается нѣкоторое дробленіе крупныхъ владѣній этой категоріи. Короче говоря, происходящія перемѣщенія земельной собственности сводятся къ потерѣ земли дворянами и чиновниками и расширенію на счетъ теряемой ими земли землевладѣнія прочихъ сословій. Изъ 1.726.773 дес. принадлежавшихъ дворянамъ въ 1878 г., черезъ 20 лѣтъ въ ихъ рукахъ остались лишь 1.286.927 дес.

Для наглядная уясненія разницы въ характерѣ распредѣленія частной земельной собственности въ сѣверной и южной половинахъ губерніи. Ежегодникъ распредѣляетъ всѣ частныя владѣнія на 2 группы: владѣнія привилегированныхъ сословій (дворянство, духовенство, купцы, почетные граждане) и непривилегированныхъ (козаки, крестьяне, мѣщане, солдаты и пр.). Сопоставленіе этихъ двухъ группъ владѣнія приводитъ къ выводу, что владѣнія первой категоріи въ южныхъ уѣздахъ (Константиногр., Кременч., Полт. и Хорольск.) значительно ниже выведеннаго для всей губерніи средняго соотношенія—ихъ замѣняютъ въ этихъ уѣздахъ владѣнія лицъ непривилегированныхъ сословій. Въ тѣхъ же самыхъ уѣздахъ, кромѣ полтавскаго, количество десятинъ, принадлежащее владѣльцамъ привилегированныхъ сословій, также ниже средняго соотношенія для всей губерніи. Такая разница въ характерѣ

частнаго землевладѣнія юга и сѣвера губерніи находится, по мнѣнію Ежегодника, въ связи съ *исторіею заселенія и землевладѣнія* въ ней. Территорія южныхъ уѣздовъ стала заселяться лишь со 2-й половины XVII в., послѣ освободительной войны Хмѣльницкаго. Тогда именно правобережное населеніе широкой эмиграціонной волной направляется на лѣвый берегъ Днѣпра, въ частности на территорію Полт. губерніи, освободившуюся отъ владычества шляхты и польскихъ магнатовъ, въ родѣ Вишневецкихъ и др. Стремясь къ возможно болѣе широкому приволью, уходившіе на новыя мѣста не довольствовались уже болѣе густо заселенными землями сѣверной части губерніи, подавались дальше на югъ и здѣсь уже «осѣдали», заселяя своими хуторами степное приволье южныхъ уѣздовъ. Поэтому южная часть губерніи играла въ исторіи заселенія полтавской губерніи такую же роль, какую впослѣдствіи выполняла по отношенію къ Полт. губерніи Новороссія. Въ теченіе XVII и XVIII в.в. населеніе продолжаетъ свой уходъ въ степи южной половины губерніи. Съ другой стороны, мало заселенныя степи не представляли тогда еще особеннаго интереса для «пановъ» изъ козацкой старшины, въ виду сосѣдства съ неспокойными татарами.

Интересны также приведенныя въ ежегодникѣ данныя о задолженности частнаго землевладѣнія. Оказывается, что Полтавская губ. занимаетъ въ ряду остальныхъ губерній одно изъ видныхъ мѣстъ какъ по величинѣ, такъ и по степени задолженности. Величина задолженности опредѣляемыя процентнымъ отношеніемъ заложенной земли къ общей площади частновладѣльческой, составляетъ для Полтавской губ. (1899 г.) 58% и ставитъ ее въ ряду 67 губерній на 19 мѣсто. Степень обремененности земель ея ипотечными долгами выраженная количествомъ ссудъ, выданныхъ въ среднемъ на 1 дес., равняется 59 руб. и ставитъ губернію на *пятое* мѣсто въ ряду 67 губерній; выше ея въ этомъ отношеніи стоятъ только Курская, Бессарабская, Кутаисская и Подольская губ. (отъ 72—60 р. на дес.). При сравненіи данныхъ о задолженности ея въ 1888, 96 и 1900 г.г. оказывается, что за 12 л. задолженность «возросла и вширь и вглубь», увеличилось не только количество заложенныхъ имѣній (съ 3622 имѣній на 10735), и не только количество заложенной земли (съ 872805 дес. на 1.187.167), но и размѣръ ссуды на 1 дес. заложенной земли (съ 49 на 61 р. на 1 дес.). При всемъ этомъ замѣчается изъ года въ годъ пониженіе средняго размѣра заложенныхъ имѣній, что зависитъ главн. образ. отъ дробленія заложенныхъ имѣній и отчужденія частей ихъ въ другія руки съ перево-

домъ долга. Это значительно увеличиваетъ счетъ заложенныхъ имѣній помимо поступленія въ залогъ новыхъ имѣній. Процессъ дробленія задолженныхъ имѣній проявляетъ себя наиболѣе рѣзко именно въ Полтавской губ. Дробленіе это является въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ того, что съ залогомъ имѣнія значительно увеличивается возможность отчужденія отдѣльныхъ его частей (съ переводомъ долга), такъ какъ на ихъ пріобрѣтеніе новыми владѣльцами требуется сумма денегъ, значительно меньшая той, какая потребовалась бы на уплату за незаложенную землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно предположить, что самое увеличеніе задолженности, ведущее къ стѣсненію въ платежахъ, приводитъ владѣльцевъ заложенныхъ имѣній, старающихся по возможности все-таки удержать ихъ за собою, къ продажѣ отдѣльныхъ частей имѣнія, облеченной, благодаря залогу, возможностью скоро найти покупателя, который имѣлъ бы только деньги на доплату къ банковой ссудѣ.

Такимъ образомъ задолженность землевладѣній является однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ моментовъ для ея мобилизаціи. Такъ какъ и въ процессѣ мобилизаціи земельной собственности крупныя земельныя владѣнія (какъ оказывается) являются наименѣе устойчивыми и такъ какъ процессъ мобилизаціи питается главн. обр. распаденіемъ владѣній болѣе крупныхъ размѣровъ, то вполнѣ естественно ожидать, что дробленію подвергнутся болѣе крупныя изъ заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ [1]) имѣній, что и подтверждается собранными данными, (напр. въ 1899 г. изъ общаго числа 1708 имѣній съ 596290 дес. заложенныхъ по губерніи въ Дворянск. банкѣ было *пятьсотъ* имѣній съ 63602 дес. земли, перешедшихъ уже въ руки недворянскихъ сословій съ оставленіемъ пока въ залогѣ этого банка). Замѣчено также, что уѣзды съ наиболѣе высокою задолженностью землевладѣнія отличаются наличностью наиболѣе благопріятныхъ условій для проявленія въ нихъ дѣятельности Крестьянскаго банка.

Весьма интересны также выводы Ежегодника, основанные, замѣтимъ кстати, на многочисленныхъ цыфровыхъ данныхъ, объ обезпеченіи населенія собственнымъ хлѣбомъ. Оказывается, что болѣе $^1/_6$ части козачьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ губерніи, съ населеніемъ

---

[1]) Оказывается, что Дворянскій банкъ съ особымъ отдѣломъ оперируетъ гл. обр. въ средѣ крупнаго землевладѣнія, а Полтавскій и Крестьянскій—въ сферѣ мелкаго.

294173 души, принуждены круглый годъ продовольствоваться покупнымъ хлѣбомъ; для болѣе $^1/_3$ хозяйствъ съ посѣвомъ менѣе 3 дес.. своего хлѣба далеко не хватаетъ для прокормленія семьи и для посѣва, вслѣдствіе чего недостатокъ этотъ тоже долженъ быть покрытъ сторонними заработками; $^1/_4$ часть хозяйствъ губерніи можетъ считаться болѣе или менѣе обезпеченными въ удовлетвореніи продовольственныхъ и даже нѣкоторыхъ другихъ потребностей крестьянской семьи; $^1/_6$ обладаетъ нѣкоторыми въ этомъ отношеніи излишками, можетъ считаться зажиточною, а остальные (2,5%) хозяйства представляютъ уже разныя степени богатства. Въ окончательномъ выводѣ оказывается, что большая половина (51,8%) хозяйствъ губерніи, съ населеніемъ почти въ милліонъ душъ (968228), изъ года въ годъ испытываетъ болѣе или менѣе значительную нужду въ хлѣбѣ для продовольствія и обсѣмененія полей. По отдѣльнымъ уѣздамъ въ наихудшія условія, по степени обезпеченности продовольственными средствами, поставлены Лохвицкій и Зѣньковскій уѣзды, гдѣ въ этомъ положеніи находятся 59,9—62,7% хозяйствъ, и только въ одномъ Константиноградскомъ уѣздѣ вынуждены прибѣгать къ покупному хлѣбу менѣе $^2/_5$ всѣхъ хозяевъ.

Содержаніе Ежегодника далеко не исчерпывается главами о землевладѣніи, продовольственныхъ средствахъ и задолженности землевладѣнія, изъ которыхъ выше приведены были нѣкоторыя выдержки. Оно распадается на два отдѣла: земскій и статистико-экономическій (къ послѣднему и относятся три вышеупомянутыя главы) [1]. Въ первой особенно интересна глава о народномъ образованіи, охватывающая министерскія, земскія и церковно-приходскія школы и школы грамоты и снабженная многочисленными таблицами (въ приложеніи); дополненіемъ къ ней является особая глава о постановленіяхъ земскихъ собраній 1898—99 г. по народному образованію.

Земскій отдѣлъ состоитъ изъ 9 главъ, а статистико-экономическій изъ 11, содержаніе которыхъ весьма разнообразно и интересно; но перечисленіе его слишкомъ удлинило бы и безъ того разросшуюся библіографическую замѣтку.

Надо думать, что такіе обстоятельные труды, то и дѣло издаваемые на средства различныхъ земствъ и составившіе уже весьма

[1] Изъ которыхъ глава о задолженности, напечатанная въ самомъ концѣ книги, по недосмотру не упомянута въ оглавленіи.

объемистую литературу, лучше всякихъ коммиссій и подкоммиссій могутъ содѣйствовать выясненію нашихъ сельскохозяйственныхъ нуждъ и причинъ «оскудѣнія центра».

Л. С. Л.

Статистическое бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1900 годъ (по сообщеніямъ корреспондентовъ). *Полтава, 1901 г. 320 стр. Ц. 1 р. 20 к.*

Данная книга распадается на 9 главъ слѣдующаго содержанія: 1) погода и ея вліяніе на растительность и ходъ полевыхъ работъ, 2) враги растеній, 3) урожаи хлѣбовъ, травъ, огородныхъ и садовыхъ растеній, 4) состояніе скотоводства, 5) пчеловодство, 6) мѣстные и отхожіе заработки, 7) съемныя, арендныя и продажныя цѣны на землю, 8) земледѣльч. орудія, рабочій скотъ и способы обработки почвы и 9) сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Половина книги состоитъ изъ приложеній въ видѣ таблицъ и картограммъ.

Книга снабжена довольно обширнымъ предисловіемъ, представляющимъ краткій сводъ содержанія отдѣльныхъ главъ. Изъ него мы узнаемъ, что 1900 годъ не былъ богатъ вредными насѣкомыми, но. вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій весны и лѣта, «сборъ хлѣбовъ въ губерніи получился мало удовлетворительный» [1]). Степныя травы тоже дали, въ общемъ, урожай ниже средняго (благодаря весенней засухѣ), урожай же луговыхъ, лучныхъ и болотныхъ сѣнокосовъ былъ выше средняго; но сѣно и съ тѣхъ и съ другихъ оказалось не высокаго качества: раннее—вслѣдствіе того, что попало подъ дождь, позднее—потому что травы перестояли [2]). Урожай овощей, кромѣ капусты, былъ близокъ къ среднему; а фруктовъ—хорошій, кромѣ вишни, давшей плохой сборъ. Вслѣдствіе неудовлетворительнаго урожая соломы и травъ, зимнее содержаніе скота оказалось малообезпеченнымъ и привело къ распродажѣ скота въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, хотя цѣны на скотъ держались довольно устойчиво; а къ веснѣ цѣны на солому и сѣно весьма сильно поднялись. Пчеловодство дало неудовлетворитель-

---

[1]) Стр. IV предисловія.

[2]) Стр. V предисловія.

ные результаты. Собранныя данныя выяснили сильное распространеніе въ послѣдніе годы усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій: замѣну деревянныхъ орудій обработки желѣзными, цѣповъ—молотилками, въ чемъ большую роль играли земскіе склады. Одновременно съ этимъ въ дѣлѣ обработки земли замѣчается замѣна воловъ лошадьми, и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ преобладаетъ работа именно рогатымъ скотомъ—вытѣсненіе воловъ коровами. Въ общемъ, цѣны на продукты полеводства стояли въ текущемъ году довольно высокія. Условія найма рабочихъ въ обозрѣваемомъ году болѣе, чѣмъ когда-нибудь приближались къ равновѣсію спроса и предложенія, а потому и цѣны на рабочія руки были близки къ среднимъ, нормальнымъ. Объясненіе этому Обзоръ видитъ въ томъ, что урожай хлѣбовъ и травъ былъ по губерніи или средній, или близкій къ среднему [1]). Такое объясненіе представляется, конечно, вполнѣ правдоподобнымъ; для насъ представляется только неяснымъ, почему въ этомъ объясненіи урожай признается среднимъ, или близкимъ къ среднему, тогда какъ въ предисловіи къ обзору (см. цитиров. страницы) онъ названъ (буквально) «мало удовлетворительнымъ».

Изъ собранныхъ данныхъ о съемныхъ цѣнахъ на землю выяснилось, что цѣны подъ яровой посѣвъ составляютъ 95% цѣнъ на озимый посѣвъ, цѣны земель малыхъ хозяйствъ составляютъ, въ среднемъ, 93% цѣнъ земель крупныхъ экономій, цѣны земель безтолочныхъ—79% цѣнъ на земли толочныя и цѣны земель глинистыхъ—75%, а супесчаныхъ—71% цѣнъ земель черноземныхъ. Слѣдовательно, главное вліяніе на высоту съемныхъ цѣнъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, оказываетъ введенная на сдаваемыхъ земляхъ система полеводства и еще болѣе—почвенныя особенности этихъ земель, а наименьшее—принадлежность земель къ крупнымъ или малымъ хозяйствамъ и то обстоятельство, сдаются ли онѣ подъ яровой или же озимый посѣвъ. Отчетный 1900 г. принадлежитъ по высотѣ съемныхъ цѣнъ къ четвертому году того періода, въ который начался подъемъ цѣнъ въ губерніи. Въ общемъ выводѣ по губерніи съемныя цѣны на землю выросли въ 1900 г. почти на 11% сравнительно съ 1899 г. и слишкомъ на $^1/_3$ (34%) по сравненію съ предыдущимъ семилѣтіемъ (1893—99 г.г.), при чемъ наибольшее возрастаніе цѣнъ прои-

[1]) Стр. 83.

зошло въ Пирятинскомъ уѣздѣ, а также Константиноградскомъ и Лохвицкомъ. Ростъ арендныхъ цѣнъ за послѣдніе 4 года шелъ, въ общемъ, такъ же, какъ и съемныхъ; что касается средней арендной цѣны на пахатную землю, то таковая въ теченіе послѣднихъ 3-хъ лѣтъ возрастала, въ среднемъ, по 1 р. на десятину.

Послѣ упадка продажныхъ цѣнъ на землю въ 1895—96 г.г., вслѣдствіе паденія цѣнъ на продукты полеводства, съ 1897 г. начался непрерывный періодъ продолжающагося и понынѣ подъема продажныхъ цѣнъ на земли, который въ 1900 г., сравнительно съ 1899, выразился въ повышеніи ихъ на 19%, а для пашни даже на 29%, при чемъ цѣны «достигли высоты небывалой въ теченіе послѣдняго девятилѣтія»; значительный и прогрессивный ростъ цѣнъ въ послѣдніе годы замѣчается и по отношенію къ землямъ, покупавшимся при помощи Крестьянскаго банка. Въ 1900 г. чрезъ этотъ банкъ продано было крестьянамъ свыше 16000 дес. земли, изъ нихъ пріобрѣтено отъ дворянъ 8320 дес., отъ купцовъ 2503 и отъ крестьянъ же 1571 дес.

Л. С. Л.

В. Т. Ляскоронскій. Гильомъ Левассеръ де-Вопланъ и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи. *Кіевъ 1901 г. in folio стр. 81. Цѣна 3 р. 60 к.*

Передъ нами новое изданіе трудовъ знаменитаго инженера Гильома-де-Боплана, долго находившагося на службѣ у польскаго правительства. Труды эти, въ особенности «Описаніе Украины», хорошо извѣстны всякому, занимавшемуся исторіей Южной Россіи. Книга распадается на двѣ части: въ первой помѣщено знаменитое «Описаніе Украины»,—во второй пять картъ, изданныхъ на основаніи оригиналовъ, изъ которыхъ четыре составляютъ собственность профессора Владиміра Бонифатьевича Антоновича, а пятая принадлежитъ Университету св. Владиміра. Картамъ этимъ предпослано подробное «изслѣдованіе» о ихъ значеніи и содержаніи.

«Описаніе Украины» было уже издаваемо много разъ: впервые оно появилось въ Руанѣ въ 1650 году и затѣмъ выдержало много изданій на различныхъ языкахъ. Въ русскомъ переводѣ имѣются два изданія—Устрялова 1832 года, ставшее теперь библіографической рѣд-

костью, и Я. Н. Мельникъ 1896 года, помѣщенное во второмъ томѣ «Мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи».

Изъ пяти приложенныхъ въ концѣ книги Бопланових картъ, одна только появляется впервые, а 4 остальныхъ были уже изданы Историческимъ Обществомъ Нестора Лѣтописца въ приложеніи къ XII книгѣ «Чтеній при Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца».

Такимъ образомъ весь сырой матеріалъ, доставляемый читателямъ въ книгѣ, изданной г. Ляскоронскимъ, не представляетъ собой интереса новизны и въ библіографической замѣткѣ книга эта можетъ быть трактуема только съ точки зрѣнія того критическаго освѣщенія, тѣхъ комментарій и того критически-научнаго изслѣдованія, которое предпослано авторомъ. Иначе нельзя себѣ объяснить и цѣли такого изданія, потому что, вслѣдствіе спеціальнаго интереса, какой представляютъ труды Боплана, а также вслѣдствіе дороговизны, книга можетъ быть доступна только весьма ограниченному кругу читателей.

Повидимому и самъ авторъ, приступая къ изданію своего труда руководствовался только что высказанными соображеніями.

Въ предисловіи своего труда авторъ указываетъ на то, что до послѣдняго времени не было сдѣлано подробныхъ научныхъ изслѣдованій о трудахъ Боплана, главнымъ образомъ относительно Бопланових картъ, а равнымъ образомъ не было собрано подробныхъ свѣдѣній о томъ, что «сдѣлано знаменитымъ французскимъ инженеромъ относительно Южной Россіи». Вслѣдствіе этого авторъ ставитъ себѣ цѣлью «восполнить этотъ недостатокъ» и представить въ одной книгѣ труды Боплана относительно Южной Россіи, а также «дать его краткую біографію въ связи съ тѣми причинами, которыя привели этого любознательнаго иностранца въ предѣлы Южной Россіи».

Безспорно, что поставленная себѣ г. Ляскоронскимъ цѣль весьма почтенна, тѣмъ болѣе что Бопланови труды нуждаются, на нашъ взглядъ, въ очень строгомъ критическомъ освѣщеніи. Посмотримъ же, какъ выполнилъ почтенный авторъ свои благія намѣренія.

Укажемъ прежде всего на маленькую неточность автора. Г. Ляскоронскій, жалуясь на полное отсутствіе подробныхъ изслѣдованій о трудахъ Боплана, не упоминаетъ о томъ, что въ XII книгѣ «Чтеній при Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца» на стр. 120—137 помѣщено его же собственное, довольно подробное изслѣдованіе о картахъ Боплана, главнымъ образомъ о «генеральной картѣ Украины».

Переводъ «Описанія Украины» со второго французскаго изданія съ внѣшней стороны весьма хорошъ и читается легко. Научно-критическое изслѣдованіе г. Ляскоронскаго въ этой части его труда ограничивается «необходимыми подстрочными примѣчаніями, о чемъ сообщаетъ и самъ авторъ въ предисловіи.

Любопытно обратить вниманіе на то, что авторъ считаетъ «необходимыми примѣчаніями въ текстѣ». Въ дѣлѣ снабженія текста примѣчаніями «Описаніе Украины» распадается у г. Ляскоронскаго на двѣ рѣзко различающіяся другъ отъ друга половины. Первая, заключающая въ себѣ описаніе Кіева, Украины и Крыма, снабжена весьма обильнымъ количествомъ примѣчаній, между тѣмъ какъ во второй можно едва съ трудомъ насчитать два десятка примѣчаній, и притомъ совершенно незначительныхъ, между тѣмъ какъ эта вторая часть наиболѣе бы нуждалась въ критическомъ освѣщеніи.

Каковы же тѣ примѣчанія, которыми въ такомъ изобиліи снабженъ текстъ упомянутой выше первой половины «Описанія Украины». Въ примѣчаніяхъ этихъ, подчасъ очень многословныхъ, за исключеніемъ двухъ трехъ, сообщаются свѣдѣнія настолько общеизвѣстныя, что даже страннымъ кажется, какъ авторъ въ книгѣ, претендующей на значеніе критически-научнаго изслѣдованія, находилъ нужнымъ ихъ помѣщать? Судите сами. Мы узнаемъ, напр., что «Храмъ св. Софіи построенъ Кіевскимъ княземъ Ярославомъ Мудрымъ» (стр. 3), что «Михайловскій монастырь находится на краю обрывисто спускающейся къ Днѣпру возвышенности», что «въ Михайловскомъ храмѣ погребенъ Кіевскій князь Святополкъ II съ супругой», что «Каневъ уѣздный городъ Кіевской губерніи», что «это—очень древній городъ», и т. д. Дано также перечисленіе Днѣпровскихъ пороговъ и заборовъ и въ заключеніе сообщено совсѣмъ ужъ наивное свѣдѣніе, что «пороги были извѣстны уже въ глубокой древности: о нихъ говоритъ Константинъ Багрянородный, сообщившій намъ двоякія названія ихъ на славянскомъ и греческомъ языкахъ» (стр. 13).

Такимъ образомъ оказывается, что г. Ляскоронскій всѣми силами стремится пояснить то, что вовсе не нуждается въ поясненіи, и сообщаетъ свѣдѣнія, которыя всѣмъ извѣстны, между тѣмъ какъ мѣста, дѣйствительно нуждающіяся въ комментаріяхъ, оставлены безъ нихъ.

Вторая часть разбираемой нами книги представляетъ собой, какъ уже выше сказано, пять картъ съ довольно обширнымъ изслѣдованіемъ о нихъ. Въ изслѣдованіи этомъ авторъ подробно останавливается на

исторіи изданія Бопланових картъ, перечисляетъ всѣ картографическіе труды Боплана и, наконецъ, даетъ подробное описаніе четырехъ изъ прилагаемыхъ пяти картъ, а именно: картъ воеводства Подольскаго, Кіевскаго, Брацлавскаго и Покутья. Описанія эти составлены довольно тщательно: въ нихъ, кромѣ общаго топографическаго описанія, указаны всѣ населенные пункты, нанесенные на карту съ соотвѣтствующими имъ въ настоящее время названіями. Очень жаль, что авторъ, указывая на то, что для возстановленія нѣкоторыхъ, искаженныхъ по различнымъ причинамъ названій мѣстностей на Бопланових картахъ, пользовался много-различными матеріалами до старинныхъ атласовъ, видѣнныхъ имъ за границей, совершенно не упоминаетъ, какія названія ему пришлось возстановлять, и на какомъ основаніи онъ это сдѣлалъ. Такимъ образомъ читателю приходится все принимать на вѣру. Страннымъ кажется намъ также и то, что авторъ не помѣстилъ въ своемъ изслѣдованіи описанія «генеральной карты Украины», приложилъ въ тоже время описаніе карты Днѣпра отъ Кіева до Чернаго моря, снимка съ котораго въ книгѣ не имѣется и которое на нашъ взглядъ является по этой причинѣ совершенно лишнимъ.

Если авторъ не помѣстилъ въ своей книгѣ описанія «генеральной карты Украины» вслѣдствіе того, что такое описаніе было уже имъ помѣщено въ упомянутой выше книгѣ «Чтеній», то, руководясь тѣмъ же мотивомъ, онъ могъ бы вовсе и не издавать разбираемой нами книги, такъ какъ документальный матеріалъ ничего новаго не представляетъ, а критическое его освѣщеніе также не дѣлаетъ цѣннаго вклада въ науку.

В. К. В.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 5, 6 и 7; 2) Русская Старина № 6 и 7; 3) Историческій Вѣстн. № 6 и 7; 4) Вѣстникъ Европы № 6 и 7; 5) Русская Школа № 3. 4, 5 и 6; 6) Міръ Божій № 6 и 7; 7) Рус. Мысль № 6; 8) Научное Обозрѣніе № 5 и 6; 9) Журналъ для всѣхъ № 6; 10) Новое Дѣло № 5, 11) Кн. Восхода № 5 и 6; 12) Літературно-Науковий Вістник № 6; 13) Записки Казанскаго университета № 4, 5 и 6; 14) Журналъ М. Н. Просвѣщенія № 5 и 6; 15) Труды Кіев. Духов-

ной Академіи № 6; 16) Варшавскія Универс. Извѣстія № 3; 17) Черниговскій Земскій сборникъ № 4 и 5; 18) Кіевскія Университ. Извѣстія № 5 и 6; 19) Извѣстія Рус. Географ. О-ва кн. 1; 20) Литературный Вѣстникъ № 4;

Міръ Божій, № 6, іюнь.

По Амуру и Приамурью. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года). *Александра Кауфмана* (продолженіе). На стр. 93-й сообщаются краткія свѣдѣнія о поселеніяхъ полтавцевъ въ Амурѣ.

Русская Старина № 6

Записка о кіевскомъ университетѣ св. Владиміра въ 1838 году. Сообщ. Г. Кунцевичъ. (Стр. 611—616). Записка эта, хранящаяся въ Императ. Публичн. Библіотекѣ, принадлежитъ, вѣроятно, перу епископа Иннокентія Борисова, хотя переписана писцомъ и подписи на ней нѣтъ. Тонъ записки обличительный, такъ-какъ во всѣхъ пунктахъ отмѣчается неправильная организація университетскихъ порядковъ въ Кіевѣ, съ самаго основанія университета (въ 1834 году).

Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ. (Приложеніе). Здѣсь на стр. 363—368, идутъ краткія записи о пребываніи въ 1837 году Жуковскаго въ предѣлахъ южной Руси, а именно: въ Екатеринославѣ, въ Кременчугѣ, въ Пирятинѣ, въ Хоролѣ, въ Лубнахъ, въ Переяславѣ, въ Кіевѣ, въ Полтавѣ, въ Харьковѣ, въ Константиноградѣ.

Русскій Архивъ № 5, 6 и 7.

Къ біографіи художника В. Л. Боровиковскаго. Сообщ. С. П. Дягилевъ (№ 5, стр. 61—64). Напечатано завѣщаніе В. Л. Боровиковскаго 1819 года и описаніе иконъ его живописи, предназначенныхъ для иконостаса въ церковь Св. Архист. Михаила на Смоленскомъ кладбищѣ.

А. Титовъ. Къ исторіи Виленскихъ евреевъ (№ 5, стр. 65—80). Статья составлена на основаніи актовъ, издан. Виленск. комис. (Т. 28-й. Акты о евреяхъ); въ ней разсказывается о тѣхъ обвиненіяхъ,

которыя взводились на евревъ въ XVII-мъ вѣкѣ, особенно въ ритуальномъ убійствѣ ими христіанскихъ дѣтей

А. П. К. Русскіе въ южной Бессарабіи (№ 5, стр. 150—160). Въ статьѣ идетъ рѣчь о колонизаціи малорусскаго и великорусскаго населенія въ Бессарабію въ теченіе болѣе сотни лѣтъ, начиная съ 1775 года, т. е. послѣ разоренія Запорожской Сѣчи.

В. Иконниковъ. По поводу записокъ С. Г. Волконскаго (№ 6, стр. 265—267). Здѣсь дается нѣсколько поправокъ къ фактамъ, сообщеннымъ въ «Запискахъ», преимущественно о лицахъ и событіяхъ, касающихся южно-русскихъ мѣстностей.

Письма И. С. Аксакова къ Г. П. Галагану. (1880—1885). (№ 7, стр. 492—499). Письма эти представляютъ собою выдающійся интересъ, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь о современныхъ внутреннихъ событіяхъ и отношеніяхъ въ высшихъ, правительственныхъ сферахъ и удрученномъ состояніи общества, находившагося, по словамъ Аксакова, «между двумя категоріями нигилистовъ: нигилистовъ соціально-революціонной партіи и нигилистовъ правительствующихъ. Есть здѣсь черты для характеристики Лорисъ-Меликова, Игнатьева, гр. Д. Толстого, Каткова и др. Большой интересъ представляетъ послѣднее письмо, въ которомъ Аксаковъ, по поводу романа Сенкевича «Огнемъ и мечемъ» и критики на него В. Б. Антоновича, помѣщенной на страницахъ «Кіев. Старины», высказываетъ свои взгляды на малорусско-польскія отношнія, а также на отношенія Малороссіи къ Россіи и на «украинофиловъ новѣйшей формаціи». Признавая украинофильскую точку зрѣнія «слишкомъ узкою для оцѣнки явленій исторіи и Костомарова плохимъ историкомъ по этой именно самой причинѣ, Аксаковъ «въ общей тысячелѣтней исторіи Россіи» отводитъ Малороссіи только $2^1/_2$ вѣка: XV, XVI и половину XVII. Наконецъ, онъ воспроизводитъ кратко свою бесѣду по этому поводу съ проф. Костяковскимъ, стоявшимъ на точкѣ зрѣнія «партіи, къ которой благоволятъ поляки, пуская ей мыльные пузыри въ родѣ сепаратизма и федерализма».

Историческій Вѣстникъ, № 6 и 7.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* (№ 6, стр, 1071—1073) помѣщенъ отзывъ *П. Ш.* о книгѣ «Гоголевскій сборникъ, изданный состоящей при историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородка

Гоголевской комиссіей подъ редакц. проф. М. Н. Сперанскаго» (стр. 1071—1073).

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (№ 7, стр. 322—324) напечатана замѣтка по поводу пятидесятилѣтія Кіевскаго центральнаго архива, исполнившагося 2 апрѣля текущаго года.

Русская Мысль, № 6.

В. Каллашъ. Гоголь и его письма (стр. 19—47). Въ названной книжкѣ авторъ заканчиваетъ свой обстоятельный психологическій анализъ рѣзкихъ колебаній и безконечной смѣны настроеній Гоголя, обусловливавшихъ собою, по словамъ автора, «необыкновенно характерный конецъ трагедіи, единственной въ своемъ родѣ не только въ русской, но и въ міровой литературѣ, и представляющей глубокій психологическій и историко-литературный интересъ».

Вѣстникъ Европы. № 6 и 7.

Д. Ярошевичъ. Кустарный промыселъ въ Полтавской губерніи. (№ 7 стр. 5—28). На основаніи цифровыхъ данныхъ по хозяйственной статистикѣ и спеціальныхъ очерковъ о домашнихъ промыслахъ и ремеслахъ Полтавской губ. за послѣднее двадцатилѣтіе авторъ даетъ наглядныя доказательства того, что съ измѣненіемъ натуральныхъ формъ хозяйства въ денежныя, съ увеличивающимся процессомъ дифференціаціи среди крестьянства, домашніе промыслы перестаютъ быть побочными въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ оказываются несовмѣстимыми съ главнымъ занятіемъ сельскаго населенія, и потому связь кустаря съ землей рвется. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ глубокое измѣненіе и въ соціальномъ положеніи кустарей. Изложенныя положенія иллюстрируются данными о положеніи промысловъ: гончарнаго, ткацкаго, сапожнаго, шерстобитнаго и др. Статья эта, представляющая выдающійся интересъ, важна и въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ не мало матеріала чисто этнографическаго.

А. Я. Ефименко. Національная двойственность въ творчествѣ Гоголя (№ 7, стр. 229—244). Наличность тяжелыхъ и непримиримыхъ противорѣчій, какими была полна душа Гоголя, вызывала, говоритъ авторъ, даже попытки объясненія ихъ на патологической основѣ. Но авторъ сомнѣвается въ возможности добиться чего-

нибудь цѣннаго на этомъ скользкомъ пути. Внимательное же изученіе обширной переписки Гоголя неизбѣжно приводитъ къ убѣжденію, что великій писатель былъ вполнѣ здоровъ психически. Фактъ мучительныхъ противорѣчій въ душѣ Гоголя авторъ объясняетъ тѣмъ, что душа Гоголя была поражена раздвоенностью въ основной стихіи своего бытія. Значеніе въ творчествѣ стихіи народности общепризнанная истина: всякое творчество, и поэтическое въ особенности, заключено въ своей народности, ею питается, и въ свою очередь само вліяетъ на нее, расширяя ея предѣлы, обогащая ея содержаніе. Между тѣмъ великій писатель былъ роднымъ сыномъ народности малорусской и пріемнымъ—великорусской, Своей пріемной матери онъ далъ все: свой великій талантъ, жизнь свою, кровь своего сердца. Но ничто не могло уничтожить, говоритъ авторъ, значенія того, что и жизнь, и талантъ онъ получилъ не отъ нея, а отъ той, отъ другой. Гоголь, родившійся въ чисто малорусской интеллигентной семьѣ, воспитавшійся въ духѣ традицій малорусскаго общества начала XIX в., «насыщеннаго мѣстной національной культурой«, вѣрившаго въ идею возрожденія, Гоголь, типичнѣйшій украинецъ по внѣшности, по симпатіямъ и горячей любви къ родинѣ, ея языку и пѣснямъ, былъ въ то же время русскимъ писателемъ, гордостью русской, а не украинской литературы. Затѣмъ отъ характеристики личности писателя авторъ обращется къ стилю его и къ самому процессу и содержанію художественнаго творчества. И здѣсь авторъ, вслѣдъ за проф. Мандельштамомъ, приходитъ къ тѣмъ же вопросамъ. Возбужденіе мысли, по словамъ пр. Мандельштама, (его изслѣдованіе—о характерѣ Гоголевскаго стиля) шло у Гоголя по колеѣ роднаго, т. е. малорусскаго языка. Гоголь безсознательно пользовался стихіей малорусской рѣчи всегда, когда ощущалъ подъемъ чувства, подъемъ художественнаго настроенія. Писатель мысленно переводилъ слова и обороты съ языка малорусскаго на великорусскій. Обращаясь къ процессу и содержанію творчества, авторъ объясняетъ съ точки зрѣнія національной двойственности и совмѣщеніе исключающихъ другъ друга элементовъ—лиризма и юмора: потчи весь міръ его творчества изливается въ произведеніяхъ изъ малорусской жизни, на долю произведеній изъ общерусской жизни выпадаетъ только юморъ, и при томъ не мягкій, нѣжный и любовный, а холодный и суровый. Гоголь любилъ горячо свою Малороссію и ненавидѣлъ Великоросію, и въ тоже самое время облекалъ въ своей душѣ настоящимъ апотеозомъ идею русскаго государства, и излюбленной его идеей была «служба

государству». Эта раздвоенность и противорѣчивость,—говоритъ авторъ,—есть естественный и психологически необходимый результатъ того, что Гоголь оторвался отъ своей національной почвы «для службы» русскому государству, но не отрѣшился, и не могъ отрѣшиться, отъ исключительности своихъ національныхъ симпатій. Гоголь сдѣлался преданнымъ пріемнымъ сыномъ русской государственности, но до конца не могъ ассимилироваться съ русской народностью.

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 6.

Петровъ Н. И. Новые матеріалы для изученія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Гоголя. (Стр. 270—305) и Описаніе сборника выписокъ изъ твореній св. отцовъ и учителей православной церкви, составленнаго Гоголемъ (стр. 306—317).

Горючко. Изъ исторіи возсоединенія уніатовъ въ Бѣлоруссіи 1795—1805 г. (стр. 159—234). Статья интересна своей фактической стороной, показывающей съ какими трудностями вводилась унія и какъ она неохотно принималась: народъ поднималъ цѣлые бунты, духовенство противилось, начальство терялось и не знало, что дѣлать.

Литературный Вѣстникъ № 4.

Э. Лямбекъ. Гоголь у нѣмцевъ. (Стр. 373—382). Статья представляетъ собою подробный списокъ нѣмецкихъ переводовъ Гоголя, начиная съ 1837 г., и статей и сочиненій о немъ на нѣмецкомъ языкѣ. Первымъ переведенъ «Тарасъ Бульба» 1846 г.

В. Кораблевъ. Гоголь у Сербовъ. Стр. 383—Знакомство сербовъ съ Гоголемъ началось съ половины XIX ст. Гоголь, по словамъ автора, понятенъ сербамъ, потому что малорусская жизнь, такъ ярко имъ изображенная, очень походитъ на сербскую. Съ другой стороны, Гоголь оказалъ громадное вліяніе на нѣкоторыхъ писателей сербскихъ. Первой переведена повѣсть «Страшная месть», 1850 г. «Ревизоръ» не сходитъ со сцены сербскаго театра.

А. Липовскій. Гоголевская юбилейная литература (стр. 392—409). Небольшой набросокъ литературы, вызванной юбилеемъ великаго писателя.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги« напечатаны отзывы 1) на »Етнографічний збірник комисиі Наукового т. імени Шевченка», т. XII, собранный В. Гнатюкомъ, стр. 419—420, 2) на «Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.» Ор. Левицкаго, стр. 424 и 3) на «Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси», Павлова Сильванскаго (стр. 424—425).

Журналъ для всѣхъ № 6.

А. Ефименко. Изъ исторіи Южной Россіи. На порогѣ исторіи. (стр. 737—748). Настоящая статья является продолженіемъ начатаго въ прошломъ году на страницахъ названнаго журнала научно-популярнаго изслѣдованія доисторическаго быта нашихъ славянскихъ предковъ, жившихъ на южно-русской территоріи.

Літературно-Науковий Вістник, кн. 6.

Із поезий Павла Рябошапки: I Нема братерства. II. Убогий син, стор. 189—190.

Проіздом. Сергія Павленка, ст. 190—191.

На сучасні мотиви. Богдана Гайового: На спомин полт. кустарного зьізду 1901 р. стор. 191—192; II. Під заверюху. стор. 192.

Земля. Оповіданне Ольги Кобилянськоі. (конець) ст. 193—242.

З минулого та пережитого. (Про батька Тараса та ще про де-що). Спомини Д. Мордовця, стор. 243—252.

Візня стрічі. Катерини Гриневичевоі, стор. 253—254.

Весняний день. С. Грущенка, ст. 255—260.

Розмова з привидом про початки азбуки, А. Франса, ст. 261—266.

Із оповідань А. Немоевського: II. Тихимъ вечером. стор. 267—273; III. Проклятий. стор. 273—282.

Із німецьких поетів. 1—IV. П. Грабовського, стор. 283—284.

В справі народного язика. Ів. Верхратського, ст. 96—125.

Михайло П. Старицький. Ів. Франка, ст. 126—138.

Теорія и практика; ст. 139—142.

Наукові листки: IV. Звідки взялася нафта? Ф. К., ст. 143—147.

Хроніка і бібліографія, ст. 34—48.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ

Въ «СПБ. Вѣдомостяхъ» (№ 158) напечатана очень живая и убѣдительная статья г. Лотоцци по вопросу о родномъ языкѣ въ школѣ. Сущность статьи, опирающейся на мнѣнія авторитетныхъ педагоговъ, сводится къ тому, что для облегченія всего хода школьнаго ученія необходимо исходнымъ пунктомъ поставить родной языкъ, который не только облегчитъ изученіе техники чтенія и письма вообще, но поможетъ лучшему усвоенію реальныхъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ поведетъ школьника по пути постепеннаго обладанія русской литературной рѣчью. Какъ-бы въ опроверженіе этой логично написанной статьи, какой-то «Одинъ изъ—Енко» въ № 171 СПБ. Вѣдомостей, помѣстилъ статейку, озаглавленную гаерскимъ пріемомъ «Въ защиту хохликовъ». Совершенно не въ тонъ статьи г. Лотоцци авторъ заговорилъ излюбленнымъ методомъ доказательствъ ненадобности малорусской рѣчи, когда существуетъ русскій литературный языкъ, и свернулъ все дѣло въ сторону охраненія русской литературной рѣчи отъ чьихъ-то поползновеній на нее, совершенно не вызываемыхъ статьей г. Лотоцци. «СПБ. Вѣдомости», какъ-бы почувствовавъ диссонансъ въ помѣщеніи этихъ двухъ статей, въ № 172 напечатали еще одну маленькую статейку, якобы въ дополненіе статьи «Одного изъ—Енко»; но въ этой статьѣ идетъ рѣчь не о вышеуказанномъ вопросѣ, а о томъ ненормальномъ явленіи, въ силу котораго переводы на малорусскій языкъ русскихъ писателей почему-то не дозволяются, а въ результатѣ является та аномалія, что «во время юбилейныхъ торжествъ въ честь Пушкина и Гоголя, когда весь славянскій міръ сливался въ чествованіи этихъ геніевъ мысли и слова и каждая вѣтвь великаго славянскаго племени вносила посильную лепту въ юбилейное чествованіе,—въ общемъ славянскомъ хорѣ не слышно было только малорусской рѣчи». Газета считаетъ это запрещеніе переводовъ какимъ-то недоразумѣніемъ, тѣмъ болѣе печальнымъ, что «оно внесло уже диссонансъ въ юбилейное чествованіе памяти геніальнаго писателя-малоросса».

Газета «Волынь» отводитъ на своихъ страницахъ значительное мѣсто замѣткамъ по этнографіи Волыни, такъ въ № 119 напечатана замѣтка «Зелени Свята», въ № 123—«Крестины въ Волынской де-

ревнѣ», въ № 136—«Ивана Купайла»; въ № 141—«Петривка и Петра» и въ № 142—«Изъ преданій о татарской ордѣ».

Въ замѣткѣ «Зелени свята» отмѣчается, между прочимъ, обычай бросать «татарське зилля» и «клечаня» на «росадныкы», чтобы «мошка и осельныця (гусеница) не поѣли капусты и пр., а также класть клечання въ гнѣзда подсыпаемыхъ насѣдокъ, чтобы «квочкы добре сыдилы, а курчата добре выходылы», и чтобы мало было «болтуновъ».— Въ замѣткѣ «Ивана Купайла» отмѣчается особенно торжественное и продолжительное празднованіе этого народнаго праздника въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ. Здѣсь Купала начинаютъ чествовать съ первыхъ чиселъ іюня. Въ заключеніе статьи авторъ приводитъ два разсказа изъ устъ народа о случаяхъ съ собираніемъ папоротника въ ночь на Ивана Купайла.—Въ замѣткѣ «Петривка и Петра» авторъ останавливается на выясненіи причинъ, почему этотъ постъ, несмотря на свою непродолжительность, считается крестьянами тяжелѣе великаго поста. Причинъ двѣ: истощеніе зимнихъ запасовъ хлѣба и овощей и отсутствіе новыхъ, а затѣмъ—тяжелая рабочая пора. Отсюда-то и явилась поговорка: «Петривка—голодивка, а Спасивка—ласивка». Постъ Петровскій, по словамъ крестьянъ, выдумали бабы, чтобы побольше собрать сыра. Интересны здѣсь два разсказа: о «Зозулѣ», признаваемой крестьянами проклятой своей матерью дочерью и о происхожденіи косы, придуманной «премудрымъ Соломономъ». Авторъ замѣтки «Изъ преданій о татарской ордѣ», учитель въ с. Карабіевкѣ староконст. у., Николай Перепелица, говоритъ, что хотя народъ нашъ забылъ объ ужасахъ татарскихъ набѣговъ, и что только пѣсней, не отдавая себѣ отчета въ томъ, о чемъ онъ поетъ, малороссъ будитъ въ своей душѣ воспоминанія объ этихъ страшныхъ, полузабытыхъ временахъ, однако эпоха татарщины не изгладилась окончательно изъ памяти народа, въ доказательство чего приводится авторомъ два народныхъ разсказа.

В. М-чъ помѣстилъ въ № 123 газ. «Волынь» замѣтку, «Крестины въ Волынской деревнѣ», написанную по лѣтописи м. Грицева, составленной священникомъ Дучинскимъ. Въ этой замѣткѣ, между прочимъ, приводятся крестинныя пѣсни, которыя, равно какъ и нѣкоторые крестьянскіе обычаи, вызвали довольно оживленную полемику на страницахъ Волыни. Въ № 125 г. П. Д., проживши въ заславльскомъ

уѣздѣ болѣе пятнадцати лѣтъ и близко, по его словамъ, знающій бытъ крестьянъ, совершенно отрицаетъ существованіе описываемыхъ обычаевъ на Волыни. Главнымъ образомъ П. Д. возражаетъ противъ обычая пѣть «крестинныя» пѣсни, указывая на то, что ни одно торжество въ крестьянскихъ семьяхъ не проходитъ такъ торжественно и чинно, какъ крестины. Сомнѣвается въ существованіи такихъ обычаевъ и г. Эмо и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на книгу А. Братчикова «Домашняя жизнь волынскихъ крестьянъ, ихъ нравы, обычаи и предразсудки». (Житомиръ, 1869 г.), въ которой также ничего не говорится о «крестинныхъ» пѣсняхъ.

Въ виду того, что В. М-чъ написалъ свою замѣтку по лѣтописи священника, бывшаго въ Грицевѣ 35 л. и, значитъ, знавшаго бытъ крестьянъ, интересно было бы провѣрить, существуетъ ли еще гдѣнибудь обычай пѣть крестинныя пѣсни.

Этнографическій отдѣлъ XII археологическаго съѣзда поставилъ, между прочимъ, своей задачей всестороннее знакомство съ кобзарями и лирниками, ихъ бытомъ, поэтическимъ матеріаломъ и степенью вліянія ихъ на окружающую среду. Съ этой цѣлью проф. Сумцовымъ былъ выработанъ рядъ вопросовъ для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ. На страницахъ «Харьк. Вѣдом. (№ 140) г. Кристъ дѣлится съ читателями собраннымъ матеріаломъ по этой программѣ.

Въ истекшемъ 1901 г. въ рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи Наукъ поступило громадное количество рукописей, перечисленныхъ въ «Извѣстіяхъ Академіи» т. XVI, № 2, 1902 г. Между поступившими рукописями находится не мало интереснаго матеріала, касающагося малорусскаго языка и народной словесности. Всѣ эти матеріалы поступили въ отдѣленіе Академіи изъ архива И. И. Срезневскаго. Значительная часть рукописей представляетъ собою или опыты словарей на отдѣльныя буквы или небольшіе словари мѣстныхъ говоровъ различныхъ уѣздовъ Черниговской, Полтавской, Херсонской и др. губерній. Матеріалы, какъ видно изъ описаній рукописей, собирались главнымъ образомъ учителями русскаго языка городскихъ школъ, частью священниками.

Отмѣчаемъ среди рукописей Словарь Я. Головацкаго, начинающійся отъ слова «вговорити» до «зятцейко» и Отрывокъ словаря Афан. Чужбинскаго отъ слова «комарь» до сл. «нять».

Къ составленію исторіи г. Харькова. Проф. Д. И. Багалѣй представилъ въ городскую управу отчетъ по составленію исторіи города за 1901 г. Въ 1901 г. продолжалось составленіе текста исторіи города Харькова по программѣ, утвержденной городскою думою. Составлены остальныя пять главъ первой части и закончена 11-я глава; 8-я глава—градостроительство, 9-я повинности городского населенія, 12-я наука, литература и искусство, 13-я состояніе церкви, 14-я домашній бытъ и нравы. Вносились прибавленія на основаніи новыхъ матеріаловъ въ прежнія главы; имѣется въ виду внести таковыя и въ нынѣ написанныя. Кромѣ того собирались виды и планы г. Харькова, портреты мѣстныхъ дѣятелей. Извлекались матеріалы изъ нѣкоторыхъ архивовъ и изъ полнаго собранія законовъ. Составлялась библіографія матеріаловъ для исторіи г. Харькова («Харьк. В.», № 165).

Въ рядѣ фельетоновъ (№№ 126, 129, 131, 132 и 133) газета «Волынь» напечатала очеркъ подъ заглавіемъ «Острогъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, исторія его и князей Острожскихъ». Очеркъ этотъ представляетъ собою переводъ съ польскаго воспоминаній о Волыни извѣстнаго польскаго историка-беллетриста І. Крашевскаго.

Фотографомъ Хмѣлевскимъ изданъ юбилейный альбомъ художественныхъ фототипій и геліогравюръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя, подъ названіемъ «Гоголь на родинѣ». Альбомъ состоитъ изъ 42 листовъ, на которыхъ отпечатано болѣе 70 различныхъ рисунковъ и портретовъ снимка, прямо относящихся къ памяти великаго писателя. Обложка альбома украшена виньеткой, посреди которой у подножья бюста Гоголя стоитъ вѣнчающая его красавица-малоросска. Къ альбому приложена въ видѣ предисловія небольшая статья В. Горлено подъ заглавіемъ «Родина Гоголя» и объясненія къ снимкамъ альбома.

Изданіе альбома, предполагавшееся ко дню пятидесятилѣтія смерти Гоголя, къ сожалѣнію, запоздало, тѣмъ не менѣе нужно думать что изданные Хмѣлевскимъ 1,000 экземпляровъ, въ виду прекраснаго ихъ исполненія, несмотря даже на сравнительно высокую плату (12 руб.) очень скоро будутъ раскуплены почитателями Гоголя. («Полт. В.», № 112).

Въ приложеніяхъ къ № 123 одного изъ большихъ берлинскихъ органовъ Norddeutsche Allgemeine Zeitung Георгъ Адамъ далъ обзоръ украинской литературы за послѣднія десятилѣтія подъ заглавіемъ «Von der modernen Kleinrussischen Literatur» Въ тепломъ и весьма сочувственномъ тонѣ, на основаніи обзора литературы д-ра Франка, помѣщеннаго на страницахъ «Літературно-Наукового Вістника», авторъ рисуетъ прежде всего положеніе украинской литературы на Украинѣ и Галиціи въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, а затѣмъ переходитъ къ новѣйшему времени. По признанію «Діла» это, безъ сомнѣнія, важное обстоятельство въ смыслѣ знакомства заграницы съ украинской литературой и ея развитіемъ. (Діло, № 129).

Въ № 139 «Діла» напечатана весьма сочувственная библіографическая замѣтка на сборникъ «Викъ».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Антінъ Грищуняк, єго жите та смерть і спадщина, яка по нім лишилася для нас. Друге виданне, доповнене. Перемишль, 1902.

Ayden-Rolling.—Flax: or Summer Days in zittle Russia (Эйденъ. Уборка льна. Очерки жизни лѣтомъ въ Малороссіи) London. 1902. Ц. 6 шил.

Ветуховъ, А.—Заговоры, заклинанія, оберечи і другіе виды народнаго врачеванія. Варшава, 1902.

Вовк Хведор.—Магдаленське майстерство на Украіні. Львів, 1902

Wlishaw. A.—Mazepra An Historical Novel. (А. Вишау. Мазепа. Истор. повѣсть) London. 1902. ц. 6 шил.

Гі-де-Мопасан. Горля. Оповіданнє. Переклала М. Грушевська. Львів, 1902.

Грушевський, М. Розвідки й материяли до історіі Україны-Руси. IV. Львів, 1902.

I Haus und Hof bei Rutxhenen II. Studien zur Etnographie der Ostkarpathen, Bukowina, Galizien; Ober ⊢Ungarn-Czernowtz.

Еремійчук, Д.—Кружок недільних проповідий. Чернівці, 1902.

Жерела до історіі Украіни-Руси. т. V. Галицькі акти. З р. 1649—1651. Материяли до историі Галичини. Зібрав і впорядкував Стефан Томашівській. Т. II, 1—411+354, 1901. У Львові, ц. 4 кор.

Золя, Емиль —Повінь. Оповіданнє. Переклад Івана Франка. Львів, 1902.

Кадлубовскій, Арс.— Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава, 1902.

Кузьма Олекса. Начерки, т. I., накладом Хайнацького. 172 стр.

Копко, М.—Наши думы, наши пѣсни. Перемышль, 1902.

Королевській, Ф.—Дві могилі. Оповиданнє з сібірського житя для молодіжі. Львів, 1902.

Крушельницький, Антін.—Артистка. Драма в чотирох актах. Коломия, 1902.

Лепкий, Богдан.—Листки падуть. Львів, 1902.

Львовичъ, В.—Народы русскаго царства. Сборникъ статей по этнографіи.

Материяли до укр.-руськоі етнольогіі. Виданнє етнографічної комісіі за редакциею Хв. Вовка. т. V. Гуцульщина. Написав проф. В. Шухевич. Третя часть. Львів, 1902.

О. Б.—Наука соціялістів, о скілько вона правдива, а о скілько хибна. Жовква 1901.

Павловъ, Н. М.—Слово о полку Игоревѣ. (Замѣтки объ изслѣдованіяхъ памятника и переложеніе на современный языкъ.) М. 1902.

Селянський, Любомир. Англійскі казки. З росийськоі мови. Львів, 1902.

Тобилевичъ И. (Карпенко-Карый). Хазяинъ. Комедія на 4 діи. Кыивъ, 1902 стр. 119, ц. 10 к.

Украінка, Леся.—Відгуки. Поезиі. Чернівці, 1902.

Францевъ, В. А.—Изъ эпохи возрожденія Угорской Руси. Львовъ 1902.

Хроніка Наукового Т-ва ім. Шевченка. За перший піврікъ 1902 р.

Цеглинський, Гр. Ворожбит, народна комедія въ 3-х діях, Львів., ц. 1 корона.

Шахъ-Пароніанцъ, Л. М. Эстетическія воззрѣнія Н. В. Гоголя. Кронштадтъ, 1902.

Шептицький Андрей.—О супружествѣ и родинѣ. Жовква 1902.

Его-же.—Наша вѣра. Жовква 1902.

Щурат, В.—Зарваниця. Другий наклад. Львів, 1902.

Юда Искаріот. Религійна легенда зъ англійського. Коломия. 1902.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 7-я. ІЮЛЬ, 1902.

I—КУСТАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛЪ ВЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—I-V—*Дм. Ярошевича.*—II.—МОЙ РОМАНЪ.—Часть вторая.—Окончаніе.—*Софьи Витте.*—III.—МОЯ ПОѢЗДКА ВЪ ШОТЛАНДІЮ.—Воспоминанія, наблюденія и замѣтки.—I. Глазговская выставка.—II. Англо-шотландскія параллели и церковь.—III. Шотландское воскресенье.—IV. Шотландская національность.—V. Шотландская политика.—VI. Народное просвѣщеніе.—VII. Глазговскій муниципалитетъ.—VIII. Прогулка за-городъ.—*С. И. Рапопорта.*—IV.—НА ПРИСТАНИ.—Разсказъ.—I-XII.—*Юл. Холостовой.*—V.—ФИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА въ ея прошломъ и настоящемъ.—I-II.—*П. О. Морозова.*—VI.—НАЦІОНАЛЬНАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ ГОГОЛЯ.—Очеркъ.—I-II.—*А. Я. Ефименко.*—VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I—IV.—С. М. Л—ва.—VIII — Кимъ — Романъ. Kim R. Kipling. Съ англ. *П-ны С-вой.*—IX.—СОВРЕМЕННЫЯ ЗАДАЧИ.—I-IV.—*Л. З. Слонимскаго.*—X.—ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.—Стих. *В. П. Маркова.*—XI—ХРОНИКА.—Американскій имперіализмъ и нынѣшніе его представители.—Письмо изъ Америки.—*П. А. Тверского.*—XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Высочайшій рескриптъ 10 іюня с. г.—Вопросы, переданные особымъ совѣщаніемъ обсужденіе мѣстныхъ комитетовъ.—Пренія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ саратовскомъ и курскомъ.—Разныя мнѣнія о мелкой земской единицѣ.—Пріостановка оцѣночныхъ работъ въ 12 земскихъ губерніяхъ.—Неправильный взглядъ на губернское земство.—Смѣшеніе фактовъ съ вымыслами.—Post-scriptum.—XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Конецъ южно-африканской войны.—Печальные итоги.—Содержаніе и характеръ мирныхъ условій.—Отсроченная коронація Эдуарда VII.—Политическія дѣла во Франціи.—Польскій вопросъ въ прусскомъ сеймѣ.—XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Луи де Сентъ-Обенъ. Тридцать девять пор-

третовъ 1808—1815. Фототип. воспроизвед. съ біограф. очерк. Изд. В. кн. Н. М.—И. П. Минаевъ. Путешествіе Марко Поло.—*А. П.*—Петръ Струве. На разныя темы (1893—1901). Сборникъ статей.—С. Г. Алексѣевъ, Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ, XVIII—XIX вв.—*Л. С.*—П. Г. Ганзенъ, Опытъ оздоровленія деревни.—*В. В.*—Новыя книги и брошюры.—XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Max Dreyer, Drei Shelmenstücke.—II Anatole France, L'affaire Crainquebille.—*З. В.*—XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Десятилѣтіе Городового положенія 1892-го года и совпадающее съ нимъ правительственное „обозрѣніе" с.-петербургскаго городского общественнаго управленія.—Своеобразный критерій оцѣнки правительственныхъ мѣропріятій и назначеній.—Предостереженіе, данное «Гражданину».—«Логика жизни» и обыкновенная логика.—Еще о дѣлѣ чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства.—Постоянное и временное устройство средней школы.—XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Владиміръ Соловьевъ, очеркъ В. Л. Величко.—Спасовичъ, В., и Пильцъ, Е., Очередные вопросы въ царствѣ польскомъ.—А. Манцони, очеркъ М. Ватсонъ.—Графъ Э. П. Беннигсенъ. Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ. Изъ замѣтокъ практика.—XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

ПОДПИСКА НА 1902-Й ГОДЪ

(ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

Контора журнала—С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на годъ—15 р. 50 к., на полгода 7 р. 75 к., на четверть года—3 р. 90 к.; съ доставкой въ Спб.: на годъ—16 р.; на полгода—8 р., на четверть года—4 р. Съ пересылкою: на годъ—17 р., на полгода—9 р.—8 р., на четверть года—5, 4, 4, 4 р. За границей: на годъ—19 р., на полгода—10 р.—9 р.; на четверть года—5, 5, 5, 4 р.

Подписка на первое полугодіе прекращена.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. Стасюлевичъ.*